

SLOVENSKA AKADEMIJA ZNANOSTI IN UMETNOSTI
ACADEMIA SCIENTIARUM ET ARTIUM SLOVENICA
RAZRED ZA FILOLOŠKE IN LITERARNE VEDE
CLASSIS II: PHILOLOGIA ET LITTERAE

Dela – Opera
38

Л. В. КУРКИНА

**ДИАЛЕКТНАЯ СТРУКТУРА
ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА
ПО ДАННЫМ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ**

NAREČNA STRUKTURA PRASLOVANSKEGA JEZIKA
V LUČI JUŽNOSLOVANSKE LEKSIKE

LJUBLJANA
1992

Л. В. Куркина
ДИАЛЕКТНАЯ СТРУКТУРА
ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА
ПО ДАННЫМ
ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

SLOVENSKA AKADEMIJA ZNANOSTI IN UMETNOSTI
ACADEMIA SCIENTIARUM ET ARTIUM SLOVENICA
RAZRED ZA FILOLOŠKE IN LITERARNE VEDE
CLASSIS II: PHILOLOGIA ET LITTERAE

Dela – Opera
38

Л. В. КУРКИНА

**ДИАЛЕКТНАЯ СТРУКТУРА
ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА
ПО ДАННЫМ ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ**

NAREČNA STRUKTURA PRASLOVANSKEGA JEZIKA
V LUČI JUŽNOSLOVANSKE LEKSIKE

LJUBLJANA
1992

SPREJETO NA SEJI
RAZREDA ZA FILOLOŠKE IN LITERARNE VEDE
SLOVENSKE AKADEMIJE ZNANOSTI IN UMETNOSTI
DNE 20. FEBRUARJA 1990
IN
NA SEJI PREDSEDSTVA
DNE 9. NOVBEMBRA 1992

UREDNIKA
AKADEMIK FRANČ JAKOPIN, SAZU
AKADEMIK O. N. TRUBAČOV, RAN

CIP – Kataložni zapis o publikaciji
Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana

808.6-321.2(04)

KURKINA, Ljubov' Viktorovna

Dialektnaja struktura praslavjanskogo jazyka po
dannym južnoslavjanskoj leksiki = Narečna struktura
praslovanskega jezika v luči južnoslovanske leksike /
L. V. Kurkina. – Ljubljana : Slovenska akademija
znanosti in umetnosti, 1992. – (Dela / Slovenska
akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke
in literarne vede = Opera / Academia scientiarum et
artium slovenica. Classis II: Philologia et litterae ; 38)

Cir.
ISBN 86-7131-067-1

32216576

СОДЕРЖАНИЕ

<i>PREDGOVOR (Franc Jakopin)</i>	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ: Проблема диалектных истоков южнославянской языковой группы	11
ГЛАВА I: Лексические изоглоссы как один из критериев диалектного членения праславянского языка	26
ГЛАВА II: Структурно-генетическая характеристика западно-южнославянских лексических диалектизмов	52
I. Лексические диалектизмы, структура которых не мотивирована системными отношениями праславянского языка	56
II. Западноюжнославянские лексические диалектизмы с родственными связями на уровне чередований	66
1. Западноюжнославянские диалектизмы с фиксацией степени <i>o</i> или <i>e</i> в корне	66
2. Западноюжнославянские диалектизмы с фиксацией корневого гласного в степени редукции	85
Корневой гласный в степени редукции по отношению к вокализму <i>o</i>	86
Степень редукции по отношению к исходному вокализму <i>e</i>	91
Степень редукции по отношению к степени удлинения	92
3. Западноюжнославянские диалектизмы с фиксацией долгой степени в корне	93
4. Западноюжнославянские диалектизмы, участвующие в билатеральных чередованиях	94
5. Реконструируемые по данным западноюжнославянских диалектов этимологические гнезда с полным набором ступеней чередования	97

ГЛАВА III: Лексико-словообразовательные диалектизмы западно-южнославянского ареала	111
Производные с формантом <i>-b-</i>	113
Производные с формантом <i>-d-</i>	113
Производные с формантами <i>-g-</i> , <i>-ž-</i>	116
Производные с формантами <i>-x-</i> , <i>-š-</i>	123
Производные с формантом <i>-j-</i>	125
Производные с формантами <i>-k-</i> , <i>-c-</i> , <i>-č-</i>	129
Производные с формантом <i>-l-</i>	136
Производные с формантами <i>-n-</i> , <i>-m-</i>	151
Производные с формантом <i>-r-</i>	164
Производные с формантом <i>-s-</i>	165
Производные с формантом <i>-t-</i>	167
Бессуффиксальные имена отглагольного происхождения	181
Приставочные образования	186
ГЛАВА IV: Основные изоглосные характеристики в их пространственно-временном распределении. Паннония как один из центров славянских миграций	198
РЕЗЮМЕ	216
POVZETEK	223
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	229
Языки и диалекты	244
УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ	245

PREDGOVOR

Avtorica monografije Narečna struktura praslovanskega jezika v luči južnoslovanske leksike je v slavističnem jezikoslovnem svetu znana moskovska slovenistka dr. L. V. Kurkina, znanstvena svetnica Ruske akademije znanosti. Že tretje desetletje sodeluje kot ena izmed avtorjev pri Etimološkem slovarju slovanskih jezikov, ki izhaja pri RAN pod vodstvom akademika O. N. Trubačova (od leta 1974 je izšlo 18 zvezkov) in pomeni skupaj s krakovskim praslovanskim slovarjem tretjo etapo vseslovanske etimološke leksikografije (za Miklošičem in Bernekerjem); področje L. V. Kurkine pri tem slovarju je etimološka obravnava slovenske leksike. Pričujoča razprava je nastala v neposredni zvezi z delom za slovar, tako da jo imamo upravičeno za vrh in sintezo njenega primerjalno-zgodovinskega in etimološkega raziskovanja slovanskih jezikov, še posebej južnoslovanskih, s slovenščino kot izhodiščem.

Avtorica razprave se v temeljnih postavkah drži zasnove tega etimološkega slovarja in njegove metodologije; to je razvidno tudi že iz njenih preddel, ki jih je objavila v Etimologiji 1972, 1977, 1982, 1984 in drugih jezikoslovnih publikacijah (npr. prispevki: Slovensko-vzhodnoslovanske leksikalne zveze, Južnoslovanske etimologije, K rekonstrukciji praslovanske leksikalne plasti v slovenskem jeziku, Slovensko-zahodnoslovanske leksikalne zveze, Praslovanski narečni izvor južnoslovanske jezikovne skupine, Nekaj vprašanj jezikovnega oblikovanja južnih Slovanov in panonska teorija J. Kopitarja).

V. svoji knjigi je L. V. Kurkina poleg dosežkov moskovskega uspešno združila in dalje razvila tudi izkušnje drugih pomembnih slovanskih etimoloških središč: ljubljanskega (F. Bezlaj), krakovskega (F. Sławski, W. Boryś), brnskega (V. Machek, F. Kopečný), varšavskega (H. Popowska-Taborska) idr. Osnovna novost razprave je v tem, da je avtorica na podlagi slovenskega jezikovnega gradiva, zbranega predvsem iz Pleteršnikovega Slovensko-nemškega slovarja (1894–1895) in tudi iz drugih virov, odkrila in rekonstruirala najstarejšo plast slovenskega besedja in jo primerjala z ustreznimi plastmi v drugih slovanskih jezikih; pri tem je ugotovila, kako ta leksika (in njeni besedotvorni načini) nekatere jezike s slovenščino družijo, druge pa od nje ločuje. Tako je zdaj na ravni besedišča zarisala podoben potek izoglos, ki so bile nekoč začrtane na ravni glasov in oblik. S pretanjeno etimološko razčlemba najstarejše leksike je ugotovila, da ni mogoče govoriti o južno-

slovanskem prajeziku in da je to jezikovno prostranstvo razdeljeno na zahodni in vzhodni narečni kompleks; s slovenščino najtesneje povezani sta hrvaška kajkavščina in čakavščina, medtem ko na drugi strani slovenščina kaže močne genetične vezi z zahodnoslovanskimi jeziki in le rahle z vzhodnim južnoslovanskim področjem (razen prvotno z bolgarsko-makedonskim) ter z vzhodnoslovanskimi jeziki. S to novo osvetlitvijo praslavskega narečnega stanja iz perspektive najstarejšega slovenskega besedišča je L. V. Kurkina precej omajala klasično delitev slovanskih jezikov na južne, zahodne in vzhodne; ozemlje nekdanje Panonije pred naselitvijo Madžarov je pridobilo na svojem pomenu kot časovno zadnji praslavski jezikovni in migracijski kotel, ki je odločilno sooblikoval jezikovna razmerja južnih Slovanov. V drugačni luči se pokaže tudi Kopitar-Miklošičeva panonska teorija in končno še jezikovno ozadje Brižinskih spomenikov.

Vsebina monografije je torej aktualna za slovensko in širšo slovansko leksikologijo, a prav tako tudi za primerjalno in zgodovinsko jezikoslovje sploh; besedilo je napisano zgoščeno, vendar privlačno. Zaradi reševanja ključnih vprašanj slovanskega etimološkega in zgodovinskega jezikoslovja in spričo jasnih in čistih izpeljav si bo ta razprava, ki je z izčrпно literaturo že pravi etimološki kompendij, nedvomno utrla pot med temeljna slavistična dela in si tam utrdila trajen položaj.

Slovenska akademija znanosti in umetnosti se je na podlagi poročila recenzentov, akademika Tineta Logarja, dopisnega člana SAZU Janeza Orešnika in podpisanega, odločila za natis monografije v ruščini z daljšim povzetkom v slovenščini, saj si bo s tem zagotovila širši krog bralcev, ki se bodo v njej seznanili s temeljnimi vprašanji slovenske leksikologije. Ta odločitev pa je občutno otežila izpeljavo natisa knjige, kajti tiskarne se za tako zapleteno in odgovorno delo niso mogle odločiti. Tej nevednosti se je pridružilo še dejstvo, da se je prav v tem času pri SAZU usodno poslabšala tudi gmotna podlaga za tisk. Z namenom, da bi stvar vseeno uresničili, se je zbrala skupina slavistov – Peter Weiss, Jože Sever, Janez Zor in Silvo Torkar –, ki je poznala znanstveno vrednost knjige in je bila jezikovno in računalniško sposobna pripraviti besedilo za razmnožitev (brez uradnih finančnih zagotovil). Glavnina tega zahtevnega dela je časovno sovpadla z letom slovenskega nacionalnega in državnega osamosvajanja, ko so poštne zveze z avtorico komaj še delovale (razpad SZ). Brez izredne delovne vneme, znanja, vztrajnosti, iznajdljivosti in domislenosti vseh sodelavcev in že kar virtuozne ustvarjalnosti, sistematičnosti in učinkovitosti Petra Weissa, ki je usklajeval vse postopke in reševal zapletena tipografska vprašanja, knjiga ne bi mogla iziti. Bralci bodo najbrž znali ceniti njihov prispevek. Zahvalo zasluži tudi tiskovni referent SAZU Dušan Merhar, ki je pomagal reševati gmotna in administrativna vprašanja.

V Ljubljani, 10. novembra 1992

Franc Jakopin

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема реконструкции древнейшей диалектной структуры праславянского языка и тесно связанная с ней проблема диалектных истоков для каждой из трех славянских языковых групп принадлежат к актуальным проблемам современной славистики. Решение этих проблем упирается в реконструкцию той лингвостранической ситуации, которая сложилась в переломную эпоху накануне окончательного расселения славян. Естественно, что воссоздать хотя бы некоторые стороны этого исторически важного периода в жизни славян, восстановить, если не во всей полноте, то хотя бы частично диалектное членение праславянского можно лишь на основе использования целого комплекса данных, полученных при изучении этногенетических процессов в разных областях знаний — истории, антропологии, археологии, лингвистики. Решающая роль в разработке вопросов славянского этногенеза принадлежит науке о языке. Лингвистический анализ, направленный на реконструкцию древнейших диалектов и установление наиболее значимых для них ареальных связей, предоставляет в распоряжение исследователей достаточно надежный материал, позволяющий делать выводы исторического характера.

На современном этапе развития славистики новые перспективы в разработке поставленных проблем открывают исследования по реконструкции праславянского лексического фонда славянских языков. Именно эти исследования способствовали формированию новой концепции праславянского языка, новому пониманию диалектного членения и развития праславянской языковой структуры. Путь к воссозданию диалектной карты праславянского языка лежит через исследование методом изоглосс древнейшего словарного состава отдельных славянских языков и диалектных групп. В настоящем исследовании древнейшая диалектная структура праславянского оценивается с позиции одного из южнославянских языков — словенского, тесно связанного с западными диалектами сербохорватского языка. В центре нашего внимания будет лексика, отличительно характеризующая словенский язык в кругу южнославянских языков. Эта лексика, исследуемая в структурно-генетическом плане и в плане ареальных связей, дает некоторые основания для выводов об основных моментах эволюции западноюжнославянского диалектного комплекса в системе праславянского и об участии диалектов этого комплекса в формировании южнославянской языковой группы.

Настоящее исследование выполнено в Отделе этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР, где с 1961 г. под руководством академика РАН О. Н. Трубачева ведется работа над «Этимологическим словарем славянских языков». К настоящему моменту опубликовано 18 выпусков словаря. Наш опыт изучения диалектной структуры праславянского самым тесным образом связан с работой над словарем и представляет собой продолжение и развитие концепции праславянского, лежащей в основе этого словаря.

Выражаю глубокую благодарность Ж. Ж. Варбот, Е. М. Верещагину, В. А. Дыбо, О. М. Младеновой, И. Стоянову, С. М. Толстой, О. Н. Трубачеву, Г. А. Цыхуну, прочитавшим рукопись и сделавшим ценные замечания, по возможности учтенные в работе.

Настоящая работа не могла бы быть выполнена без помощи и поддержки со стороны моих словенских коллег. Во время кратких посещений Словении я имела возможность ознакомиться с литературой по проблемам словенской этимологии, редкими диалектными словарями. Большую помощь в этом оказали мне коллеги по Философскому факультету Люблянского университета, сотрудники библиотеки, за что я им всем очень благодарна. Особая моя благодарность проф. Ф. Безлаю, который своими лекциями, консультациями помог мне войти в проблематику словенской этимологии. Не могу не выразить искренней признательности проф. Т. Логару за консультации, которыми я постоянно пользовалась, и неизменно доброжелательное отношение к моей работе. Работа увидела свет благодаря помощи и участию проф. Ф. Якопина, за что я приношу ему сердечную благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема диалектных истоков южнославянской языковой группы

Исследования последних десятилетий, ориентированные на реконструкцию праславянского лексического фонда, работы по составлению Общеславянского лингвистического атласа и региональных атласов, внесли существенные изменения в традиционные представления о праславянском языке. Ключевым, определяющим для этногенетических построений стало понимание праславянского языка как системы сложной, развивающейся, диалектно дифференцированной. Переосмыслен и сам механизм развития: прямолинейные схематичные построения в духе теории родословного древа уступают место более сложным представлениям о процессе развития, вытекающим из положения о динамичности праславянского языка, незамкнутости, проницаемости занимаемой им территории (Трубачев 1974). «Необходимо считаться с подвижностью праславянского ареала, — пишет О. Н. Трубачев, — с возможностью не только расширения, но и сокращения его, вообще, — с фактом сосуществования разных этносов даже внутри этого ареала, как и в целом — со смешанным характером заселения древней Европы, — далее с неустойчивостью этнических границ и проницаемостью праславянской территории» (Трубачев 1982, 12). Праславянский язык, видимо, характеризовала сложная система диалектных отношений, которая неоднократно перестраивалась под воздействием многих факторов лингвистического и экстралингвистического характера (давление субстрата, процессы интерференции и интеграции на смежной территории, факторы культурно-исторического характера и т. п.). В свете новых идей пересматривается традиционное положение о трехчленной структуре праславянского. Как показывают последние исследования, западнославянская языковая группа сложилась на основе консолидации трех диалектных групп: чешско-словацкой, лехитской и серболужицкой, причем серболужицкие диалекты, для которых прослеживаются древние генетические связи с юго-восточными диалектами праславянского, лишь на сравнительно позднем этапе развития сблизились с прапольским диалектом и постепенно вошли в сферу влияния диалектов лехитской группы.¹

---

1 *Шустер-Шеви Х.* Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // ВЯ № 2, 1983, 33–60; *Он же.* Язык лужицких сербов и его место в семье славянских языков // ВЯ № 6, 1976, 70–86.

Известно, что южные славяне пришли на Балканы и в Восточные Альпы не раньше VI–VII вв. Это обстоятельство и факт определенно выраженной неоднородности южнославянской языковой группы были причиной того, что некоторые слависты (Рамовш, Коларич, Копечный, Поржезинский, Ляпунов, Мирчев) ставили под сомнение существование южнославянского праязыка, хотя и допускали, что южнославянские племена до вторжения на Балканы некоторое время жили вместе в северной или северно-восточной древней Паннонии. Вопрос об истоках южнославянской языковой группы имеет принципиальное значение для понимания процесса формирования и механизма развития языков и диалектов, занимающих территорию к югу от Дуная. Важно выяснить, содержит ли южнославянская группа протоюжнославянское наследие, или эта группа сложилась на основе смешения разных славянских племен, перемещавшихся двумя потоками через Паннонию и Дакию; что в диалектной структуре южнославянских языков можно считать продолжением праславянского состояния, а что сложилось в эпоху миграций и освоения новой родины.

В своих выводах о развитии диалектной структуры праславянского языка наука опирается главным образом на критерий изофон и изоморф. Лишь в последнее время в связи с активизацией лексикографической работы и развитием нового направления — праславянской лексикографии — стали использоваться и данные лексики. В основу генетической классификации славянских языков положен принцип последовательной стратификации во времени и пространстве определенной совокупности фонетических и морфологических явлений, соотносимых с праславянской эпохой. Каждая из славянских языковых групп, образуемая пересечением разнонаправленных изоглосс, предстает как результат постепенного, многоступенчатого деления праславянского языка. В соответствии со сложившейся традицией (Lehr-Spławiński 1946) истоки южнославянской языковой группы связывают с тем периодом развития праславянского, когда вслед за первым разделением исходной монолитной системы на два диалекта — западный и восточный — происходит расщепление восточного диалекта, выделение в его составе южнославянского праязыка и как следствие этого процесса — образование нового противопоставления север–юг. Следующую, третью фазу в перегруппировке праславянских диалектов связывают с процессом сближения южных славян с предшественниками чешских и словацких племен. Языковым знаком совместных переживаний служит одинаковое преобразование сочетаний *tert, telt*. С учетом этих трех исходных этапов эволюции распределяются во времени и пространстве южнославянские изоглоссы. Традиционная схема предстает в несколько преобразованном виде в тех теориях, которые придают решающее значение противопоставлению запад–восток. Соответственно при осмыслении проблемы генетических истоков южнославянской языковой группы акцентируется внимание на производно-

сти южных славян от восточных (Hamm) или подчеркиваются преимущественные связи южных и западных славян, и на этом основании строится гипотеза о западнославянском происхождении южных славян (Nalera; Moszyński, Штибер).

В современной славистике, благодаря достижениям славянской лингвистической географии и праславянской лексикографии, происходит переоценка традиционных выводов в двух направлениях. С одной стороны, исследования, базирующиеся на более широком и углубленном изучении языковых фактов, вносят изменения в хронологию основных фонетических явлений, в результате чего процессы, традиционно относимые к эпохе раннепраславянского, в современных исследованиях приближены во времени или совпадают с эпохой активного освоения новой родины. С другой стороны, новейшие работы показывают, что восстанавливаемые для праславянского языка древнейшие изоглоссы имеют более сложную конфигурацию и не укладываются в традиционную схему деления исходной системы. Прерывистые изоглоссы, связывающие разные части славянского пространства, являются показателями более сложных диалектных отношений, чем простое деление праславянского сначала по вертикали на запад и восток, а затем по горизонтали с вычленением двух ареалов — северного и южного.

Так, к числу важнейших показателей древнейшего диалектного членения праславянского относят изменение сочетаний *tl*, *dl*, но по новым данным, основанным на изучении германских заимствований в славянских языках (ср. *Гълѣбъ* < *Gьdlѣbъ* < др.-норв. *Gudleifr*, др.-швед. *Gudlefr*) и славянской топонимии на территории Греции (ср. *Σέλος* — *Selo*, *Μουσίλα* — *Močilo* и т. п.), это преобразование датируется более поздним временем — не ранее IV в. и не позднее VII в. (Furdal 27–28). Сочетаниям *tl*, *dl* соответствуют три типа соотносительных изоглосс, территориально распределяющихся следующим образом: без изменения сохраняют группы *tl*, *dl* западнославянские языки, северо-западная часть словенского языка; рум. *močirlă* < *močidlo* свидетельствует о том, что сочетание *dl* было и в некоторых диалектах восточной части южных славян.² Упрощение групп *tl*, *dl* происходит в восточно- и южнославянских языках, а также в отдельных западнославянских диалектах, а именно: в западной части нижнелужицкого языка (ср. *buliś* ≠ *hydliś* 'жить', *wiły* ≠ *widly* 'вилы'), среднесловацком диалекте (ср. *šilo*, *salo*, *mylo* при сохранении *dl* в причастиях *viedla*, *padla*). Кроме того, наблю-

2 Из обширной литературы на эту тему отметим лишь наиболее важные исследования: Troubetzkoy N. Die Behandlung der Lautverbindungen *tl*, *dl* in den slavischen Sprachen // *ZfslPh*, Bd. 2, 1925; Tesnière L. Les diphtonges *tl*, *dl* en slave // *RÉS*, vol. 13, 1933; Зализняк А. А. К исторической фонетике древненовгородского диалекта // *Балто-славянские исследования* 1981. М., 1982, 76–79 (с указанием основной литературы).

дается преобразование в направлении *tl, dl > kl, gl* (ср. аналогичное развитие в балтийских языках: лит. *ėglė*, лтш. *egle* 'ель') в северо-западных говорах русского языка, в кашубско-словинской области, некоторых польских говорах (говоры Мазовья), отмечены случаи подобного изменения и в среднесловацком диалекте (ср. *ožkla, meglit'* и т. п.³). Как видим, продолжения сочетаний *tl, dl* получают более сложное пространственное выражение и не совпадают с предполагаемым делением праславянского на две части — западную и восточную. (Подробнее см. Popowska-Taborska 1991, гл. V.)

Не подтверждает гипотезы о первоначальном противопоставлении западных и восточных диалектов и изоглосса *kv, gv/cv, zv*. Новейшие исследования показывают, что II палатализация, датируемая по данным топонимии VI–VII вв., не захватила многие русские говоры (говоры Вологодской, Тамбовской, Оренбургской, Орловской, Тульской и других областей), для которых трудно предположить западнославянское влияние. Изоглосса *kv, gv*, достаточно далеко продвинутая на восток,⁴ является частью общего комплекса пересекающихся изоглосс, указывающих на иной характер соотношения праславянских диалектов.

Пересмотра и переоценки требуют изоглоссы, которые традиционно считаются релевантными для южнославянской языковой группы. Со времени Ягича (Jagić, Einige Streitfragen) утвердилось мнение, что южнославянский праязык сложился благодаря следующим инновациям: 1) *ařt-, ařt-* > *ra-, la-* при сев.-слав. *ro-, lo-*, 2) *ę* > *e* при сев.-слав. широком открытом гласном (ср. словен., с.-хорв. *pet* и рус. *пять*), 3) *i < y*, 4) депалатализация согласных перед гласными переднего ряда, 5) окончание *ę* в род. п. ед. ч. основ на *-iā, -iō* при сев.-слав. *ě* (ср. ст.-слав. *доуша* и др.-рус. *душѣ*),

3 П. Ондрус считает, что в этих среднесловацких примерах произошла реставрация старых групп *tl, dl*. См.: Ondrus P. Zmena *tl, dl* na *kl, gl* v sredoslovenských nárečiach // Jazykovedný časopis 1962, XIII, 1, 70–75. Несколько иначе объясняет эти формы З. Штибер: среднесловацкие формы с *kl, gl*, как и аналогичные севернославянские формы, развились из *tl, dl*. См.: Stieber Z. Nowe osiągnięcia gramatyki porównawczej języków słowiańskich // RSI XXVIII, 1, 1967, 20.

4 Об отражении сочетаний *kv, gv* в славянских языках см.: Шахматов А. А. Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка. Изд. 3-е. 1920, 120; Jurkowski M. Losy prasłowiańskich grup **kv-, *gv-, *zv-* // Z polskich studiów slawistycznych. Seria druga. W-wa, 1963, 51–64; Stieber Z. W sprawie pierwotnego podziału dialektalnego języka prasłowiańskiego // Symbolae linguisticae in honorem G. Kuryłowicz. Wrocław etc., 1965, 305; Idem. Problem najdawniejszych różnic między dialektami słowiańskimi // Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowiańskiej. Wrocław etc. 1968, 88–98; Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных народных говоров) // Псковские говоры. Псков, 1968, т. II, 20–43; Зализняк А. А. Указ. соч., 75–79.

6) окончание *-омь* в тв. п. ед. ч. основ на *-о* при сев.-слав. *-ьтъ* (ст.-слав. *градомь* и др.-рус. *градьмь*), 7) действительное причастие наст. вр. на *-у* при сев.-слав. *-а* (ср. ст.-слав. *несы* и др.-рус. *неса*), 8) союз *да* и т. п. Но изоглоссы, которые, как полагают, определили противопоставление север-юг, неоднородны по составу и имеют разную хронологическую глубину, многие из них сложились поздно, уже в эпоху самостоятельного развития славянских языков. К специфически поздним балканским новообразованиям следует отнести южнославянскую форму инфинитива с союзом *да*. В историческую эпоху происходит смешение *i* и *y*: в сербохорватском еще в XII в. встречаются записи *mi* $\equiv$ *my*, *vami* $\equiv$ *vamy*, в болгарском правильное употребление *y* прослеживается до XIII в. (Furdal 88),⁵ более того, следы произношения *y* сохраняют современные говоры родопского края. Утрата ринезма в славянских языках происходила в IX–XI вв. Такой признак, как широкое *ǎ* на месте *ǣ*, едва ли можно признать исключительно севернославянским, так как тот же рефлекс *ǣ* знают некоторые южнославянские диалекты в позиции после мягких согласных: ср. с.-хорв. чак. *žaja* < *žǣdja, ю.-макед. *māso* < *mǣso*. Отдельные грамматические формы выходят за пределы южнославянского ареала. Так, окончание тв. п. *-ом* характеризует серболужицкие языки (ср. в.-луж. *z čłowjekom*, н.-луж. *z słowjekom* предпологается оно и для среднесловацкого диалекта (Stanislav. Dejiny 134; Krajšović 102). По всей видимости, правы те, кто сомневается в возможности выделения в системе праславянского специфически южнославянских черт (Furdal 85). Гипотеза о существовании южнославянского праязыка как особой самостоятельной системы в пределах праславянского опирается на некоторые морфологические показатели (форма причастия на *-у*, окончание существительных *-ǣ*) и на факт сохранения исключительно южнославянскими языками древнейшего индоевропейского термина **desnǣ(jь)* 'правый', соотносительного с лит. *dėšinas*. Но с точки зрения лингвистической географии южнославянский языковой ареал может рассматриваться как периферия по отношению к северной территории, занимаемой славянами накануне расселения. Южная периферия сохраняет архаичные явления (ср. закономерное развитие ю.-слав. *-у* из *-onts*), на нее не распространились севернославянские новообразования (ср. форму причастия на *-а*). На этом основании некоторые исследователи определяют южнославянский как «архаизирующий праславянский» (Иванов 1982, 224). При отсутствии специфически южнославянских новообразований едва ли правомерно предполагать для южных славян ступень отдельного существования в рамках праславянского (Brozović) даже для ограниченного периода

5 См. еще: Мирчев К. Следы от стб. *ы* в говора на село Калапот, Зъхненско // В чест на проф. Л. Милетич. София, 1933, 66–69; Кабанов Ст. За някои характерни старинни черти на тихомирския говор, Кърджалийско // Език и литература XVIII/1, 1963, 11–26.

(Birnbaum 195). Взаимосвязь и языковое единство южных славян свидетельствуют не столько об обособленности развития, сколько о сохранении праславянского наследия. Южнославянская языковая общность, видимо, складывается как союз близкородственных языков/диалектов уже в условиях жизни на новой родине.

Положение лингвистической географии о центре и периферии методологически важно для понимания того, как складывалась языковая дифференциация на рубеже двух эпох — балканской и добалканской. Диалектная структура позднего праславянского сохраняет наибольшую преемственность с тем ареалом, который был последней территорией, занимаемой славянами перед расселением. Оставляя в стороне проблему прародины славян, мы опираемся на положение о динамичности праславянского ареала и исходим из того, что на разных этапах славянских миграций возникали свои центры и периферии, но в плане лингвоэтнических процессов, определивших структуру и географию славянских языков, важно именно последнее соотношение центра и периферии. Последняя остановка славян и была тем центром, откуда шли колонизационные потоки в разных направлениях. По сведениям исторических источников (Иордан), к середине V в. славяне делились на антов и склавеннов и занимали территорию к северу от Дуная и, в частности, размещались в Среднедунайской низменности. Славяне, видимо, проникли на эту территорию, входившую в состав древней Паннонии, путем ранней инфильтрации в составе варварских народов вместе с гуннами, готами, аварами и т. п., но к VII в. Паннония уже стала областью с преобладающим славянским этносом. В пользу гипотезы об освоении славянами этой территории говорят многочисленные гидронимы и топонимы славянского происхождения по обе стороны Дуная на землях современной Венгрии (Трубачев 1982, 7–9), а также упоминаемые в исторических источниках глоссы *strava* и *medos*, для которых наиболее правдоподобной остается славянская атрибуция (Porović 1961). Польский лингвист Т. Милевский, осмысливая процесс языкового развития, высказал предположение, что именно область Паннонии, а также земли к югу от Карпат образовывали центральную зону, где складывались важнейшие инновации, предопределившие последующее развитие диалектных отношений позднего праславянского (Milewski). Именно к этой эпохе восходят истоки основных фонетических процессов, активная реализация которых приходится на период миграций и освоения новой родины (VII–XII вв.), а именно: 1) преобразование сочетаний *tert*, *telt*, датируемое по данным славяно-германской топонимии VIII–IX вв.,⁶ 2) утрата носовых, 3) изменение *ě*, 4) развитие *y > i*, 5) утрата праславянских интонаций, 6) депалатализация согласных, 7) переход *g > h*. Тенденции, исходившие из центра, с разной сте-

6 Schwarz E. Zur Chronologie der slavischen Liquidenumstellung in den deutsch-slavischen Berührungsbereichen // ZfslPh 4, 3/4, 1927, 367–368.

пенью интенсивности проявлялись в периферийных областях. В зависимости от характера и силы воздействия центра Т. Милевский различает три периферии: ближнюю, среднюю и дальнюю. Ближайшей периферией с малым числом архаизмов признаются области словенско-чакавская и южнорусская. К средней периферии отнесены области севернорусская и польская. Дальней периферией, сохранившей наибольшее число архаизмов, по мнению Милевского, были, с одной стороны, область болгаро-македонская, а с другой, полабско-поморская. Перекрестными изоглоссами связываются все три периферии, сохраняющие в силу своей удаленности от центра наиболее архаичное состояние. Так, признак сохранения носовых является общим для словенских диалектов (ближняя периферия), лехитской области (средняя периферия) и болгаро-македонских говоров (дальняя периферия). Отступления от закономерного преобразования сочетаний *tert, telt* на основе метатезы плавных или передвижения границы слога наблюдаются в болгаро-македонских и лехитских диалектах, а именно в полабском и кашубско-словинском (ср. цслав. млад- и малдичиѣ, блато и бал'тина, полаб. *vórtě, vorno*, словин. *varla* и т. п. — Popowska-Taborska 1987, 234–238). Разные части трех периферий объединяет и такой признак, как сохранение взрывного *g*: севернорусские диалекты, лехитская область, большая часть территории южнославянских языков. С расширением материальной базы исследования, с введением других параметров, функционально значимых для системы праславянского (ср., в частности, показатели тв. п. *-ŕ* и *-oŕ*, результаты преобразований *-ořt, -ořt* и т. п.), мы получим еще более сложную и дробную картину изоглоссных связей, в которой взаимодействуют системы унаследованных генетических отношений с той системой связей, которую определяет отношение центра и периферии на разных этапах развития праславянского. Положение осложняется еще тем, что на периферии, с которой связывается понятие архаизма, складываются свои инновации, анализ которых сопряжен с большими трудностями, поскольку мы не располагаем надежными критериями для хронологического расслоения языкового материала.

Проблема лингвистического этногенеза славян сводится, по существу, к поискам генетических связей восстанавливаемых древнейших диалектов в пределах славянского ареала и шире — в кругу индоевропейских языков. Но в силу ряда причин внешнего порядка поставленная проблема едва ли разрешима в полном объеме. Современные славянские языки в сильно преобразованном виде продолжают диалектные отношения, унаследованные из праславянской эпохи. Диалектная структура языка всегда является следствием сложного комплекса причин, соотношение и воздействие которых неодинаково в разное время и в разных частях языкового пространства. Праславянский язык V–VIII вв. предстает как диалектно дифференцированная система. Определяющим фактором языкового развития было взаимодействие двух противоположных тенденций, одна из которых была вызвана расширением занимаемой славянами

территории и вела к усилению языковой дифференциации, а другая способствовала сближению, интеграции близкородственных диалектов в условиях, когда племенные союзы превращались в устойчивые территориально-государственные образования. Вследствие указанных процессов, осложненных воздействием субстрата, миграциями населения и т. п., диалектные отношения, характеризующие славянские языки, не имеют прямого, точного соответствия на плоскости праславянского. Поэтому традиционная генетическая классификация славянских языков, строго говоря, носит условный характер, поскольку она исходит из представлений об отличительных особенностях современных славянских языков и опирается на факт общности территориального и культурно-исторического развития славянских языковых групп.

Любая генетическая классификация языков включает в себя элементы типологической, ареальной классификации.⁷ Южнославянская языковая группа, определяемая по географическому положению, имеет некий общий тип структуры со своими собственными характеристиками в рамках славянского целого. Одни характеристики обусловлены генетическим родством, другие являются результатом длительного конвергентного развития, взаимодействия с неславянскими языками в условиях балканского языкового союза.⁸ Генетическая классификация в собственном смысле этого слова должна определять изначальные отношения древнейших диалектов и диалектных групп, выделяемых в составе славянских языковых семей.

Формирование южнославянской языковой группы протекало под воздействием двух факторов. С одной стороны, на Балканах тесные языковые контакты способствовали развитию межъязыковых связей и созданию балканского языкового союза, а с другой стороны, противоположные процессы, обусловленные целым рядом причин, привели к разделению южнославянской языковой области на два ареала — западный и восточный — и образованию двух диалектных комплексов. Наиболее существенным и, бесспорно, древним показателем этого противопоставления можно считать преобразование групп *tj*, *dj* в направлении словен. *č*, *j*, с.-хорв. *ć*, *đ* и болг. *št*, *žd*. Видимо, истоки этого явления восходят к периоду совместной жизни славян.⁹ Преобразование шло через промежуточную ступень,

7 *Löttsch R.* Zum Verhältnis zwischen der genetischen, typologischen und arealen Klassifizierung der slawischen Sprachen und Dialekte // *ZfSl*, Bd. 27, H. 3, 1982, 356–363.

8 *Birnbaum H.* A typological view of Serbo-Croatian; some preliminary considerations // *Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику XXVII–XXVIII*. Нови Сад, 1984, 77–84; *Alexander P.* Areal linguistics and South Slavic linguistics: the case of Balkan Slavic // Там же, 39–41.

9 См.: *Белић А.* Прилози историји словенских језика // *ЈФ* IV, 1924, 16–17; *Ф. Рамовш* относит это преобразование к балканской эпохе. См.: *Ramovš F.* Une isoglosse čakavo-kajkavienne // *RÉS* III, 1923, 48–58.

определяемую как $\bar{t}'$, $\bar{d}'$ или t' , d' ,¹⁰ подтверждением чему служит графическая передача tj , dj через k , c , g во Фрейзингских отрывках. Но конечные результаты этого процесса складываются, по всей видимости, в эпоху жизни славян на новой родине (середина VIII в.). К другим показателям противопоставления южнославянских ареалов могут быть отнесены следующие явления: 1) совпадение редуцированных $\bar{z}$, $\bar{b}$ в одном гласном в словенском и сербохорватском; 2) сохранение губной артикуляции для носовых в западной части ($\varphi >$ словен. o , с.-хорв. u) и развитие $\varphi > a$, $\bar{z}$ в восточной части; 3) сохранение музыкального ударения в западной части, противопоставление долгих и кратких гласных под ударением, различие между долгим восходящим и долгим нисходящим ударением; 4) окончание род.-вин. п. м. и ср. р. местоимений и прилагательных $-ga$ в западной части и $-go$ в древнеболгарском; 5) окончание 1 л. мн. ч. наст. вр. $-mo$ в словенском и сербохорватском и $-mъ$ в древнеболгарском; 6) окончание 3 л. ед. ч. наст. вр. $-tъ$ в древнеболгарском и отсутствие этого окончания в словенском и сербохорватском (Porović 303–311). В словенском языке и хорватско-кайтавском диалекте представлены формы инфинитива и супина, в чакавских говорах и большей части штокавских диалектов существует только форма инфинитива. На этой территории и далее к востоку форма инфинитива исчезает, в функции инфинитива выступает конструкция *да* + презентная форма глагола. В восточной части южнославянских языков получает сложное выражение система видо-временных отношений, но почти полностью утрачено склонение. Напротив, западнославянские диалекты отличает богатство падежных форм и менее дифференцированная система видо-временных отношений (Ивић 1958). Противопоставление прослеживается и в системе именного словообразования: в западной части абстрактные существительные образуются с помощью суффикса $-ot'a$, в восточной $-ota$ (ср. словен. *lahkoća*, с.-хорв. *lakoća* — болг. *лекота*). Преимущественно западным ареалом ограничено распространение суффикса $-aća$ в *nomina agentis* и *nomina instrumenti* и $-it'ъ$ в качестве показателя деминутивов (ср. с.-хорв. *nožić* : *nož*) (Бошковић 31–32; Ivić 38; Porović 16, 310). Наблюдаются и различия в лексике диалектов западного и восточного ареалов, о чем будет речь ниже. Развитие противопоставления на южнославянской территории связывают с двумя потоками славянских миграций, которые шли через Дакию и Паннонию. Углублению различий способствовало и то обстоятельство, что на новых землях славяне оказались втянутыми в разные сферы культурного влияния (в западной части преобладает влияние позднеримской культуры, в восточной — греческой), их развитие протекало в разных системах государственных образова-

10 *Rospond St.* O zasięgu *št*, *žd* ← ps. *tj*, *dj* w nazewnictwie pd. słowiańskim // MJ XXVII, 1976, 81–119.

ний. Противопоставление двух южнославянских ареалов, во многом обязанное интеграции диалектов в новых культурно-исторических условиях, перекрыло и таким образом стерло более древнюю диалектную структуру южнославянских языков.

Южнославянское языковое пространство представляет собой непрерывный диалектный континуум, в пределах которого, по данным современной диалектологии, выделяются, по меньшей мере, четыре диалектные зоны (северо-западная, юго-восточная, область штокавского и торлакского диалектов), каждая из которых имеет свои генетические истоки. Для решения проблемы лингвистического этногенеза южных славян необходимо выяснить, в какой степени каждый из диалектных комплексов сохраняет генетическое тождество на всем протяжении развития и что в составе этих комплексов может быть проецировано на плоскость праславянского языка. Пересмотр традиционных взглядов на происхождение южных славян с позиции отдельных южнославянских диалектов обещает открыть новые аспекты в системе взаимоотношений славянских диалектов и их распределении на карте праславянского. Путь к решению поставленной проблемы лежит через исследование частных систем методом изоглосс, установление наиболее значимых сепаратных связей южнославянских диалектов с разными частями севернославянского ареала и в первую очередь с языками и диалектами западнославянской группы. Исследования, ведущиеся в этом направлении, уже дают некоторый материал, позволяющий судить о характере отношений двух указанных ареалов. Так, выявлены некоторые общие явления для болгарского языка и лехитской (точнее севернолехитской) группы диалектов: 1) отсутствие протезы *ja*, 2) отражение *ě* в виде *ä*, 3) сохранение аффрикат *z* и *z'*, 4) отклонения от метатезы плавных, 5) лексические соответствия (Цонев, 38–39). В этих сходениях усматривают отражение старой связи предков македонцев и болгар с предками поморян и поляков (Бернштейн 1965). В самое последнее время предмет пристального внимания стали изоглоссы, объединяющие словенский и серболужицкие языки: 1) окончание тв. п. ед. ч. в форме *-om*, 2) окончание 1 л. мн. ч. глагола *-mo*, 3) глагольный суффикс *-no*, выступающий в словенском в форме *-ni*,¹¹ в верхнелужицком *-du*, 4) частич-

11 Глаголы с показателем *ni/-ne* засвидетельствованы во Фрейзингских отрывках: ср. *uclepenih* (II 54) < *vъklepenъ от *vъklepnoti* = словен. *vkléniti*. Лингвогеографические исследования (см. *Lencek R. Is there a -ni- : -ne-isogloss in the South Slavic speech area?* // 36. Матице Српске за филологију и лингвистику XXVII–XXVIII. Нови Сад, 1984–1985, 335–403) показывают, что изоглосса *-ni/no-* охватывает не всю область словенского языка. В разных частях словенской территории встречаются глаголы с другим показателем *-no/-ne*. Таковы диалекты Резии (*zdinot : zdinen*), восточной Штирии (*vzdignoti : vzdignen*), Прекмурья (*povzdignoti : povzdignen*). Изоглосса *-ni/-ne* частично распространяется на диалекты сербохорватского языка.

ное изменение $dl > l$, 5) тенденция к депалатализации согласных перед гласными переднего ряда, 6) возможность развития $g > h$, 7) многочисленные лексические схождения: ср. н.-луж. *jęšćeje* мн. ч. 'устье печи' ~ словен. *istéje* мн. ч. то же, в.-луж. *zelić* 'громко ругаться' $\approx$ *zolić ~ словен. диал. *zoliti* 'кричать, плакать', н.-луж. диал. *hobisko* $\approx$ *hobistko* 'почки' ~ словен. *obíst* то же и т. д. (Schuster-Šewc 1977, 437). Но в целом разработка этой проблемы находится пока еще в стадии первых предварительных наблюдений. Накопленный опыт исследований в лингвогеографическом плане позволяет перейти от выборочного изучения отдельных фрагментов диалектных отношений к систематическому и всестороннему обследованию указанных диалектных комплексов с учетом данных лексического уровня. В настоящий момент целесообразно сосредоточить усилия на изучении северо-западной группы диалектов, для которой в значительной степени прослеживается историческая непрерывность во времени. Это, по определению А. Белича, «первое южнославянское языковое единство» объединяет словенский язык с кайкавским, чакавским, цчакавским и западноштокавским диалектами сербохорватского языка. Некоторые исследователи, учитывая достаточно определенные отличия этого диалектного комплекса, выделяли его в самостоятельную языковую группу и таким образом строили четырехчленную генетическую классификацию славянских языков (Кореšný; Brozović 51).

Северо-западная группа диалектов занимает сравнительно небольшую территорию. Словенский язык, на котором говорят в Республике Словении, в древности имел более широкое распространение, в область его распространения входили земли Австрии, Италии (Ramovš. *Nar. enc.* IV). Словенский язык отличается большая диалектная дробность. По классификации Ф. Рамовша, на территории словенского языка насчитывается не меньше 40 диалектов, объединяемых в семь диалектных групп.¹² Граничащий с ним хорватско-кайкавский диалект занимал территорию к северу от Купы — жупании Вараждинская, Загребская, Крижевецкая, северная часть Беловарской, далее Междумурье, северная часть Хорватского Приморья и Истрии. Кайкавский диалект частично захватывает Славонию (Подравина), небольшие кайкавские поселения по реке Драва находятся в Венгрии. В кайкавскую языковую область большими островами вклинивается штокавский диалект. На кай-

12 *Ramovš F.* Dialektološka karta slovenskega jezika. Ljubljana 1931. — О современном состоянии словенской диалектологии, об изменениях в классификации словенских диалектов см.: *Logar T.* Današnje stanje in naloge slovenske dialektologije // *JiS* VIII, 1–2, 1962–63, 1–6; *Idem.* O pripravah za slovenski lingvistični atlas // *Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace językoznawcze.* T. LX, zeszyt 5. Kraków, 1963, 399–403; *Idem.* O nastanku slovenskih narečij // *JiS* X, 1, 1965, 2–6.

кавской территории вычленяется три диалектных пояса: восточный ($tj, dj > \acute{c}, \acute{d}$), северо-западный ($tj, dj > \acute{c}, j$), юго-западный ($tj, dj > \acute{c}, j$) (Belić. *Nar. enc.* II).¹³ Чакавский диалект¹⁴ ($\acute{c}a$ 'что', $dj > j, \acute{s}t'$ ($\acute{s}\acute{c}$), $\acute{z}j/\acute{z}$) охватывает часть северной и средней Истрии, часть южной Хорватии от Купы до Кварнера, острова Адриатического моря (Крк, Раб, Црес, Лошинь, Брач, Хвар, Паг и т. д.), западную часть Боснии (Belić. *Nar. enc.* I). Предполагают, что в прошлом чакавский диалект имел более широкое распространение, но экспансия штокавского диалекта привела к сокращению его первоначальной территории. Так, в Истрии, заселявшейся выходцами из Далмации, чакавский диалект в значительной степени был поглощен штокавщиной. Но штокавский диалект, занимающий в настоящее время южную и юго-западную часть Истрии, сохранил в своей структуре отдельные чакавские черты.¹⁵ В свое время попытки В. Ягича определить древний диалект Дубровника как чакавский встретили серьезные возражения М. Решетара.¹⁶ Проанализировав поэтические и прозаические тексты XVI в., М. Решетар достаточно убедительно показал, что старый Дубровник говорил на штокавском диалекте. В работах недавнего времени наблюдается возврат к старой точке зрения: для всей южной Далмации (Дубровник, южные острова, побережье до Черногории и северной Албании) предполагается мощный чакавский субстрат (Popović 373).¹⁷ Шчакавский диалект, разновидность сербохорватского языка ($dj > j, stj, zgj > \acute{s}\acute{c}, \acute{z}\acute{d}$) охватывает часть западной Сербии, западную Славонию, среднюю часть Боснии (Popović 373–374).

Разная степень близости характеризует западноюжнославянские диалекты. Ближе всего словенскому языку хорватско-кайкавские диалекты. В работах Рамовша (Ramovš 1932; Ramovš. *Nar. enc.*) выделены признаки, общие для словенских и кайкавских диалектов: 1) местоимение *kaj*, 2) $q > o, \acute{q}/\acute{q}, uo$, 3) $zgj, zdj > \acute{z}d\acute{z}$, локально $\acute{z}$; 4) $\acute{r} > rj$ перед гласным (словен. *morje*), 5) форма род. п. мн. ч. м. р. на *-ov*, 6) форма будущего времени с глаголом *bodq*, 7) *otъce > oća*. Особо выделяются две области – словенские говоры

-
- 13 Более подробно об особенностях кайкавского диалекта и источниках его изучения см.: Лукьяненко А. М. Кайкавское наречие. Киев, 1905.
  - 14 О выделении чакавского диалекта, истории его изучения см.: Meyer K. Beiträge zum Čakavischen // AfslPh XL, 1926, 222–265.
  - 15 Popović I. Istarski štokavski dijalekat. // Riječka revija, god. 5, № 3, 4, 1956, 88–92. 137–141. Там же литература, посвященная изучению диалектов Истрии.
  - 16 См. Rešetar M. Die Čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen // AfslPh XIII, 1891, 93–109, 161–199, 361–388. Возражения В. Ягича см.: Jagić V. Einige Bedenken, aus Anlass der vorhergehenden Abhandlung Dr. Rešetar's // Там же, 388–397.
  - 17 Chr. A. van den Berk. Zur Problematik der südslavischen Dialektausgliederung // Slovo 17, 1967, 95–112.

Прек мурья и северо-западные кайкавские говоры. Их роднит наибольшее число общих черт: 1) *ъ, ь* в сильной позиции > *e*, 2) *l* перед согласным > *o*, 3) *m* > *n* в конце слова, 4) *ě* > *eĭ*, 5) *ń* > *jn*, 6) *zđj* > *ždž*, 7) *χt* > *št* (*kъto* > *što*), 8) наречия на *-ečki, -ečke* и др.

По Рамовшу, следующие особенности объединяют словенский язык (особенно западнословенские говоры) с чакавским диалектом: 1) *dj* > *j*, 2) форма тв. п. ед. ч. ж. р. *-o*, позднее чак. *-u* (зап.-чак. *ženu*), 3) группа *čr* (при шток. *cr*), 4) старая форма без окончания в род. п. мн. ч. ж. и ср. р., 5) дат. п. мн. ч. *-om, -am*, 6) *ma* < *moja*, 7) новый долгий акут, 8) частичное сохранение приставки *vy-* и т. д.

Всем трем диалектам присущи черты, унаследованные из древней эпохи: 1) *tj, dj* > *č, ć, šć, j*, 2) форма тв. п. ед. ч. ж. р. на *-q* (при шток. *-oq*).

В общей сумме изоглосс, характеризующей северо-западную группу диалектов, особое значение имеют связи с диалектами чешско-словацкой языковой области. Помимо изоглоссы *tert, telt*, общей для чешско-словацкой области и всей южнославянской группы, существуют и специфические связи указанной западной области с северо-западным диалектным комплексом. Эти связи охватывают следующие явления: 1) сохранение *tl, dl* в севернословенских диалектах и повсеместно в чешском языке; 2) наличие слогового сонанта; 3) тв. п. ед. ч. основ на *-ā* в форме **-q*: словен. *o* (Rамовš. Morfologija 58), кайк. *-q, -o, -u*, чак. *-u* и *-u-n, -u(m)*, черногор. *-u*, ст.-чеш. *-u*, чеш. *-ou* (ср. словен. *ribo, ženo*, хорв.-кайк. *ribo, ženo/ribu, ženu*, чак. *ribu, ženu* и *ribun, ženun, zi žēnū-m*, черногор. *se*mnu* при форме *-oq* в словацком и на остальной южнославянской территории); 4) форма будущего времени с глаголом *byti*; 5) стяженная форма прилагательного *-ego* (ср. словен. *dobrego* ~ чеш. *dobrého* при с.-хорв. *dobroga*, ст.-слав. *добраго*); 6) частичное сохранение приставки *vy-* словенскими и северно-чакавскими диалектами (ср. словен. *vigred, vilaz*, хорв. *virīšiti*, чак. *vikopati* и т. д.); 7) *g* > *γ, ħ* в чешско-словацкой группе, отдельных верхнелужицких, словенских и чакавских диалектах (Pоровić 31–32).

Известно, что особенно тесная связь существует между южнославянскими языками и словацким языком, а точнее одним из его диалектов, который в настоящее время занимает центральное положение, а в средневековье охватывал большую часть современной южной Словакии (Stanislav 1956). В число так называемых югославизмов словацкого языка включают следующие явления: 1) *ořt-, ořt-* > *ra-, la-* (ср. словац. *rázvora* при чеш. *rozvora*); 2) *tl, dl* > *l* (ср. ср.-словац. *omelo, šilo*); 3) *x* > *s* перед гласными переднего ряда (ср. словац. *muse* при чеш. *múšě*); 4) переход **z'* (< *g* по II и III палатализации) не в *z* (*dž*), а в *z* (ср. *kňaz*, мест. п. *noze*); 5) *jb* > *i* при чеш. *je-, j-* (ср. словац. *ihla* при чеш. *jěhla*); 6) дат.-мест. п. ед. ч. местоимения *tebě, sebě* при зап.-слав. *tobě, sobě*; 7) окончание *-om* (в тв. п. ед. ч. основ на *-ō* (Stanislav. Dejiny 134); 8) топонимы на

-ince < *-inci* < *-inьci* (ср. словац. *Behince*, *Čeladince*, болг. *Borinci*, с.-хорв. *Vajinci* и т. п. (Kniezsa 1948)).¹⁸

Наряду с явлениями, общими для среднесловацкого диалекта и всей южнославянской группы, отмечаются и особые черты, отличительно характеризующие среднесловацкий диалект и диалекты, расположенные в северо-западной части южнославянской территории. Только в этих двух областях находим: 1) сокращение долгого акута (ср. словац. *blāto*, *vrāna* ~ с.-хорв. *blāto*, *vrāna* при чеш. *bláto*, *vrána*; 2) удлинение гласных в род. п. мн. ч. в словах типа *žénā*, *pérā* (ср. чак. *rīb*, *žěn*) при чеш. *rýb*, *žěn*; 3) окончание *-mo* в 1 л. мн. ч. наст. вр. (ср. в области Гемер *damo*, *idemo* ~ с.-хорв. *damo*, *idemo*, словен. *gremo* при др.-чеш. *-m*); 4) долгий тематический гласный в глагольных основах на *-e*, содержащих первоначально *e* краткое (ср. словац. *ňesiem*, *ňesieš* и с.-хорв. *do-nèsēm*, *do-nèseš* при чеш. *nesem*, *neseš* с кратким тематическим гласным); 5) частично представленный переход *ě* > *e*: ср. словен. *e*, зап.-чак., щчак. *e* и средне- и вост.-словац. развитие сочетаний *bě*, *pě*, *vě*, *mě* > *be*, *pe*, *ve*, *me* (ср. *behat'*, *pena*, *verit'*, *mesto*) при зап.-словац. и чеш. *bje*, *pje*; 6) *stj* > словац. *šč* (> *št* с XIV в.), словен., кайк. *šč*, щчак. *šč* при чеш. *št'*; 7) развитие вторичного гласного в причастиях на *-l* (ср. сред.-словац. *padol*, *nesol*, зап.-словац. *padel*, *nesel*, словен. *padel*, *nesel* при чеш. *padl*, *nesl* (Popović 36–38; Popović 1961).

Заслуживают внимания изоглоссы, объединяющие словацкий с одним из северо-западных диалектов — чакавским: 1) сред.-словац. *čo* (зап.-словац. *co*) ~ чак. *čā/čo* (ср. на о. Хвар *ili-čo*) при чеш., польск. *co*; 2) переход *ra* > *rā*, отмеченный в среднесловацком уже в XIII в. (Орава, Гемер) и частично в чакавских и щчакавских диалектах (ср. словац. *krāj*, *brāda*, чак. *rēst*, *krēst*); 3) общие изоглоссы: ср.-словац. *stuža* ~ с.-хорв. чак. *stuža* 'ремень' (< *stog-ja) при чеш. *stouha*, польск. *wstęga* (< *vъzstoga*) и т. п. (Popović, 371).

Дальнейшее исследование показывает, что некоторые из рассмотренных выше изоглосс получают продолжение в болгаро-македонской области. Северо-западную и юго-восточную периферию объединяет через чешско-словацкую область тип топонимов на *-inci*, который характеризует юго-западную часть словацкого языка, а на южнославянской территории концентрируется в двух областях — северо-западной и юго-восточной, но редко встречается в центральных областях быв. Югославии. Приставка *vu-*, типичная для чешско-словацкой группы, известна диалектам словенского языка Резии, Толмина, Зильской долины: ср. зильск. *vigred* 'ver', *sonce vilaza*, *vilesti*, *vidati*, *videlati*, резьян. *viležaj* 'восход, весна, пасха', *vihrāt*, *viricēt*, венец. *vebirati*, *vepoditi*, *vehnati*. Образования с приставкой

18 См. еще: *Horálek K.* Zur Frage der Jugoslavismen im Mittelslowakischen // *WdS* XI, 1966, 82–86; *Stieber Z.* Z zagadnień podziałów dialektycznych grupy zachodniosłowiańskiej // *LS* I, zesz. 2, 228–236.

vy- отмечены в северно- и западночакавских диалектах (Popović 32–33, 39, 318–321): ср. *vignati, vikopati, virezati* и т. д. (Mikl. 397); в народной песне из Истрии (*sve duše se urišile*); на о. Крк *vikopati, vikoreniti, viorati, vīguliti, vibrati, vīneti, vīlaz*; на о. Црес *virodilo je, vihranit, vilaz* (Milčetić – Rad CXXI, 130), *vīnut* 'вынуть', *vīpasen* (< *vy-pasti*) (Tentor – AfslPh XXX, 166; Skok III, 585); в кайкавском диалекте (Бедня) *vīgled* 'зеркало', *vīžāni krōva s hlievō* и др. (Jedvaj. Bednja 294). Единичны примеры с приставкой *vzi-* в памятниках старославянской письменности (ср. *vzistjǫpiti, vziχoditi*), в болгарских диалектах: ср. *vīrasten* в говоре села Еркеч.¹⁹

Намечаются изоглоссы, общие для чешско-словацкого и болгаро-македонского ареалов: 1) окончание тв. п. ед. ч. *-oŷ* сред.-словац. *-ov (-ou), -of, -цof* (ср. *ženov, ženof, ženцof*), в области Гемер *-ó* (ср. *ženó*), др.-серб. *-ovъ* (ср. *věrovъ, glavovъ*), чак. (Далмация) *-ov* (ср. *ženov, sestrov*), ст.-слав. *сѣ мѣноуѣ*; 2) различие *ъ* и *ь* в словац. и болг.; 3) в определенных позициях широкий гласный *a* на месте *e*; 4) развитие полногласия в группе *čert > čeret* (Цонев 40; Иванчев 31–32).

И, наконец, поддаются выделению изоглоссы, специфические для словенского и болгаро-македонского ареалов: 1) сохранение носовых в словенских диалектах (ср. подъяунский), македонских говорах и родопском диалекте болгарского языка; 2) развитие *o > o* в словенском и родопском диалекте; 3) развитие протетического гласного перед *o* (ср. словен. *vozel, vos*) (Цонев 32). В большом списке словенско-болгарских изоглосс (Petrov-Slodnjak) много достаточно поздних явлений, среди них балканизмы (утрата склонения отдельными словенскими диалектами, двойной объект, союз *da* и т. п.); результаты параллельного, независимого развития (оглушение *v > f*, утрата *v* перед *s* и т. п.).

Из лингвогеографического изучения словенского языка по данным фонетики и морфологии вытекает вывод о существовании в системе праславянского общности близкородственных территориально варьирующих диалектов. На общеславянском фоне для восстанавливаемой таким путем диалектной общности прослеживается устойчивое языковое единство и некоторая автономность развития по отношению к остальному славянскому миру. Эти выводы исторического порядка нуждаются в проверке на материале лексики.

19 *Stawski F.* Ślady prasłowiańskiego prefiksu *vy-* w języku bułgarskim // *Studia linguistica Slavica Baltica Canuto – Olavo Falk sexagenario a collegis amicis discipulis oblata.* Lundae 1966/1969.

ГЛАВА I

Лексические изоглоссы как один из критериев диалектного членения праславянского языка

На современном этапе славистических исследований, когда в значительной степени исчерпаны возможности внутренней реконструкции на фонетическом и морфологическом уровнях, все большее значение приобретают данные лексики в решении вопросов диалектного членения праславянского языка. География слова, территориальное распределение лексем, отражающее взаимоотношения носителей диалектов в разные исторические эпохи, расширяет и углубляет картину ареальных связей, полученную при изучении грамматических и фонетических изоглосс.¹ Слово, функционирующее в определенных культурно-исторических, древнейших мифологических контекстах, при соответствующем этимологическом анализе проливает свет на важные стороны духовной и материальной жизни славян. Восстанавливаемые древнейшие типы текстов, в которых участвуют существенные славянские термины, при сравнении с другими древними индоевропейскими традициями позволяют определить основные черты праславянского культурно-языкового комплекса и уточнить его место среди других культурно-языковых традиций.² Использование лексики для реконструкции лингвостранических отношений сначала утвердилось на почве индоевропейских языков. Этому способствовали два фактора, связанные между собой отношением взаимной зависимости: во-первых, новая теория праязыка, складывавшаяся в полемике с младограмматиками и получившая наиболее полное и четкое выражение в волновой теории И. Шмидта, и во-вторых, созданные на этой основе атласы германских и романских языков, материалы которых в свою очередь, стимулировали развитие новой теории, утвердили и обогатили ее новым содержанием.³ В книге В. Порцига «Членение индоевропей-

---

1 О лексических изоглоссах как методе исследования см.: *Zaręba A. Wartość izoleks w geolingwistyce // MJ XXX, 1979, 51–65; Handke Kw., Popowska-Taborska H. Geografia lingwistyczna jako metoda badawcza // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 5. Językoznawstwo. W-wa, 1978, 41–47.*

2 Это направление исследования отражает, в частности, книга В. В. Иванова, В. Н. Топорова «Исследования в области славянских древностей». М., 1974.

3 См. об этом: *Серебрянников Б. А. Методы лингвогеографических исследований // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973, 120–167.*

ской языковой области», опубликованной в середине пятидесятых годов, в наиболее полном виде нашли отражение сложившиеся к тому времени взгляды на членение индоевропейского языка с учетом всей совокупности языковых данных, в том числе и лексических. В славистике выдвижение на первый план лексики как одного из показателей лингвостатистических процессов стало возможным благодаря развернувшейся в последние десятилетия работе по реконструкции праславянского лексического фонда, а также благодаря исследованиям, проводимым по программе «Общеславянского лингвистического атласа». Лингвогеографический аспект занимает все большее место в разного рода исследованиях, посвященных славянской лексике, изучению отдельных слов или определенных лексических групп, выделяемых по предметно-семантическому или словообразовательному принципу, с применением картографирования. Выходящие в свет национальные и региональные атласы, отражающие межъязыковые связи в пределах определенного ареала (ср. Карпатский диалектный атлас), вводят в научный оборот много новых, ранее неизвестных материалов, которые несут в себе новую информацию о диалектном распределении лексем на славянской территории. Работы, ведущиеся в этом направлении, дали возможность вычленить новые микроареалы в пределах традиционно определяемых диалектных зон, а также наметить новые направления диалектных связей, объединяющих диалекты разных славянских языков. При широком размахе исследований по диалектной лексике, при все возрастающем интересе к областным словарям создаются необходимые материальные предпосылки для воссоздания диалектной структуры национального языка в его историческом развитии по данным лексического уровня. Именно лексика служит отправным моментом при решении проблемы происхождения словацкого языка, формирования его диалектов в работах А. Габовштяка.⁴

Метод лингвистической географии наряду с другими методами входит в арсенал внутренних средств этимологии (Трубачев 1959, 16–33). Лингвогеографическая характеристика является одним из критериев этимологического анализа, и вместе с тем она имеет определенное самостоятельное значение, поскольку территориальное распределение этимологических связей и соответствий дает основание для суждений о диалектных отношениях эпохи праславянского языка. Этимологические словари славянских языков и в первую

4 Из работ на эту тему назовем следующие: *Habovštiak A. Slovenské nárečia z lexikálneho hľadiska // Studia Academica Slovaca 4. Prednášky XI letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Br., 1975, 69–79; Idem. K otázke genézy slovenských nárečí // Slavica Slovaca. Roč. 13, 1978, 43–56; Idem. Lexikálno-sémantická členitosť slovenských nárečí ako výsledok historických procesov // SFPS 22, 1984, 73–86; Габовштяк А. Проблема происхождения словацкого языка с точки зрения лексики // Советское славяноведение № 5, 1981, 61–76.*

очередь словари, подготавливаемые в Москве («Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд») и Кракове («Słownik prasłowiański»), «Этимологический словарь польского языка» Ф. Славского, «Этимологический словарь словенского языка» Ф. Безлая опираются на очень широкий, а порой исчерпывающий круг источников, поэтому уже в самом материале устанавливаемых соответствий заложена информация о диалектных связях древнего пласта лексики. В этих словарях, ориентированных на выявление изоглоссных связей, специально выделяются узлокальные явления, лексические диалектизмы праславянской древности, ограниченные в своем распространении одним диалектом или группой диалектов. Тем самым вводятся в практику научных исследований совершенно новые факты, которые конкретизируют и углубляют наши представления об ареальных связях, характеризовавших праславянское языковое пространство. Накопленный опыт лингвогеографического изучения славянской лексики требует систематизации и обобщения под определенным углом зрения.

Проведенные исследования наглядно показывают, что выводы о праславянском в целом находятся в прямой зависимости от результатов всестороннего обследования праславянского лексического фонда с точки зрения отдельного славянского языка/диалекта. В связи с этим принципиально важно в методологическом отношении разработанное О. Н. Трубачевым положение об автономности праславянских состояний лексики отдельных языков/диалектов с вытекающим из этого положения выводом о возможности существования в праславянском узкорегionalных лексических диалектизмов с родственными связями лишь на индоевропейском уровне. В работах О. Н. Трубачева предложена реконструкция праславянских лексических диалектизмов на материале восточнославянских и серболужицких языков, и на этой основе разработаны некоторые фрагменты праславянских лексических отношений с выводами о членении праславянского языка и о наиболее определенно выраженных индоевропейских связях некоторых праславянских диалектов (Трубачев 1963¹; Трубачев 1963²). При реконструкции генетических отношений славянских диалектов в определении их места на карте праславянского особое значение придается ареально ограниченными явлениям, изоглоссам, отражающим соотношенность лишь отдельных славянских диалектов. В сложном, пестром переплетении изоглосс наиболее показательны, наиболее значимы сепаратные изолексы, т. е. исключительные связи, отличительно характеризующие отдельные диалекты на фоне общеславянских словарных совпадений. При реконструкции процессов лингвоэтнического характера ориентиром должны стать устойчивые пучки сепаратных изоглосс. Недостаток многих исследований, разрабатывающих вопросы ареальных связей, состоит в том, что та или иная изоглосса вычленяется из более широкого ряда славянских соответствий и рассматривается изолированно без учета полной географии слова. А между тем при нали-

чи более широкого славянского фона такая изолекса становится лишь частью общеславянского наследия, при ограниченном же наборе соответствий возникает необходимость в более полном выявлении однородного контекста в виде пучков однонаправленных изоглосс.

Но приступая к выявлению диалектных связей по данным лексики, мы отдаем себе ясный отчет в том, что направление изолексы, сам факт наличия или отсутствия той или иной конкретной изоглоссы зависит от многих моментов внешнего и внутреннего характера. Неполнота фактической базы, предоставляемой лексикографическими источниками, отсутствие достаточно надежных критериев для хронологического расслоения материала, разграничения в его составе архаизмов и инноваций, отделения общих инноваций, объединяющих ту или иную группу диалектов, от однотипных явлений, сложившихся независимо в разных диалектах в результате типологически сходного развития унаследованного языкового материала, — все эти и другие моменты затрудняют выводы о диалектном членении праславянского по данным лексических изоглосс. В силу ряда внешних и внутренних причин слово может быть утрачено в одном ареале, но сохраниться в другом. Поскольку речь идет о близкородственных диалектах, при интерпретации лексических сходжений необходимо считаться с несколькими альтернативами. Во-первых, лексико-семантические и лексико-словообразовательные соответствия могут отражать генетическое тождество диалектов в праславянскую эпоху. Во-вторых, лексические совпадения могут быть результатом контаминации языков, интерференции языковых явлений. Следовательно, в общей сумме изоглосс, составляющих характеристику того или иного языка/диалекта, наряду с явлениями древними, обусловленными генетическим родством, всегда присутствуют и такие черты, которые возникли в условиях временных языковых союзов и отражают контакты с соседними языками и диалектами. Проницаемость лексического уровня, способность слова распространяться за пределы исходного ареала осложняют понимание природы изолекс особенно в тех случаях, когда совпадения наблюдаются на смежной территории, в пограничной области. Даже для сопредельных областей открытой остается возможность параллельного, независимого развития лексико-семантических образований (Popowska-Taborska 1991, гл. VI). Но определенные предпосылки для выводов относительно праславянской эпохи создает осмысление фактов лексики в рамках системных отношений с учетом данных фонетического, морфологического уровней в соответствии с той концепцией праславянского, которая складывается в ходе исследования, уточняется и развивается.

Лексические изоглоссы внутри южнославянского языкового пространства. Основные направления связей южнославянской лексики с севернославянскими языками. По отношению к южнославянским языкам встает вопрос: в какой степени дифференциация, подобная

фонетической, морфологической, имела место в южнославянской лексике; существуют ли специфически южнославянские лексемы и, наоборот, имеют ли место в праславянском лексическом фонде диалектизмы, неизвестные южнославянским языкам?

В плане поставленной проблемы особо выделяются изолексы, с которыми обычно связывается противопоставление двух больших ареалов — северного и южного. К диалектизмам севернославянского ареала относят **bagnо* (ср. чеш. *bahnо* 'болото', польск. *bagnо*, рус. диал. *багно* то же и т. д. — ЭССЯ 1, 125–126), **borgъ* (ср. ст.-чеш. *brah* 'стог', укр. *боріг* — ЭССЯ 2, 202), **bydlo* (ср. ст.-чеш. *bydlo*, польск. *bydło* 'крупный рогатый скот' — ЭССЯ 3, 147), **degъть* (ср. ст.-чеш. *déhet*, рус. *деготь* — ЭССЯ 4, 204), **kogъть* (ср. чеш. диал. *kohát* 'коготь', рус. *коготь* — ЭССЯ 10, 109), **kodъra* (ср. польск. диал. *koder*, укр. диал. *кóдря* 'грубая ткань из волокна или шерсти' — ЭССЯ 10, 107), **kovaľ* (ср. чеш. диал. *kovaľ* 'кузнец', др.-рус. *коваль* то же — ЭССЯ 12, 7), **lešč-etъ* (ср. польск. *leszczoty*, рус. диал. *лещетка* 'палка с расщепленным концом' — Sławski IV, 174–175), **lubъka, luba* (ср. польск. *łuba* — Sławski V, 278), **lyži, -ъve* (Sławski V, 448), **oldyga* (ср. польск. *lodyga*, рус. *лодыга, лодыжка* — Sławski V, 136–137), **pyľ* (Popović 20)⁵ и т. д. Но как легко убедиться, обратившись к материалам этимологических словарей, все эти слова, за исключением **bagnо*, принадлежат лишь части диалектов северного ареала. Следовательно, в ареальную характеристику перечисленных слов входит еще один признак — отсутствие в части севернославянских диалектов.

В свете данных современной лексикографии многие так называемые севернославянские диалектизмы выходят за пределы северного ареала и частично захватывают область южных славян. Таковы **bolъje* (ср. хорв. топ. *Vlañe* — ЭССЯ 2, 178), **brusъnica* (ср. болг. *брусница* 'корь; брусника', макед. *брусница* то же, с.-хорв. *брусница* 'брусника' и т. п. — ЭССЯ 3, 61), **gribъ* (ср. болг. *гриб*, словен. *grib* и т. п. — ЭССЯ 7, 126), **gogolъ* (ср. с.-хорв. *gogol* 'водоплавающая птица *Branta rufina* Boie' — ЭССЯ 6, 193), **ельсь* (ср. с.-хорв. диал. *јалац* 'язь *Leuciscus idus*' — ЭССЯ 6, 22) и т. д. Имя **bъrtъ* 'борть, улей' как будто бы не засвидетельствовано у южных славян, но на южной территории представлены близкородственное образование с суффиксом *-tva* (макед. *бртва*, с.-хорв. *бртва*) и глагол на *-iti*, производный от имени **bъrtъ*, — словен. *br̂titi* 'затыкать' (ЭССЯ 3, 132). Сев.-слав. **deglъ* (ст.-чеш. *déhel* 'Irgus', польск. *dzięgiel* 'Angelica', рус. *дягиль* 'травянистое медовое растение сем. зонтичных' и т. п.) является производным с суффиксом *-l* от глагольной основы **degt'i*. Южные славяне сохраняют

5 Эти и другие слова относятся к севернославянским диалектизмам в книге Филина Ф. П. «Образование языка восточных славян». М.—Л., 1962, 207 и след.

следы имени, однокоренного с этим глаголом, в словен. *déga* 'ремень' (ЭССЯ 5, 24–25; Sł. prasł. 3, 96).

Уточнения такого же рода должны быть сделаны и в отношении лексем, определяемых как ю.-слав. диалектизмы. Типично южнославянским признается слово **desnъ(jь)* 'правый' (ЭССЯ 4, 219), но в пространственную характеристику этого слова определенные коррективы вносят чеш. гидр. *Desná* (XII в.), укр. *Десна* (Sł. prasł. 3, 77). Правда, О. Н. Трубачев допускает вторичную славянизацию балтийского *dēšinas* 'правый', а по мнению Н. И. Толстого, существует устойчивая привязанность названия **desnъ(jь)* к левым притокам, прослеживается, как он замечает, «последовательное наименование правых рек по нашему современному представлению левыми, а левых — правыми, что является результатом ориентировки против течения, а не по течению»⁶. Многие лексические диалектизмы, обычно связываемые с ю.-слав. ареалом (см. Boguš 1980), составляют принадлежность не всех, а лишь отдельных ю.-слав. диалектов. Таковы **азьно* (цслав. *азьно* 'кожа') и связанное с ним **aževina* (словен. *aževina* 'отходы при дублении кожи' — ЭССЯ 1, 103–104), **čestiti* (словен. *čestiti* 'кастрировать', ст.-слав. *цѣстити* сА 'очищаться' — ЭССЯ 3, 188), **čētja* (с.-хорв. *сїјеса* предл. 'propter, ради, из-за' — ЭССЯ 3, 189), **boraviti* (с.-хорв. *бѡравити* 'жить; пребывать, находиться', болг. *борáвя* 'заниматься ч.-л.; делать, совершать', макед. *борави* 'мешать, размешивать; рыться; делать' — ЭССЯ 2, 195), **rēs(k)ъ* (словен. *rēs, rēsen* 'истинный', цслав. *рѣсьмъ*), **slutъ* (словен. *slūt* 'предчувствие', с.-хорв. стар. *slūt*, цслав. *слѹтъѣ*), **odъ-měti* (словен. *odmėti* 'respondere'), **trapъ/*torpъ?* (с.-хорв. *trap* 'яма', болг., макед. *трап* и т. д. С расширением фактической базы исследования многие так называемые южнославянизмы (Porović 17–20) утрачивают свой статус изолированных образований, их изоглоссы, как правило, выходят за пределы ю.-слав. языкового пространства и идут в направлении к южной части зап.-слав. языков и частично захватывают вост.-слав. диалекты. Так, блр. диал. *газ* 'брод' расширяет изоглоссу слав. **gaziti, *gazъ* 'идти вброд; брод', традиционно причисляемого к типичным южнославянизмам.⁷ Праслав. **česnъ/*česno* (ср. болг. *чесън* 'чеснок', с.-хорв. *чесно*, словен. *česen*), известное преимущественно южным славянам, подтверждается также словац. *česeň* 'гребень' (ЭССЯ 4, 89). Ю.-слав. **bъšъ* (ср. ст.-слав. *бъшижъ*, болг. диал. *баш*, с.-хорв. *bàš*, словен. *baš*) нельзя рассматривать в отрыве от рус. диал. *бошно, башно* (ЭССЯ 3, 139). Для ю.-слав. **četa* (болг. *чѣта* 'отряд, дружина', с.-хорв. *чѣта* 'отряд,

6 Толстой Н. И. Десна — «dextra»? // История русского языка в древнейший период. Вопросы русского языкознания. Вып. 5. М., 1984, 215.

7 Трубачев О. Н. Наблюдения по этимологии лексических локализмов (славянские этимологии 48–52) // Этимология 1972. М., 1974, 22–27.

группа воинская', словен. *čęta* 'отряд') находим соответствия в восточнославянских диалектах: рус. диал. *четá* 'ровня, пара', блр. *четá* то же и 'часть, доля' (ЭССЯ 4, 92, но ср. Sł. prasł. 1, 178–179; Boguś 1980). Уточнения такого же рода можно сделать для ю.-слав. *barati (ЭССЯ 1, 159; но Sł. prasł. 1, 192), *brojъ 'число' (ЭССЯ 3, 39, но ср. Boguś 1980), *ггъшь 'куст' (ЭССЯ 7, 159, но ср. Boguś 1980) и т. д. Показательно во многих отношениях распределение на славянской территории изоглосс двух технических терминов *кърпель и *кърцель. Диалектное название дышла, хомута *кърпель получило распространение в ю.-слав. диалектах: ср. с.-хорв. *кърпел* 'палка на дышле плуга, регулирующая пахоту', *кърпела* 'о воловьей упряжке: два ярма ... шесть гужава и двоја кърпела (по средини и позади)', *кърпеле* мн. = *кърпеле* 'устройство, соединяющее ярмо с плугом', *кърпель* 'палка' (Вук; РСА X, 654); словен. *krepěl* = *krepěl* = *krepělo* = *krepělj* (Бела Краина) 'палка', *krepěli* 'деревянная рама у сети; дышло', *krepělje* мн. 'деревянные дуги у цепа', *krepěle* мн. 'маленькое ярмо', болг. карлов. *кърпил* 'короткая деревянная палка' (БД VIII, 142), плевен. *кърпея* 'криво отрезанное дерево' (БД VI, 187), казанл. *кърпел*, *кърп'ал* 'короткая палка для бросания' (БД V, 127; БД I, 194), родоп. *кърпел* 'две деревянные палки, соединяющие ремни в конской парной упряжи' (БД V, 180), врачан. *кърпел дърво* 'кусок (дерева, мыла)' (БД IX, 271), *кърпел* 'кривое толстое дерево; треугольный деревянный обруч на шею у свиньи, чтобы она не смогла пролезть через ограду' (СБНУ XLIV, 528), а также у современных авторов из Западной Болгарии.⁸ Соответствия для этой лексемы в зап.-слав. языках: чеш. морав. *krapdla*, морав.-словац. *krapdla* 'хомут для волов', лях. *křpela* 'цепь, соединяющая одиночные бороны' (Machek² 295), морав. *karpel* 'палка, нога' (Buffa. Dlhá Lúka 162). Но в словаре Махека зап.-слав. лексемы рассматриваются лишь в своем конкретном языковом окружении. Для слав. *кърпель (с пометой «dunkel») предполагается возможность родства с *къръкъ или *крому (~ др.-англ. *hremman* 'сжимать'), соответственно исходная основа восстанавливается в форме *кърпель (Вегнер I, 610) или **кър-/кър-* (Machek). Между тем ю.-слав. материал и особенно болгарские соответствия, дающие примеры свободного, нетерминологического употребления *кърпель, содержат в себе указание на внутреннюю форму этого слова, на исходное для него значение 'палка, отрезанный кусок дерева', что и позволяет наметить родство со слав. *кърпати ~ лит. *kiřpti* 'резать', 'стричь'. Именно в рамках этого этимологического гнезда получают объяснение в словаре Славского болгарские и сербохорватские слова, с которыми сближается польск. *karpa* 'подзем-

8 Gutschmidt K. Archaismen und Regionalismen in Texten aus der Zeit der bulgarischen Wiedergeburt // ZfSl, Bd. 26, H. 5, 1981, 634.

ная часть некоторых растений', напр., спаржи; пень, коряга, колода, за которую можно закрепить лодку, рыбацкую сеть' (XVI в.), диал. 'часть прялки', а также ст.-прусск. *surpis* 'колода в наковальне' и с чередованием лит. *kerplė* 'вырванный с корнем сгнивший пень, корневище поваленного дерева' (Sławski II, 82–83).

Другой близкий термин **kьrčelь* охватывает всю ю.-слав. область и языки Карпатского ареала: ср. словен. *křčalo* = *krčel* 'деревянный гвоздь' (Нижняя Краина); с.-хорв. *křčel* (Дубровник, Крк) = *krčel* (Жумберак) 'болт, клин, соединяющий ярмо с дышлом', *krčele* (Вук) = *krčelo* (Лика) 'соединение дышла с плугом', *křčalo* (Вук) 'am pfluge ein hölzerner verbindungs-nagel', 'clavus ligneus aratri', *krčelja* 'простое устройство из раздвоенного дерева, напоминающее детские санки' (Skok II, 186), *křčel* = *krčalo* (RJA V, 494: Dubašnica на Kрку), *krčela* 'раздвоенная палка, рукоять' (РСА X, 434), болг. родоп. *карчџли* мн. 'задняя раздвоенная часть дышла', с другим суффиксом *корчџни* мн. 'вертикальные жерди в ткацком станке' (БД V, 177, 181). Близкую структуру имеют чеш. морав. *krčal* 'дерево, остановившееся в своем развитии', *krčál* 'ботва' (Bartoš 162; Kott. Dodatku k Bart. 44). В ближайшем родстве с этими словами находятся укр. буков. *корчуги* 'спаренные сани для перевозки дров', бойк. *корч* 'рукоять плуга' (Карпатская диалектология 434, 371). Скок объединяет в одной статье с.-хорв. *křčel* и *krpěl*, попутно замечая, что в Жумбераке это два разных слова с разными значениями: *křčel* обозначает соединение в ярме, а *krpěl* палку плуга, с помощью которой регулируют пахоту. По всей видимости, слав. **kьrčelь*, этимологически отличное от **kьrpeь*, первоначально обозначало искривленный, изогнутый кусок дерева, который использовался в качестве скрепляющего, соединяющего устройства, что делает понятным и оправданным принадлежащее еще Мурко сближение с **kьrčiti* 'сжимать' (Skok II, 186; Bezljaj II, 85).

Как видим, состав соответствий зависит от полноты материала, а также от понимания внутренней формы слова, принятой реконструкции исходной формы и основных звеньев семантической эволюции. При более детальной и тщательной разработке этимологии оказывается, что так называемые ю.-слав. регионализмы имеют продолжения в той или иной части сев.-слав. языков. Но после уточнений с учетом последних данных остается небольшая группа слов, свидетельствуемая лишь ю.-слав. языками. Таковы **bьr̥na* (болг. *бърна* 'губа', словен. *brna* 'звериная карнавальная маска', с.-хорв. *břņica* 'кольцо, надеваемое скотине через губу'), родственное лит. *burnà* 'рот' (ЭССЯ 3, 130); **solna* (болг. *слана* 'иней', с.-хорв. *slána*, словен. *slána*), родственное лит. *šalna* 'мороз', лтш. *salna* то же (Фасмер III, 666; Skok III, 279); этимологически не совсем ясное **kačiti se* (болг. *кача* 'поднять; положить, поставить' и т. п., макед. *качи* 'поднять, поставить', с.-хорв. *káčiti* 'вешать, сажать', словен. *káčiti* 'раздражать, сердить, возбуждать' и т. п.), сближаемое с др.-нем. *hāhan* 'висеть' (ЭССЯ 9, 108, но ср. Варбот 1984, 24–25),

*bordy (ст.-слав. брѣдѣ 'топор', болг. брѣдва, макед. брѣдва, с.-хорв. брѣдва, словен. brādlja то же), объясняемое как заимствование герм. *bardō* (ЭССЯ 2, 201); *byrakъ (ст.-слав. бракъ 'свадьба, брак', болг. брак, с.-хорв. стар. brak то же, словен. brákovica 'вид пирога'), являющееся славянским новообразованием, производным от глагола *byrati (ЭССЯ 3, 160–161). Среди диалектизмов, связываемых с ю.-слав. ареалом, архаичные лексемы *byrna, *solna, этимологически трудные слова, не имеющие однозначного решения, заимствования ранней поры, новообразования балканской эпохи (Popowska-Taborska 1991, 100–101). В общем словарном составе очень незначительна доля названных лексических диалектизмов даже в совокупности с отрицательными свидетельствами для южных славян (ср. *bagъlo). Лексика, как и данные других языковых уровней, не дает достаточно надежных показаний самостоятельного, обособленного развития ю.-слав. группы языков в системе праславянского.

Ядро словарного состава ю.-слав. языков составляет лексика общего славянского распространения. Лексические изоглоссы пересекают ю.-слав. языковое пространство в самых разных направлениях. Наиболее определенно выражены различия в словарном составе западных и восточных диалектов южных славян. В этнографических и лингвогеографических исследованиях обращается внимание на противопоставление еще двух южнославянских зон — центральной (часть Хорватии, Боснии, Герцеговины, Сербии и Западной Болгарии) и латеральной (побережье Далмации и прилегающая к нему территория). На лексическом материале выявлены некоторые соотносительные изоглоссы, принадлежащие центральной и латеральной зоне: ср. *kyša — *dъždъ 'дождь', *desnъjъ — *pravъjъ 'правый', *znojъ — *potъ 'пот', *metati — *klasti 'клась' и т. д. (Толстой 1974, 24–27; Толстой 1977, 48–49). Подобные изоглоссы устанавливаются и на фактах, связанных непосредственно с материальной культурой. Следует заметить, что проблемы противопоставления центрального и латерального ареалов на территории южных славян впервые были поставлены в этнографических исследованиях (Bratanić, Gavazzi, Gavazzi 1960), посвященных типологии славянских пахотных орудий. Факты языка и этнографии весьма существенны с точки зрения проблемы лингвоэтнических истоков южных славян.

В пределах восточноюжнославянской языковой области лексически противопоставлены два ареала — юго-западный и северо-восточный, граница между которыми близко подходит к ятовой границе, но строго не совпадает с ней и допускает колебания в ту и другую сторону. Основание для такого деления дают уже древнейшие памятники славянской письменности, вобравшие в себя местные особенности, диалектные явления, характерные для тех областей, где переписывались или переводились древние книги. Путем сопоставительного изучения старославянских текстов, основы которого заложены в классическом труде В. Ягича «История воз-

никновения церковнославянского языка», выявлено немало текстологических, лексических дублетов, синонимов, которые со всей очевидностью свидетельствуют о том, что лексико-семантическая система старославянского языка имела свои особенности в памятниках, традиционно связываемых с Охридской и Преславской школами. Многочисленны лексические пары, в которых первый член — охридское по происхождению слово, а второе — преславское. Это положение может быть проиллюстрировано следующими примерами: *връние* (Зогр., Мар., Ас., Син., Клоц., Евх., Супр.) и *калз* (Евх., Супр.); *велии* (Зогр., Мар., Ас., Сав., Син.) и *великз* (Зогр., Мар., Сав., Супр., Рыл., Зогр. лл.); *гоумьно* (Зогр., Мар., Сав., Евх., Супр.) и *токз* (Супр.); *дрьколь* (Зогр., Мар., Ас., Клоц., Супр.) и *жрьдь* (Сав., Супр.); *стоуденьць* (Мар., Ас., Сав., Син., Евх.) и *кдадъсь* (Зогр., Евх.); *тзкълю* (Зогр., Мар., Ас., Сав., Клоц., Супр.) и *тзчьнъ* (Сав., Супр.); *шоуи* (Зогр., Мар., Сав., Евх.) и *лкъвз* (Зогр., Сав., Супр.) и т. д. (Цейтлин 49–50). На современной диалектной карте территориально (Запад–Восток) противопоставлены синонимы *нога/крак*, *бразда/бразна*, *он/той*, *йарем/хомот*, *жежък/горешт*, *риза/кошуля*, *разбой/стан*, *чувам* 'сохранять'/*чувам* 'слушать'.⁹ К лексическим диалектизмам северо-восточного ареала относят слова *желъд* 'плод дуба', *жица*, *жичка* 'металлическая нить; стебель тыквы, арбуза', *нине* (ср. ст.-слав. *нѣнѣ* Супр.), *търгам* в значении 'вырывать из земли с корнем'.¹⁰ Лингвистические данные, указывающие на характер древнего диалектного членения болгарского языка, находятся в некотором соответствии с наблюдениями этнографов о распределении по двум указанным ареалам некоторых видов сельскохозяйственных орудий и их обозначений. Х. Вакарелски, занимавшийся изучением быта и культуры Болгарии, показал на примере важнейших хозяйственных терминов (ср. *гумно* — *ток* —

9 *Стойков С.* Българска диалектология. С., 1968, 150–152, 161–162; *Он же.* Основното диалектно деление на български език // Славянска филология, III. С., 1963, гл. III и далее; *Он же.* Три местоименни изоглоси в български език // Славистични студии. С., 1963, 149–163; *Stojkov St.* Dwie leksykalne izoglosy w języku bułgarskim: *krak / noga, riza / košulja* // *Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Splawiński.* Kraków, 1963, 269–274; *Младенов М. Сл.* Две лексикални изоглоси в български език. 1. *булка* // *невеста*, 2. *доя / мълзем* // *RS XXXII*, 1, 1971, 39–47; *Он же.* Об одной древней лексической изоглоссе в болгарском языке (название *ярма* в болгарских говорах) // *Исследования по славянскому языкознанию.* М., 1971, 346–369; *Он же.* Роль лексических данных в диалектном членении болгарского языка // *Востоочнославянское и общее языкознание.* М., 1978, 66–71; *Он же.* Диалектните лексикални различия и причините за тяхното появяване // *Славистичен сборник.* С., 1978, 224; *Он же.* Из наблюдений над болгарской диалектной лексикой. 3 // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.* 1976. М., 1978, 148–152.

10 *Mladenov M.* Einige Aspekte der sprachgeographischen Erforschung alter bulgarischer Lexik // *ZfSl*, Bd. 24, H. 1, 1979, 96–99.

харман, върлина — разтока — опашка и т. п.), как близко подходят друг к другу границы языковых и этнографических явлений.¹¹

Для исследования ю.-слав. языковой группы в целом и в особенности западноюжнославянских диалектов первостепенное значение имеет книга И. Поповича «История сербохорватского языка». Этот фундаментальный труд дает блестящий пример последовательного ретроспективного анализа сербохорватского языка с использованием данных всех языковых уровней, в том числе и лексического. Выводы И. Поповича о древнейшей диалектной основе сербохорватского языка и его генетических связях на праславянском уровне носят общий характер и направлены на решение проблемы происхождения ю.-слав. языковой группы в целом. В этом исследовании собран воедино и систематизирован накопленный наукой к середине 50-х годов огромный материал по проблемам лингвисторического этногенеза южных славян. Здесь, пожалуй, впервые при обосновании диалектных отношений ю.-слав. языков и их взаимосвязей с языками/диалектами чешско-словацкой группы лексические изоглоссы выступают на равных правах с изоглоссами фонетическими и морфологическими. Намеченные И. Поповичем направления лингвосторических отношений получили развитие и более углубленную разработку на новом материале в работах О. Н. Трубачева, Ф. Славского, Ф. Безлая, В. Борыся и других исследователей.

В северо-западной области тесные лексические связи характеризуют словенский язык и чакавский диалект сербохорватского языка. М. Тентор первым обратил внимание на лексические схождения северночакавских говоров (о. Црес) и словенского языка (Tentor. Leks. sl., 69–92). Исходя из данных словаря Ф. Вранчица (XVI в.), Ф. Славский продолжил список словенско-чакавских изолексов, указав на более широкое распространение соответствующих слов на чакавской территории (Sławski 1963, 40–62). Лексические связи зап.-юслав. диалектов (словенско-чакавские, словенско-кайкавские) пользуются пристальным вниманием известного исследователя славянской лексики В. Борыся. В своих наблюдениях и выводах В. Борысь опирается не только на данные диалектных словарей и многочисленных исследований, описания диалектов, но, что особенно важно, он привлекает в качестве источника диалектной лексики старые чакавские тексты, которые, как он показывает, сохраняют немало архаичных слов, уже неизвестных современным говорам (Bogus — SFPS XII, JP XLVI, HDZ VI). Специфическая славянская лексика современных чакавских говоров стала предметом специального исследования С. Зайцевой (см. Zajceva). С точки зрения внутриюжнославянских диалектных связей в составе чакавской лексики выделяется четыре пласта: 1. диалектизмы, для которых отсут-

11 *Вакарелски Х.* Няколко културни и езикови граници в България. Принос към фолклорни атлас на българите // Известия на Българското географско дружество. Кн. II, С., 1934, 58–100.

ствуют соответствия в штокавском диалекте и на территории словенского языка; 2. чакавско-словенские слова, неизвестные штокавским говорам (ср. чак. *golac* ~ словен. *gôlec* 'безусый, молодой человек', чак. и словен. *grusti mi se* и т. п.); 3. слова, общие для чакавского диалекта, словенского языка и западноштокавских говоров (ср. чак. *mozoj*, *muzul* 'чирей, нарыв' ~ зап. шток. *mozol*, *mozolj*, *mozulj* ~ словен. *mozólj* 'die Pustel' и т. д.); 4. слова, представленные не только в зап.-юслав. диалектах, но частично характерные и для штокавского диалекта (ср. чак. *čudo* 'viel, sehr' ~ словен. *čúdo*, *čúda* 'überaus viel' ~ далм., черногор. *čudo* и т. д.). Для сопоставительного изучения зап.-юслав. диалектов привлекается лексика хорватско-кайкавских и чакавских диалектов, расположенных за пределами быв. Югославии. В XVI в. из деревень, опустошенных турками, хорваты переселились на север и запад; они осели в Нижней Австрии, Западной Венгрии вдоль границы с Австрией, в Словакии в районе Братиславы и Южной Моравии. Малая Хорватия, смешанная в диалектном отношении, долгое время существовала в иноязычном окружении в удалении от метрополии, контакты с родиной возобновились лишь в XIX в. В силу этих обстоятельств язык хорватов, не испытавший на себе влияния штокавского диалекта, сохраняет много архаичных элементов, утраченных кайкавскими и чакавскими диалектами Республики Хорватии. С выходом в свет монографий и словарей, отображающих язык дунайских хорватов (Vážný, Hadrovics, Koschat, Neweklowsky, Finka-Katičić), в распоряжение исследователей поступил новый материал, который расширяет наши представления о словарном составе западных диалектов сербохорватского языка и позволяет полнее выявить инвентарь словенско-чакавских изолексов (Neweklowsky 1984).

В аспекте поставленной проблемы в самых разных направлениях ведутся поиски лексических связей диалектов и диалектных групп южного ареала с севернославянскими языками.

Предметом самого пристального и всестороннего изучения стала языковая ситуация Карпатского ареала, в пределах которого в течение длительного времени происходили сложные и разнообразные языковые процессы, в которых участвовали родственные и неродственные языки, а именно: юго-западные говоры украинского языка, южnomалопольские говоры, словацкие говоры Малых и Белых Карпат, моравские говоры чешского языка, ряд болгарских и сербохорватских говоров, говоры венгерского и румынского языков.¹² Исследования показали, что наиболее тесно связаны с Карпатским

12 О задачах и методах исследования карпатского языкового ареала, о принципах, положенных в основу «Карпатского диалектологического атласа», о значении диалектных данных, зафиксированных на территории Карпат, для решения вопросов южнославянского этногенеза и этногенеза других этнических образований данного региона из последних работ см.: С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Предварительные итоги // Славянское

языковым ареалом юго-западные диалекты болгарского языка и восточные диалекты сербского языка.¹³ Целый ряд общих явлений в словаре и словообразовании объединяет эти ю.-слав. диалекты с юго-западными говорами украинского языка. Карпатско-южнославянские лексические изоглоссы разнообразны и неоднородны. Среди общих сходжений одни явления имеют глубокую основу и восходят к праславянской эпохе, другие обязаны воздействию субстрата, интерференции славянских и неславянских языков, расположенных на смежной территории. Существует мнение, что именно на период карпатской миграции славян приходится формирование значительной части географических терминов (ср. *dělz, *persolpъ и т. д.).¹⁴ При оценке общих явлений в словаре нельзя не учитывать влияния балканских языков. В карпато-балканском языковом пространстве в силу активных иррадиационных процессов явления, присущие балканскому языковому миру, распространялись на север и включались в структуру карпатских языков. В ходе исследования было установлено, что многие лексические изоглоссы выходят далеко за пределы карпатского ареала и обнаруживают продолжения в территориально удаленных языках и диалектах, а именно в языке альпийских славян — словенском,¹⁵ а на восточнославянской территории — в полесских говорах, диалектах белорусского языка.¹⁶

языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978, 27–41; С. Б. Бернштейн, Л. А. Гиндин, Г. П. Клепикова. «Общекарпатский диалектологический атлас» и некоторые проблемы южнославянского этногенеза // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. М., 1983, 3–17 и др.

- 13 Младенов Максим Сл. За мястото на южнославянските езици в Общекарпатския лингвистичен атлас // Zborník filozofickej fakulty univerzity Komenského. Philologica. Celokarpatský dialektologický atlas. Ročn. XXVI. Br., 1976, 47–48.
- 14 Иллич-Свитыч В. М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян // Известия ОЛЯ XIX, 1960, 222–231. С расширением фактической базы исследования из сферы приложения данной теории устраняется большой пласт лексики, в котором семантические сдвиги минимальны или прослеживаются в сев.-слав. языках. См. Клепикова Г. П. Гипотеза В. М. Иллич-Свитыча относительно роли «карпатской миграции славян» в свете новых данных лингвогеографии // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. Конференция памяти В. М. Иллич-Свитыча. 6–8 февраля 1990 г. Тезисы докладов. М., 1990, 21–23.
- 15 Гутшмидт К. К карпатоукраинско-южнославянским лексическим параллелям // Славянское и балканское языкознание. М., 1975, 202–210; Gutschmidt K. Versuch einer Typologie der karpatoukrainisch-südslawischen lexikalischen Parallelen // Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace językoznawcze, z. 61, 1979, 65–71. См. еще: Куркина Л. В. [Рец.] Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 1. Кишинев (Штиинца), 1989 // Известия ОЛЯ 49, 1990, 476.
- 16 Толстой Н. И. Об изучении полесской лексики // Лексика Полесья. М., 1968, 3–18.

Результатом лингвогеографического изучения ю.-слав. лексики явилось установление ряда словенско-сербохорватско-украинско-белорусских-южнославянских изолексов (ср. с.-хорв. *брзд-йца* 'стремнина в ручье' ~ блр. *бóрзды* 'быстрый', словен. *goljca*, с.-хорв. *голоћа* ~ укр. *голéча*, блр. *галеча* 'бедность; беднота' и т. п. — Трубачев 1963¹, 185–187; Цыхун; Козлова 1982; Запрудскі 1986; Запрудскі 1989).¹⁷ Специфические изолексы объединяют вост.-слав. диалекты с западной периферией ю.-слав. языковой области — со словенским языком (ср. словен. *svépati* 'мигать, мерцать' ~ др.-рус. *свелати, свепетати*, словен. *gorjáča* 'сучковатая палка' ~ др.-рус. *гворатый гвоздь* и т. д. — Bezljaj. Eseji, гл. VII).¹⁸ Словенско-восточнославянским изолексам, связывающим весьма удаленные друг от друга современные ареалы, придается существенное значение при реконструкции пространственных отношений на плоскости праславянского языка. В лексических связях диалектов южных и восточных славян участвуют и зап.-слав. языки: некоторые украинско-южнославянские изолексы проходят через территорию западных славян (ср. *česrati, *čilь, *kavorplь и т. д. — Boguś 1980, 75–87).

Столь же широки и разнообразны лексические связи южных и западных славян (Boguś 1980). В работах польских исследователей акцентируется внимание на общих элементах в словаре западных и южных славян и противопоставленности всего этого языкового комплекса восточным славянам (ср. Nalepa, Moszyński, Popowska-Taborowska 1991). По наблюдениям И. Налепы, топонимы с основами *bьrd-, *krak-, *nakьl- и *sopot- неизвестны восточным славянам, но они хорошо засвидетельствованы на славянских землях на всем протяжении от Балтийского до Адриатического моря. На этом основании делается категорический вывод о происхождении южных славян от славян северо-западных (Nalepa 299). Уже в самой постановке вопроса в излишне прямолинейной форме кроется опасность одностороннего взгляда на языковые факты, требующие детального изучения во всех возможных аспектах.

Один из типов лексических изоглосс указывает на тесную связь вост.-юслав. диалектов с лехитской языковой группой. Намечается целый ряд кашубско-болгарских изолексов и шире — изо-

17 Обзор литературы на эту тему см.: *Нимчук В. В.* Карпато-украинско-южнославянские языковые параллели и тождества (История и перспективы проблемы) // *Общеславянский лингвистический атлас*. 1984. См. еще: *Rusek J.* Z nawiązań leksykalnych ukraińsko-południowosłowiańskich // *Zborník filozofickej fakulty univerzity Komenského. Philologica. Celokarpatský dialektologický atlas*. Roč. XXVI. Br., 1976, 69–79; *Gutschmidt K.* Bemerkungen zu südslawisch-nordslawischen lexikalischen Parallelen // *ZfSl*, Bd. 24, H. 1, 1979, 39.

18 *Куркина Л. В.* Словенско-восточнославянские лексические связи // *Этимология*. 1970. М., 1972, 91–102.

лекс кашубско-южнославянских.¹⁹ В ареальную характеристику западных диалектов ю.-слав. языков входят связи с серболужицкими языками. Требуют выявления и специального изучения изолексы серболужицко-сербохорватские (ср. в.-луж. *česel* 'гребень' ~ с.-хорв. *čешаль* то же, н.-луж. *traś*, в.-луж. *trać* 'продолжаться' ~ с.-хорв. *трајати* и т. д. — Трубачев 1963¹, 189),²⁰ очень существенны изолексы серболужицко-словенские (ср. н.-луж. *jašy* 'пасха' ~ словен. древ. и диал. *jatra* 'утро', в.-луж. *jěry* 'горький' ~ словен. *jérek* то же, в.-луж., н.-луж. *strowy* 'здоровый' ~ словен. диал. *strôu*, *stráva* то же и т. д. — Schuster-Šewc 1977, 437). Эти изолексы объединяют языковые области, далеко отстоящие друг от друга, что исключает возможность взаимовлияний в лексике названных славянских диалектов. В центре внимания остается проблема словенско-западнославянских лексических связей, а точнее связей словенского и западных диалектов сербохорватского языка с диалектами/языками чешско-словацкой языковой области (Popović 33; Popović WdS VII; Bezłaj. Eseji, гл. VIII; Smoczyński — SFPS XI; Vasilev 1973; Vasilev — WslJb 21). В самом широком плане наблюдается лексическая противопоставленность большого языкового ареала, включающего словенский язык и диалекты западной и восточной групп, всему остальному ю.-слав. континууму, образуемому сербохорватским, болгарским и македонским языками.

Если говорить о внешних связях, то наиболее существенны для западной и восточной групп ю.-слав. языков связи с балтийскими языками. Балтийские соответствия составляют специфическую характеристику лексических диалектизмов южных славян: ср. болг. *дрѣска* 'что-то очень маленькое' ~ лит. *druskà* 'соль' (ЭССЯ 5, 140), болг. *лѣхам*, *лѣхна* 'подуть, повеять' ~ лит. *alsùoti* 'тяжело дышать' и т. д. (Трубачев 1963¹, 190–191); словен. *sùl* 'дым, чад' ~ лтш. *svals*, *svala* то же (Bezłaj. Eseji 167), словен. *dúzati* 'толкать, совать' ~ лит. *daũžti* 'толкать, бить' (ЭССЯ 5, 166) и т. п. (см. Bezłaj. Eseji, гл. VI; Трубачев 1963¹, 189–193).

В плане внешних и внутренних связей наиболее последовательно и всесторонне изучается лексика словенского языка. И большая заслуга в этом известного лингвиста Ф. Безлая, автора фундаментальных исследований, посвященных анализу словенской гидронимии (Slov. vodna imena I, II), этимологизации лексики словенского языка. Праславянское прошлое словенского языка стоит в центре

19 *Зенюкова Я.* Кашубско-български лексикални успоредици // Език и литература XVI, 1. С., 1961, 49–60; *Wrocławwska E.* Związki leksykalne kaszubsko-południowosłowiańskie // SFPS VII. W-wa, 1967, 175–178; *Popowska-Taborska H.* Z problematyki badawczej nawiązań leksykalnych (na materiale kaszubsko-południowosłowiańskim) // RS XXXVI, 1, 1975, 3–15.

20 *Frinta A.* Lexikální i jiné shody jazyků srbskocharvátského a lužicko-srbského // 36. за филологију и лингвистику. I. 1957.

внимания исследований Ф. Безлая. Территория словенского языка рассматривается как область консервации лексических архаизмов с глубокими индоевропейскими связями. Идея об особой архаичности словенского языка определяет поиски узколокальных древних образований, представленных только в небольшой части южнославянского региона — в Восточных Альпах. При воссоздании дописьменной истории словенского языка определяющими, по мысли Ф. Безлая, должны стать изоглоссы, особенно сепаратные, связывающие словенский язык с вост.-слав., зап.-слав. и балтийскими языками. В существовании подобных изоглосс Ф. Безлай видит подтверждение теории, согласно которой в освоении Восточных Альп принимали участие разные славянские племена: разнонаправленные миграционные потоки принесли в Восточные Альпы диалекты западного и восточного типа, смешение, взаимопроникновение разных славянских диалектов и стало, с его точки зрения, генетической основой словенского языка. Реальные процессы, определившие формирование словенского языка, были достаточно сложны и многообразны, и факт взаимодействия, взаимной ассимиляции близкородственных диалектов играл не последнюю роль, но механизм языкового развития, как нам представляется, был во многом задан еще в праславянский эпоху структурой того диалектного комплекса, который включал в себя и будущий словенский язык, и западные диалекты сербохорватского языка. Истоки словенского языка следует искать именно в этом комплексе близкородственных диалектов, определившемся в основных своих чертах к эпохе расселения славян.

Предмет исследования. В зап.-юслав. диалектной группе словенский язык выступает на правах автономного образования, сохранившего в большей степени, чем родственные ему диалекты, устойчивость, непрерывность в развитии. Другие диалекты этого комплекса подверглись сильной штокавизации и по этой причине в очень стертном виде и очень фрагментарно отражают первоначальную картину. Эти моменты определяют особое значение данных словенского языка для реконструкции лингвистических отношений добалканской эпохи. Ключ к решению этногенетических вопросов южнославянского ареала лежит в древнейших пластах лексики, объединяющих словенский язык с западными диалектами сербохорватского языка и вместе с тем отделяющих западный комплекс ю.-слав. диалектов от восточного. В настоящей работе ставится задача выявления того фрагмента праславянского словаря, который можно считать специфическим для словенского и зап.-юслав. диалектов в целом. Другая задача — интерпретация зап.-юслав. диалектизмов в лингвоэтническом плане с применением словообразовательного и этимологического анализа. При выявлении лексики, отличительно характеризующей западный ареал ю.-слав. территории, мы оставляем в стороне вопросы, связанные с распределением внутри этого ареала сепаратных словенско-хорватско-кайковских, словенско-чакавских, словенско-штокавских изоглосс. За основу сравнительно-сопоставительного изучения словарного фонда южно-

славянских языков берется лексика словенского языка, и с позиций именно словенского языка оцениваются общие явления в словаре зап.-юслав. диалектов. Таким образом, мы пользуемся крупным масштабом. Ясно, что для выявления микроареалов в пределах исследуемой территории этот масштаб недостаточно подробен. Но микроареалы являются территориальными величинами позднего времени, границы диалектов размыты поздними миграционными и языковыми процессами. Для решения поставленных нами лингвотнических задач важна не столько дифференциация внутри северо-западного ареала, сколько то общее, что объединяет диалекты этого ареала и что полнее всего проявляется в словаре. Общая часть словаря этих диалектов многослойна: она включает большой пласт общеславянской лексики и диалектизмы разного времени, восходящие к праславянской эпохе и эпохе самостоятельного развития на новой родине. Мы избираем предметом всестороннего изучения ту часть диалектной лексики, которая характеризует не все ю.-слав. языки, а преимущественно диалекты северо-западного ареала и в особенности диалекты словенского языка. Диалектное отличие зап.-юслав. языковой группы проявляется в самом наборе лексико-семантических единиц, в их словообразовательном оформлении и семантическом наполнении.

Но ориентируясь на тот фрагмент словаря, который состоит из лексики, специфической для зап.-юслав. ареала, мы хорошо понимаем, что в силу причин внешнего и внутреннего порядка состав лексических диалектизмов того или иного языка или диалектной группы не может быть раз и навсегда данной, абсолютной величиной. При отсутствии четких границ между диалектами, а в ряде случаев по причине мозаичного расположения диалектов явления, сосредоточенные на северо-западной периферии южных славян, выходят за пределы этого ареала, частично охватывают область штокавского диалекта, а нередко обнаруживают продолжения в отдельных диалектах болгаро-македонской группы. Это обстоятельство предостерегает нас от выводов и формулировок в излишне категоричной форме и побуждает внести уточнения в положение о лексической противопоставленности двух ю.-слав. ареалов. Ю.-слав. языковые группы имеют различия в инвентаре, в самом наборе лексических единиц, но в ряде случаев различие идет по другой линии: интересующий нас западный ареал оказывается областью интенсивного распространения целого ряда лексем, в восточном ареале прослеживаются соответствия для этих лексем лишь на очень ограниченной территории. Таким образом, прерывистая изоглосса связывает словенский язык и весь зап.-юслав. комплекс с отдельными диалектами восточного ареала. Можно привести немало примеров того, как лексемы, характерные для зап.-юслав. диалектов, обнаруживают продолжения в отдельных болгаро-македонских говорах, находят подтверждение в топонимии, в древних текстах и т. п. Один из таких примеров дают слав. **muditi*/**mqditi* и **kʒsněti* в значении 'медлить'. Слова с основой **kʒsn-* можно считать обще-

южнославянскими: ср. словен. *kesèn* 'tardus', с.-хорв. *kāsan*, болг. *късно*, макед. *касно*; продолжения с основой **mud-* характеризуют в основном зап.-юслав. диалекты: словен. *mudíti* 'медлить; колебаться', хорв.-кайк. *muditi* 'терять время' (Skok II, 475), в восточной области находим соответствующие образования в памятниках старославянской письменности (ср. *мудити* *χροῦίϝω* Зогр., Асс., Сав., Остр. — Львов 172–173) и некоторых современных диалектах болгарского языка: ср. болг. *мудный*, троян., плевен. *муден*, *муд'ън* 'вялый, неловкий' (Геров III, 90; БД VI, 194; IV, 215). Другой пример — праслав. **olnita*: в западном ареале это слово представляют словен. (Резия) *lanita* 'щека', чак. (Прес) *lānita* и *lānita* то же (Tentor. Leks. sl. 70), а в восточном — лишь ст.-слав. *ланиѣта* *παγών*, *παρειά* (Супр.) и болг. родоп., неврокоп. *ланиѣта* 'щека', с другим суффиксом *ланиѣца* 'челюсть' (БД II, 198; Цыхун 50). Зоной наиболее активного употребления праслав. **zělъ*, **zělo* являются западные диалекты: ср. словен. *zelō* 'очень', с.-хорв. чак. *o-zelē* 'охотно', *zelā* (Сусак) то же (Zajceva 83), в восточной части это слово находим лишь в старославянских памятниках: *зѣлъ* *σφοδρός*, *зѣло* *σφοδρα*, *ліан*, *мала* (Остр., Супр., Mikl. LP 234), ср. еще др.-рус. *зѣль* 'сильный' (Фасмер II, 92). Праслав. **vъсь* 'поселение, деревня' по существу засвидетельствовано на всей ю.-слав. территории, но традицию длительного, непрерывного, активного употребления сохраняют лишь диалекты северо-западного края: словен. *vās* 'деревня', хорв.-кайк. и чак. *vās* то же, топ. *Dolenja vas*, *Gorenja vas* (Zajceva 82), но в отдельных говорах встречается и слово *selo*. В восточных диалектах сербохорватского языка доминирует слово *selo*, другое название **vъсь* сохранилось в местных названиях типа *Pruška vas* (Skok III 667). В болгаро-македонской области подтверждением слав. **vъсь* являются ст.-слав. *въсь* (Зогр., Мар., Ас., Клоц., Супр. и т. д.) 'деревня, *χάμη*, *χωρίον*, *villa*', а также немногие топонимы, ср. *Дълга въсь* (XIV в.), *Вехчани* (Охрид), *Вехчан*, *Вечан* (Албания) < **Весчане* < *vъсьсь-jane* (БЕР I, 136). Соотносительные лексемы **kruhъ* и **xlěbъ* 'panis' известны на всей ю.-слав. территории (ср. словен. *kruh*, чак. и хорв.-кайк. *krùh*, болг. диал. *окрух* 'вид хлеба'), но нормой современного словоупотребления в западных диалектах является **kruhъ*, а в восточных **xlěbъ* (БЕР III, 30; Bezlaž II, 104; ЭССЯ 8, 27). Глагол **gręsti*, *grędъ*, активно функционирующий в зап.-юслав. диалектах (ср. словен. *grem*, стар. *gredem*, с.-хорв. чак. *grem*, *grep*, ю.-зап. шток. *gredem*, см. Zajceva 92), ограниченно встречается в восточной области: в памятниках старославянской письменности (ср. *грати*, *гратѣ* Зогр., Син. пс., Син. тр., Клоц., Сав. кн., Супр.) и отдельных диалектах: болг. родоп. *грендѣ* 'идти', макед. диал. *греде* то же (БЕР I, 277; ЭССЯ 7, 123). Сходное территориальное распределение имеют и семантические диалектизмы. Так, у праслав. **kъlkъ*/**kъlka* при основном значении 'бедро' (ЭССЯ 13, 188) в западной части ю.-слав. языков развивается «горное» значение: ср. словен. *kōlk*, *kōlk* 'выступ скалы, вершина, гора,

холм', горн. топ. *Kolk, Kovk, Kok, Kuk* (Badjura 122, Bezlaj I, 271–272), резьян. *kolk, ku:k* 'небольшая гора, холм', терск. *kóuk* 'гора' и название возвышенности (Kronsteiner – WslJb XXI, 129; Бодуэн де Куртенэ. Архив), с.-хорв. *kùk, kûk* 'большой камень, утес, скала' и топ. *Kùk* (Милна, Брач) (RJA V, 753; Skok II, 225; Нг.–Šim. 469) и болг. страндж. *кълка* 'холм'.²¹

Зоной активного употребления может быть и восточная область ю.-слав. территории. Пример такого неравномерного территориального распределения относительно центра, расположенного в вост.-юслав. диалектах, дает изоглосса славянского глагола **prētiti*. Этот глагол практически представлен во всех трех группах славянских языков, но в вост.-слав. языки он проник из южных языков (см. Фасмер III, 361), а в ю.-слав. языковой области и зап.-слав. языках представлен очень ограниченными образованиями. Таковы ст.-чеш. *prěta* 'угроза, запрет', топ. *Přetín, Přetenice* (Machek² 491), н.-луж. *psěšís* 'претить кому чем', *hopsěšís* 'стращать кого чем' (Мука II, 236); словен. *prētí-ti* 'грозить, угрожать', с.-хорв. *prijētiti* то же, отглагольное имя *prjet* (Вук, Бока) = *prēt* (Ластово) 'удар в плечо', производное на *-nja* – *prijětnja* (Skok III, 43). Слабее всего засвидетельствован этот глагол в болгарском литературном языке и его диалектах: глагол *претя* отмечен в словаре Младенова (Младенов 361), а производное от него наречие *претило* в значении 'чрезмерно' находим в описании одного из болгарских диалектов (Разлог – СБНУ XLVIII, 510). Но этот глагол с широкой семантикой и большим числом производных по активным словообразовательным моделям отражают старославянские и церковнославянские памятники: ср. *прѣтити* 'грозить, угрожать' – ἀπειλεῖν, ἐπαινεῖσθαι, *minari, comminari, intentare, offendere*, 'укорять, уговаривать, увещать' – ἐπιτιμᾶν, ἐμβριμᾶσθαι *incerpere, comminari, fremere*; 'приказывать' – ἐπιτιμᾶν, διαστῆλλειν, παραγγέλλειν – *comminari, praecipere*; 'возмущаться, быть взволнованным' – ἐμβριμᾶσθαι, *fremere* (SJS 32, 496; Supr., Slepč. и др.), *запрѣтити* 'приказать; взволновать, погрозить, укорить' (SJS 12, 662–663: v. Psalt, Euch., Supr., Apost., Parim.), *взспрѣтити, прѣтъба* 'угроза' – *minae* (SJS 32, 499: Vit), *попрѣта* 'res vituperanda, uti videtur' (Mikl. LP 627: hom.-mih.) и т. д. Примеры из древних текстов дают основание для реконструкции исходного значения 'противиться' и истолкования этого глагола как каузатива, производного от слав. **perti* (ср. ст.-слав. *прѣти, пѣж* 'сориться', Супр.) по типу **orsti* → *orstiti*, **peṭi* → *peṭiti*. Рассматриваемый глагол является славянским новообразованием, и центр активности его приходится, видимо, на древние вост.-юслав. диалекты.²²

21 Григорян Э. А. Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975, 112.

22 Славянский глагол этимологизируется по-разному: Младенов связывал с *перек, перечить* (Младенов 361), в словаре Махека производится от

Как видим, материал противится четкому, строгому разграничению диалектных зон. Прерывистые изоглоссы, минуя центральные области, объединяют диалекты западного и восточного комплексов. Природа их различна. В одних случаях изоглоссы этого типа отражают древние диалектные отношения (ср. *zělo, *muditi, *olnita), в других сам характер изоглоссы, ее конфигурация определяется поздними лексико-семантическими процессами, которые привели к вытеснению и утрате соответствующих слов на территории вост.-юслав. диалектов (ср. *vъsъ и *selo). В силу своей изначальной диалектной расчлененности обе ю.-слав. области располагали во многих случаях разными словами, разными лексико-семантическими единицами для обозначения одних и тех же реалий. Диалектная синонимия перестраивалась, частично устранялась в процессе интеграции диалектов, нивелирования различий особенно в наддиалектной языковой системе, каковой могли быть устная и письменная разновидности языка. При генетической характеристике зап.-юслав. диалектов мы не можем не учитывать прерывистые изоглоссы, захватывающие небольшие зоны внутри территории распространения языков/диалектов восточного ареала. Явления, не имеющие продолжений в болгаро-македонской области, и явления, для которых удастся найти очень ограниченные продолжения, не исключают друг друга. Напротив, они являются одним из проявлений сложности диалектных связей и потому нуждаются в этнолингвистическом осмыслении. Изоглоссы этого типа важны для проверки положения о соотношении центральной и латеральной диалектных зон на ю.-слав. территории.

В свете вышесказанного используемые в работе термины — зап.-юслав. диалектизм и вост.-юслав. диалектизм не являются достаточно точными и строго выдержанными с лингвогеографической точки зрения. Но осознавая сложность диалектных связей, многообразие их проявления, мы тем самым отдаем предпочтение названным терминам и видим их назначение в том, чтобы дать указание на основной ареал распространения рассматриваемой нами диалектной лексики.

Приемы и методы исследования. Задачи исследования. В практике славистических исследований сложилось два подхода к проблеме состава словаря: предметно-семантический и структурно-генетический (Трубачев 1963¹, 161–164). Предметно-семантический подход, как говорит само название, основывается на классификации словаря по принципу предметных или

прилаг. *pretivъ*, связываемого чередованием с *protivъ*, с развитием удлинения *pretiviti > *prētiti (Machek² 491). Наибольшие трудности в этом истолковании связаны с корневым вокализмом *e* – *ě*. Сходное объяснение слав. *prētiti находим у Пизани: *prētiti < *preti* 'contro', чередующегося с *proti*, *прѣс* (См. *Pisani*. [Рец.:] Vasmer. REW 15–18 // *Paideia* XII, 1, 1957, 56.)

смысловых связей между словами. В пределах заданного пространства члены лексико-семантических и тематических групп выступают как соотносительные варианты,²³ которые при соответствующем картографическом воплощении показывают, как, в каком направлении происходит членение исследуемого языкового континуума. Соотносительные варианты далеко не всегда территориально разграничены, нередко они сосуществуют на территории, однородной в языковом отношении, или в частной диалектной системе, но как явления, следующие друг за другом во времени. Функциональная нагрузка территориального варианта определяется местом, занимаемым им в ряду лексико-семантических отношений частной диалектной системы. Современная наука располагает лишь фрагментарными наблюдениями о распределении на южнославянской территории слов, связанных между собой лексико-семантическими и предметно-семантическими отношениями. Некоторые соотносительные изолексы отражают диалектные различия в словаре западных и восточных диалектов южных славян. Приведем в качестве примера следующие соотносительные лексемы: *zabyti (словен. *zábiti* 'забыть', хорв.-кайк. *zabiti*, см. Skok I, 160; Zajceva 104, Popović 25) ~ *za-boraviti (с.-хорв. шток. *zabòraviti*, болг. *заборáвям*, *забрáвям*, макед. *заборави*, см. БЕР I, 670; ЭССЯ 2, 195); *zybati (словен. *zíbati* 'качать', с.-хорв. кайк., чак., частично шток. *zibati* = *zibát*, см. Zajceva 104; Skok III, 653) ~ **kolébatì (se)* (ст.-слав. *колѣвати*, болг. *колебáж са* у Дювернуа, диал. *колебам са* 'шататься, раскачиваться при ходьбе', макед. *колеба* 'качать ребенка', с.-хорв. *колéбати (се)*, см. БЕР II, 650; ЭССЯ 10, 129; Skok III, 125) ~ **l'ulěti* (болг. *люлѐя*, макед. *лулее*); *kača (словен. *káča* 'змея', хорв.-кайк. *kača*, см. Bezlaj II, 8) ~ *gadъ (сев.-чак. *gad*) ~ *zmiĵa (словен. диал. *zmiĵ*, шток. *zmiĵa*, чак. *zmaĵā*, см. Skok III, 657) ~ *guĵa (болг. диал. *гуя*, с.-хорв. шток. *gŭja*, см. Zajceva 83–84; ЭССЯ 7, 168); словен. *krósna* 'ткацкий станок', с.-хорв. чак. *krosna* (Zajceva 93) ~ с.-хорв. шток., болг. *разбой*, диал. *кросна́* (БЕР III, 20), словен. *drag* 'teuer', с.-хорв. чак. *drag* то же ~ с.-хорв. шток. *скуп*, болг. *скъп* (Popović 27); словен. *prósiti* 'просить' ~ с.-хорв. шток. *móliti*, болг. *моля* то же (Popović 27) и т. д.

Исследования предметно-тематических групп словаря в их территориальном распределении дают много новых интересных данных, которые позволяют вскрыть внутреннюю историю отдельных языковых явлений и в целом наметить динамику лексико-семантических процессов в пределах выделенного ареала. Но предметно-семантический подход с его центральными понятиями смысловая, тематическая группа решает в первую очередь вопросы номинации,

23 В работах Р. И. Аванесова совокупность соотносительных вариантов частных диалектных систем называется соответствующим явлением // Общеславянский лингвистический атлас. М., 1965, 26.

семантической организации определенных пластов лексики. Поставленной задаче — выявить на общеславянском фоне своеобразие состава и структуры словаря словенского языка и близкородственных ему диалектов — более всего отвечает структурно-генетический подход с его первостепенным вниманием к морфемному строению слова и идентификации генетически тождественных единиц. Сам объект исследования — лексические диалектизмы северо-западной языковой группы южных славян — не дан нам непосредственно в виде открытого списка слов. Чтобы выделить объект и определить его основные характеристики, необходимо провести большую поисковую работу, основанную на сравнительно-сопоставительном изучении лексических единиц южнославянских языков. Словарный состав словенского языка насчитывает не одну тысячу слов. И обработка такого огромного фактического материала — задача сложная и едва ли выполняемая в абсолютно полном объеме. Но мы исходим из того, что надежными показателями лингвостатистических отношений могут быть лишь устойчиво повторяющиеся, не единичные, а массовые изолексы, выявление которых возможно только при условии широкого охвата всего словаря. Выборочное изучение отдельных фрагментов словаря, организованных по предметно-семантическому или словообразовательному принципу, имеет то несомненное преимущество, что позволяет в пределах заданных границ почти с исчерпывающей полнотой выявить состав и отношения исследуемого объекта, но любое ограничение материала заведомо скажется на количественной стороне получаемых результатов. В центре нашего внимания будут наиболее существенные, выразительные явления, составляющие своеобразие словаря словенского языка и близких ему диалектов. При широком охвате материала вполне естественны и понятны отдельные упущения, пропуски, но эти факты даже в случае их последующего выявления не смогут существенно повлиять или изменить основные структурные и ареальные характеристики зап.-юслав. диалектизмов. Все вновь обнаруженные факты дадут лишь новые подтверждения уже установленных словообразовательных и ареальных отношений, актуальных для выбранной нами группы диалектов. Но как уже было сказано выше, сам состав лексических диалектизмов зависит от многих причин, в том числе и от этимологического осмысления слова. В силу этих обстоятельств список регионально ограниченных явлений в словаре того или иного языка или диалектной группы всегда остается открытым.

Структурно-генетический подход, выдвигающий на первый план лексико-словообразовательный и пространственный аспекты исследования, определяет содержание и понимание задач настоящего исследования. В самом общем виде они могут быть определены следующим образом:

1. составление инвентаря региональных элементов, объединяющих словенский язык с западными диалектами сербохорватского языка;

2. характеристика словообразовательной структуры зап.-юслав. лексических диалектизмов, определение наиболее типичных для них словообразовательных моделей;

3. выявление генетических связей названных диалектизмов на основе морфологических отношений и шире — на основе этимологического анализа;

4. выяснение древних междиалектных связей внутри славянского ареала; выявление связей с индоевропейскими языками;

5. реконструкция территориально-диалектных отношений в праславянском языке добалканской эпохи с позиций северо-западной группы ю.-слав. диалектов;

6. определение по данным изолексов основных путей славянских миграций в южном направлении.

Поставленные задачи решаются чисто лингвистическими средствами. Материалы исторической науки, а именно исторические свидетельства древних авторов, данные археологии, этнографии и т. п., не используются в качестве основного аргумента исследования. Работа строится на материале апеллятивной лексики, по необходимости учитываются показания гидронимии, топонимии, но в очень ограниченном объеме, в основном с целью восполнения лакун в исследуемой части словаря.

Основные словарные источники. В основу настоящего исследования положен двухтомный «Словенско-немецкий словарь» М. Плетершника (1894–1895 гг.). Этот словарь, построенный по принципу словарей тезаурусного типа, собрал в себя словарные материалы разного времени и из разных областей, перечень словарей дан в предисловии к первому тому. В работе использованы старые словари и в первую очередь словари Х. Мегисера 1592 и 1603 гг. в переработанном варианте (Megiser). В новых изданиях 1967 и 1977 гг. весь словарный материал перекомпонован с ориентацией на словенскую лексику, которой отводится первое место в перечне языковых соответствий. Эта основная база исследований расширена и дополнена материалами доступных нам диалектных словарей, опубликованных уже после издания Плетершника²⁴ (Novak, Karničar, Z. Zorko и др.). Необходимые экскерпции сделаны из «Словаря словенского литературного языка», а также из разного рода исследований (ср. R. Vadjura. Ljudska geografija. Ljubljana 1953), в том числе

24 В настоящем исследовании мы опираемся в основном на тот круг источников, который стал основой для реконструкции праславянского лексического фонда словенского языка в «Этимологическом словаре славянских языков», работа над которым осуществляется в Отделе этимологии и ономастики Института русского языка РАН под руководством академика РАН О. Н. Трубачева. Список источников по словенскому языку приведен в первом выпуске словаря (ЭССЯ 1, 1974, 13–14), дополнения к этому списку см. в последующих выпусках.

этнографических, опубликованных на страницах журналов «Etnolog», «Slovenski etnograf» и в других изданиях. Учтены материалы словаря белтинского наречия Ф. Новака. В трудах Ф. Безлая (Slovenska vodna imena, I–II. Ljubljana, 1956–61 гг.; Etimološki slovar slovenskega jezika, I–II. Ljubljana, 1976, 1982 гг.) словенский язык предстает во всем своем лексическом богатстве. Приводимый Ф. Безлаем фактический материал, почерпнутый из ономастики, старых словарей, многочисленных словенских диалектов, имеет самостоятельную ценность, поскольку он включает редкие или вовсе исчезнувшие слова, не отмеченные в словаре М. Плетершника.²⁵ Как известно, словенский язык отличается большая диалектная дробность, но различия между диалектами по данным лексики не изучены, поэтому словарный состав словенского языка берется в целом как собрание слов, засвидетельствованных в разное время на территории Словении. При современном состоянии лексикографии²⁶ преждевременна и нереальна сама постановка проблемы выявления лексических микроареалов в пределах территории распространения словенского языка.

С учетом поставленных задач сравнительно-сопоставительное изучение словенской лексики проводится в двух направлениях: в плане сопоставления с соответствующей лексикой западных диалектов сербохорватского языка, с одной стороны, и лексикой восточных диалектов ю.-слав. языков. Словарный состав хорватско-кавказских, чакавских диалектов отражают старые словари Хабделича, Стулли, Ямбрешича, Вольгиджи, Белостенца, Микали, Витезовича,²⁷ Вранчи-

25 Об этом см.: Куркина Л. В. [Рец.:] Bezlay F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga: A–J. Ljubljana, 1976 // Этимология 1977. М., 1979, 166–167; Друга knjiga: K–O. Ljubljana, 1982 // Этимология 1983. М., 1985, 187–192.

26 Ahlin M. Povojna slovenska leksikografija // Лексикографија и лексикологија. Београд – Нови Сад, 1982, 3–8; Jakopin F. Delo Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU // Rasprave Zavoda za jezik 15. Zagreb 1989, 53–56. – В настоящее время ведется работа по составлению словаря резьянских наречий (по материалам Бодузена де Куртенэ), по материалам Й. Грегориша составляется словарь костельского диалекта. В 1980 г. Университет г. Грац (Австрия) представил программу, в соответствии с которой осуществляется работа по составлению словаря словенского народногo языка на территории Каринтии. Вышла первая книга с обоснованием принципов и некоторыми практическими результатами (Prunč E. Schlüssel zum »Thesaurus der slowenischen Volkssprache in Kärnten«. Hrsg. von Hafner S. und Prunč E. Wien, 1982. См. еще: Prunč E. Thesaurus der slowenischen Volkssprache in Kärnten. Hrsg. von Hafner S. und Prunč E. Bd. 1: A–B. Wien, 1982; Bd. 2: C–dn. Wien, 1987; Bd. 3: do–F. Wien, 1992.

27 Характеристику названных словарей см.: Masulin St. Hrvatska i srpska leksikografija // Filologija 2, 1952, 41–62. О состоянии диалектной лексикографии сербохорватского языка см.: Зайцева С. Дијалекатски речници као база за савремена лингвистичка истраживања // Лексикографија и лексикологија. Зборник реферата. Београд – Нови Сад, 1982, 69–76.

ча, Юрина²⁸ и других авторов. Материалы этих словарей вошли в Загребский словарь (RJA), многотомный лексикографический труд, охватывающий лексику с момента появления первых письменных памятников, т. е. с конца XII в. по XIX в. включительно.²⁹ В наиболее полном виде чакавскую лексику представляют опубликованные в недавнее время два словаря — «Словарь говора о. Вргада» Б. Юришича и «Чакавско-немецкий словарь» М. Храсте и П. Шимуновича (под редакцией Р. Олеша).³⁰ Первый словарь отражает лексику маленького острова Вргада и являет собой результат пятидесятилетней собирательской деятельности Б. Юришича, сделавшего первую запись в 1908 г., а последнюю в 1960 г. Частично диалектная лексика о. Вргада сопоставляется с соответствующей лексикой чакавского и западноштокавского диалектов. В «Чакавско-немецкий словарь», построенный по принципу двуязычных словарей, вошла лексика островов Адриатического моря (о. Хвар, Брач, Вис, Шолта и др.). С выходом в свет названных словарей в распоряжение исследователей поступило богатое собрание чакавской лексики. В работе мы опирались также на данные словаря Ивековича—Броза, словари тех хорватско-кайкавских и чакавских диалектов, которые расположены за пределами быв. Югославии (Koschat, Neweklowsky и т. д.), использованы словарные материалы, содержащиеся в монографических описаниях диалектов, небольшие словари и материалы, опубликованные на страницах серии «Rad» и других изданий (ср. «Hrvatski dijalektološki zbornik» и т. п.). Все эти источники будут названы в соответствующем месте при цитировании материала.

Для болгаро-македонских диалектов основным материалом послужили словари Герова, Конеского, Иллича-Свитыча, материалы

28 Об особенностях словаря Вранчица см.: *Vončina J. Vrančićev zbornik // Filologija*, knj. 9. Razred za filologiju. Zagreb, 1979, 7–36. О словарных материалах Юрина см.: *Kosor M. Zaboravljeni trojezični rječnici Josipa Jurina // Rad JAZU*, knj. 303. Zagreb, 1955.

29 Основатель Загребского словаря Даничич намеревался включить в словарь кайкавский материал наравне с материалами других сербохорватских диалектов. Но, видимо, под влиянием идей Миклошича, Копитара взгляды Даничича несколько изменились: он стал склоняться к тому, чтобы рассматривать кайкавское наречие как диалект словенского языка. По этой причине лексика кайкавского наречия вошла в Загребский словарь в неполном объеме. Но с 1936 г. с буквы *R* в Загребский словарь стали шире вводить кайкавские материалы. Об этом см.: *Finka B. O rječniku hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika // Rasprave Instituta za jezik*. Knj. 2. Zagreb, 1973, 193–202. Этот недостаток призван восполнить новый словарь (Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. Knjižiga prva, sv. 1 — knjižiga druga, sv. 6 —: *a-mučitelica*—). Zagreb, 1984–1991—).

30 О названных словарях см.: *Куркина Л. В.* [Рец.:] *Jurišić B. Rječnik govora otoka Vrgade*. Zagreb, 1973; *Čakavisches-deutsches Lexikon. Teil I. Köln — Wien, 1979 // Этимология 1980. М., 1982, 180–186.*

по болгарской диалектологии, диалектные словари из «Сб. за народни умотворения» и других изданий.

Лексика сев.-слав. языков бралась также в объеме словаря литературного языка и его диалектов.

В работе использованы этимологическая картотека и материалы словарных картотек Отдела этимологии и ономастики Института русского языка РАН.

В заключение несколько замечаний о принципах подачи материала. Основным источником по словенскому языку является словарь Плетершника. Материалы, взятые из этого словаря, не документируются. Все прочие лексикографические источники по словенскому языку называются. Подробная документация материала не дается в тех случаях, когда мы исходим из данных «Этимологического словаря славянских языков», «Праславянского словаря» или «Этимологического словаря словенского языка» Ф. Безлая.

ГЛАВА II

Структурно-генетическая характеристика западноюжнославянских лексических диалектизмов

Выявленный путем сравнительно-сопоставительного изучения фрагмент южнославянского словаря, отличительно характеризующий словенский язык и близкие ему диалекты, довольно значителен по объему. Для наших целей наиболее существенна древнейшая часть словаря, определить которую можно лишь путем последовательного расслоения лексического материала, разграничения в его составе хронологически различных пластов. Приступая к последовательному ретроспективному анализу лексических диалектизмов западноюжнославянского ареала, мы должны выделить и отграничить верхний, поздний по времени слой лексики, включающий заимствования разного времени, новообразования исторической эпохи. Развитие словенского языка протекало на субстратной основе, включающей иллирийский, кельтский языки, в тесном взаимодействии с соседними романскими и германскими языками. Значителен слой субстратной лексики в составе гидронимических и топонимических названий, которые в силу своих функциональных особенностей сохраняют наибольшую устойчивость во времени. Топонимы и гидронимы, бытующие на территории Словении и особенно в ее древнейшей области Каринтии, восходят к апеллятивам и собственным именам различного происхождения: ср. *Štajersko* через немецкое посредство продолжает античное имя *Stirias*, *Modreje* < кельт. *Materia*, *Čedad* < лат. *civitas* (Bezljaj. Eseji, гл. II–III), *Kolbnitz* (др.-в.-нем. *Cholomunzi*) < иллир.-кельт. **Cholomontsias*, *Tauern* < дослав. **Taur*, *Möll* < кельт. **Molina* 'Bergbach' и т. д. (Kranzmaier, гл. I–IV). Зачастую остается неясным характер языков, ассимилированных в восточных Альпах и западной части Балкан южнославянскими языками, поэтому поиски иноязычного источника сопряжены с большими трудностями и далеко не всегда приводят к определенному, удовлетворяющему всех решению. Предположительно к субстратному слою лексики восходят словен. *pāl* 'грязь, тина', с.-хорв. *pālača* 'болотистая земля' (Skok II, 689–690), словен. *brin*, с.-хорв. *br̃in* 'можжевелик' (ЭССЯ 3, 30), но язык-источник остается неизвестным. Картина осложняется еще тем, что заимствование нередко происходило не прямым путем, а через посредство языков, также слабо засвидетельствованных. Так, предполагают, что через кельтские языки из неизвестного субстратного языка пришло в зап.-юслав. диалекты слово *lapog* 'argilla marga, известняк' (Bezljaj II, 124). По данным ЭССЯ (8, 16), слово **xalupa*, тяготеющее к

альпийско-карпатскому ареалу (словен. *halúpa* 'лачуга', с.-хорв. диал. *halupa* 'маленькая низкая хижина, крытая соломой'), пришло через германское посредство из иллирийского источника. К древним заимствованиям из германских языков причисляют словен. *gránoselj*, *gránozelj* 'ласка (зверек)' и соответствующие севернославянские образования (ср. чеш. *hranostaj*, польск. *gronostaj*, рус. *горностай*). В общем словаре зап.-юслав. языков значителен слой романских заимствований. К ранним заимствованиям из альпийско-романских продолжений лат. *calcea* относят словен. *hláča* 'чулок, штанина', с.-хорв. *hläča* 'чулок', *hläče* мн. 'штаны' (ср. еще укр. *холóша* 'штанина' — ЭССЯ 8, 56). Из заимствований более позднего времени могут быть приведены в качестве примера словен. *blúta* 'рана (у лошади)', с.-хорв. *blúta* то же и 'испорченное вино' < итал. *biotto* или лат. *abluta* (Bezljaj I, 28), словен., с.-хорв. *luba* 'большой нарыв' < итал. *bolla* 'tumor' (Skok II, 153, 323). Из территориально близкого венгерского языка заимствованы, видимо, словен. *pápek* 'копыто', чак. *pápák* то же (Rasprave 1968, 32), *pōpāk* (Hr.—Šim. 869); словен., хорв.-кайк. *saga* 'смад, запах' < венг. *szag* 'запах' (Matić — Rad 315, 71—72).

При определении древнейшей, исконной части словаря должны быть сняты случаи калькирования, в которых отложилось влияние в первую очередь романских и германских языков. Так, для словен. *staréjši* = *stârši* 'родители', др.-серб. *staršej*, чак. (Црес) *stâreji* то же (Tentor — AfslPh XXX, 201) образцом послужило нем. *die Altern* = *Elttern*. Названия весны в словен. *vílaz* и *vígred* являются переводом нем. *Ausgang* (Bezljaj. Eseji 40). В восточной части южнославянских языков известна калька с роман. *primavera* (рум. *primăvară*, дословно 'перво-летье') — *pro-lét-ъje/*pro-lěť : с.-хорв. шток. *pro-leće*, *proleće*, *proliće*, болг. *пролет*, по тому же образцу построено чак. *primalice* — *prema-lét-ъje (Porović 334, 383).

Лексика иноязычного происхождения как специальная проблема применительно к изучаемому ареалу всегда привлекала к себе внимание исследователей. Результатом изучения этой проблемы в глубокой исторической перспективе и на уровне современных языковых контактов и языковой интерференции явились исследования, в которых описаны и проанализированы большие пласты иноязычной лексики, словари заимствований из романских и германских языков.¹ Меньше изучена субстратная лексика, пришедшая из релик-

1 Из литературы на эту тему выделим следующие работы: *Štrekelj K.* Zur slavischen Lehnwörterkunde. Wien, 1904; *Kranzmayer E.* Die deutschen Lehnwörter in der slovenischen Volkssprache. Ljubljana, 1944; *Striedter-Temps H.* Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin, 1963; *Idea.* Die deutschen Lehnwörter im Serbokroatischen. Berlin, 1958; *Petrov-Slodnjak M.* Zu einigen deutschen und ungarischen Elementen in den ostslowenischen Mundarten // Die slawischen Sprachen. Bd. 5, 1983, 79—107.

товых языков Балкан и прежде всего из иллирийского языка и древних кельтских языков, о которых индоевропеистика располагает очень фрагментарными знаниями. Мы лишь попутно коснулись этих вопросов, не претендуя на сколько-нибудь подробное их освещение, с одним намерением показать, по каким направлениям проводилось отграничение лексического материала.

Словарный состав западноюжнославянских диалектов пополнялся за счет новообразований, основанных на общих правилах славянского словопроизводства. К таким узколокальным поздним образованиям относится один из терминов ткачества — **tara* (~ **terti* 'тереть'): словен. *tára*, с.-хорв. *tára* 'ткацкий станок'. В восточной области в том же значении выступает новое слово балканского времени — болг. *разбой*, с.-хорв. *rázboj* (Трубачев. Рем. терм. 128). Местным новообразованием следует считать одно из названий весны: словен. *pomlād*, *spomlād*, *vzpomlād* и чак. *namlat*, *spomlat* (Поровић 324). По всем признакам поздними являются образования типа словен. *skožnovāti* 'бодрствовать, следить, заботиться', хорв.-кайк. *skožnovati* то же (RJA XV, 302: Bjel., Volt., Stulli, с пометой: из кайк. словаря), *skožnuvāti* то же (Fancev 387), производные от именной основы *skožen* < **skvozenь* или **skvozьnь* и, следовательно, связанные с наречием и предлогом **skvozь*, ср. словен. *skōzi*, *skōz*, с.-хорв. *kroz* и т. д.² К позднему, верхнему слою лексики должны быть отнесены такие производные, как словен. *ničēmuren* 'бесполезный, ненужный, eitel', с.-хорв. *ničēmuren* то же (RJA VIII, 165: только Mikaļa, Bjel., Jambr., Volt., Stulli, Herman 87), *ničēmurgьn* то же (Fancev 384) и т. д.

Всю предварительную работу по определению позднего слоя южнославянской лексики мы оставляем за пределами нашего исследования. Учитывая сложный, многослойный характер лексического состава зап.-юслав. диалектизмов и нисколько не преуменьшая этой сложности, мы считаем необходимым сосредоточить внимание на изучении древнейших лексических диалектизмов, которые могут быть определены в терминах праславянской реконструкции. Материал, которым мы располагаем, неоднороден по своей структуре, с точки зрения генетических и ареальных связей. Но выводы ареального порядка вытекают из сравнительно-сопоставительного изучения лексики, находятся в прямой зависимости от понимания морфологической структуры слова, от оценки его этимологических связей. И это обстоятельство делает оправданным и целесообразным выдвигание на первый план этимологического, морфемно-словообразовательного аспектов исследования. При выявлении генетических

2 Представляется маловероятным сближение словен. *skōzniti*, *skožnovāti* со слав. **čeznōti*, далее англос. *sceacan* 'спешить, бежать', ст.-сакс. *skakan* то же, слав. **skokъ* > и.-е. **skog'-/*skeg'-/*skek'-* 'прыгать, быстрое движение'. См.: *Bezlaj F. Leksikološke glose* // Jis XVII, 1-2, 1971/72, 40.

отношений актуальным в современной славистике признается принцип цельнолексемных соответствий и параллелей в славянских и неславянских языках (Трубачев 1963², 165). Цельноформленная лексика станет основной единицей нашего исследования. Чтобы подойти к решению вопроса о типичных особенностях словаря словенского языка и близких ему диалектов, необходимо всесторонне исследовать лексические диалектизмы в плане морфонологических и словообразовательных отношений, т. е. выявить морфемный состав слова, определить структуру корневой морфемы, сочетаемость корневой морфемы с определенными аффиксами при теоретически возможной широте выбора, наметить особенности реализации той или иной словообразовательной модели в избранной нами группе диалектов.

Со структурно-генетической точки зрения в пределах исследуемого фрагмента словаря можно разграничить следующие группы слов: 1. слова, структура которых не мотивирована на почве праславянского языка, 2. слова, обнаруживающие родственные образования в других славянских языках на уровне апофонических отношений, 3. лексико-семантические образования, построенные по моделям, актуальным для разных эпох развития праславянского языка. Диалектные различия проявляются и в семантике. Семантические архаизмы и семантические инновации — один из тех параметров, по которому оценивается своеобразие словаря западно-южнославянских диалектов.

Характеристика состава и структуры выделенных отрезков словаря станет основным содержанием настоящего исследования. В последующих разделах работы будут рассмотрены и проанализированы зап.-юслав. лексические диалектизмы с генетическими связями на индоевропейском уровне, лексико-семантические образования праславянской эпохи с определенно выраженными морфонологическими характеристиками, основные типы суффиксально-префиксальных образований. Каждая из частей словаря, выделенная по структурно-генетическому или семантическому принципу, определяется и оценивается по отношению к диалектам восточной части южных славян. Но в подавляющем большинстве случаев западно-южнославянские лексические диалектизмы имеют соответствия в севернославянских языках и, следовательно, принадлежат к той части праславянского словаря, которая является общей для всех славян, за исключением восточной части южнославянской группы. Приступая к характеристике лексических диалектизм словенского языка и западных диалектов сербохорватского языка, мы еще раз обращаем внимание на условность используемого нами определения западноюжнославянский диалектизм или лексический диалектизм северо-западного края южных славян не только с точки зрения южнославянских языков, о чем речь шла выше, но и в плане отношений с севернославянскими языками.

I. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ,
СТРУКТУРА КОТОРЫХ НЕ МОТИВИРОВАНА
СИСТЕМНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Лексические единицы, образующие данный отрезок словаря, характеризуются следующими особенностями: 1. основы этих лексем не поддаются морфологическому членению, на почве праславянского языка они выступают как единое целое, неразложимое на составные элементы; 2. корневой вокализм не участвует ни в одном из видов апофонических отношений; 3. родственные образования прослеживаются в части индоевропейских диалектов. Для этих образований, преимущественно непроизводных по своему характеру, решающее значение имеет этимологический анализ. При этом определение слова как мотивированного или не мотивированного на уровне праславянского, направление родственных связей в значительной части случаев зависит от выбора этимологического решения. Можно привести немало примеров того, как в зависимости от этимологии по-разному определяются славянские и неславянские связи для одного и того же слова. В ЭССЯ (5, 160–163) праслав. диал. **durъ* (ср. словен. *dúr* 'пугливый, дикий', с.-хорв. *dúra* 'сердитый, злой человек', хорв.-кайк. (Вирье) *o-dúra* 'гадость, мерзость' с севернославянскими соответствиями) трактуется как собственно славянское субстантивно-адекативное имя с суффиксом *-r*, однокоренное с **duxъ*, **duti*. Если следовать этимологической версии, которая разработана В. Н. Топоровым, то праслав. **durъ* родственно прус. *dūrai* 'боязливый, робкий' и лит. *dūrti* 'колоть' и 'нестись, мчаться' (< **dur-*) с семантическим развитием 'мчаться, гнать' > 'преследуемый' > 'доведенный до исступления', 'обезумевший, слабоумный' и т. д. (Топоров. Прус. яз.: *A-D*, 391–393). Другой пример — название змеи **kaša* в словенском языке, диалектах хорватско-кайкавском и северночакавском: словен. *kāša*, диал. *kāš* м. р., с.-хорв. *kaša* (RJA IV, 711), хорв.-кайк. (Вирье) *kāša* 'serpens' (Herman 83; Fancev 383), *kāša* то же (Rožić — Rad 127; ср. еще Skok — AfslPh XXXII, 354: Жумберак), *kaša* (Strohal — Rad 153, 137), *kōčo* (Jedvaj. Bednja 301), сев.-чак. *kāša* то же (Koschat 214), *kaša* (Hadrovics 459; Neweklowsky 323), *kāška* (Jardas. Kastav. 393) и т. п. (Zajceva 84). В ЭССЯ (11, 107–108) южнославянский регионализм рассматривается как производное от глагола **kašati se* (с.-хорв. диал. *kašati* 'выскакивать из воды, о рыбе', также 'плескаться, всплескивать, о рыбе'), сближаемого с др.-в.-нем. *hāhan* 'висеть', нем. *hangen*, англ. *hang*. Согласно другой этимологической версии ю.-слав. *kaša* восходит к и.-е. **qōq-* : **qēq-* 'извиваться, гнуться' (ср. др.-инд. *kacati* 'обвязывать', *kāñci* 'пояс', *kacākuṣ* 'змея') и, следовательно, имеет индоевропейские истоки.⁸ Допускает-

3 Младенов Ст. Славянские этимологии // РФВ LXXI, 1914, 458–460.

ся возможность развития предполагаемой исходной основы *kōkja из и.-е. **keuk-* 'сгибать', к продолжениям которой относят лит. *kūokas* 'кнут', *kūoka* 'полено, палка', лтш. *kūoks* 'ствол, дерево', прус. *queke* 'ветка, пол' (Bezlej II, 8). Слав. *natъ, представленное на всей славянской территории, кроме болгаро-македонской области (ср. словен. *nāt* ж. р. 'ботва', с.-хорв. *nāt* то же, отмеченное в Истрии) не имеет достоверной этимологии. Согласно новому истолкованию, предложенному Ж. Ж. Варбот, слав. *natъ образовано от глагола *teti, *tyro, эта форма возникла вследствие переразложения в первичной форме и обратного словообразования: *na-tina* > *nat-ina* > *natъ* (Варбот 1984, 200–201). В других этимологических истолкованиях слав. *natъ предстает как изолированное образование с родственными связями на индоевропейском уровне, в число ближайших соответствий включаются прус. *noatis*, лит. *pōterė* 'крапива' (Фасмер III, 48–49) или лит. *pōkti* 'зреть'.⁴

Вне славянских и индоевропейских связей стоит слав. *zybati с производными на *-ělъ/-ěla* и *-ьka*: словен. *zibati* 'качать', *zibel*, *zibela*, *zibka* 'колыбель' и с.-хорв. шток., чак., кайк. *zibati* (Банат, Вук) = *zibāt* (Жумберак) 'качать' (RJA XXII, 848–849: Vuk, Mičala, Vitez., Bella и др.), *zibele*, *zibelj*, *zibel* ж. р. 'колыбель, люлька' (Maž. II, 1681; Skok III, 663), чак. *zipka*, *zivka*, *zikva*, шчак. *zipka* 'колыбель' (Popović 323), *zika* то же (Rasprave 1968, 205: Žirje), *zipka* то же (Rožić – Rad 115, 132: Пригорье), *zipka* то же (Václavík 171), *zěipko* то же (Jedvaj. Bednja 301), далее рус. *зыбать* 'качать', др.-рус. *зыбь* 'зыбкое место, трясина', блр. *зыбаць* и т. д. (Фасмер II, 109; ЭСБМ 3, 351). Очень проблематичны сближения с двумя рядами балтийских слов, а именно лит. *siubūoti*, *sūpūoti* 'качать', родственным др.-инд. *ksūbh-yati*, польск. *chybać* < и.-е. **qseubh-* и лит. *sūpti*, лтш. *šupāt*, *šupuot* 'качать'.⁵ Предпринята попытка объяснить слав. *zybati как реликтовое индоевропейское слово, родственное арм. *cup/p'* 'зыбь, волнение; внутреннее смятение; пытли-вость' < и.-е. **g'ou-b-* : **g'ūb-* 'качаться, колебаться'.⁶ Следует признать, что поиски индоевропейских соответствий не привели к убедительным результатам (см. Bezlej – Baltistica X, 23–24).

Остаются неясными индоевропейские истоки некоторых лексических диалектизмов. Отсутствуют внутриславянские связи, балтийские и шире – индоевропейские соответствия для праславянской основы *gnědъ/*gnědъ, семантически близкой *snědъ (ЭССЯ 6, 167). На южнославянской территории эту основу продолжают словен. *gněd* м. и ж. р. 'сорт лозы с красноватыми ягодами', *gnedica* 'сорт лозы'

4 Trubačev O. N. Slawische Etymologien // ZfSl, Bd. 3, H. 5, 1958, 668–669.

5 Machek V. Zum Wortschatz des Litauischen. Teil 3 // ZfslPh XXXIII, 1, 1966, 173.

6 Сараджева Л. А. К этимологии праславянской основы *zybь и древнеармянского *cup/p'* 'зыбь' // Этимология 1976. М., 1978, 63–68.

(Крас, Горица, Випава), *gjeđa* 'кличка коровы' (Bezljaj I, 152), хорв.-кайк. и чак. *gñed* прилаг. 'fuscus, темный' (RJA III, 222: Stulli), *ñad* прилаг. (RJA VIII, 272: на о. Крк), *ñad* 'розоватый', в Лике *ñadi* 'черноватый', *gned*, *ñjad* (Tentor. Leks. sl. 73: о. Крк), *ñjad* (Крк) 'гнедой' (Skok – Rad 272, 35), *gnjed* 'темный', *gnjed*, *gnjedac* 'кличка животного' (Maž. I, 324), *gnied* (Загреб 1363) 'масть лошади' (Skok I, 578), а также *gñéd*, *gñád* 'гнедой; бурый' (РСА III, 390–391). Из севернославянских соответствий ср. чеш. *hnědý* 'коричневый', польск. *gniady* 'гнедой', рус. *гнедой* и т. д.

Праслав. **kresati* со всеми производными на *-dlo*, *-nqti*, *-ivo* характеризует всю славянскую территорию, за исключением одной части – восточной группы южнославянских языков: словен. *kresati* 'добывать огонь трением; высекать искры; сечь, бить', с.-хорв. *kresati* 'высекать огонь, искры; сечь, рубить' (RJA V, 523–524: Mikaļa, Bella, Bjel., Volt., Stulli, Vuk), чак. *kresāt* то же (Hr.–Šim. I, 468) и далее чеш. *křesati* 'сечь; высекать искры', словац. *kresat'* 'тесать; высекать искры', рус. *кресать* и т. д. (ЭССЯ 11, 124–126). Это слово не имеет удовлетворительного этимологического объяснения. Очень проблематичны как старые этимологии, исходящие из значения 'бить, ударять, высекать огонь' (обзор см.: Фасмер II, 373; ЭССЯ 12, 96), так и новое этимологическое решение с реконструкцией семантики жизни, цвета жизни и сближением **kresati* со слав. **krasa* и лат. *creō*, *creāre* 'создавать, творить, вызывать к жизни' (ЭССЯ 12, 125).

Можно считать определившимися, устоявшимися в этимологической науке взгляды на происхождение основной части исследуемых нами лексических диалектизмов, изолированных в славянском словаре. Принятые в литературе этимологические решения основаны на выборе наиболее вероятных индоевропейских соответствий, определяющих понимание семантики и строения славянских слов. Последовательно рассмотрим зап.-юслав. лексические диалектизмы, структура которых задана отношениями в системе индоевропейского языка и его диалектов.

Одно из древнейших названий злаковых растений праслав. диал. **bъгъ* определяется как бессуффиксальное корневое имя, сложившееся на базе и.-е. **bher-* 'быть острым' с корневым гласным в ступени редукции (ЭССЯ 3, 134–136), для него не исключается связь с и.-е. **bhar-es*: лат. *far*, *farris* 'вид зерна', др.-исл. *barr* 'ячмень, зерно', гот. *bariz-eins* 'ячменный' (Sł. prasł. 1, 465). К севернославянскому ареалу (ср. чеш. *bér* 'вид проса', словац. *bar* то же, польск. *ber* то же, др.-рус. *боръ* 'panicum, ячмень' и т. д.) примыкают зап.-юслав. диалекты: словен. *bâr* м. р. 'вид проса *Setaria italica*', диал. *bîr*, *bêr* м. р. '*Milium effusum*' и с.-хорв. диал. *bâr* м. р. 'вид проса *Setaria italica*, *Setaria glauca*, *Setaria viridis*' (с XVII в., RJA I, 180: Mikaļa, Bjel., Stulli, Bella, Vuk с пометой: «известно в юго-западных краях»).

Обособленную и этимологически до конца не ясную группу образуют словен. *čúžiti* 'лущить (напр. кукурузу)' с производными *čúžje* 'кукурузная шелуха', *čúžka* 'раст. *Phalaris canariensis*', *čūžek*, *čūžki* 'скользкие грибы, растущие на старых пнях', *čúžka* 'трава, семена которой используются для корма птиц' и с.-хорв. *čūžiti* 'идти по земле (только о птицах)' (RJA II, 163), ср. также польск. диал. *czużać się* 'скользить' (ЭССЯ 4, 138). Эти образования, звукоподражательные по своей природе, допускают сравнение с лит. *čiaūžti* 'скользить', *čiuižti* 'sich naBmachen, mingere; heimlich schleppen', лтш. *čužas* 'сухие листья', *čūkšļi* 'мусор', *čužināt* 'шупукаться' (Fraenkel 74). Уже сам факт наличия в славянских и балтийских языках близких гнезд делает маловероятным предположение Безлая о происхождении словен. *čúžka* из роман. **ćuskja/*ćusko* (фриул. *zossa* 'insieme delle radici sotterranee d'una pianta'). Предположение Безлая сохраняет силу лишь для ляд. *čoša* 'вид травы, пучок, куст, дерн' (Bezlej I, 92).

В своем распространении праслав. диал. **drěkъ* и производное от него **drěсьль(ь)* тяготеют к чешско-словацкой языковой области и западным диалектам южных славян: словен. *drěk* 'die Corpulenz', диал. (вост. Штирия) *drěk* 'тучность, полнота' (Bezlej I, 111), *driěk* (Rigler 107) и *drěčen* 'упитанный, плотный, крепкий', с.-хорв. диал. *drěk*, *drěk* 'опора, поддерживающая решетчатый борт воза; подстилка на повозке (для перевозки зерна, фруктов и т. п.); воз с решетчатыми бортами' (RJA II, 766; PCA IV, 682), стар. *drik* 'решетка, закрывающая повозку с обеих сторон' (RJA II, 780: только Stulli), *driějek* 'воз (полный)' (Славония, Влајинац II, 278), *дрěк*, *дрйк* м. р., *зѣдњи дрěк*, *прѣдњи дрěк* (Коларски терм., 144–146) и редк., диал. *driěčan* 'достойный, хороший, крепкий' (RJA II, 776; у одного чакав. автора XVII в., в наше время в север. крае), *driečan* то же (Maž. I, 273), хорв. кайк. *drečan* то же (Skok I, 432). В чешско-словацкой языковой области ср. словац. *driek* 'туловище; середина; часть одежды в поясе', *driečny* 'рослый, статный, стройный' (SSJ I, 330), диал. (Гемер) *driak* (: Je úská v *driaku*), *driašni* 'рослый, статный' (Orlovský 70) и чеш. *dřík* 'туловище, корпус' (из словац.), диал. *dričny*, *dryčny* 'рослый, ловкий, красивый' (Bartoš. Slov. 69), *dričné* 'проворный, живой' (Gregor 46) и т. д. (ЭССЯ 5, 107). О более широком распространении слав. **drěkъ* свидетельствует венгерский славизм *derék* 'талія, пояс': *derék* 'благородный, дельный, бравый', а также рум. (< венг.) *dric*, *dricuri* 'остов, корпус; кузов, катафалк' (Sł. prasł. 4, 228–229). Общепринято сближение слав. **drěkъ* с лит. *draikas* 'длинный, высокий (о дереве)', соотносительным с глаголами *draikyti* 'разбросать, спутать, растрепать', *driėkti* 'расстилать, расширять, растягивать' (Fraenkel 100–101; Berneker I, 223; ЭССЯ 5, 108).

С лит. *daudytė* 'свирель, дудка' соотносят праслав. **duda* : словен. *dūda* 'волынка; дурак, простофиля', с.-хорв. *dūda* 'свирель' (RJA II, 852: Vuk, Bjel., Jambr., Stulli с пометой: русское),

хорв.-кайк. (Вирье) *dude* ж. р., *dudice* то же (Herman 80), а также рус. *ду́да* 'труба, ствол', чеш. *dudy* мн. 'волынка', польск. *duda* то же (ЭССЯ 6, 146; Fraenkel 84).

Словен. *dúzati* 'толкать, совать' и родственные ему чеш. диал. *duzňit* 'бить, трепать по плечу', рус. диал. *дузѣть* 'бить, толочь' сближаются с лтш. *dauzt* 'разбивать' (ЭССЯ 6, 166; Sł. prasł. 5, 118; Bezlaj I, 123).

Остается этимологически неясным, как соотносятся с продолжениями слав. **gnida* 'лens' семантически обособленные зап.-юслав. диалектизмы: словен. *gnída* 'немного, чуточку' (ср. *daj mi gnido kruha*; *do gnide* 'совсем, полностью'), с.-хорв. диал. *gnídica* 'малость; очень мало' (RJA III, 225: Stulli; Дубровник), чак. *gnída* 'маленький кусочек; чуть-чуть' (Hr.-Šim. 238: Хвар, Брач). Безлай сближает названные слова с норв. диал. *gnitta* 'кусочек, обломок, крошка', дат. диал. *gnit* 'кусочек' < и.-е. *ghneidh-* 'тереть, измельчать' (Bezlj. Eseji 115; Bezlaj I, 152–153). Даже в случае этимологического тождества со слав. **gnida* 'лens', не имеющим достоверной этимологии (см. ЭССЯ 6, 173–174), зап.-юслав. диалектизмы в силу архаичности значения, семантической самостоятельности заслуживают специального выделения. Заметим, что Безлай не исключает для словен. *gnida* возможности заимствования из неизвестного восточнороманского диалекта.

Для словен. *glâja* 'стропило, балка' и с.-хорв. *glâha* 'шалаш, хижина пастуха' < **goldja* (с XIV в., Вук: в народной песне; Черногория) предложено сравнение с лтш. *galda* 'доска, стол', лит. *nūogalda* 'тын, перегородка в хлеву' (Bezljaj I, 144).

Праслав. **gruditi* находит продолжение в словен. *grúđiti* 'грызть, глотать' (ср. *grúđiti kruh, orehe, travo*), перен. 'мучить, терзать' (ср. *skrb, lakota, mraz me grudi*) (Bezljaj I, 183), с.-хорв. *gruditi* 'glaciem in frusta secare, frangere; рыть' (RJA III, 478; Stulli; Skok I, 627), а также чеш. *hruditi se* 'быть неприветливым', польск. *grudzić* 'побуждать; портить кого-либо; порицать, осуждать', в.-луж. *grudać so* 'чувствовать отвращение', рус. диал. *грудеть* 'париться, томиться, киснуть' (ЭССЯ 7, 152). В этом глаголе, связанном отношением родства со слав. **grūda* и **grustь*, можно видеть архаичное образование, близкое лит. *grūdžiu, grūsti* 'толочь, мять' и *graudinti* 'печалить, увещевать', *širdis (širdj) griaūdžia* 'тяжело на сердце' (Berneker I, 358) с общей семантикой 'размельчать, дробить' > 'мучить'.

Обособленно стоящие в ю.-слав. словаре словен. *grūpež* 'песок, щебень' и *grúpica* 'груда, куча' должны быть сближены с польск. диал. *grupa* 'груда, ком земли', словин. *grāpa* 'куча', а на индоевропейском уровне — с норв. диал. *grupa, graup, gropa* 'молоть, дробить' < и.-е. **ghrou-p-*. Тот же корень с иными расширителями в слав. **grōda/*grūda, *grōbь/*grubь* (ЭССЯ 7, 166; Bezljaj I, 184).

Наиболее вероятным признается для словен. *jégati* 'дать понять, сказать, упоминать', *jégniti* 'сказать, издать звук, зевнуть' сравнение

с семантически близким лтш. *jēgt* 'понимать' (Bezljaj. *Etyma slov.* 168; ЭССЯ 6, 186).

В работах Безлая словен. *ježiti*, *ježiti* 'шелушить, лущить, чистить (от кожуры)' определяется как этимологически тождественное лит. *aižyti* 'лущить', *aižėti* 'трескаться, лопаться', *iėžti* 'лущить' < и.-е. **aiǵ-* (Bezljaj. *Etyma slov.* 167; Bezljaj I, 232; ЭССЯ 6, 60).⁷ Южнославянский лексический диалектизм, будучи родственным слав. *ězva (ЭССЯ 6, 56–57), сохраняет статус самостоятельного образования в балтийских и славянских языках.

Словен. *ir* 'омут, бездна', *irín* 'водоворот' вместе с рус. диал. *йрей* 'сильный ветер', укр. *ірій*, *вірій* 'теплые страны, куда улетают птицы на зиму и т. д.' (ЭССЯ 8, 236) включаются в этимологическое гнездо с и.-е. **iūr-* 'водоем', к продолжениям которого в балтийских языках относят лит. *jūra* 'море', лтш. *jūra*, *jūre* то же, прус. *iūrin* (Bezljaj I, 212,⁸ в более широком славянском контексте см.: Топоров. Прус. язык: I–K, 93–97).

В словаре всех славянских языков, за исключением болгаро-македонской группы, присутствует основа *lędva/*lędvo 'lumbus'. Этот архаичный анатомический термин, родственный лат. *lumbus*, др.-норв. *lend*, др.-в.-нем. *lenti*, нем. *Lende* (Sławski IV, 203–204), характеризует зап.-юслав. диалекты: словен. диал. *lędvije* мн. 'genes, почки', *lędovje* ср. р. и *lędovje* 'lumbus', *lędje* ср. р. и *lędja* мн., *lędje* мн. 'lumbus', *lędica* 'ren', с.-хорв. *lędja* мн. 'спина, плечи, dorsum' (XVI в.), ст.-серб. *lędvije* мн. и *lędvija* мн. 'lumbi', *lędija*, *lędja* 'lumbus', редко 'genes, dorsum', чак. (XVI в.) *lędva* мн. 'lumbus; genes', хорв.-кайк. (XVII в.) *lędovlje* 'lumbus; genes'.

В севернославянских языках ср. ст.-чеш. *lędvie* 'бедра', словац. *l'adva* 'почки', в.-луж. *ladźba* = *lędźba* 'бедро, поясница' и т. д. (ЭССЯ 15, 48–49). Встречающееся в старославянских текстах (Син. тр., Син. пс. и др.) *лѣдвѣа* *фѣа*, *вѣфроі* 'почки, внутренности', *лѣдвинѣа* 'почечный, genium' некоторые исследователи относят к моравскому слою лексики,⁹ но это допущение носит необязательный характер, так как открытой остается возможность вытеснения в болгаро-македонских диалектах исконного слова тюркизмом *бубрек*.

Как родственное лит. *ožys* 'козел' этимологизируется название рыбы *azь, к продолжениям которого на южнославянской территории

7 В словаре Безлай предлагает другое объяснение: словен. *jęgati* сближается с продолжениями слав. *ęgati (ср. рус. диал. *ягать* 'сильно противиться, настаивать на своем; обещать и т. д.' – ЭССЯ 6, 69) и далее сопоставляется с лтш. *indzēt* 'стонать, жаловаться', лит. *iūksti* 'плакать' и т. д. (Bezljaj I, 224).

8 Bezljaj F. Slovensko *irjъ, *vugъ in sorodno // *Onomastica Jugoslavica* 6, 1976, 57–69.

9 Гутянова Я. Моравизмы в лексике старославянских рукописей. М., 1986. Канд. дисс., 90–91.

относят словен. *jěz* м. р. 'плотва, язь', с.-хорв. *jáz* м. р. 'рыба *Idus melanotus*' (RJA IV, 600: со ссылкой на Вука), из севернославянских соответствий назовем чеш. *jes, jesen* 'язь *Leuciscus*', в.-луж. *jaz* 'бычок, *cottus*', польск. *jaź* 'язь', рус. *язь* и т. д. (ЭССЯ 1, 103; Bezlaj I, 231).

Словен. *ozditi* 'сушить', *ozdica* 'сушильня для солода', с.-хорв. диал. *òzdíc, -dići* (Sekereš HDZ I, 279) этимологически тождественны ст.-чеш. *ozditi* 'сушить', *ozd* 'сушильня', польск. *ozd, ozdównia, óznica* то же, укр. *озниця* 'дымоход' (Фасмер III, 125; Machek² 192; Bezlaj II, 263; Bezlaj. Eseji 146). Эта основа предполагается для зап.-слав. топонимов: др.-луж. **Ozda, Ozdy, Ozd'e*, чеш. *Oznice* и т. п.¹⁰ Наиболее вероятное индоевропейское окружение образуют греч. ἄζω (< *azd-iō*) 'жечь, сушить', лат. *āreō* 'быть сухим', *āridus* 'сухой', др.-инд. *āsa-h* 'пепел', гот. *azgō*, др.-в.-нем. *asca* 'зола' < и.-е. **as-* 'жечь' (Pokorny I, 68).¹¹

Для словен. *rešek* 'раст. *Sonchus asper*', с.-хорв. диал. (Дубровник) *rekeš* 'Brakendistel' (Bezlaj. Zajednička problematika 12), изолированных в славянском словаре, допускается родство с лит. *erškėtis, erškėtys* 'колючка, шип', лтш. *ērškis, ěrkšis, ěrkškis* то же (Fraenkel 122; Bezlaj. Etyma slov. 167).

Словен. *sot* м. р. 'горная тропа', вместе со ср.-болг. топ. *Соутъць* или *Сжтъць*, принадлежит к этимологическому гнезду, объединяющему др.-в.-нем. *sind* 'дорога' = ирл. *sét*, лит. *siūsti, siunciū* 'посылать', лтш. *sùtu, sùtiti* то же (Bezlaj. Eseji 143).¹²

Словен. *soten, sonten* 'сильный', изолированное в словарном составе южнославянских языков, принято сближать с группой западнославянских слов, а именно ст.-чеш. *sotiti*, диал. *sotit'* 'пихнуть, толкнуть (в грязь, болото); ударить', ст.-чеш. *sota* 'рана', диал. *sotny* 'трудный, затруднительный', словац. *sotit'* 'ударить', морав. *sótat', sótnut'* 'толкнуть, ударить; бранить' (ср. Bezlaj. Eseji 119; Machek² 567), к ним примыкают польск. диал. *-socić, -saczać, -socać* (с приставками *do-, od-, prze-, wy-, za-* и др.) 'толкать, пихать', *socać* 'разбрасывать деньги', *fsocać, wysocać* 'всовывать, выдвигать' и т. д. (Warsz. VI, 256–257). М. Куцала видит в польских диалектизмах одно из отражений связи говоров юго-западной

10 Eichler R. Probleme der vergleichenden westslawischen Toponomastik // ZfSl, Bd. 27, H. 3, 1982, 418–419.

11 В. Борысь возводит слав. *oseľ* к и.-е. **ok'eta* 'борона'. См. Boryś W. // Acta Baltico-Slavica XVI, 1984, 57–63.

12 Тасева Л. Средновековна българска лексика в сърбски и гръцки документи от XIII до XIV век // Старобългаристика 1989, 2, 50. — Из числа соответствий следует исключить укр. гуцул. *сутка* 'улица, огороженная с обеих сторон', *суткй, сутыч* 'улочка' — образования с приставкой *so-*, соотносительные с глаголом **tykati/tykati*. Об этом см.: Bezlaj F. // JФ XXIII, 88.

Малой Польши с пограничными чешско-словацкими диалектами.¹³ К этой лексической группе относят и укр. *присотáтися* 'привязать, пристать; прийти, приобрести' (Гринченко III, 440), видимо с вторичной семантикой, производной от семантического ряда 'ударить, побить' > 'прибиться' > 'пристать'. В число индоевропейских соответствий входит лтш. *sitù, sist* 'бить, толкать', др.-инд. *śatayáti* < и.-е. *ket-*,¹⁴ тож. Б *śats-* 'ударить' (Machek² 567).

Остается этимологически неясным гнездо слов, объединяющее словен. *smêd*, *smêdav* прилаг. 'смуглый' и *smed* м. р. 'дикая морковь, daucus carota' (Šašelj I, 302), с.-хорв. шток. *smêđ* 'карий, коричневый; смуглый, гнедой' (RJA XV, 680: Vuk, Šulek, Ivek.; с XVII в.), цслав. смѣдъ моѹрос, мѣлас, fuscus (Mikl. LP 866), а также чеш. *smědý* 'темнокоричневый', ст.-польск. *śmiady*, польск. *śniady* то же, рус. гидр. *Смедва, Смедовка* (Фасмер III, 684; Skok III, 292). Представляется наиболее вероятным для слав. *smědъ* сближение с гот. *bi-smeiten* 'запятнать, пачкать', др.-в.-нем. *smīzan* 'красить, мазать; бить, ударять', англос. *smittian* 'запятнать, запачкать', *smitte* 'пятно' < и.-е. **smeid-* (Pokorny I, 966).¹⁵

Словен. *távati, tavljáti* 'тяжело ступать, идти неуверенно' и с ними связанные *obotávljati se* 'медлить, колебаться', *obotaulati se* то же (Bezlaž II, 236; Pohlin, Gutschman), а также хорв.-кайк. *tavūnit* 'слоняться, бродить без дела' (Jardas. Kastav. 406) находятся в ближайшем родстве с лит. *taujóti* 'бродяжничать', лтш. *taūjāt* 'проявлять нерешительность'.¹⁶

В словарном составе южнославянских языков группу родственных слов образуют словен. *trabi* мн. 'рассоха в повозке' (вост. Штирия), *trábjе* ср. р. 'то, что клином соединяет опорный брус и переднюю часть повозки' (вост. Штирия, Бела Крайна), *trábelje* мн., *trábelj* м. р. то же, а также *trěbjě, trěblji, tráp, trápnik, tróbjе* 'рассоха' (Štrekelj — LjZv IX, 295); с.-хорв. (Водице) *trábjе* 'деталь задней части колеса', *trábjе* (Жумберак) 'Wagenschere, Zwiesel' (Skok III, 487), *trábić, tráble* 'раздвоение, рассоха в телеге' (Skok — AfslPh XXXIII, 372). Для словенского Безлай допускает возможность фонетического смешения двух образований, представляемых, с одной стороны, рус. диал. *дрябы* 'воз для снопов', блр. *дрáбы* мн. 'ребра,

13 Kusała M. *-sacać (-socić) 'suwać (-sunáč')* // JP XXXV, 4, 1955, 268–270.

14 Čop B. *Etyma balto-slavica V* // SR XIII, 1–4, 1961/62, 227–237; Топоров В. Н. Новейшие работы в области изучения балтославянских языковых отношений // ВСЯ 3, 1968, 153.

15 Отметим и другие опыты истолкования слав. *smědъ*, основанные на сближении с *mědъ* (Brückner 633; Berneker II, 46) и лит. *smėlus* 'светло-серый', *pašmėles* 'коричневатый' (Machek² 664), родственным рус. *смола*. К и.-е. **smē-/smō-/smē-i* 'тереть', осложненному разного рода расширителями (-i, -d), возводится слав. *smědъ*, см.: Wood Fr. A. *Semasiological Possibilities* // AJPh XX, 3, 1899, 260–263.

16 Čop B. *Op. cit.* 197–198; Топоров В. Н. Указ. соч., 163.

кости; воз с решетчатыми стенками', нем. *Treppe, Tappe* 'лестница', а с другой — с.-хорв. *trap* 'яма' и лит. *taĩras* 'отверстие', лат. *trabs* 'бревно, колода' (Bezljaj. Eseji 83). Действительно, многообразие словенских форм сложилось не без влияния фонетически и семантически близких омонимичных образований, но, не преувеличивая значение этого фактора, мы хотим особенно подчеркнуть цельность и единство зап.-юслав. диалектизмов, служащих обозначением детали телеги, повозки. Эта терминологическая группа занимает самостоятельное место в праславянском лексическом фонде, истоки ее в этимологическом гнезде с и.-е. корнем **trēb-/*trōb-* 'балка, постройка, жилище' (Pokorny I, 1090), продолжением которого являются лит. *trabà* 'дом, постройка', лтш. *trāba* 'маленький дом, хижина', лат. *trab(ē)s* 'балка, бревно, крыша, дом', греч. *τέρας* мн., *τέρεινον* мн. 'дом, жилище'. Тот же корень в сочетании с расширителем *-m* в чеш. *trám* 'балка, бревно'.¹⁷

Словен. *věg* 'кривой', родственное лит. *viėgis* (Bezljaj. Eseji 124), имеет соответствием болг. диал. *в'агаф* 'кривой на один глаз' (БД II, 135).

Изолированное в южнославянском словаре словен. *věka* 'крышка; веко', *věko* 'веко' связано общей изоглоссой со ст.-чеш. *viėko*, чеш. *viko* 'крышка', словац. *veko*, польск. *wieko*, в.-луж., н.-луж. *wjeko*, рус. *веко* 'ресница; крышка от лукошка, плетеной корзинки, короба'; ст.-слав. *вѣко* βλέφρον, *palpebra* (Син. пс. и др.) причисляется к моравизмам.¹⁸ Ближайшие соответствия в балтийских языках: лит. *vokas* 'веко', *voka* 'крышка', лтш. *vāks* 'крышка' (Фасмер I, 236; Machek² 689).

Словен. *vīš* м. и ж. р. 'камыш, осока (*carex*)', с.-хорв. *viš* 'вид травы' (ср. также цслав. *вишь* θαλλοί, *virentes* (Mikl. LP 65), чеш. диал. *viš* 'высокие лесные травы, растущие на влажных, болотистых местах', польск. *wisz* 'камыш', др.-рус. *вишь* 'зеленые ветви, хворост' связаны родством с прус. *wissene* 'багульник, *Ledum palustre*', лит. *viksvà* 'осока' (< *vis-kva*), *vikšvà* 'тростник, осока', англос. *wāse* 'болото' (< **vaisōn*), нем. *Wiese* и т. д. (Фасмер I, 325–326; Machek² 691).

Словен. *vėzniti* 'опрокинуть', в сочетании с приставками *povėzniti* (*skledo*) 'опрокинуть, поставить вверх дном', *podvėzniti* *gake*, *djati jih pod povėznjeno* *posodo*, *da se razlezejo* (ср. Mikl. 389), по мнению О. Н. Трубочева, родственны лит. *vōžti* 'покрывать крышкой', лтш. *vāzt* то же и особенно лит. *pavōžti* (ср. словен. *povėzniti*) 'переворачивать, опрокидывать, ставить что-либо под опрокинутую посуду'

17 Petr V. Slavische Etymologien // ВВ XXI, 1896, 211.

18 Львов А. С. Из наблюдений над лексикой старославянских памятников // Уч. зап. Ин-та славяноведения IX, 1964, 141.

(Fraenkel 1275).¹⁹ Общая семантическая продвинутость по отношению к исходному значению 'везти' предполагает утрату промежуточных звеньев 'двигать' > 'надвигать' > 'покрывать крышкой', 'покрывать' > 'опрокидывать'.

При отсутствии ярко выраженной производящей основы и соответствующих семантических и словообразовательных связей названные основы выступают в системе праславянского как целые, неразложимые единицы, но на индоевропейском уровне многим основам соответствует более сложная структура, сочетание корневой морфемы с разного рода расширителями *-d*, *-n*, *-l*, *-t* и т. д. Для сохранения единства и целостности изложения рассмотрение этих случаев вынесено в те разделы, где обозреваются производные с соответствующими суффиксальными формантами.

Для установленных на южнославянском материале праславянских лексических диалектизм и регионализмов, сосредоточенных в западном ареале, наиболее определенно выражены связи с балтийскими языками: ср. словен. *čúžiti*, *drèk*, *dúda*, *dúzati*, *glâja*, *grúđiti*, *rêšek*, *sonten*, *trabi*, *távati*, *vêko*, *vêzniti*. Можно говорить о преимущественно германских связях для словен. *gnída*, *lêdvije*, *sot*, *smêd*. В широкий ряд индоевропейских соответствий входят словен. *bâr*, *ozđiti*, *viš*. В плане внутриславянских отношений складывается следующая картина: при смешанном характере севернославянских соответствий для большинства зап.-юслав. диалектизм (ср. словен. *zibati*, *dúr*, *dúda*, *gnêd*, *lêdovje*, *krésati*, *bâr*, *ozđiti*, *jêz*, *smêd*, *vêko*, *viš*) есть несколько достаточно четко выраженных изоглосс с языками/диалектами чешско-словацкой языковой области: ср. словен. *drèk*, *sonten*.

В некоторых случаях изоглоссы этого типа имеют продолжение на территории лужицких и восточнославянских языков: ср. словен. *grúđiti*, *dúzati*. В перечень зап.-юслав. лексических диалектизм с глубокими индоевропейскими связями входят и узкорегionalные явления, для которых не прослеживаются соответствия на остальной славянской территории: ср. словен. *gnída*, *glâja*, *jêgati*, *káča*, *rêšek*, *távati*, *trabi*, *vêzniti*.

19 Niedermann M., Senn A., Brender F., Salys A. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, III. Heidelberg, 1957, 713.

II. ЗАПАДНОЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ С РОДСТВЕННЫМИ СВЯЗЯМИ НА УРОВНЕ ЧЕРЕДОВАНИЙ

Западноюжнославянская языковая периферия является областью консервации архаичных явлений, которые при соответствующем этимологическом осмыслении позволяют, во-первых, расширить состав потенциально родственных славянских образований, во-вторых, полнее определить морфологическую структуру соотносимых основ на основе количественных и качественных чередований, в-третьих, восстановить недостающие звенья апофонического ряда. В словарном составе изучаемого нами ареала находят отражение отдельные ступени апофонического ряда, слабо засвидетельствованные или вообще не находящие подтверждения в другой части южнославянских языков, а в ряде случаев и языках севернославянской группы. Зап.-юслав. лексические диалектизмы, включаемые посредством этимологического анализа в тот или иной тип чередований, помогают преодолеть естественную неполноту наших знаний о составе и структуре некоторых этимологических гнезд. С выявлением глубинных этимологических связей появляется возможность объединить в одно гнездо рассеянные по славянским языкам основы, в которых проявляется одна из ступеней чередования. При этом оказывается, что многие основы с полным набором ступеней чередований засвидетельствованы лишь в изучаемом нами ареале. Исследуемый материал наглядно показывает, какой круг основ вовлекается в сферу действия того или иного типа чередований, как проявляются в зап.-юслав. диалектах особенности функционирования праславянских моделей чередования.

1. Западноюжнославянские диалектизмы с фиксацией ступени *o* или *e* в корне

Чередование *e* : *o*, сложившееся в индоевропейскую эпоху, сохранило свою продуктивность в диалектах праславянского языка и стало важным показателем определенных морфологических категорий — отглагольных имен, образованных от глаголов с корневым *e*, итеративно-каузативных глагольных образований типа **merti* — **moriti*, **gręznęti* — **gręziti* и т. п.¹

Унаследованная из индоевропейского языка тенденция к морфологическому противопоставлению имени и производящей глагольной основы продолжает действовать в диалектах праславянского, но

1 Кузнецов П. С. Чередования в общеславянском языке — основе // ВСЯ вып. 1, 1954, 24—54.

данный тип аблаутных отношений реализуется в праславянских диалектах на разном лексическом материале. Различие в реализации древней морфонологической модели является следствием диалектной дифференциации и вместе с тем показателем специфического развития аблаутных отношений в отдельных диалектах праславянского. Предметом нашего рассмотрения будут в первую очередь отглагольные имена с корневым *o*. Отношения регулярного типа — вокализм *o* в отглагольном имени при вокализме *e* в соответствующем глаголе — в ряде случаев наиболее полно реализуются лишь в части славянских диалектов. Целый ряд отглагольных имен с корневым *o* составляет особенность зап.-слав. диалектов и севернославянских языков, соответствующие имена отсутствуют или слабо засвидетельствованы в восточной части южнославянской языковой области. Последовательно рассмотрим зап.-юслав. лексические диалектизмы, производные от глаголов с корневым вокализмом *e*.

К архаичным образованиям этого типа следует отнести праслав. диал. **dēža* < *déz-ja* (< **dhojǵhiā*) с корневым вокализмом *o*, производное от глагольной основы **dhejǵh-* (> слав. **zъdati*, др.-инд. *déhmi* 'мажу, натираю, леплю', гот. *ga-digan* 'месить, делать форму из глины' и т. д.). Отглагольное имя той же структуры в гот. *daigs* м. р., нем. *Teig* 'тесто', др.-инд. *deha* м. и ср. р. 'тело', *dehī* ж. р. 'насыпь, вал', авест. *uz-daēza-* м. р. 'насыпь, вал', греч. *τοῦχος* м. р. 'стена' (Sł. prasł. 3, 198–199; ЭССЯ 5, 23–24). На славянской территории это архаичное имя, унаследованное из индоевропейской эпохи, характеризует сев.-слав. языки (ср. рус. *дежа*) и зап.-юслав. диалекты: ср. словен. *děža* 'кадушка (особенно для масла), улей; лоток', диал. *déža* 'замешанное тесто' (Štrekelj — LjZv IX, 100), *dieža* 'сосуд' (Novak — Etnolog XV), *díža* 'масленка' (Šašel, Ramovš 104), (с XVI в.) *desha* 'situla, secchio' (Megiser), топ. *Deže*, *Pod Dežo* (Bezljaj I, 100), с.-хорв. *díža* 'подойник' (с XVII в., RJA II, 431; Vrančić, Bjel., в наше время на о. Крк, в Хорватском Загорье и Пригорье), чак. *dīža* 'деревянный сосуд', *dīžva* то же (Hr.—Šim. 155: Хвар, Брач), *diža* 'подойник' (Hadrovics 448), *dižica* 'небольшой деревянный сосуд с ручкой для вина или молока' (Zb. otoka Korčule I, 294) и т. д. (Sł. prasł. 3, 197; Skok I, 411).

*dorъ : **derti*. Праславянское отглагольное бессуффиксальное имя **dorъ*, имеющее точные индоевропейские соответствия (ср. др.-инд. *dara-* 'дыра, нора, яма', греч. *δόρος* 'кожаный мех, мешок', лтш. *puõ-daras* 'отходы из лыка'), в простом виде без приставки сохранилось на очень ограниченной территории, включающей область восточных славян (ср. др.-рус. *доръ* 'земля, расчищенная под пашню и под угодья, роспашь, дер') и часть южнославянской территории, где на базе апеллятива со значением 'расчищенная земля' сложились топонимы: ср. словен. топ. *Dor* (Bezljaj I, 108), с.-хорв. *Dor*, название села в Сербии (RJA II, 659). См.: ЭССЯ 5, 79; Sł. prasł. 4, 127. Более широкое распространение имеют приставочные образования с основой **dor-*: ср. болг. *раздор*.

*molъ : *melti. С глаголом *melti соотносятся два бессуффиксальных имени с корневым *o*, различающиеся исходом основы — общеслав. *molъ (ср. рус. *моль* 'насекомое', болг. *молец* и т. д.) и диал. *molъ,² представляемое словен. *mōl* м. р. 'речной песок', а в сочетании с приставками — болг. *подмол* 'омут', др.-рус. *вымоль* 'вымоина', чеш. *výmol* то же, словен. *podmōl* 'трещина, рытвина' и т. д. Как видим, различие в словообразующих показателях (-*ī* и -*ō*) поддерживается различиями в семантике. На индоевропейском уровне в круг ближайших соответствий входит гот. *malō*, др.-исл. *mǫlr* 'моль', др.-инд. *malūkas* 'червь' (Bezlej II, 193; Pokoigny I, 716—717). В словенском находим редуцированное образование с повторением корневой морфемы путем ее удвоения *mlámol* 'пропасть, бездна', *mlamōla* = *mlamol* : *molitev* Davidova, *kadar je v mlamoli bil* (Trubar; Ramovš 25; Bezlej. Eseji 126). На болгарской территории отмечен топоним той же структуры — *Mlamol*.³ Близкое образование с частичной редупликацией корня в хетт. *temal* 'мука' < 'размолотое'.

Общий тип глагольно-именных отношений объединяет балтийские и славянские образования. Часть отглагольных имен с корневым *o* может быть определена как наследие балто-славянской эпохи.

*xlōdъ : *xlēdnōti. Отношением регулярного типа связаны лит. *sklendžiū*, *sklēsti* 'скользить' и *sklandā* 'запор, кол в заборе', лтш. *sklanda* 'жердь' и родственные им славянские образования, а именно глагол *xlēdnōti (ср. с.-хорв. стар. *hlenuti* 'лениться, медлить', ст.-слав. охлѣнѣти 'ослабить', рус. диал. *хлѣнуть* и т. д.) и имя с корневым вокализмом *o* *xlōdъ, представляемое в ю.-слав. языках словен. *hlōd* 'отпиленный чурбан; палка, жердь, шест, грядиль', диал. *lōt* (Бодуэн де Куртенэ. Терские славяне), *hlod* 'грядиль, часть плуга' (Narodopisje Slovencev I, 139), в XVIII в. *hlod* 'Kolb, Streitkolb' (Bezlej I, 197; Megiser, Pohlin), а также с.-хорв. чак. (Истрия) *hlūd* 'палка, жердь' (RJA III, 632; Nemanic), хорв.-кайк. (Самобор) *hlud* 'палка' (Borys — HDZ VI, 72—73).⁴ Слово имеет широкие сев.-слав. соответствия: ср. чеш. *chloud* 'палка', польск. *chląd* 'стебли брюквы, картофеля без листьев', рус. диал. *хлуд* 'шест' и т. д. (ЭССЯ 8, 37—38).

2 Варбот Ж. Ж. К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах // Этимология 1970. М., 1972, 64.

3 Дуриданов И. Бележки върху българските народни названия на почвата и свързаните с тях местни имена // ИИБЕз 5, 1957, 416; Он же. Южно-славянски этимологии // ЕзЛит 25/5, 1970, 60.

4 Словен. *hlēniti* вместе с с.-хорв. диал. *hlēniti* в значении 'подвернуть ногу' относятся, видимо, к иному этимологическому гнезду, объединяемому слав. *xlepati (ЭССЯ 8, 26). Ср. Bezlej I, 197; Bezlej 1969, 97.

В соответствии со слав. **sъ-pręd-ti* и лит. *sprėndžiu, sprėndžiau, spręsti* 'обтягивать, обмерять' существуют однотипно построенные семантически близкие имена с корневым вокализмом *o*, расширенные суффиксальным *-t*: словен. *sprostī* мн. 'распорки в ткацком станке' и лит. *sprastas*, древ. *spranastas* 'рама для натягивания полотна' (Fraenkel 818; Bezlaj. Eseji 126; Bezlaj – Baltistica X, 1, 28). В словенском словаре находим архаичное отглагольное имя той же структуры с суффиксом *-jъ*: *pròj* м. р., *proje, proji* мн. 'распорка; рейка в ткацком станке; пальцы', *spròj, spròje* мн. 'распорки в ткацком станке' (Bezlaj. Eseji 126). Заслуживает внимания тот факт, что соответствующее образование присутствует в одном из диалектов восточной части южнославянской территории, а именно в родопском диалекте болгарского языка. Такое истолкование допускает родоп. *спрѣжда* 'пряжка', связанное отношением вариантности с именем *спрѣжда* бот. 'чемерина', 'пряжка' (Стойчев – БД II, 272)⁵ < **sъ-prędja*, корневым вокализмом которого тождествен вокализму производящего глагола.

*glom- : ***glemti*. Словен. *glomėti* 'быть жадным; настойчиво требовать' (ср. *krava glomi* по *mladini*; *glometi* по *resnici*) имеет структуру отыменного образования. Соответствующий глагол, на базе которого сложилось имя с огласовкой *o*, не сохранился в славянских языках, но след этой глагольной основы в лит. *glemžiti* 'поспешно собирать, захватить силой', лтш. *glemzt* 'есть, рвать зубами; болтать' < и.-е. **glem-* (ср. лат. *glomus* 'клубок, моток, комок', ирл. *glomar* 'забор' и т. д.). В круг образований, родственных словен. *glomėti*, входят блр. диал. *гламат* 'есть (о свиньях)' (Лексика Полесья 81), *гламянуць* 'откусить большой кусок' (Народнае слова 29). См. ЭССЯ 6, 137; Bezlaj I, 149–150.

*vol- : ***velti*. Наследием балто-славянской эпохи можно признать основу *vol-*, сохранившуюся в славянских языках в составе производных: ср. словен. диал. *voleki* мн. 'почки' (р-н Марибора), *zavòlek* м. р., также *zòlek* 'узел', перен. 'запутанное дело' и *bòves* м. р. (< *ob-vol-ьсь*) 'складка, изгиб' (Bezlaj I, 35), с.-хорв. *voļa* 'зоб у птицы' (РЈА XXI, 306: Vuk, Šulek, Daničić), *voļac* то же, чеш. *vole* 'struma' с производными *volavý* и *návolavý* 'горбачий' (Machek² 696), словац. диал. *vole* 'опухшая железа' (Ripka 100), польск. *wole, wól*, стар. *wul, wala* 'зоб у птицы; пищевод; желудочек у пчел, наполненный медом; передняя часть плуга' (Warsz. VII, 687), рус. диал. *воль*, *вольнка* 'опухоль, нарыв; шишка от ушиба; нарост на теле; мозоль на руке; расширение ствола березы от наплыва' и, возможно, *волдырь* 'нарост на дереве, напоминающий опухоль на теле человека или животного', перен. 'неуклюжая избушка, стоящая особняком'

5 Кабасанов Ст. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско (Родопи) // ИИБЕЗ, кн. IV. София, 1956.

(СРНГ 5, 83, 38), укр. *во́ло* 'зоб; жирный подбородок; подгрудок (у быка)' (Гринченко I, 250), блр. *во́ля, во́лье, во́ле, во́ло* 'зоб' (ЭСБМ 2, 191).

Допустимо сопоставление основы **vol-* с лит. *vālas, valinỹs* 'угол, край, кайма платка', лтш. *valnis* 'верхняя, иначе связанная часть чулка или домашних туфель', производными от глаголов — лит. *vėlti* 'валить, катать, бить', лтш. *veĩt* то же (Fraenkel 1221, 1188; Bezlaĵ I, 35). В славянских языках соответствующий глагол выступает в форме ст.-слав. *вѣлати* 'волновать', чеш. *vláti* 'волновать, качать' (Фасмер I, 327). Реконструируя отношение **vol-* — **velti, мы исходим из первичности значения 'неровность, округлость' (ср. ст.-слав. *оѡла* 'круглый', лит. *apvalũs* то же), которое, как нам представляется, в полной мере объясняет семантику славянских имен: 'неровность, округлость' > 'утолщение' ('зоб', 'нарост') и 'изгиб' > 'складка' > 'почки', собств. 'складчатое образование'. Не исключено, что апеллятив со значением 'неровность' лежит в основе некоторых местных названий, а именно рус. *Волынь*, словен. *Volava*, с.-хорв. *Voluja, Volujak* и т. д.⁶ Грубор,⁷ разбирая сербохорватские слова, обратил внимание на русские диалектизмы с корневым *а*: рус. *смо́л. вальё* 'птичий зоб, куда пища валится до перехода в желудок', также *вал* пенз., волог. 'желвак от ушиба или толстый рубец на теле от раны и т. д.', арх. 'нарост' (Даль² I, 162), *валок, валки* мн. 'нарост, бугор на дереве, обозначающий иногда заросшие гнилые сучки' (Подвысоцкий 14). Рус. диал. *вал*, производное от глагола *валить*, связано количественным чередованием со слав. *vol-*; в хронологическом отношении основа с корневым *о* оценивается как образование более раннее в сравнении с основой, содержащей корневое *о* (Варбот 1984, 79–80).

Другое объяснение (Machek¹ 572; Skok III, 614; ЭСБМ 2, 191) слав. **vol-* на основе и.-е. *(*s*)*wel-* 'набухать, жечь' (ср. нем. *schwellen, Schwulst, Wulst* 'опухоль') предполагает выделение в качестве основного, определяющего значения 'опухоль, воспаление'. Действительно, нередко значение 'tumor' формируется на базе первичного 'жечь, гореть' и 'дуть, набухать' (ср. рус. *опухоль*). Но в рассматриваемом нами случае мы имеем дело с иной иерархией значений, иным типом семантических отношений ('опухоль' < 'утолщение'). Во всяком случае, исходя из семантики горения, жжения, трудно понять словен. *zavólek* в значении 'узел, запутанное дело'. В свете принятой нами этимологии представляется проблематичным сближение словен. *voleki* 'почки' и *uljē, uljēsa* 'гнилое образование' (Bezlaĵ. Eseji 136) и, следовательно, допущение родства с рус. *ВЫЛЬ*,

6 Bezlaĵ F. Krčevine // SR VIII, 1–2, 1955, 10–11.

7 Грубор Ђ. Етимологије // ЈФ VIII, 1928–1929, 13–17.

словен. *ul* 'опухоль', польск. *wal* 'зоб', с.-хорв. *vōlja* и т. п. на основе чередования **ōul-* : **ūl-* : **yl-*.⁸

В эпоху диалектного развития праславянского языка продолжает действовать модель, по которой образуются отглагольные имена с корневым вокализмом *o*. По славянским диалектам данная модель реализуется на разном лексическом материале, в сферу ее действия втягиваются разные глагольные основы. Ареально ограниченными именам этого типа могут соответствовать глагольные основы как общеславянского, так и диалектного распространения. На территории словенского и зап.-юслав. диалектов к праславянским новообразованиям названного типа могут быть отнесены следующие имена.

**-zojь* : *zějǫ, *zъjati. С глаголом *zějǫ, *zъjati (< и.-е. *ǵhējō, ср. ст.-слав. зъѣж 'зияю, зеваю', укр. зіяти, чеш. zátí, zejí 'пыхтеть') чередованием корневых гласных связано имя *po-zojь (Miklosich. Über die Steigerung 26): словен. *pozój* м. р. 'дракон, чудовище' (Бела Краина), *pózoj* (Valj.), хорв.-кайк. *pòzoj* (Bjel., Хорватское Загорье, Пригорье) = *pōzōj* (Жумберак) 'змея', *pozoj* то же (Herman 90; Hrv. kajk. pisci II, 176, 199, 127, 244: Habelić и др.; RJA XI, 325: Jambr., Volt., Mičala, Bjel., Stulli; в Хорватии), ср. также н.-луж. *pózoj* 'дракон, крылатый змей' (Muka II, 168) и рус. диал. *зои* 'шум, крик' (Фасмер II, 103).⁹

**tos-* : *tesati. Миклошичу принадлежит идея сближения с глаголом *tesati словенского имени с корневым *o*, осложненного приставками *pri-*, *pro-* (Plet. II, 284): *pretōsek* 'нож для деревьев; короткий нож, с помощью которого заготавливают лапник для подстилки', *pritōsek* 'нож без закривления на конце'. Ту же основу с корневым *o* содержат словац. *prétos* 'бревно, порог в амбаре' (SSJ IV, 125), а также, видимо, экспрессивный глагол отыменного происхождения — рус. диал. *натасолить* 'натаскать' (Словарь Сред. Урала II, 189).

*ъzlogъ : **ъzlegt'i*. Географическое значение характерно для имени **ъzloga/ъ*, произведенного от глагола **ъzlegt'i*: словен. *zlōga* 'незначительная покатошь, склон', а также др.-рус. *излогъ* м. р. 'лог, ложбина, долина', рус. диал. *излōга* 'главная прорубь при подводном лове рыбы для спуска и подъема невода', *излōжина* 'глубокая рытвина, промывтая водой' (ЭССЯ 9, 43).

*dorga : *dьrgnōti. Соотносительно с глаголом *dьrgnōti праслав. (зап.-юслав. и сев.-слав.) имя *dorga, значение которого 'сеть, которую тащат по дну' определяется семантикой производящего глагола (ср. семантически близкое рус. диал. *волох* 'рыболовная снасть' — СРНГ 5, 51): ср. словен. *drāga* 'сеть для ловли рыбы' (Приморье), *draga* 'Rete piscatorium' (XVIII в., Pohlin), хорв.-кайк. *draga* то же

8 Ильинский Г. Славянские этимологии // Изв. ОРЯС XXIII, 1, 1918, 174–175.

9 Meillet A. Les alternances vocaliques en vieux slave // MSL, t. 14, f. 4, 1907, 347.

(Bjel., Habelić, Vitezović), славон. *draga*, ср. *draga* ali *vlak* 'rete piscatorium' (Kosor — Rad 315, 27: Jakobović), черногор. *draga* 'длинное дерево, за которое закрепляется сеть' (Bogyš — HDŽ VI, 74; Leksika ribarstva 91), ср. также чеш. *podražec* 'сеть для ловли перепелов', словац. (Орава) *dražiak* 'вид рыболовной сети', возможно, ст.-польск. *druga* то же, рус. диал. *дорóга* 'удочка с блесной для ловли щук' (Sł. prasł. 4, 116—117). Фасмер выводит рус. *дорóга* из скандинавских языков: норв.-дат. *dorg* 'снаряд для ловли рыбы', др.-исл. *dorg* то же (Фасмер I, 530—531).¹⁰

*otъrokъ : *-*rekti*. Из двух возможностей этимологического истолкования слав. *otъrokъ — из *o-trokъ*, родственного цслав. тръжк 'бер', и по чередованию с производящим глаголом *otъ-rekti* — большинством исследователей принимается вторая версия (Фасмер III, 172—173).¹¹ Слав. *otъrokъ как живое, активно употребляемое слово существует в словенском и чешско-словацкой языковой области: словен. *otròk* 'ребенок; побочный росток, стебель', чеш. и словац. *otrok* 'раб'.¹² Это слово известно и некоторым чакавским и кайкавским диалектам: чак. *otrok*, *otròk*, *otròk* (Истрия, Црес, Кастав, Опатия и т. д. — Zajčeva 78; Sławski 1963, 50—51: Vrančić), *otroki*.¹³ В Загребском словаре приводятся примеры из чакавского диалекта старого и нового времени, а также из Белостенца и трех поэтов из Дубровника XVI в. (RJA IX, 445). В памятниках старославянской письменности (Клоц., Супр.) слово *отрокъ* фиксируется в значении 'младенец' принадлежит поэтическому стилю, как архаизм употребляется в значении 'крепостной крестьянин, холоп'. Из сев.-слав. соответствий можно еще отметить др.-рус. *отрокъ* 'слуга, работник' (XII в.), укр. *отрик* 'работник', в.-луж. *wotročk* 'слуга, работник, батрак', н.-луж. *wotrošk* то же, словин. *woetrok* 'мальчик', полаб. *vātrōk* и т. д. (Фасмер III, 172; Machek² 423; Bezlaј II, 262).¹⁴ Болгарским диалектам известно производное с приставкой *jъz-* *изрòk* 'причина; пророчество', ср. также словен. *izròk* 'изречение' и т. д. (ЭССЯ 9, 70).

10 Имеет некоторое основание и предлагаемое Безлаем сближение слав. *dorga с лит. *dařžas* 'ограда', лтш. *dārza* 'ограждение', др.-в.-нем. *zarga* < и.-е. **dergh-* 'хватать' (Bezlaј I, 109).

11 Дополнительным аргументом в пользу связи *otъrokъ с *-*rekti* служит зафиксированное у Фенне слово *нерока* 'кормилица'. См. об этом: Варбот Ж. Ж. Некоторые случаи морфологического переразложения в славянских глаголах и отглагольных именах и этимологический анализ // Slawische Wortstudien, Bautzen, 1975, 161—162.

12 Обзор этимологий см.: Колечный Ф. К этимологии слав. *otrokъ // Этимология 1966. М., 1968, 54—56.

13 Поповић И. Неколико прилога речнику нашег језика // Наш језик II, 5—6, 1951, 205.

14 Popowska-Taborska H. Nad pierwszym tomem językowego Atlasu łużyckiego // LP 14, 1969, 73—74.

*smogorъ – **smegnoti*/**smegnoti*. Ареально ограничено на славянской территории слово **smogorъ* и его вариант **smogurъ* с суффиксами *-orъ* (Вајес 24) и *-urъ*: ср. словен. *smogór, smogur* 'сучок, нарост на ветке; смоляной наплыв на ели; сыпь на лице', с.-хорв. *smogor* 'лучина (сосновая или еловая)' (RJA XV, 755: Лика), хорв.-кайк. *smògur* 'сосна, рождественская елка' = *smogòr* 'ель' (Skok III, 293), а также н.-луж. *smogorъ* 'торф', польск. диал. *smogorz* то же (Warsz. VI, 242), с иным суффиксальным расширением рус. диал. *смогарье* 'лучина; сосновые корни, с которыми ночью лучат рыбу' и *смоголь* 'смола'. По всей видимости, слав. диал. **smogorъ* связано отношением регулярного типа с глаголом **smegnoti* с носовым гласным в корне, обязанным своим происхождением вторичной назализации. Этот глагол засвидетельствован в части славянских диалектов: др.-рус. *османѣти* 'почернеть', *прѣсмагнути* 'высохнуть, запечься' (Срезневский II, 730, 1693), рус. диал. *пересмагнуть* 'о губах; обветреть, разболеться от воздуха, дорогой в поле, на охоте и покрыться смагою, гноеватой слизью', *осмагнуть* 'поблекнуть, завянуть, обветреть' (Даль² III, 83–84; II, 700), блр. *засмагнуть* 'завянуть, высохнуть', отглагольные производные: чеш. *osmahlý* 'загорелый', словац. *zasmáhly* то же (Фасмер III, 695). Этот ряд соответствий дополняет словен. диал. *prismegniti* 'высохнуть (о растениях)' (Slovarski doneski iz brežiškega okraja) с не совсем ясным корневым вокализмом: для *e* в корне одинаково возможно развитие из *ĕ* и *e*. Во всех опытах этимологизации славянского глагола исходят из признания исконности назального элемента в корне и допущения возможности чередования с продолжениями и.-е. **smoug-*: ср. рус. *смуглый*, англос. *smocian, sméocan* 'дымиться', англ. *smoke* 'дымить', нов.-в.-нем. *schmauchen* 'дымить, курить' (Фасмер III, 683). Одновременно допускается родство со слав. **smaga*: др.-рус. *смага* 'огонь, пламя; сухость, жар', словен. *smága* 'смуглая кожа', с.-хорв. *smag* 'слабость, головокружение от голода', чеш. *smáha, smáha* 'жар, зной, ожог' (Фасмер III, 682; Skok III, 290).¹⁵ В ряду предполагаемых отношений **smeg-* : **smuga* : **smaga* корневой вокализм не сводим к какому-то одному типу чередований. Одно из отступлений – вокализм *a* в **smaga-* пытаются объяснить влиянием семантически близкого глагола **pražiti* 'сушить, поджаривать', но такому объяснению, как отмечает Фасмер, мешает форма со ступенью чередования *o* – **smogorъ*. Родство слов *смага* и *смуглый* пытаются обосновать ссылками на отношение рус. *хмура* и *хмара* (Преображенский II, 340). Но в случае рус. *хмара* и *хмура* не может быть речи об особом чередовании нерегулярного типа, поскольку форма слав. **xmagъ* обязана контаминации **xmuga* и

15 Полное описание семантики вост.-слав. *смага* см. в книге: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972, 600–602. Слово *смага* характеризует в основном юго-западные диалекты русского языка.

*мага (ЭСЯ 8, 42–43). Не меньше затруднений вызывает отождествление *smuga и **smeg-*, поскольку слав. *smuga и соответствующие балтийские и германские образования не дают основания для реконструкции исходного назального элемента в корне. Чтобы обосновать родство слав. *smaga и **smeg-*, предполагают для **smeg-* развитие экспрессивной палатализации или контаминацию *smaga и *тѣкъкъ. Махек,¹⁶ следуя принципу семантического тождества, сопоставляет слав. *smaga с нем. *schmachten* 'изнемогать от жары, жажды' (< и.-е. **smōg-* + *t*) и таким образом исключает родственные отношения между интересующими нас словами. Все эти сложные и маловероятные объяснения снимаются, если предположить, что корневой гласный подвергся вторичной назализации. Славянские языки знают немало примеров с развитием вторичного назального элемента в корне: ср. **snub-* : **snqb-*, *struka : *stroqъ, *strupъ : *stropъ и т. п.¹⁷ С допущением вторичной назализации названные славянские слова получают закономерное объяснение как члены апофонического ряда *e : *o : *ō. Глаголу с исконным корневым *e* — *smegnōti соответствует имя с вокализмом *o* — *smogorъ, на базе последнего складывается основа с долгим гласным — *smaga. В словаре Махека (Machek² 559) для славянских слов приводятся близкие балтийские соответствия: лит. *smōgos* 'сухость во рту, жажда', *smogōti* 'покрываться струпьями от жары, зноя; высушивать', *mapo lūpos nustumogojusios* 'губы потрескались' (см. еще Fraenkel 848).

В свете всего сказанного можно с достаточной определенностью предполагать для праславянского языка этимологическое гнездо с чередующимися основами **smeg-* : **smog-* : *smaga. В наиболее полном виде чередующиеся варианты основ представляют западно-южнославянские диалекты. В балтийских языках находим лишь отдельные звенья этого апофонического ряда.

**o(b)poка* : **o(b)pekt'i*. Бессуффиксальное имя с корневым *o* имеет широкий круг продолжений в славянских языках: словен. *opōka* 'вид известняка', цслав. *опока* 'скала, камень', ст.-чеш. *opoка* 'скала, камень', польск. *opoка* то же, кашуб.-словин. *opoка* то же и 'толстая женщина', рус., укр. *опока* 'вид известняка, мергель; рама для литейной формы' и т. д. Но положение о производности слав. **o(b)poка* от глагола **o(b)pekt'i* требует этимологического обоснования. В недавних попытках этимологического изучения слав. **o(b)poка* (имеются в виду прежде всего этимологии А. Е. Супруна, Ж. Ж. Варбот, В. Борыся)¹⁸ пересматривается и признается семантически

16 Machek V. Slavisch-germanische Wortpaare // ZfslPh XXII, 1954, 119.

17 Sławski F. Obecność *o* : *u* w językach słowiańskich // SOc 18, 1947, 246–290.

18 Супрун А. Е. Апока // Веснік БДУ 2, 1970, 83–84; Варбот Ж. Ж. 1984, 164–167; Борысь В. Prilozi srpskohrvatskoj etimologiji // Зборник за филологију и лингвистику. XXV/2. Нови Сад, 1982, 12.

необоснованной старой этимологией Миклошича, согласно которой славянское слово с восстанавливаемым для него первоначальным значением 'каменный очаг' считается производным от глагола *ob-pekt'i* (Mikl. 235; ср. также Преображенский 653; Фасмер III, 146; Brüskner 380; Skok II, 628). В новой версии упор делается на устойчивое употребление славянского слова в качестве обозначения горной породы, известняка. Таким образом, в качестве основного признается значение 'известняк', и из этого значения выводится, с одной стороны, значение 'меловая скала, камень', а с другой, 'материал для литейной формы' > 'литейная форма как рама'. Для более отдаленного, периферийного рус. *опока* 'иней' в работе А. Е. Супруна предполагается исходное значение 'мягкая, светлая (белая) горная порода'. При обосновании нового этимологического решения обращается внимание на параллелизм форм с корневым *o* и *u*: с одной стороны, ц.-слав. *опока* 'скала, камень', словен. *opoка* 'вид известняка', а с другой, с.-хорв. чак. *opuka* 'черепица, кирпич', чеш. *opuka* 'известняк, камень, который легко крошится и основным элементом которого является глина, мергель', ст.-чеш. 'скала, утес', словац. *opuka* 'скала, состоящая из глины и известняка; известняк, смешанный с глиной и песком', укр. *опука* 'скала, камень, особенно из известняка'. Махек, исходя из данных чешского и словацкого языков, признавал древнейшей форму с корневым *u* — *opuka* и связывал эту форму с глаголом *opukati*, предполагая развитие *o* в *opoка* по ассимиляции гласных (Machek² 416). Принимая это объяснение, А. Е. Супрун обращает внимание на глагол **pokati* (ср. блр. *покацца* 'трескаться, раскалываться') и его вариант с корневым *rik-* (ЭСБМ 1, 128–129), а В. Борысь, исходя из той же идеи, считает, что семантика и структура славянских слов не мешает тому, чтобы произвести их от глаголов, связанных между собой отношением вариантности, т. е. *pokati* : *pukati* : *pokati*. Слав. **o(b)roka* этимологически толкуется как обозначение камня непрочного, легко разрушающегося. Совершенно новое осмысление морфологической структуры слав. *opoка* предложила Ж. Ж. Варбот: в составе этого имени вычленяется корневая морфема *op-* < и.-е. **āp-* 'вода' (ср. слав. **арьпо/*варьпо*) и суффикс *-ока*. Предполагается, что значение 'известняк' этимологически выражено как *(находящийся) у воды', *(связанный с водой'. Такое понимание этимологического значения **opoка*, как считает Ж. Ж. Варбот, имеет не только естественно-научное обоснование (известняк является одной из горных осадочных пород, образование которых связано с разрушительным действием воды), но и мифологическое: скифское имя богини земли *Ари* (ср. скиф. *ār-* 'вода') считается близкой аналогией этимологическому значению слав. **opoка*. В одной из недавних работ В. В. Мартынова несколько иначе осмысливается отношение слав. *opoка* и иран. *арака* (< **ār-* 'вода'): слав. *opoка* рассматривается как иранский ингредиент в праславянском.¹⁹ Как видим, в

19 Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. М., 1983, 55.

новых этимологических решениях отталкиваются от «горного» значения, от свойств горной породы, именуемой словом **o(b)roka*. В поисках внутренней формы ориентиром служат, во-первых, физические свойства известняка (способность легко разрушаться), а во-вторых, условия образования этой горной породы (связь с водой).

Продолжения слав. **o(b)roka* семантически однородны. И хотя «горное» значение доминирует в славянских языках, все же оно не покрывает всей семантики этого слова: остаются еще некоторые специфические значения, слабо выраженные, сохранившиеся лишь в отдельных диалектах. Как правило, они не привлекают к себе должного внимания при этимологизации слав. **o(b)roka*. Подразумевается, что все то, что остается за вычетом «горного» значения, является поздней семантической инновацией отдельных славянских диалектов. А между тем именно эти «негорные» значения требуют к себе особого внимания, потому что в них заложены признаки, которые как раз и мотивируют становление значения, ставшего основным для слав. **o(b)roka*. В наиболее полном виде семантику слав. **o(b)roka* представляют русские диалекты. В словаре В. И. Даля находим следующее описание этого слова: *опóка* — 'меловой известняк; известковый суглинок; белая сыроватая глина для обмазки щелей в избе; особ. мергель, глина для отливки чугуна, меди', арх.-мез. 'алебастр, мягкое и рыхлое вещество вообще, пушина, иней на деревьях, косматая изморозь', твер. 'ивень', ср. густая *опока* (на деревьях) к урожаю овса; *опоковая* кальпъ, *опоковый* льяк 'форма для отливки'. Для понимания внутренней формы этого слова особенно важно следующее описание: «*Опока* садится на деревья, когда отпустит, после сильных морозов: сырость воздуха мерзнет на промерзлом дереве, налипает, *опакает* его; вязкая глина, *опока* пристаёт к сошнику и заступу, липнет или *опакает*. *Опо́чник* — опокový, опочный камень, мергель, торф» (Даль² II, 681). Следовательно, *опóка* — это не только камень, известняк, но и вязкая глина, иней, мягкое, рыхлое вещество — все то, что оседает, образует покрытие, внешний слой, отложение. При определенных атмосферных условиях, особенно при резком перепаде температуры, вода, содержащаяся в разных веществах, а также в воздухе, застывает и в результате образуются наросты на поверхности, затвердевшее покрытие. В некоторых диалектах слово **o(b)roka* имеет еще одно значение — 'торф, торфяное болото': ср. рус. диал. *опóчник*, кашуб.-словин. *opoka* 'болото, торфяник, преимущественно у моря' (Sychta III, 326). Значение 'торф' не противоречит общей исходной семантике слав. **o(b)roka* 'осадок, отложение, покрытие', напротив, оно согласуется с этой семантикой и определяется ею: по своей природе торф — это пласты слежавшихся, сплетенных болотных растений, корней, моха (ср. рус. диал. название торфа — *корённый*, Даль² II, 163), это то, что затягивает, покрывает топкое, вязкое болото. Хотя вода и участвует в процессах, которые приводят к появлению разного рода отложений, все

же как нам представляется, не связь с водой определяет и мотивирует обозначение результатов атмосферных процессов. Анализ «негорных» значений слав. **o(b)poKa* подтверждает правильность старой этимологии, принадлежащей Миклошичу: слав. **o(b)poKa* мотивируется глаголом **pekti* в сочетании с приставкой *ob-* в значении 'вокруг, со всех сторон'. В известном смысле семантической параллелью к отношению слав. **o(b)poKa* : **o(b)pekt'i* может служить рус. *накипáть, накипéть* 'образоваться, скопиться от кипения; скопиться, осесть (от кипения)' и *на́кипшь* 'что накипело, образовалось, отделилось от кипения: пена и ключья, все, что всплывает или слегка осаждается в жидкости; твердый, песчаный осадок, кора, нарóст; каменистые нарóсты в пещерах, от просачивающейся жидкости, сталактит ...; железная гарь, шлак, окалина, которая скипается комьями в горну; снег, пристающий в сырую погоду комьями к полозьям; наледь, наслуд около ключа, родника', сиб. *на́кипень* 'лед бугром на роднике, наслуд, наслуз, намерзлые кочки, бугры' (Даль² II, 423).

Нельзя не отметить частичное совпадение семантики слав. **o(b)poKa* и другого отглагольного имени с вокализмом *e* — **pektь*. Одно из значений имени **pektь* 'скала, камень' (ср. словен. *pěc*) обычно связывают с тем, что первоначально печь имела форму очага, сложенного из камней. И такое объяснение вполне вероятно и допустимо. Но существует еще ряд значений, который, как и в случае с **o(b)poKa*, вполне определенно мотивируется семантикой глагола **pekti*. Исходную семантическую базу образуют значения 'нечто залепшееся' > 'вздутие', 'покрытие', 'отложение в виде песка или камней'. Результатом такой семантической эволюции можно считать рус. диал. *опéчь* 'песчаная отмель в реке' (Элиасов 266), урал. *опéчек* 'грудка песка, камней, намытая рекой' (Словарь Сред. Урала II, 60) и 'возвышение дна до уровня воды в реке, подводный холм' (Иркут. словарь II, 90), *печйна* 'сланцевое жесткое дно в реке, где и якорь не забирает; уступ, припечек на дне реки, вдоль берега' (Даль² III, 109). Обращает на себя внимание тот факт, что среди топонимов и гидронимов сосуществуют однотипно построенные названия с корневыми *e* и *o*: ср. словен. гидр. *Opečnik*, с.-хорв. топ. *Opeka* при чеш. *Oročep*, словен. *OpoKa*, *VopoKa* (Bezljaj. Slov. v. imena II, 61). В какой-то степени показательно кашуб.-словин. прилаг. *zapékováni* 'о тусклом, туманном ореоле вокруг луны', ср. *zís ksążęc zapékováni* (Sychta VII, 368).

Славянский материал дает основание предполагать, что наряду с основным обозначением известняка словом **o(b)poKa*, являющимся праславянским новообразованием, существовало другое параллельное название *opuka/opoKa*, произведенное от глагола **pukati/*pōkati*. Это новое название, сложившееся не без влияния слав. **o(b)poKa*, передает одну из наиболее заметных особенностей известняка — способность легко разрушаться.

В составе зап.-юслав. диалектизмов единичны каузативно-фактивные глаголы на *-iti* с корневым вокализмом *o*. Так, с общеслав. **rydati* чередованием корневых гласных связан фактив **ruditi*, ограниченный в своем распространении словен. *róđiti, rōđim* 'заботиться, беспокоиться, обращать внимание', резьян. *ruditi*, ср. Apo krávэ ho *rúdi* jèst seno (Бодуэн. Материалы I, 19) и ст.-чеш. *ruditi* 'досадовать', в.-луж. *rudzić so* 'печалиться, сокрушаться, горевать', *rudźawu* 'грустный, опечаленный', н.-луж. *zružís* 'омрачить'. Тот же тип отношений отражают лит. *raudà*, вин. *raũda* 'плач, оплакивание', вост.-лит. *ráuda* то же, лит. *raudóti, raudóju* 'стенать, плакать', лтш. *raũdāt, -u* 'стенать, плакать' и лит. *surũdau* 'я загрустил', лтш. *rũdinát* 'довести до слез' и т. д. (Фасмер III, 527; Machek² 523; Fraenkel 704).

*ružiti : **rygati*. Словен. *rúžiti* 'чистить, снимать кожуру, шелуху, лущить', *rúž* м. р., *ružina* 'зеленая ореховая скорлупа', *ružine* мн. 'пустые стручки' вместе с приставочными образованиями *oružek (oruždžek)* 'пустой початок кукурузы' (Valj.), *orožek* (Suhor) 'стручок без зерна' (Barle 24), с.-хорв. диал. *ružđiti* (Jambr.) 'лущить (о кукурузе, горохе)', *rũžđiti* (Vodice) то же (Skok III, 177) могут быть сопоставлены с чешским *karužina* 'прут', польск. *suchoreź* 'засохшее дерево, сухостой; хворост' (с вторичной назализацией), рус. диал. *рўжа* 'хворост, ветка высушенного дерева'.²⁰ Для названной группы слов восстанавливается и.-е. корень **reu-g-/*rou-g-* (ср. лат. *rũga* 'складка'). Вариант этого корня с другим распырителем *k* в слав. **rukati* — **rykati/*ryčati* с тем же противопоставлением корневого вокализма. К продолжениям второй основы **rygati* могут быть отнесены болг. пирдоп. *рйгам* 'распускать вязание, дергая нитки' (Кънчев — БД IV, 139), ихтим. *рйгам* 'расплетать; очищать свекольные листья от стебля и жил', *разригам* 'расплетать', *риготина* 'пряжа' (Младенов — БД III, 153, 156).²¹

В группу лексических диалектизмов с корневым вокализмом *e* входят разнородные глагольные и именные образования, в их составе единичны примеры, в которых корневое *e* выполняет определенную морфологическую функцию, являясь показателем производящей глагольной основы. Так, зап.-юслав. диалекты сохраняют для славянского имени **krogъ* производящий глагол с корневым *e* —

20 Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен // Этимология 1975. М., 1977, 34–36.

21 Семантическая однородность рассматриваемых слов, тесная взаимосвязь значений 'рвать, чистить' и 'расплетать, распускать, выдергивая нитки' побуждают нас отказаться от прежде принимаемого нами сближения болг. *ригам* со слав. **rygati* 'рыгать', 'рвать'. См.: Куркина Л. В. Заметки по словенской этимологии // Общеславянский лингвистический атлас 1980. М., 1982, 278–280.

*křegnŋti, восстанавливаемый на основании словен. *okřegniti* 'окоченеть' (ср. производное *okřegel* 'застывший от мороза', *okřeglina* 'мороз, стужа'), ст.-чеш. и чеш. *křehnouti* 'твердеть, коченеть от холода', ст.-словац. *křehnúť* с тем же значением. Семантика этого глагола выводится из значения 'кружить, скручивать(ся), сжиматься, сгибаться' (ЭССЯ 12, 142–143).²²

В системе глагольного основообразования особого внимания заслуживает случай сохранения в зап.-юслав. диалектах архаичной глагольной основы с корневым вокализмом *e*. Речь идет о словен. *rŋgati se = rŋgati* 'рыгать' и родственном ему чеш. *řihati* (< **rjug-* < **rēug-*), связанных чередованием корневых гласных со слав. *rygati 'рвать, рыгать': ср. рус. *рыгать*, также 'рыдать, плакать', болг. *рѣгам* 'меня рвет', с.-хорв. *рѣгати*, польск. *rzugać* и т. д. (Фасмер III, 526). Слав. *rygati, имеющее форму итератива, находится в ближайшем родстве с лит. *rŋgti, rŋgiu* 'киснуть, отрыгнуть кислым', лтш. *rŋgt* 'бродить' и далее лит. *riaugėti, riaugmi* 'киснуть', греч. ἐρεύγομαι 'выплываю, рыгаю, меня рвет', ἐρυγγάνω 'отрыгиваю', лат. *ērŋgō* 'рыгаю' (Pokorny I, 871; Fraenkel 705). На основании индоевропейских соответствий Вайян реконструировал древний корень в форме **rug-*, который, как он полагает, в балтийских и славянских языках выступал в форме **rŋg-* по основе настоящего времени **rēug-* с восходящей интонацией (Vaillant III, 243). Праславянский язык сохранил след этой основы в чеш. *řihati* и словен. *rŋgati se*.

Исходная ступень корневого вокализма *e* составляет особенность многих зап.-юслав. именных образований, причем в значительной части случаев параллельно сосуществуют имена с корневым *o*. Различие в вокализме не несет никакой морфологической нагрузки. Появление вариантов именных основ с корневым *e* и *o* связывают с тем, что в индоевропейском в пределах одной парадигмы противопоставление слабых и сильных форм осуществлялось посредством чередования гласных: ступень *e* характеризовала сильную форму, в слабой позиции проявлялся вокализм в ступени *o*. В дальнейшем происходит обобщение корневого вокализма *e* или *o* по всей парадигме, разнонаправленность этих процессов по диалектам приводит к появлению морфонологических вариантов именных основ.²³

Последовательно рассмотрим характерные для зап.-юслав. диалектов именные основы с корневым вокализмом *o*, в ряде случаев параллельно с ними существуют имена с корневым *e*.

22 Подробнее см.: Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии // Этимология 1970. М., 1972, 70–74.

23 Schindler J. L'apophonie des noms racines indo-européennes // BSL, t. LXVII, f. 1, 1972, 31–38.

**xul-* (: **xyl-*). Территориально ограничены продолжения основы *xul-* с исконным корневым вокализмом *o* (< и.-е. **skou-* 'гнуть, сгибать'), ср. словен. *húla* 'сгиб, дуга', *húlití* 'гнуть, наклонять', *húlití se* 'пригибаться, притворяться, прикидываться; дремать в согнутом состоянии', *konj se huli* 'конь прижимает уши', с.-хорв. стар. *huliti (se)* 'гнутьяся' (RJA XII, 732: Bjel., Stulli, Volt.), *kujit se* 'плестись, брести' (Tentor. Leks. sl. 11), а также чеш. *choulití* 'сжимать, закутывать, заматывать, завертывать', словац. *chúlit' sa* 'прижиматься, лнуть; кутать' (ЭССЯ 8, 116; Bezlaĵ I, 206). Практически на всей славянской территории представлен вариант основы **xyl-* : ср. болг. *хил* '(о буйволе) с прижатыми назад рогами', рус. *хилый* и т. д. (ЭССЯ 8, 156).

В лингвогеографическом плане основы **teudj-* : **toudj-* находятся в отношении дополнительного распределения: основа **teudj-* (ср. рус. *чужой*, ст.-слав. *штоуждъ* и т. д.) распространена на всей славянской территории, за исключением одного небольшого ареала — зап.-юслав. диалектов, где находим продолжения основы с корневым *o*. Это — словен. *tūj* 'чужой' и с тем же значением с.-хорв. *tuđ*, чак. *tīj, tūjā, tūje* (Hr.—Šim. 1263), *tūd'i* (Koschat 282), *tuđ, tūj* (Čakavian studies 106).

Отмеченное Безлаем словен. диал. *zorica* 'хлев для свиней' (Похорье) сближается с блр. *азарод, азярод* (Bezlaĵ. Eseĵi 145) < *zordъ. Чередованием корневых гласных с ними связано ст.-блр. *зерема, зереме* 'отдельное место, в котором находилось особое стадо бобров' < *zerdmę (Трубачев 1963², 179).

Параллельно с общеславянскими основами, преимущественно именного характера, с корневым вокализмом *o* существуют ареально ограниченные имена с корневым *e*, восстанавливаемые по данным зап.-юслав. диалектов.

*gręba : *grębъ. Словен. *gręba* 'груда, ком грязи, земли', а также польск. *grzęba* (XV—XVI вв.) 'высокое место; остров, горка' (Sławski I, 370), в.-луж. диал. *hrjaba*, н.-луж. *gręba* 'пучок сена, бугор' дают свидетельства древней основы *gręba, связанной чередованием с общеслав. *grębъ (ст.-слав. *грѣбъ*, болг. *груб*, словен. *gręb* и т. д.). См. ЭССЯ 7, 120, 145.²⁴

**ręb-* : **ręb-*. В соответствии со общеслав. *rębiti в словенском засвидетельствован вариант основы с корневым вокализмом *e*: ср. *rębęn* 'пустой, губчатый, ноздреватый', *rębelj* 'бахрома', *rębati* 'глодать (кость)'. Близкую семантику имеют образования с корневым *o*: ср. *rębav* 'пустой', *robava repa* 'губчатая морщинистая репа' (Juraničič. Rapon. 31—34), *rębelj* 'кусочек дерева' и т. д. Корневой гласный в ступени *e* в лит. *rėmbėti* 'покрываться рубцами' (Bezlaĵ 1968/69, 68/69). Следы этого чередования прослеживаются в русских диалек-

24 Сложное и малоубедительное объяснение получает слав. *gręba в словаре Безлая. См.: Bezlaĵ I, 172.

тах. В словаре Даля отмечены лексемы, для которых с некоторой долей вероятности можно предполагать корень **ręb-*: *rébez*, *rebezók* калуж. 'шелковый обрезок ткани, кромка, полоска, лоскут лентой, обрезок', *rebezítъ в глазах* псков. 'рябить, мельгешить, мелькать' (Даль² IV, 87). Сходное строение имеют синонимичные лексемы с корневым *o*: *рубéз*, *рубезок* 'тесьма, узкая полоска, оторванная, остриженная от ткани, бумаги' (Даль² IV, 87).²⁵

**meld-*: **moldъ(jь)*. Прилаг. **meldьпъ(jь)*, которое, как мы пытаемся показать ниже, связано чередованием корневых гласных с общеслав. **moldъ(jь)*, отмечено в зап.-юслав. диалектах: словен. *mléden* 'худой, осунувшийся', *omléden* 'пресный на вкус' и с.-хорв. *mlédan*, *mlédna* (Дубровник) = *mnédān*, *mnédna* (Жумберак) = (икав.) *mlidan* (Оток, Славония, Крк) 'сухощавый, худой; безвкусный, пресный' (Крк) при общем значении 'медленный, вялый, слабый' (RJA VI, 836: Vrančić, Bella, Jambr., Volt., Stulli, Vuk с пометой Дубровник; Skok II, 442; Maž. I, 610), хорв.-кайк. (Вирье) *mléden* 'слабый, исчерпанный' (Herzan 86). При этимологическом осмыслении зап.-юслав. диалектизма чаще всего исходят из слав. *mъdьlъ (ср. рус. *млетъ*, *медленный*, словен. *medel* и т. д.), но, как отмечается в литературе, это сближение сопряжено с серьезными трудностями фонетического порядка, поэтому оно, если и принимается, то с большими оговорками и сомнениями (Mikl. 206; Machek² 356; Bezlaј II, 188). Признается весьма проблематичным предположение Скока о развитии хорв. *mledan* из *bljed* с изменением *b > m* на основе контаминации *mršav* и *madal* (Skok II, 442). Высказывавшаяся некоторыми исследователями идея о родстве хорв. *mleden* и рус. *молодой* не получила поддержки (Фасмер II, 505) по причине не совсем верного понимания исходной семантики слав. **moldъ(jь)*. Наиболее широко представленное в славянских языках и являющееся основным значением 'молодой, juvenis' признается изначальным. Но более углубленный анализ семантики славянских слов и индоевропейских соответствий (ср. др.-инд. *mṛdús* 'мягкий, нежный, кроткий', лат. *mollis* < *mṛdu-is 'мягкий, гибкий' и т. д. — Pokorny I, 712) приводит к реконструкции первоначального значения 'вялый, слабый'. Славянские языки полностью утратили исходную семантику. В старославянских памятниках прилаг. *mladъ* никогда не употребляется в значении 'юный, молодой', его основное значение — 'свежий, ранний, только что появившийся, неокрепший или младенческий' (Цейтлин 22–23). Первичное значение 'мягкий, слабый' присутствует в выражении *от молодых ногтей* (ЭССЯ 8, 196–197). Наряду с обычным, устойчивым функционированием слав. **moldъ(jь)* в качестве определения возраста (ср. *старый* — *молодой*) в русских диалектах наблюдается несколько иная семантическая

25 Подробнее см.: Куркина Л. В. Славянские этимологии // Этимология 1981. М., 1983, 6–10.

сфера употребления, с перемещением в иной семантический ряд *зрелый* – *незрелый*. Незрелость, неполнота, незавершенность внутреннего развития – признаки, которые можно считать основными, определяющими в семантике слав. **mold-*, когда речь идет о меняющейся погоде, неустойчивом, переходном состоянии атмосферы или брожении молодого напитка (кваса, пива), еще несложившегося, неустоявшегося: ср. рус. *моложить* (пск., твер.) '(о погоде)', *замолаживать*, *моложная погода* 'пасмурная, туманная, серенькая', *замолодеть* безл. 'покрываться тучами, облаками (о солнце)' (СРНГ 10, 252–255), *молодь*, *молодизна* 'пена на недобродившем пиве, меду и т. д.' (Даль² II, 332), польск. *młodzi* 'дрожжи' и т. д. В силу своей определенно выраженной семантической обособленности приведенные выше диалектизмы обычно рассматривались в отрыве от *молодой*, а если и соотносились с ним, то это сближение не получало надежного семантического обоснования (см. Фасмер II, 664). Поиски этимологии велись на основе ограниченной семантики отдельно взятых слов, без учета глубинной взаимосвязи значений.²⁶ Реконструкция в полном объеме семантической структуры слав. **mold-* ('молодой' и 'вялый, слабый, мягкий', 'незрелый') позволяет однозначно решить вопрос об отношении рус. *молодь* и *замолаживать*: место этих слов в ряду однокорневых образований с общей частью *молод-*.

Представление об иерархии значений слав. **moldъjъ* дает надежную основу для расширения состава данного этимологического гнезда. Именно в рамках этого гнезда могут быть поняты как апофонические варианты некоторые славянские слова с прочной репутацией темных, неясных. Один из таких апофонических вариантов с исходной ступенью *e* сохраняют северо-западные диалекты ю.-слав. языков. Простой обзор значений, характеризующих ю.-слав. диалектизм, достаточно наглядно показывает, что семантически ю.-слав. **melъъjъ(jъ)* ближе к исходному значению, чем слав. **moldъ(jъ)*. Во всяком случае, значение 'вялый, слабый' является для него основным, а все другие значения – 'худой, пресный, безвкусный' – являются конкретизацией и видоизменением этого основного значения.

Специального внимания заслуживает выдвинутое еще Миклошичем сравнение словен. *mléden* с рус. диал. *меледа* 'тягостная, бессмысленная работа',²⁷ с которым связан целый ряд производных

26 *Потебня А. А.* Заметки этимологические и о народной поэзии // РФВ III, 1880, 95–97.

27 Сюда же относится рус. *меледа* в значении 'кедровые орешки, которыми забавляются во время беседы. См.: *Unbegaun B.* [Рец. на кн.:] *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch // BSL, t. 52, f. 2, 1957, 170–171. О сближении рус. *меледа*, хорв. *mledan* и словен. *mléden* см. еще: *Mühlen.-Endz.* II, 594–595; *Jagić V.* Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku // Rad JAZU, knj. IX, 1896, 59.

образований: *меледѣть* 'медлить, мешкать; заниматься пустяками или праздно шататься; бездельничать, гулять; отрывать от работы; рябить, темнеть в глазах, маячить, мелькать, чуть-чуть виднеться' (Даль² П, 311; СРНГ 18, 96), *меледкий* 'медлительный, мешкотный', *меледный* 'медленный, требующий много хлопот, усилий, времени; кропотливый' и т. д. (СРНГ 18, 97). Предложенное понимание семантики слав. **moldььъ(jь)* делает оправданным и вполне вероятным включение в данное этимологическое гнездо словен. *mleđen* и рус. диал. *меледѣ*.

Наряду с вариантами основ, связанными чередованием гласных *e, o* в корне, существует еще один тип апофонических отношений, объединяющий именные образования на основе чередования корневого *o* с гласным в ступени редукции. Причем зап.-юслав. диалекты дают основание для реконструкции исходного вокализма *o*.

*trus- : **trъs-*. Существует попытка объяснить словен. *trûsnat* 'corpulent' и *strûsast* 'с большой щетиной' на основе чередования с другим словенским словом *trš*, зафиксированным словарями в следующих значениях: 'пень; кривое дерево, приостановившееся в своем развитии; туловище; бук с отрезанными ветками' (Plet.), 'толстый и низкий ствол дерева; сухой ствол дерева; колода, куст' (Štrekelj 43). Отношением производности со словен. *trš* связаны *tršelj* = *trš* 'изогнутое дерево; живое существо, приостановившееся в своем развитии', прилаг. *tršast*, *tršat* 'коренастый, растрепанный, неуклюжий', *tršav* 'карликовый; растрепанный'. Семантический стержень, вокруг которого группируются все названные значения, составляет признак 'изогнутое, суковатое дерево', откуда обозначение неровного, бесформенного леса, кустарника, на базе последнего развивается значение 'карликовый (по отношению к дереву и живому существу), не получивший полного развития'. Старую семантику сохраняет славянское заимствование в румынском *-tirș* 'кустистое, поврежденное дерево' и *a tirși* 'mit der Dornenegge eggen' (Skok III, 510). Самым простым и архаичным орудием было дерево с отходящими в сторону сучьями. Исходя из рум. *tirși*, следует предполагать для словен. *trš* исходную форму с редуцированным перед плавным, т. е. **trъsъ*. В таком случае отпадают условия, необходимые для сближения словен. *trûsnat* и *trš* на основе чередования. Но при некотором сходстве в семантике и фонетической форме определенно проступает тенденция к объединению двух этимологически разных групп слов, уже не мотивированных на почве словенского языка. Аттракция исходит от наиболее продуктивной лексической группы с основой *trš*. В происхождении словен. *trš* остается много неясных моментов. Встает вопрос, в каком отношении находится это слово с широко распространенным в ю.-слав. языках обозначением виноградника — *trъs*, являющимся ранним заимствованием из неизвестного языка-источника. В качестве источника назы-

вается греч. θρίνια: ἄμπελος ἐν Κρήτῃ < *trisia, алб. *trishë* 'росток, побег' (Зоммер, Шарпантье), но более вероятным признается заимствование итал. *torso* < лат. *tursus* = греч. θύροος (Skok III, 509). За словом *trs* закрепилось обозначение виноградной лозы, виноградника: ср. с.-хорв. *třs* 'лоза', словен. *třs* то же, хорв.-чак. *třs* то же, цслав. трѣснѣ 'vinea' (глаголич. памятник). Но если более тщательно проанализировать семантику этого слова, известного в основном ю.-слав. языкам, то оказывается, что в семантическую характеристику входят и другие значения, очень близкие или почти совпадающие со значениями словен. *třš*: ср. словен. *třs* 'стебель растения, кочерыжка; початок кукурузы, очищенный от зерен', '*tars* 'кочерыжка' (Cossutta 542), с.-хорв. *třs* (Жумберак) 'пенек срезанной виноградной лозы; сучок на лозе; кочерыжка, стебель', чеш. *trs* 'корень растения со стеблем, виноградная лоза; кочерыжка' (Kott IV, 206). Таким образом, проникшее в славянские языки иноязычное слово, как и *trs*, обозначало корень, пенек, какое-то утолщение на стебле. Логично видеть в словен. *třš* суффиксальное производное на *-jъ* от *trs*, которое в более архаичных контекстах использовалось в качестве обозначения орудия для расчистки территории. В сербохорватских диалектах находим глаголы *třsiti* (объект — ргуе за уза, ггање, гувно) 'чистить' (Космет), *protřsiti*, *-im* (put), *rastrsiti* (put) 'проложить, расчистить путь' (Skok III, 509), *potřsiti* 'изрубить, уничтожить' (Kosor — Filologija 9, 49). В описании одного из диалектов Восточной Сербии семантика глагола *trsiti* определяется в плане отношения к синонимичному глаголу *krčiti*: *trsi* se trnje i korov, a *krči* grmlje, т. е. *trsi* употребляется по отношению к бурьяну, сорнякам, терновнику, а *krči* — по отношению к кустарнику. Производное от него имя *třša* = *trševina* служит обозначением расчищенного участка земли, подготовленного для последующей обработки.²⁸ Такого же происхождения и топ. *Trš*, ум. *Třšić* (Skok III, 510). В северномакедонских говорах отмечен глагол *трси* в значении 'расчищать, теревить' и производное от него *трсиште* 'поле, образовавшееся после расчистки местности'.²⁹

Заимствованное *třsz* совпало с фонетическими рефлексамии слав. *třstь, которое при неясных условиях могло выступать в форме с.-хорв. *trs* 'заросли камыша', цслав. трѣса *seta* (ребра имь стрьгаше трьсою коньскою — Mikl. LP 1008) и с.-хорв. *třša* 'жесткошерстная овца' (Толстой² 959). Именно этот вариант основы, обнаруживающий соответствия в балтийских языках (ср. лит. *trušis*, *triušis* 'камыш,

28 Bogdanović N. Geografska imena u svrljiškom kraju // Onomastica Jugoslavica. Knj. 10, Zagreb, 1982, 288.

29 Пеев К. Земјоделската терминологија во македонските дијалекти. // МЈ XXVII, 1976, 127.

тростник', лтш. *truši* то же),³⁰ связан апофоническими отношениями с упомянутыми словен. *trūsnat* 'corpulent', *strūsast*.

В рассматриваемом нами материале внутриславянские связи распределяются следующим образом:

1. изоглоссы, объединяющие зап.-юслав. диалекты с севернославянскими языками: *děža, *dorъ, *xlqđъ, *molъ, **vol-*, *dorga, *otъrokъ, *smogorъ, **o(b)poка*, **ruž(iti)*;

2. словенско-восточнославянские изоглоссы: **glom(ěti)*, *jъzloga, **reб-*, **meld-*;

3. изоглоссы, общие с языками чешско-словацкой группы, частично с лехитскими и лужицкими языками: *pozojъ, *ruditi, *xuliti, *gręba, *kręgnoti, **r'ugati*, **-tos-*;

4. словенско-болгарские изолексы: словен. *spròj*, *sprostî* ~ болг. *спрòжда*, словен. и болг. *mlamol*;

5. зап.-юслав. регионализмы: **tudj-* (словен. *tûj*), *meldьпъjъ (словен. *mlěden*), **trus-* (словен. *trūsnat*), словен. *zorca*.

Самую древнюю часть составляют лексемы с широким кругом индоевропейских соответствий: *děža, *dorъ, *molъ. Особо следует отметить связи с балтийскими языками: *xlqđъ ~ лит. *sklandà*, *ruditi ~ лит. *raudóti*, **vol-* ~ лит. *vālas*, словен. *sprostî* ~ лит. *spraštas*, словен. *gloměti* ~ лит. *gleiñžti*, *trūsnat* ~ лит. *trušis*, *triušis*, лтш. *truši*.

2. Западноюжнославянские диалектизмы с фиксацией корневого гласного в ступени редукции

Среди зап.-юслав. лексических диалектизмов с корневым гласным в ступени редукции следует выделить редуцированные образования с полным или частичным повторением корневой морфемы. С глаголом *vъrěti (ср. ст.-слав. *върѣти*, *върж* ζειν, *кохλάζειν*, укр. *врїти* 'кипеть, бурлить' и т. д.) соотносятся узколокальные образования с удвоением корневой морфемы: словен. *vrvrati* 'бурлить, клокотать' и словац. *vrvrat* 'бурчать' (Kálal 785), н.-луж. *wawriś* 'говорить чепуху' (Muka II, 845). Параллельно существует форма с удвоением апофонического варианта данного корня: словац. *vravor* 'шум', чеш. *vrávor* 'головокружение' (Kott IV, 813) < *vor-vor

30 *Scheftelowitz J.* Die verbalen und nominalen *-sk-* und *-sk-* Stämme im Baltisch-Slavischen und Albanischen // KZ LVI, 1929, 166. Следует отметить, что автор этимологически объединяет ст.-слав. *трѣса*, *трѣсна* *saeta*, *трѣсх* *vitis* и чеш. *trs* 'стебель, ствол растения' и, далее сближая с лит. *trušis*, *triušis* 'камыш', восстанавливает исходную форму **threus-sk-*. Вторичный суффикс *-sk-* в болг. *трѣска*, хорв. *trska* 'камыш, тростник'.

(Трубачев 1963³¹, 187). На базе глагола *tréti, tárem* 'тереть' < **terti, tьr* складывается словенское редуцированное образование *trtráti* 'шуметь, бормотать' < *tьr-tьr.

Ступени редукции в корне соответствуют основы с гласным в полной ступени — *o, e, i*. В том фрагменте словаря, который имеется в нашем распоряжении, корневой вокализм в ступени редукции входит в разные типы апофонических отношений, при этом наблюдается следующая особенность в лингвогеографическом распределении апофонических вариантов: вариант основы с корневым вокализмом в полной ступени характеризует, если не все, то большую часть славянских языков, тогда как вариант с корневым гласным в ступени редукции распространен лишь в части славянских диалектов, на южнославянской территории ограничен областью словенского языка и близкородственных диалектов. С учетом основных типов апофонических отношений последовательно рассмотрим зап.-юслав. лексемы с фиксацией ступени редукции.

Корневой гласный в ступени редукции по отношению к вокализму *o*

**dorb-* : *dьrbati. С рус. диал. *дóроб* 'корзина', др.-рус. *удоробь* 'худой горшок', чеш. морав. *odraba* 'оборванец' (~ лит. *dárbas* 'плетенка из листьев', др.-инд. *darbhás* 'пучок травы') чередованием корневого вокализма связано праслав. *dьrbati (~ др.-инд. *dr̥bhāti* 'связывает, сплетает, скручивает', ср.-в.-нем. *zirben* 'вертеться' и т. д. с продолжениями в севернославянских языках (ср. чеш. *drbati* 'чесать, скрести', словац. *drbat'* 'трясти, дергать', укр. *дербать* 'снимать дерн' и т. д.) и зап.-юслав. диалектах: словен. диал. *děrbati* 'щипать траву', *kadar krava jako muli travo, pravijo, da derba* (Valjavec — LjZv XIII, 690), хорв.-кайк. (Вирье, Пригорье) *drbāti* 'трогать', *drbnoti* 'тронуть, задеть' (Bogyš — HDZ VI, 74–75), *razdrbati* (*gnojšte, smetje*) 'разгрести, разместить' (Skok I, 431). В зап.-юслав. ареале известна экспрессивная форма *dьrbacati: словен. *drbácati* 'скрести, царапать', с.-хорв. *drbácati* то же (Skok I, 431), сюда же чеш. диал. *drbácnūt'* 'втиснуться, втереться' (Трубачев. Ремесл. терм. 238; ЭССЯ 5, 74, 219; Варбот — ОЛЯ 1972, 230–231).

*ob-skorda : *ob-skьrdь. Как чередующиеся варианты с корневым вокализмом в полной ступени и ступени редукции определяются слав. *ob-skorda (ср. рус. диал. *скоpаца* 'борона') и *ob-skьrdь, развившиеся из и.-е. *(*s*)*ker-* 'резать' в сочетании с расширителем *-d* (Фасмер III, 652).³¹ Основа *ob-skьrdь засвидетельствована в словен. *oskřd = oskřda, skrdi* мн. 'острый молоток для точки жерновов', ст.-чеш. *oškrd* 'железный инструмент для обработки твердого метал-

31 Меркулова В. А. Украинские этимологии // Этимология 1973. М., 1975, 55–58.

ла, в частности камня', совр. 'стальной инструмент, похожий на долото, для черновой обработки, обдирки камня (PSJC II, 450; Kott VII, 145), морав. *oškrd* м. р. и *oškrda* 'тесак, нож, долото, заступ, молот' (Kott II, 434), польск. *oskard* 'кирка' (Warsz. III, 848), в.-луж. *woškrót* то же (Pfuhl 856), полаб. *oskard*, а также рус. диал. *оскорд* 'большой топор, секира', с другой приставкой — *выскордь* 'выкорчеванное с корнем дерево. В старославянском *оскоздах* 'кирка', $\lambda\alpha\zeta\upsilon\tau\eta\rho\upsilon\omicron\nu$, *ascia instrumentum ferreum, quo lapicidae utuntur* встречается в Син. пс. и Син. трб., в памятниках, носящих следы редакционной сверки в Моравии и содержащих моравскую лексику, на этом основании это слово причисляется к моравизмам.³² Еще Миклошич обратил внимание на точное соответствие славянскому — **skъrdъ* прус. *scurdis* 'кирка, мотыга' (Mikl. 228), последнему родственны лит. *skėřsti*, *skerdžiù* 'резать (свиной)', лтш. *škērst* 'вскрывать (труп, тушу)', др.-в.-нем. *scarti* 'разрез' (Machek² 421; Bezlaj II, 256–257).

*trud- : **trъd-*. Зап.-юслав. диалекты дают основание для реконструкции варианта основы **trudъ* (ср. рус. *труд*) с корневым гласным в ступени редукции — *trъd-s* (с расширителем *-s*): словен. *tr̄siti se* 'стараться, стремиться, беспокоиться' и с.-хорв. *tr̄siti se* 'curare, стараться, хлопотать, заботиться' (RJA XVIII, 766–767: Vjel., Vitezović, Habelić, Vuk: в Черногории), *trs* 'studium, molitio', *tr̄siti* 'expedire', *tr̄siti se* 'studere, niti, moliri, curare, стараться' (Maž. II, 1469). Соответствия в балтийских языках: лит. *triūsas* м. р. 'работа, хлопоты', лтш. *traūds* 'хрупкий' (Mikl. 364; Skok III, 509; Bezlaj 1966/68, 78).

*kuka : **kъka*. Словен. *kęka* (< **kъka*) 'густые волосы на голове; человек, который ходит сутулясь', а также родственное ему ст.-слав. *кѡкъна*, *кѡкънѡ хѡѡѡ*, *tibia*, 'голень, лысто' (SSJ 16, 91) связаны чередованием корневых гласных со слав. **kuka* (ср. болг. *кука* 'крюк; костыль', с.-хорв. *кѡка* 'крюк') и **кука* (ст.-слав. *кѡка* 'волосы', болг. *кѡка* 'коса, чуб' и т. д.). См. ЭССЯ 13, 259.

*bukati : **bъkъ*. Тот же тип апофонических отношений связывает звукоподражательные по своей природе глаголы **bukati*/**bučati* (ср. болг. диал. *бѡкам* 'реветь, плакать', словен. *búkati* 'мычать' и т. д. — ЭССЯ 3, 74, 88), **bykati*/**byčati* (ср. болг. диал. *бѡча* 'шуметь, рычать' и т. д. — ЭССЯ 3, 146–147) и именную основу **bъčela* (: *bučati*). В словаре зап.-юслав. диалектов находим еще одно свидетельство основы с корневым гласным в ступени редукции — **bъkъ*: словен. диал. *bāk*, *bāka* 'баран', *bāk*, *bākā* (Tominec 71), *bōk*, *bōk*, *bēk* 'бык' (Rigler 80), с.-хорв. *bak* м. р. 'taurus' (с XVI в., RJA I, 158: Vrančić, Vjel., Vuk; Далмация, Хорватия), *bak* то же (KRj I, 103: Vjel. — далм.), *bak* (Neweklowsky 317), *bāk*, *bāka*

³² Подробнее об этом см.: Гутянова Я. Моравизмы в лексике старославянских рукописей. Канд. дисс. М., 1986, 121–122.

'бык, вол' (Hr.-Šim. 27), *бак* 'молодой бык' (Суботић – Прилози 8, 158). См. Berneker I, 112; Pokorny 97; Skok I, 95; Vaillant IV, 536.

*stud- : *stzd- (?). Некоторыми исследователями (Borys – HDZ VI, 71–72) предполагается основа *stzd- для группы зап.-юслав. лексем со значением 'фонтан, колодец, источник': словен. *sdenz* (Jarnik 101), *zdênes*, шчак. *zdenac*, хорв.-кайк. и чак. *zdenec*, топ. *Zdenci* (Popović 375), *zdānjec* (Jedvaj. Bednja 298), *zdenac* (Strohal – Rad knj. 124, 146; Риека; knj. 146, 124; knj. 152, 195), *zdenac* (Maž. II, 1676; Hadrovics 492; Neweklowsky 344), *zdenac*, *zdenca* (Koschat 293), кайк., чак., зап.-шток. прилаг. *zden*, гидр. и топ. *Zdena* на территории Боснии. Но принимая во внимание характерную для этого ареала тенденцию к редукции гласных можно, вслед за Плетершником, видеть в этих формах и результат фонетического преобразования исходной основы, нашедшей отражение в с.-хорв. шток. *studenac*, словен. *studénes*.

*vyl- : *ul-. Допустимо видеть отражение чередующихся основ *ōul- : *ūl- в словен. *vilovina* 'некая болезнь, колтун (*plica polonica*)', родственном рус. диал. *выль* 'шишка на теле животного от ушиба или удара; опухоль; кругловатый нарост на дереве' (СРНГ 5, 307), и словен. *ul*, *uljē*, *-ēsa*, *ulja* 'опухоль, гнойное образование', польск. *ul* 'свищ' (Фасмер I, 368).³³ Основа с гласным в полной ступени в лит. *aūlas* 'голенщик', лтш. *aūle* то же, прус. *aulis* 'голень, большая берцовая кость' (Топоров. Прус. яз.: A–D, 156; Fraenkel 26).

*sold- : *sald-. Словен. *slà* 'желание, потребность, стремление' (ср. *sla mi pride do mesa*), соотносимое с серб.-цслав. *оsлѣжѣти* (с XIV в.) *лѣжѣти*, *esurire* 'хотеть есть, быть голодным',³⁴ включается в этимологическое гнездо с и.-е. корнем *suel- 'жечь', а точнее в ту часть гнезда, которая объединяет герм. *sweld* (дат. *sult* 'желание', швед. *svälta* то же, др.-в.-нем. *swelzan*, гот. *swiltan* 'mori'), лит. *svilūs*, *svilti* 'жечь' и т. п. К. Оштир исходил из взаимосвязи значенный 'голод' > 'желание' и сблизал на этом основании словен. *slà* с арм. *khałc* 'голод' < *sul(d)ya,³⁵ а Махек, полагая, что словенское слово исконно связывалось с обозначением слюны, появляющейся при голоде, соотносил словен. *slà* с лит. *sulà* 'березовый сок, сок из коры'. В этих истолкованиях, основывающихся скорее на общетипологических соображениях, не принимается во внимание возможность внутриславянских связей, поиски которых приводят нас к этимологическому гнезду со слав. *sold-: рус.-цслав. *сладкий*, с.-хорв. *сладак* 'сладкий', *слад* 'солод' и т. д. Эта основа с рекон-

33 Ильинский Г. А. Славянские этимологии. XXXI. Блр. *выль* // Изв. ОРЯС XIII, 1. СПб., 1918, 174–175.

34 Ramovš F. Csl. *oslŕnŕti* 'esurire', slov. *sla* 'fames', 'cupido, libido' in *suagolten* 'avidus' // SR II, 3–4, 1949, 301–302. Там же обзор литературы.

35 Oštir K. Etymologien // WuS V, 1913, 222; Machek V. Recherches dans le domaine du lexique balto-slave. Brno, 1934, 77.

струируемым для нее значением 'соленый, острый, вкусный' родственна нем. *Salz* 'соль', лит. *saldūs* 'сладкий', *sálti, salù* 'получать сладковатый, пресный вкус', 'киснуть и тем самым вызывать жажду', 'томиться, слабеть, таять (о сердце)' (Фасмер III, 713; Skok III, 278; Fraenkel 759). В общем семантическом содержании слав. **sold-* вполне определенно выявляется та линия семантического развития, которая связывает значения 'сладкий, приятный на вкус' > 'быть по вкусу, нравиться' > 'желать, хотеть' > 'жадный до еды'. Именно это семантически продвинутое состояние отражают с.-хорв. чак. *slānut, slāne* 'идти на пользу, быть хорошим, полезным (о еде)' (Нр.-Šim. 1122: о. Брач), словен. *sladēti* 'быть по вкусу, иметь желание' (ср. *to mi ne sladi*), *sladiti* 'делать сладким' и 'страстно желать', а также в.-луж. *slodźec* 'быть вкусным, иметь вкус; нравиться' и 'солодить'. К этим образованиям примыкает рус. *солоща* < **sold-tja* 'лакомый и жадный едок, сластена, обжора' и т. д. (Даль³ IV, 266–267).

Реально засвидетельствованное для слав. **sold-* семантическое преобразование в направлении 'хотеть, желать, быть жадным', а также наличие в некоторых индоевропейских языках чередующихся вариантов **sold-* : **sld-* (ср. нем. *Salz* : *Sülze* 'студень' < *sultja*) создают материальные предпосылки для расширения этимологических связей рассматриваемой основы, а именно для включения в это этимологическое гнездо еще одной основы с корневым гласным в ступени редукции.

*krosno : **kr̥sno*. Лексический материал зап.-юслав. диалектов свидетельствует в пользу существования для слав. **krosno* варианта основы с корневым гласным в ступени редукции. Основание для такого предположения дает словен. *kr̥zma* в выражении *otroke v kr̥zmi imeti* 'держат детей в строгости', сопоставленное в словаре Скока с с.-хорв. *kr̥smati* 'медлить, колебаться', зафиксированным у авторов XIII и XVI вв. из Далмации и Дубровника (Skok II, 211–212; RJA V, 631–632: Vrančić, Mičala, Bella, Stulli, Volt.). Фонетическое изменение *sm* > *zm* отражают словен. *kr̥zma* и с.-хорв. *kr̥zmati* 'сомневаться, колебаться, медлить' (Rječnik hrv.-srp. jez. II, 791), *pokr̥zmati* 'подождать'. Другие свидетельства этой основы — серб.-цслав. *kr̥smati* *tardare* и производные: прилаг. *kr̥sman* (Stulli, XVI в.), антропонимы *Kr̥sman, Kr̥smanija, Kr̥smanović* 'Cunctator' и т. д. (Skok II, 211). Скок, пытаясь осмыслить внутреннюю структуру этого слова, признает наиболее вероятным предложенное в свое время Маценауэром сравнение с лит. *káršinti* 'mogam facere, retardare', с которым сближаются также с.-хорв. *kr̥šljav, kr̥žljav* 'слабый, плохо работающий', чеш. *krsati, krsnouti* 'захиреть', *krs* 'низкорослое дерево'. Но заметим, что чеш. *krs* и родственные ему слова не имеют общепринятого истолкования: Махек (Machek² 296–297) предполагает исходную форму **k̥r̥p-sati* (> чеш. *kr̥pěti* 'медленно, плохо развиваться', *kr̥pec* 'карлик'), а Славский соотносит с **kr̥chъ* < и.-е. **(s)ker-* 'крутить, сгибать; кривой' (Sławski II,

87). Далее Скок предполагает, что *křsmati* произведено от несохранившегося прилаг. **krsan* с последующим изменением первоначальной глагольной формы **krsnati* > *křsmati* > *krzmati* и семантическим развитием в направлении 'чахнуть, хиреть' > (метафора) 'медлить, колебаться'. Скок обращает внимание на вторичный, производный характер значения 'медлить, колебаться' и на примере с.-хорв. *krtiti*, *krtjeti* 'ломать' > 'медлить' показывает, что существуют и другие возможности реализации этого значения. На одну из таких возможностей в свое время указал Бернекер, сблизив слав. **křsmati* с чеш. *krosmati* 'сжимать, давить', производным от **krosno* (Berneker I, 631). Эта идея, лишь попутно высказанная Бернекером, признана в словарях Скока и Безлая семантически несостоятельной (Bezlaĵ II, 105). Представляется, что само отношение слав. **krosno* и **křsmati* требует к себе самого серьезного внимания и нуждается в проверке и углубленной разработке с учетом особенностей семантики слав. **krosno*.

Праслав. **krosno*, характеризующее на территории южных славян северо-западную группу диалектов (Zajceva 93) и некоторые диалекты болгарского языка (ср. *кросно* 'толстое круглое дерево, на которое намотана основа и ткань' — БЕР 3, 20), принадлежит к числу этимологически трудных слов. Согласно традиционной версии слав. **krosno* с основной семантикой 'рамочная конструкция, станина, вид заплечных носилок в виде рамы' родственно лит. *krāsė* 'стул' и связано чередованием со слав. **kreslo* (лит. *krėslas* 'стул', лтш. *krēsls* то же, прус. *creslan*). В ЭССЯ (13, 13; там же обзор этимологий) термин текстильного производства **krosno* определяется как славянское новообразование с суффиксом *-sno*, присоединяемым к корню *krot-* < и.-е. **kret-/kert-* 'вращать, крутить'.

Определенные резервы для внутренней реконструкции слав. **krosno* содержат в себе локально ограниченные лексемы с корневым *e*, а именно словац. *kres* 'основание прялки, нижняя часть прялки' (Kálal 271), болг. неврокоп. *креснак* 'круглое дерево, на котором закрепляется звонок (на шею животного)'.³⁶ Эти примеры, и особенно словац. *kres*, важны в том отношении, что позволяют углубить внутриславянские связи слав. **krosno*, включить это образование в более широкий ряд апофонических отношений. Существенно с точки зрения истории этой достаточно замкнутой группы слов наличие основы с корневым гласным в исходной ступени. При соотношении словац. *kres* и слав. **krosno* напрашивается, естественно, иное морфологическое членение, выделение корневой морфемы *kres-/kros-*, но при исторической оценке словацкой формы без суффиксального расширения нужно проявить известную осторожность и воздержаться от подобных выводов потому, что словац. *kres*, возможно, вто-

36 Мирчев К. Принос към словаря на неврокопското наречие // МПР VIII, 2, 1932, 122.

ричное производное от полной формы слова, ср. аналогичные отношения между словац. *jasný* < **ěskny(jь)* и *jas* 'сияние, блеск' (ЭССЯ 6, 50–51). Таким образом, мы придерживаемся традиционного понимания структуры слав. *krosno как образования с суффиксом *-sno*. Этот же суффикс участвует в оформлении зап.-юслав. слов с корневым гласным в ступени редукции. При всей самостоятельности семантики, достаточно удаленной от реконструируемого исходного значения, зап.-юслав. образования сохраняют следы этимологической связи со слав. *krosno. Строго говоря, словен. *v krzmi imeti* значит не что иное, как 'держат детей в рамках, ввести в строгие рамки'. Неслучайно *krzma* в этой конструкции имеет форму множественного числа. С.-хорв. *křsmati* претерпело более сложную семантическую эволюцию, которая предопределена употреблением *krosna в переносном значении 'длинные ноги, ходули', отсюда чеш. ляс. *natahnut' krosna* 'развалиться, улечься', *vkrosnat* первично 'уместить ноги в ограниченном, узком пространстве' (Machek² 295), с.-хорв. выражение *пустити кади кросна* 'протянуть ноги, умереть' (РСА X, 644; Истрия), болг. врачан. *открѡсам* 'развалиться, расположиться на отдых' (Хр. Хитов – БД IX, 291), т. е. первично 'уместиться с ногами'. В с.-хорв. *křsmati tardare* можно видеть продолжение этой линии семантического развития: 'длинные ноги, ходули' > 'уместиться с ногами, расположиться, развалиться' > 'проявлять бездеятельность' > 'медлить'. Но семантически с.-хорв. *křsmati tardare* смыкается и с другой филиацией значений, которую представляют с.-хорв. *krōsnati* 'ударять, стучать пустыми кроснами; болтать, молотить' (RJA V, 612), болг. родоп. *крѡснѣм* 'слоняться без дела' (Стойчев Т. – БД II, 193), хасков. *крѡснѣ съ* то же (БД V, 75; БЕР III, 20).

Ступень редукции по отношению к исходному вокализму *e*

Довольно развита апофония внутри основы слав. *sverěpъ : *sverěpъ (ср. ст.-слав. *сверѣпъ*, словен. *sverēp* 'дикий, свирепый'): *svirěpъ (ср. рус. *свирепый*): *svyġěpъ. Ступень редукции в корне отражают словен. *sřp* = *srēp* 'суровый, грубый, дикий', *srpēti* 'свирепеть' (ср. *iz megle srpi* = *prši*; *paŋj je srpeč* = *čebele so nemirne, jezne*), цслав. *сврѣпъ* *ferus* (Mikl. LP 829).

Ступень редукции по отношению к исходной ступени *e* восстанавливается для одного из глагольных образований, связанных отношением родства со слав. **pelti, pelvq* 'полоть'. Слав. **pelti, pelvq* (рус. *полоть*, ст.-слав. *пѣти, пѣвѣ*) обычно трактуется вне апофонических связей. Но в южнославянском материале находим свидетельствую основы с корневым гласным в ступени редукции. Одним из отражений этой основы является болг. родоп. *пѡл'вам* 'расправить, привести в порядок края, концы распоротого материала; выдергивать нитки' (Стойчев – БД II, 241). С большой долей веро-

ятности можно предположить основу с тем же корневым вокализмом для зап.-юслав. диалектизмов – словен. *púkati* 'драть, дергать (траву, колосья), трепать лен' (Лапце, Толмин; Trub., Valj.), хорв.-кайк. *púkati* (RJA XII, 633: Bjel., Ivek., Jambr.; Stulli; Trebarjevo (kod Siska), Lika = *pūkati* (Жумберак) 'рвать, дергать' (Skok III, 71). В словаре Скока отмечается возможность заимствования нем. *pflücken* < итал. *piluccare*. Но южнославянские слова достаточно надежно могут быть истолкованы в рамках этимологического гнезда с слав. **pelti, pelvq* как продолжение основы с корневым гласным в ступени редукции в сочетании с расширителем *-k*, т. е. **pъkati*. В них допустимо видеть новообразования праславянской эпохи.

В этимологическое гнездо со слав. **pelti, pelvq* Миклошич помещает чешский глагол *-pilati* (Mikl. 267) с корневым *i*, отражающим продление ступени редукции, но в доступных нам лексикографических источниках (Котт, Юнгманн) эта форма не обнаружена. Надежным подтверждением апофонического варианта *pilk-* служит хорв. *ispiljkati aggotare (ispiljkati dno od plava, opaljati – Rad 303: Jurin 179), ispiľhati, ispiľkati* то же (RJA III, 921: u Stonu).

Словен. *bólzen, -zni*, ж. р. 'трещина, щель', родственное рус. диал. *болозень* м. р. 'мозоль', укр. *блезно* ср. р. 'изъян в ткани, промах ткача, дырочка в ткани' представляет основу с гласным в ступени редукции **blъz-no*. Корневой вокализм в полной ступени отражает основа **blizna/*blizno* (~ лит. *bláizyti* 'обдирать, чистить', *bliežti* 'швырять' и т. д. – ЭССЯ 2, 119, 132; Sł. prasł. 1, 265), имеющая общеславянское распространение, ср. словен. *bliznič* 'обрубок', болг. *близна* 'место в ткани, где пропущена или оборвана нить основы', макед. *близна* 'закал в хлебе' и т. д.

Ступень редукции по отношению к ступени удлинения

Словен. диал. *lâtki* 'голень', сближаемое с укр. диал. *су-лд-ыга* то же (Желеховский) < **sq-lъd-yga* (Mikl. VGr. II, 285), родственно праслав. диал. **lyďьka* 'голень' (ср. рус. *лытка* 'бедро, голень', словен. *lítka*, польск. *łytka* и т. д.) и отражает корневой вокализм в ступени редукции (Sławski V, 391; Bezlej II, 145).

Продолжения праслав. **drъgati/*drъgъtati* отмечены в зап.-юслав. диалектах: словен. *dr̄gati* 'дрожать' и *drhtáti* с тем же значением, с.-хорв. *dr̄htati* 'дрожать' (RJA II, 773–774: с XV в., Mikaja, Bella, Volt., Stulli, Vuk), хорв.-кайк. (Вирье) *drftáti* то же (Herman 80), цслав. *дръгати tremere* (Mikl. LP, 177), а в сев.-слав. языках назовем чеш. диал. *dr̄gat* 'толкать, трясти', словац. *dr̄gat* 'дрожать', рус. *дрогать* 'трясти'. В Краковском словаре основа *drъg-*, родственная лит. *drugys* 'лихорадка', лтш. *drudzis* то же (ЭССЯ 5, 137–138; Sł. prasł. 5, 11–13; Fraenkel 108), связывается чередованием с рус. *дрыгать* 'трясти', др.-рус. и рус.-цслав. *дрыгатиса* 'дрожать', польск. *drugac* 'дергаться, подпрыгивать'.

Зап.-юслав. лексические диалектизмы с отражением ступени редукции в корне имеют следующие ареальные характеристики:

1. связи с севернославянскими языками характеризуют словен. *dřgati* и с.-хорв. *dřhtati*, словен. *oskřd*;

2. для словен. *vvrāti* прослеживаются соответствия в чешско-словацкой языковой группе и лужицких языках;

3. с восточнославянскими языками связаны словен. *lātki* (~ укр. *сулдыга*), *bōlzen* (~ укр. *блезно*), *vilovina* (~ рус. *выль*);

4. словен. и хорв.-кайк. *pūkati* родственны болг. диал. *пѹл'вам*;

5. ограничены зап.-юслав. ареалом словен. *slā*, словен. *křzma* и с.-хорв. *křzmati*, словен. и с.-хорв. *tršiti*, словен. и хорв.-кайк., чак. *bak*, словен. *zđēnc* и с.-хорв. *zdenac*, словен. *trtrāti*, *sřp*.

На индоевропейском уровне достаточно определенно выражены связи слав. **szld-* (словен. *slā*) и нем. *Sülze* (< *sultja*), слав. **obskřdъ* и прус. *scurdis*, словен., с.-хорв. *tršiti* и лит. *triūsas*, лтш. *traūds*.

3. Западноюжнославянские диалектизмы с фиксацией долгой ступени в корне

Обращаясь к рассмотрению лексических диалектизм с гласным в ступени удлинения, мы остановимся на одной группе примеров — образованиях с вторичным удлинением корневого гласного (Варбот 1984, гл. I).

Так, вторичное наложение удлинения предполагается для слав. анатомического термина **gnatъ*, этимологически трудного слова (Bezlej I, 153), связываемого со слав. глаголом **gnesti* (ЭССЯ 6, 164). На южнославянской территории праслав. **gnatъ/ь* продолжают словен. *gnāt* и *gnjāt* ж. р. 'окорок, ягодица', с.-хорв. *gnāt* м. р. *tibia*, *crus*, 'кость голени' (с XVI в., RJA III, 220: Mikala, Bella, Bjel., Volt., Stulli, Vuk), 'кость, нога; железо в сверле, с одной стороны закрепленное, а с другой имеющее вид спирали', название горы в Далмации (Вук), чак. *gnōt* м. р. 'большая берцовая кость; кость голени' (Hr.—Šim. 239: Брач), *gnjati* 'кости ноги' (Zb. otoka Korčule 1, 295), *gnāt* 'tibia' (Tentor — AfsIPh XXX, 190). В западнославянских языках ср. чеш. *hnāt* м. р. 'длинная кость конечности', словац. *hnāt*, *hnáty* мн. ч. 'конечности', польск. *gnat* 'кость' и т. д.

*skoba : **skaba*. Основу **skaba* с вторичным удлинением корневого гласного удастся проследить лишь в отдельных слав. диалектах, в том числе в западных диалектах ю.-слав. языков: ср. словен. *skāba* 'блестки жира на супе', *škābica* 'петля; прореза' (Бела Крайна) и хорв.-кайк. *škāblje* 'блестки жира на супе; пятно от жира' (Herman 92; Fancev 386; Skok III, 253), хорв.-серб. *skāblica* 'верхняя часть женской рубашки (до пояса)' (Ivek.—Broz II, 409), а также рус. диал. *скаба*, *скабка* 'щепка, лучина, заноза' (Даль² IV, 189), укр. *скабá* 'полоса железа', *скабка* 'заноза' и т. д.

В словен. диал. *vāda* 'длинный невод с двумя крыльями' (Pintar II, 181) представлена основа, родственная *věsti* < *ved-ti*, с вторич-

ным удлинением корневого гласного. С близкой семантикой вариант той же основы с корневым *o*: ср. слав. *nevodъ* и лит. *vādas* 'сеть', лтш. *vads* 'большой невод, крыло невода' при лит. *vedėja* 'рыболовная сеть, которую обслуживают два человека' (Fraenkel 1177, 1211).

Вторичное наложение удлинения на апофоническое *o* характеризует и некоторые глаголы на *-iti*. Так, в зап.-юслав. диалектах параллельно с глаголом **lotiti*, связанным чередованием гласных с **letēti* (ЭССЯ 14, 48)³⁷ (ср. словен. *lotiti se* 'приняться, взяться за что-либо; поразить, о болезни', хорв.-кайт. *lotiti* 'схватить, взять' — Hrv. kajk. pisci II, 123, 331: Habdelić, Jurjević), существует глагол **latiti* с вторичным удлинением корневого гласного: ср. словен. *lātiti se* и с.-хорв. *lātiti* 'схватить, взять', *lātiti se* 'приняться за дело' (XV в., RJA V, 924: Mikaja, Stulli, Bjel., Vuk), чак. (Сусак) *lātit* 'поймать (рыбу)', *lātit v rūke* 'взять в руки' (HDZ I, 165), *lātiti* 'гнать, преследовать' (Zb. otoka Korčule 2, 393; Hrv.-Šim. 506: Tentor — JФ V, 211); ср. цслав. ꙗꙗꙗꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗꙗꙗꙗ 'пролетать'.

С глаголом **gojiti* соотносительны глагол **gajiti* с вторичным удлинением корневого гласного: словен. *gājiti* 'выращивать, разводять; исцелять, залечивать', с.-хорв. *gājiti* 'выращивать; ухаживать; питать' (Вук.) и далее чеш. *hájiti* 'беречь, охранять', словац. *hájit* 'защищать, заступаться, вступаться', в.-луж. *hajíć* 'огораживать, защищать', польск. *gaić* 'сажать, сеять', рус. диал. *гаить* 'крыть; чинить' (ЭССЯ 6, 84–85; Варбот 1984, 31).

Мы остановились лишь на некоторых, наиболее выразительных примерах с наложением вторичной долготы из зап.-юслав. словаря. Тенденция к развитию вторичной долготы действовала в праславянском в период его диалектного развития, в некоторых случаях (ср. словен. *vāda*, *lātiti*) эта тенденция реализовалась лишь в зап.-юслав. диалектах. Случай с продлением ступени редукции в именах (ср. словен. *pír* 'гниль, плесень' ~ *perēti* 'престь, тлеть') и в категории итеративно-дуративных образований на *-ati* (ср. словен. *grméti* ~ *grīmati* — ЭССЯ 7, 129) будут частично затронуты в следующем разделе, посвященном реконструкции некоторых этимологических гнезд по данным словенской лексики.

4. Западноюжнотлавянские диалектизмы, участвующие в билатеральных чередованиях

Билатеральные или двухсторонние аблаутные чередования связывают лексемы, продолжающие индоевропейские основы со структурой CVC : CuV (ср. **kypēti* : **kvasъ*, **xur-* : **xvorigъ*, **xula* : **xvala*)

37 Трубачев О. Н. О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985, 8–9.

и т. д.).³⁸ На основе данного вида чередований получают объяснение некоторые зап.-юслав. лексические диалектизмы.

**dur-* : **dvor-*. Словен. *dvôrec* (прекмур.), *dvôrek* 'рукоять сверлильного устройства', относимое Ф. Безлаем к числу изолированных образований (Bezljaj I, 124), может быть сопоставлено со словац. диал. *dôren, -ňa* 'устройство для растягивания обода' (Matejčík. *Východonovohrad*. 151) и связано на основе билатерального чередования со словен. *dûri* мн. ч. 'затычка', с.-хорв. *dûp* м. р. 'заостренная палка, которой попадают в ямку в земле' (РСА V, 93), последнее, согласно ЭССЯ (5, 162), родственно др.-рус. *дѣръий*, значение которого не совсем ясно из контекста, приводимого Срезневским: А отъ вяза прямо на путь, а путемъ къ *дурому* вязу, что стоять у перервы на березѣ (Срезневский I, 746). В число родственных образований включают ст.-польск. *dura* 'дыра, отверстие; яма, нора' (Bezljaj I, 122; ЭССЯ 5, 160). Ф. Безлай помещает словен. *dvôrec* в одно этимологическое гнездо с др.-ирл. и брет. *dorn* 'рука', кимр. *dwrrn* 'рука' < пракельт. **durno-* < и.-е. **duōr-* и реконструирует исходную форму **duar-* (Bezljaj I, 124).³⁹ Не исключается принадлежность к этой же семье слов лтш. *dûre, dûris* 'рука', *duĩt* 'совать, толкать' (< и.-е. **der-*).

*gadъ : *gydъ : *gvazdati. Закономерным членом этого чередования можно считать словен. *gvazdati* 'болтать глупости', с.-хорв. *гвѣждати* 'болтать, донимать болтовней' (РСА III, 217), а также польск. редк., диал. *gwazdać* 'малевать, писать каракули; делать плохо, кое-как', рус. диал. *гвѣздѣть* 'марать, пачкать' и т. д. (ЭССЯ 7, 181).

**gur-* : **gyr-* : **gvor-*. Первую основу содержат все ю.-слав. языки: словен. *gûrati* 'изнашивать, зазубривать, затуплять; выматывать, мучить' и производное от него *gûra* 'утолщение из смолы', с.-хорв. *gûrati* 'толкать, пихать, совать, втискивать' и *gûrav* 'горбатый, согнутый, искривленный', *gûra* 'горб', а также болг. диал. *гѹрам* 'купать (младенца)', макед. диал. *гѹркам* 'таскаться, слиться' (ЭССЯ 7, 177). Основа *gyra имеет ограниченные продолжения в ю.-слав. диалектах: ср. словен. *gir, girin, girja* 'узел', *girjav* 'узловатый', с.-хорв. диал. *гѹра* 'сучковатое полено', *гѹрина* 'большой

38 Об этом типе чередований см.: *Shevelov G. A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964, 120-121; Argutaa P. Urslavische Grammatik. Bd. I. Heidelberg, 1964, § 40; Кипарский В. О так называемых двухсторонних чередованиях гласных // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, 416-418.*

39 Для словен. *dvôrec*, изолированного от потенциально родственных ему образований, допускается возможность заимствования из алб. *dorë*, мн. *duar*, ст.-алб. *duor* мн. 'рука, ручка, рукоять' < и.-е. **ghēr-/ghesr-*. См.: *Орел В. Э. Лексика неславянских языков Балкан как источник праславянской реконструкции // Этимология 1984. М., 1985, 183.*

чурбан, большое полено' (РСА III, 269).⁴⁰ Из сев.-слав. соответствий отметим др.-рус. *гыря* 'тяжесть, гиря', чеш. диал. *гуг* 'болиголов', словац. *húga* 'пишка, желвак' (ЭССЯ 7, 222).

Еще Потебня⁴¹ сближал рус. *гиря* с *гвор* 'пузырь, пишка', *гвора-тый гвоздь*, ср. еще др.-рус., рус.-цслав. *гворъ* 'пузырь дождевой или вообще водяной', а также укр. *гвор* 'клинья в штанах'. К отражениям слав. **gvorъ* Ф. Безлай относит словен. долен. *gòr* 'куча навоза', *gorjáča* 'узловатая, сучковатая палка, дубинка', а также *garjáča*, *gtjáča* с тем же значением, диал. *gága* (Прекмурье) 'разросшееся дерево, толстая рогуля' (SSKJ I, 669; Bezljaj I, 138).⁴² Та же основа *gvor-* восстанавливается для с.-хорв. *gvorilo* 'вид ободка с основой для фески' (RJA III: Сербия).⁴³

Чередующиеся основы продолжают и.-е. **gēur-/gōur-* : **gūr-* : **gvor-*. Для основ **gur-* и **gūr-* близкие соответствия дают лит. *kálno gūras* 'выступ горы', *gūrinti* 'передвигаться согнувшись', лтш. *gūrāties* 'шататься', *gūrāt* 'медленно двигаться'.

*kuka : **kvaka*, **kveka*. Не охватывают всей южнославянской территории продолжения слав. **kvaka*, **kveka*: ср. словен. *kvāka* 'крюк', *kvācelj* 'удочка', *kvākelj* и *kvēka* 'нечто согнутое; калекка', *kvēčiti* 'сгибать, искривлять: уродовать' (Bezljaj II, 115–117), с.-хорв. *kvāka* (XVIII в., Вук) *uncus*, 'засов, задвижка; молот для забивания штыря в дерево, чтобы оно расщепилось (Посавина); рукоять косы', *kvacelj* 'рукоять косы', *na-kvečiti se* 'наклоняться' (Skok II, 250–252; RJA V, 846: Vuk, Jambr., Bjel., Stulli и др.), макед. *квака* 'дверная ручка' (Кон.). Из сев.-слав. соответствий отметим словац. *kvaka* 'крюк', чеш. *kvačiti*, в.-луж. *kwaka* 'крюк', *kwacíc* 'гнутья' (Vaillant IV, 222, 116; ЭССЯ 13, 147). В балтийских языках данная структура основы предполагается для прус. *queke* 'остров' (Топоров. Прус. яз.: K–L, 381).

*sulь : **svel-*. Словен. *sūl* м. р. 'дым, чад' и производные от него *sūlnat* 'дымный', *sūliti se* 'дымиться' связаны чередованием с лтш. *svals*, *svala* 'дым, чад', *sveļt* 'жечь', лит. *svēlti* 'тлеть'. См. Bezljaj. Esei 167.

*sup- : **svep-* : **svap-*. Допустимо видеть отражение I-й основы в слав. **suti*, *szpō/sypati* (ср. лит. *sūpti*, *supù* 'качать, баюкать') и словен. *sūplje* мн. 'вид детских лыж'. II-е состояние основы продолжают, видимо, словен. *svēpati* 'качаться, ковылять' с фонетическими вариантами *švépati*, *šēpati* и *švapíti* 'идти вразвалку', *švāplja* 'старая

40 В этот ряд соответствий, видимо, не входит с.-хорв. *gīra* 'рыба *Smaris vulgaris*', являющееся заимствованием из итал. *ghera*. См.: *Maštrović. Rječničko blago ninskoga govora* 432.

41 Потебня А. Этимологические заметки // РФВ III, 1880, 164.

42 См. еще: Bezljaj F. Posebnosti slovenske leksike // JiS XVI, 8, 1970/71, 232–233.

43 Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике // Этимология 1973. М., 1975, 47–49.

плохая обувь; плоскостопие', с.-хорв. *šèпав* 'хромой', *шèнути* 'свернуть (с дороги); двинуть, шевельнуть' (Вук),⁴⁴ хорв.-кайк. *šèрав* *claudus* (Rožić – Rad 141, 146), *šèрав* то же (Strohal – Rad 124, 160), цслав. *свèтити сѧ* 'колебаться', а также др.-рус. *свèпатися* 'кивать' (Фасмер III, 573), словац. *šaptat'i* 'хромать (о корове)', *šaptavej* 'хромой', *šeptat'i* 'кривиться' (Matejčík. *Východonovohrad*. 115, 187). См. Bezlej 1966/68, 80; *Etyma slov.* 163; Варбот 1984, 23.

При смешанном характере севернославянских соответствий (ср. словен. *gir*, *girja* и *svèpati*) можно выделить зап.-юслав. диалектизмы, для которых характерны связи с восточнославянскими языками (ср. словен. *gòr*, *gára*, *garjáča* и *dúri*) или диалектами чешско-словацкой группы и лужицкими языками (ср. словен. *kváka*, *dvôrec*). Родство с балтийскими языками восстанавливается для словен. *sûl*, *kvéka* (лтш. *svals*, прус. *queke*).

5. Реконструируемые по данным западноюжнославянских диалектов этимологические гнезда с полным набором ступеней чередования

Зап.-юслав. диалекты представляют некоторые этимологические гнезда в полном объеме со всеми возможными чередованиями и с сохранением мотивированных отношений между вариантами основ. Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, зап.-юслав. диалекты, занимая периферийное положение, сохраняют и удерживают в большей степени праславянское наследие, в словаре этих диалектов присутствуют архаичные лексемы, вышедшие из употребления в других славянских языках. И во-вторых, именно в зап.-юслав. диалектах отдельные основы включаются в более сложные апофонические отношения, допускаемые структурой корневой морфемы. И как следствие более продвинутой апофонии – варианты основ, неизвестные в остальных частях славянского мира. Ниже будут рассмотрены этимологические гнезда, в реконструкции которых решающая роль принадлежит лексике зап.-юслав. диалектов.

*dumati : **dъmъ*, **doti* : **dymati*. Разработанная Г. Якобссоном и принятая в ЭССЯ (5, 155–156)⁴⁵ этимология слав. **dumati* основывается на новом понимании семантической истории слова, на рекон-

44 В словаре Скока указано, в каких направлениях шли поиски этимологии, называются близкие по звучанию слова, но этимологическая позиция самого Скока остается неясной. См.: Skok III, 387.

45 Трубочев О. Н. «Молчать» и «таять». О необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, 104.

струкции семантической эволюции в направлении 'дыхание' > '(произнесенное) слово' > 'совет; мысль'. Словенский язык, полнее, чем какой-либо другой славянский язык, представляющий этимологическое гнездо, дает новые подтверждения правильности такого понимания внутренней формы слав. **dumati* и, что не менее важно, углубляет и расширяет семантику этого гнезда слов, содержит ясные свидетельства того, что и другие члены указанного апофонического ряда, т. е. образования с корневыми **dъm-* и **dym-*, претерпели семантическое развитие в том же направлении, что и слав. **dumati*. Ф. Безлай впервые выделил в словенском языке и проанализировал слова, точно соответствующие серб.-цслав. *одъмѣти* *respondere*, ст.-серб. *одъмѣло* *cognomen*. Это — словен. книж. *odmêv* 'отзвук, эхо', *odmêti (se)*, *odmêvati* *respondere*, диал. *dámelj* и *odámelj* 'эхо' (Bezljaj I, 93). Безлай обратил внимание и на синонимичные им слова с корневым *dum-* : *o-dum* 'эхо', штир. диал. *odûm dati* 'откликнуться, отозваться', *odumêti se* то же (резьян., вост.-штир.), *odumêti* (прекмур.) и *odumiti se* 'отозваться' (Bezljaj II, 242).

И, наконец, еще одно образование с корневым вокализмом в ступени продления — *dimljati*, *dimlati* 'предполагать' с производными *dimlovati* 'сомневаться', *dimliv* 'подозрительный', *dimljaŋje* 'предположение' (Gutsman, Pohlin, Jarnik).⁴⁶ Словенский глагол, связанный чередованием с *dumati*, помогает, как полагает Безлай, прояснить семантику цслав. *дымъ* в тексте XIII в. Хронике Григория Назианзина: *паки съоузъникъ Арии прѣлюбодѣяннѣ ради съ дымомъ и съ страхомъ* (Срезневский I, 766).

*kuvati : **ku(j)ati*, **kaviti*, **kъvati*. Основание для реконструкции слав. **kujati (se)* дают некоторые лексемы, представленные преимущественно в западной части южнославянской языковой области. Это — словен. *kûjati se* 'дуться, сопротивляться; отказываться из противоречия; сторониться гнезда', *skûjati* 'дуться, сердиться с намерением отступиться от обещания, пытаться нарушить договор; становиться неверным; оставлять гнездо (о птице-самке)', хорв.-кайк. *kujati se* (XVI в., Bjel., Volt.) 'притворяться; опускать крылья' (Stulli) = *kûjati se* 'сердиться, дуться' = *raskûjati kokoše* (Водице) 'распутать кур' = *он kûja* (Црес) 'он дремлет' (Skok II, 224), *kujati* 'дремать сидя; недомогать, хворать' (RJA V, 752; Stulli). Неубедительны попытки отождествить зап.-юслав. **kujati* с цслав. *коуати* 'migragare' (Skok II, 224; Berneker I, 638) и глаголом **kovati*, *kujō* (Mikl. 146). Заметим, что производные от **kovati* сохраняют самую тесную связь со значением 'ковать'. Истоки зап.-юслав. **ku(ja)ti* в другом этимологическом гнезде, но построенном по той же модели, что и **kovati*, *kujō* : **къзнь* : **kuzнь*, **čuti* : **čeviti* (ср. блр. *човіць* 'бдеть' — ЭССЯ 4, 99).

46 См. еще: Bezljaj F. Razmerja med slovensko in slovansko leksiko // JtS XVII, 4, 1971/72, 102–103.

Ориентируясь на этот тип апофонических отношений, можно высказать предположение о генетическом тождестве зап.-юслав. **ku(ja)ti* и с.-хорв. *kāviti* 'слабеть, чахнуть, страдать' (РСА IX, 41), а также стар. хорв. *iskaviti*, зафиксированном в значении 'искупить страданиями' в следующем контексте: «... Bog ... te kroz ove ovse uvede u parast, dok ne izkaviš grih tvoj» (Matić – Rad 315, 40: Релькович). Обращает на себя внимание особая семантическая близость с.-хорв. *kāviti* и хорв.-кайк. *kujati* 'дремать сидя; недомогать, хворать'. Представляется, что предлагаемое нами объяснение сербохорватского слова имеет больше оснований, чем сопоставление с звукоподражательным образованием типа польск. стар. *kawić* 'делать глупости', слав. **kava* 'галка' (ЭССЯ 9, 165–166).

Другое звено рассматриваемых апофонических отношений представляет слав. **kuvati* с общим значением 'качать головой; давать знак': ср. рус. диал. *кив́ать* 'качать, шатать' (смол.), *кив́аться* 'качаться, шататься, колебаться' (южн.), 'ходить медленно (о больном)' (смол.), 'дремать; лениться' (смол.) (СРНГ 13, 195), брян. *кив́еть* 'хиреть' (картотека словаря брянских говоров), укр. букв. *кив́атися* 'ворочаться во сне; поспешать в работе' (Карпатская диалектология 430), чеш. морав. *kivlat* 'качать, шатать' (Gregor. 75), *kývat'* то же (Kott. Dod. k Bart. 48), а также зап.-словац. *ukívať(sa)* 'нарабатываться' (Ripka, 142). Слав. **kuvati* имеет структуру итератива, производного от глагола с гласным в ступени редукции – **kǫvati* (Фасмер II, 228). По данным Пражского словаря, старославянские памятники не содержат глагола **кзвати*, но указанием на возможность и реальность этого образования служит приведенное Миклошичем позднее цслав. *кзвати movege caput* (Mikl. LP 285), соотносительное с рус.-цслав. *кыти* 'кивать' (Срезневский I, 1419; Панд. Ант. XI в., Хр. Георг. Ам.). Это образование может быть понято как непосредственное продолжение одной из ступеней чередования исходного и.-е. корня с долгим дифтонгом – **kēu-* : **kū-* (ср. лат. *sēveō, -ēre* 'шататься, вилять', гот. *skēwjan* 'странствовать' – Pokorny I, 595). Но если принять во внимание возможность словообразовательных отношений **kǫvati* > **kuvati*, то в рус.-цслав. *кыти* предпочтительнее видеть вторичное образование, результат переосмысления структуры основы, переразложения составляющих ее элементов с отнесением корневого -v- к суффиксальному показателю: **kuv-ati* > **ky-va-ti*. Ту же корневую морфему **ky-* с последующим экспрессивным преобразованием можно предположить и для чеш. диал. *kujzat se* 'тяжело и плохо идти (о походе людей старых, усталых)' (Hruška, 48).

Приведенные наблюдения позволяют расширить состав этимологического гнезда слав. **kuvati* и включить в число его продолжений ю.-слав. **kujati*, **kaviti*, **kǫvati* с семантическим развитием 'шататься, качаться' > 'плохо держаться на ногах; дремать' > 'недомогать' и 'уклоняться в сторону' (ср. словен. *skújati*).

В этимологическом гнезде со слав. **kujati*, **kuvati* на базе основного значения 'шататься, качаться' развивается пейоративное значение 'шатун, бродяга; распушенный'. В таком сугубо уничижительном, бранном смысле употребляются упомянутые словен. и чак. *kuja* 'сука', а также рус. диал. *куява* 'неопрятная, растрепанная, разгильдяй, грязнуха' (Даль² II, 229; СРНГ 16, 198), укр. *куя* 'понура, брюзга, старый ворчун' (Гринченко II, 336), чеш. *kujeba* 'шельма, проказник' (Kott I, 839; Machek² 305).

*gur- : **gъr-* : **gur-*. В словарном составе словенского языка этимологически тождественны глаголы *rûpati* 'жечь' и *rîpiti* (*se*) 'сильно жечь (о ране); краснеть' (ср. *obraz se mu od jeze rîpi*), 'наливаться, о ягодах' (ср. *črešnje se rîpijo*), *rîpéti*, *-ím* 'краснеть' (Slov. pravopis). Глагол *rûpati* не отмечен в словаре Плетершника и приводится нами по материалам Безлая (Bezlej – Radovi XXXV, 96), но след этого глагола в причастии *gurèč*, *-ěča* 'покрасневший (от воспаления, возбуждения)', ср. *gurèča* гана, *gurèča* oteklost; *njih obličja bodo gurèča* kakor plamen (Dalm.). Зап.-юслав. диалекты дают свидетельство основы **gъr-* с корневым вокализмом в степени редукции. Это – причастные по своему происхождению (Mikl. VGr. II, 203) словен. *gerèč* = *gîrèč*, *gurèč* 'о глазах взбешенного пса', ст.-хорв. *repečiti* 'гримасничать', сев.-чак. *repečiti* 'надуваться, важничать, хвастать' (Matić – Rad 315, 68). Определенные семантические трудности возникают при соотнесении зап.-юслав. слов с с.-хорв. *rîpati*, *rîpām* = *rîpāt* = *rîpit* 'прыгать, скакать' и *rûpati*, *-ām* (Makarska) 'слоняться, скитаться' (RJA XIV, 31, 322; Skok III, 145, 175), болг. диал. *рѣпнувьм*, *рѣпнъ* 'скакать' (Бояджиев – БД VI, 80), рус. *рѣпнѣть* 'озабочивать, беспокоить' и *рѣпнѣться* 'беспокоиться, метаться', польск. *guric się* 'стараться', чеш. *-gurovat* 'идти быстрым шагом' и т. д. (Фасмер III, 519, 630; Machek² 527) – образованиями, которым родственны лит. *rûpėti* 'тревожить', *raupyti* 'рвать', лтш. *rûpēt* 'печалить', др.-инд. *rôpāyati* 'отламывает', *rûpyati* 'испытывает ломоту' и т. д.⁴⁷ Но если обратиться к семантике зап.-юслав. слов, то нетрудно заметить, что определяющим для них явилось значение 'испытывать сильное возбуждение' (ср. *gîrèč* 'schamroth', *gurèč* = *gîrèč* 'geröthet von Schamröthe'), производное от значения 'метаться, проявлять беспокойство', представляемого славянскими соответствиями. По всей видимости, мы имеем дело с семантической инновацией в зап.-юслав. диалектах, продвинутом состоянием семантической эволюции в направлении 'рыть, рвать' > 'дергаться' > 'метаться, прыгать' > 'проявлять беспокойство' > 'испытывать сильное возбуждение' > 'внешнее проявление этого состояния'.

47 О генетических истоках слав. **gurati* см.: Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I // Этимология 1971. М., 1972, 6–7.

*put- : **pŭt-* : **pyt-*. На индоевропейском уровне этим вариантам соответствует корень **pōi-* : **pau-* : **pū-* + расширитель *-t* с общим значением 'вздутие; вздуться': ср. лит. *pūtė* cunnus, лтш. *putns* 'птица', с чередованием лит. *paūtas* testiculus, лат. *putus* 'дитя', др.-инд. *putras* 'дитя, сын' и т. д. (Pokorny I, 847). Из трех апофонических вариантов лишь один — **pŭt-* с гласным в ступени редукции находит наиболее полное отражение в славянских языках: ср. **pŭt-* в рус. диал. *потка* 'птичка' и **pŭtj-* в словен. *pečka* 'фруктовая косточка', хорв.-кайк. *pečka*, чеш. *pecka*, н.-луж. *packa* (Machek² 440–441). В полном виде весь ряд чередующихся основ представлен в диалектах словенского языка. Здесь сохраняются еще живые семантические связи между продолжениями основы **put-* и **pyt-*: ср. словен. *píta* 'курица (детское слово); ядро ореха', а также *pička* 'косточка' (< *pytj-*), *pitan* = *putân* 'зоб у птицы' и *put*, *púta* 'зоб, грыжа; ядро ореха', *pútav* 'имеющий большой зоб; незрелый (о звере)', *pútavec* 'имеющий повреждения; незрелое существо, желторотый', *pútití se* 'раздуваться, дуться' (Bezljaj. Etyma slov. 163). На территории сербохорватского языка находим продолжения одного из вариантов — основы **put-* : *pútača* (Жумберак, Лика) = *putáča* (Жумберак, Пригорье, Шушнево, Хорватия) со значением 'зоб; глотка, горло' (Skok III, 87–88; Vitezović 47), хорв. *putan* struma (Stachowski 120), *putača* 'зоб' (RJA XII, 791: Šulek, Bjel.), чак. *zà-putalica* 'виноградная ягода, быстро поспевающая' (Rad 103: Тграп 81). В сев.-слав. языках основу **put-* отражают польск. диал. *putyna* 'толстая грубая (женщина)' (Warsz. V, 446), помор. *puta vulva*.⁴⁸ Прослеживаемая взаимосвязь значений 'вздутие' и 'слабый, незрелый' (ср. семантически близкое рус. диал. *пыж* 'клуб, ком' и *пыжик* 'карапуз' — Даль² III, 545) дает семантическое основание для этимологического сближения слав. **put-* и словен. *spitek* 'болезненный, слабый ребенок', отмеченного только в словаре Миклошича (Mikl. 318), а также хорв.-кайк. *ošpiten* 'весьма малый' (Skok II, 574), нареч. *ošpitno* 'скудно' (Herma 88), *ošpitoma* 'слабо, плохо' (Hrv. kajk. pisci II, 125: Habdelić). Скок без каких бы то ни было оснований выводил хорватско-кайкавское слово из лат. *hospes*, *hospitis*, а в словарях Миклошича и Безлая (Bezljaj II, 260) находим сопоставление со ст.-слав. *спѣти*, *испѣти* 'напрасно, бесполезно', *спѣтъмзи* 'напрасный', словен. *uzpitnih rotah* (Фрейз.). А. С. Львов, изучавший функционирование ст.-слав. *спѣти* и синонимичных *тоуѣ*, *ашоуѣ* в древнейших памятниках письменности, одним из первых поставил под сомнение возможность сближения *спѣти* и словен. *spitek* (Львов 31). И, действительно, имеются серьезные основания, чтобы отграничить словен. *spitek*, хорв.-кайк. *ošpiten* от

48 Hinze F. Pomoranisch-baltische Entsprechungen im Wortschatz // ZfSl, Bd. 29, H. 2, 1984, 190.

ст.-слав. сплгити. Зап.-юслав. образования с приставкой *съ-* этимологически тождественны апофоническим вариантам **put-/*pyt-*.

*drem- : **dromiti* : **dramiti* и **drъmati*. На почве словенского языка еще мотивированы отношения названных основ с чередованием корневого вокализма, что и позволяет восстановить на глубинном уровне генетическое тождество лексем, существующих разрозненно в славянских языках, связать их определенными правилами структурных и семантических отношений. Осмысление на широком славянском фоне отдельных продолжений названных основ (с корневым вокализмом в определенной степени) дает возможность внести коррективы в известные опыты этимологического истолкования слов, весьма удаленных друг от друга в современных славянских языках и диалектах.

Словен. *drêmsati*, *drêmsъati* 'толкать, трести, встряхивать', относимое в словаре Безлая к изолированным фактам словаря, определяется как интенсив на *-s* от основы **dreb-/*drob-*, т. е. восстанавливается в форме **drebsati* (Bezlej I, 112). Но при сопоставлении словенского глагола с формально и семантически близкими образованиями — чеш. *dremlit* 'рвать, срывать; топтать ногами' (Kott. Dodatky k Bart. 18) и укр. *дремну́ти* 'быстро побежать, уйти' (Гринченко I, 442) — становится совершенно очевидным, что все эти слова имеют иную структуру: они продолжают основу *drem-* с разного рода экспрессивными наращениями. По отношению к этим образованиям как каузатив может рассматриваться словен. *dromiti* 'вызывать страх, дрожь' (ср. *človeka strah dromi*), которому в балтийских языках формально точно соответствует лит. *drãmyti* 'ругать, порицать, осуждать' (Sł. prasł. 4, 256). Видимо, ту же основу *drom-* в сочетании с экспрессивным формантом представляет рус. диал. *дромоза* 'гомоза', *дромозить* 'болтать, трещать' (Деулин. словарь 153). Взаимосвязь значений 'трясти, встряхивать' ~ 'вызывать страх' находит типологическую опору в семантике слав. **drъgati* и его производных: ср. словен. *drhtáti* 'дрожать от холода, страха' и рус. *дрожь* 'трясение (от холода, нервное состояние страха и т. п.)'.

Основа *dram-* с удлинением корневого гласного отражается в словен. *drámiti* 'будить, прогонять сон; взбадривать; быть причиной; расшевелить', устар. 'беспокоить, тревожить', *predrámiti* 'пробудить', с.-хорв. кайк. *raz-drámiti (se)* 'пробудиться', *drámiti, -mim* 'рвать, дергать (о боли)' (Skok I, 435; Sł. prasł. 4, 204). Скок связывал слав. *dramiti* < **drōmiti* с семантически близким **drēmati*. Учитывая возможность развития *ra* < *rě*, ЭССЯ (5, 109) восстанавливает исходную форму **drēmiti*, но при этом обращает внимание на необычное значение словенского слова. По данным Краковского словаря, слав. **dramiti* имеет более широкую географию, в конечном счете к этой основе восходят словен. диал. *drâmcati* = *drámiti*, с.-хорв. чак. (Истрия) *dramusât* 'встряхнуть', болг. диал. *драмешкам* 'приставать (к кому-либо)', рус. диал. *драмнить* 'дразнить'. Семан-

тика приведенных славянских образований определенно указывает на связь с глаголом, для которого восстанавливается корневой гласный в ступени редукции: словен. *dŕmati* 'трясти', с.-хорв. *dŕmati* *quassare*, 'трясти, сотрясать', словац. *drmat'* 'дергать, теревить', болг. *дръмела* 'бить' (БЕР I, 436), макед. *дрмоли* 'пошатывать; теревить, потряхивать', чеш. морав. *drmolit'* 'семенить; торопливо говорить' и т. д. (ЭССЯ 5, 222–223). Идея этимологического тождества словен. *drámiti* и *dŕmati* была впервые высказана Миклошичем (Miklosich. *Über die Steigerung* 19). При реконструкции исходной основы для словен. *drmat* и родственных ему образований некоторые затруднения связаны с отражением слогового сонанта. В ЭССЯ, вслед за Бернекером, в качестве исходной приводится форма **dŕmati*, которая толкуется как расширение корня **der-* 'драть' в ступени *dre-* формантом *-m*. Но наличие вариантов основ *drom-*, *drem-*, а также индоевропейские соответствия (ср. ср.-в.-нем. *tremen* 'шататься', *vacillare*, дат. *trimle* 'катать, падать', др.-англ. *trem*, *trym* 'удар ногой', др.-инд. *drámati* 'бежит')⁴⁹ говорит в пользу иной реконструкции — **dŕm-*.

*moliti : **mьl-* : **milati*. Наиболее полное представление об основе **moliti* дают зап.-юслав. диалекты, где эта основа существует в простом виде и в сочетании с приставками: ср. словен. *molíti* 'протянуть (руку)', *pomolíti* 'вытянуть, высунуть' и *moléti* 'возвышаться, выступать', с.-хорв. *izmóliti* 'заставить выйти, появиться, показаться' (RJA IV, 250: Вук; XV в.), *pomóliti* 'показаться, высунуть так, чтобы было видно' (XIV–XV вв., RJA X, 707–709: Vuk, Mikaļa, Stulli, Bella, Volt. и др.), *namóliti se* 'появиться, показаться', ср. *Livadu je magla pritisnula, iz magle se junak namolio* (RJA VII, 460: Вук, только в народной песне), с приставкой *ko-* *komoliti* 'выступать', зафиксированное лишь в XVII в. (RJA V, 246: дважды у одного автора из Задра). В этой же языковой области представлены отглагольные имена: словен. *romól* 'выступ, балкон; острие', *romólek* 'небольшое возвышение', с.-хорв. *romól* 'место, где что-либо появляется', *romólak* 'обнаружение, появление' только у Вука в примере из народной песни: *Kad su bili Mletku na pomolku*. Итератив на *-ati* с долгим вокализмом в словен. *romáľjati* 'высовывать (язык), подавать руку'.

Сербохорватский язык сохраняет основу с корневым вокализмом в ступени удлинения — *mílati se* 'немного показываться, выступать из-за чего-либо'. Этот глагол, отмеченный Вуком в Герцеговине, приводится в описании рождественского обряда. Два человека берут пирог, поворачивают его, и один другого спрашивает: «*Milam li si?*», т. е. «Показываюсь ли я из-за пирога?». Ему отвечают: «*Milaš*

49 Wood F. A. Etymologische Miscellen. KZ XLV, 1913, 62.

malo». Тогда первый говорит: «*Sad malo, a do godine ni malo*», т. е. уродится много хлеба, и пирог будет так велик, что никто не будет виден из-за пирога (RJA VI, 667). С этим глаголом Потебня соотносил укр. *милати, милала 'виднелась'.⁵⁰ В осторожной форме можно высказать предположение о принадлежности к образованиям с основой *mil-* двух изолированных болгарских лексем — *замилáвка* 'кольшечек, которым выставляют палку' и *замилáвок* 'небольшая недожатая часть нивы' (БЕР I, 598 с пометой «неясно»: Банско), если семантику болгарских слов определяет признак, который может быть охарактеризован как 'нечто выделяющееся, возвышающееся'.

В рассматриваемом ряду чередующихся основ *moliti* и *milati* недостающее звено, а именно основу **myl-* со ступенью редукции в корне, отражают некоторые церковнославянские формы, а именно действ. прич. наст. вр. *измълаци* из Хроники Георгия Амартола (козни высокыа измълаци выше церкви лакоть), имперфектная форма *измълѣахъ* (Mikl. LP, 248: s. v. *измолити, измолѣти*).

На индоевропейском уровне славянские образования могут быть соотнесены с продолжениями и.-е. **mel-* 'выступать, возвышаться': греч. *μολεῖν* 'идти', алб. *mal* 'берег', лтш. *mala* 'край, берег', лит. *lyg-mala* 'возвышение' (ЭССЯ 9, 49).

**pelti, peljo* (: **jъz-polъ, *ръль, *ръlti, *pilkati*). Этимологическое гнездо слав. **pelti, peljo* сохранилось лишь в отдельных своих фрагментах в разных славянских диалектах. Ослабление мотивирующих связей явилось причиной того, что потенциально родственные образования изучались по отдельности и этимологически разъединялись. Восстановить генетическое единство распавшегося гнезда слов помогают лексические материалы зап.-юслав. диалектов, наиболее полно представляющие продолжения слав. **pelti, peljo*.

На южнославянской территории глагол **pelti, peljo* с исходным корневым вокализмом *e* отражает словен. *pláti, póljem* 'черпать воду' (ср. *plati vodo z goko, s korcem*), 'волновать, плескаться' (ср. *voda se polje*), 'махать; провеивать' (ср. *žito, oves plati v plalnih pečkah*), 'колебать, качать, вздыматься' (*morje polje*), 'развеиваться, дымить, порхать' (*dim polje, plamen polje*). В круг славянских соответствий входят в.-луж. *płóć, płóju* 'провеивать зерно', рус. диал. *крупу полоть* 'очищать, отвеивать лузгу на ночвах, потряхивая и сдувая ее' (Даль² III, 265), *полоть* 'отделять зерно от шелухи, стрясая его в особой большой берестяной коробке, которая называется «полотухой»',⁵¹ 'просеивать' (г-ры Прибалтики), 'веять ручную зерно' (кар-

50 Потебня А. А. Обзор поэтических мотивов колядок и щедровок // РФВ XIV, 1885, 23–24.

51 Шайтанов. Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской губ. // ЖСт. СПб., 1899, год девятый, вып. I, 395.

тотека Печерского словаря), 'трепать, трясти' (Герасимов. Черепов. 68). В части славянских языков, в которую не входят ю.-слав. языки, находим итератив **palati* с гласным в ступени удлинения: польск. *pałać, opałać* 'очищать зерно от примеси в ковше путем встряхивания', чеш. *pálati, opálati* то же, рус. диал. *палать* с тем же значением (Machek² 429; Даль² III, 11).

Слав. **pelti, peljō*, выступая на правах важного хозяйственного термина, обозначает один из видов технической обработки зерна перед помолом. Другой способ отделения примеси — разбрасывание зерна против ветра — обозначается глаголом **vějati*. Славянский материал наглядно показывает, что техническое значение слав. **pelti, peljō* имеет своим истоком первоначальное значение 'толчком, рывком махать, качать, колебать из стороны в сторону'. Направленность действия на конкретный объект — зерно в ковше — определило техническую специализацию славянского глагола. Движение, сложное по своему составу, включающее в себя два момента — толчок, рывок и колебание, качание из стороны в сторону, — лежит в основе разных действий, передаваемых слав. **pelti, peljō*: 1. провеивание, отделение зерна от примеси, 2. вычерпывание воды, 3. колебание, волнение (воды). К той же семантической сфере принадлежит и глагол **pelti, pelvō* 'очищать от сорняков, удалять сорняки', но на индоевропейском уровне генетические истоки этого глагола в другом этимологическом гнезде. Вайян проводит следующее семантическое разграничение: **pelti, peljō* обозначает провеивание, а с **pelti, pelvō* связана идея удаления сорняков путем выдергивания и сгребания в кучу (Vaillant III, 299). На индоевропейском уровне **pelti, pelvō* возводится к корню **sp(h)el-* 'колоть, расщеплять' (Pokorny I, 985–986), а **pelti, peljō* объясняется по-разному. Покорный соотносит с и.-е. **pel-* 'течь, струиться' (ср. лит. *pilti* 'лить; сыпать'), а Махек и Вайян сближают с лат. *pellō, pulī* 'бить, толкать, колебать', греч. *πάλλω* 'трясти, встряхивать' < и.-е. **pel-*, **pelə*, ограниченном, судя по данным словаря Покорного, греко-латинской языковой областью (Vaillant III, 299; Machek² 429; Pokorny I, 801–802). И оба объяснения имеют определенные семантические основания. Но в продолжениях и.-е. **pel-* 'течь, струиться' (ср. лит. *pilti* 'лить; сыпать' вместе с производными *pylā* 'ливень', *pūlius = pūliava* 'поставка зерна, т. е. засыпка' — Fraenkel 592) доминирует идея медленного, струящегося движения, что как будто не совсем соответствует семантике слав. **pelti, peljō*. Ближе славянскому глаголу греко-латинские соответствия, при этом надо иметь в виду, что семантика глагола **pelti, peljō* в полном объеме сложилась на славянской почве и, следовательно, является продуктом самостоятельного, независимого развития праславянского языка.

Слав. **pelti, peljō* характеризуют сложные алофонические отношения. С ним соотносятся два имени с общим значением *haustrium*: одно старое с огласовкой *o*, характерной для отглагольных образований, а другое, более позднее, с основой, тождественной основе

глагола. Первую основу в простом виде и в сочетании с приставками представляет словен. *pól* 'черпак, веялка', цслав. *полз*, *исполз*, *схполз* *haustgrum* (Mikl. 254), с.-хорв. *ispô*, *ispola*, *ispolac* 'деревянный ковш для вычерпывания воды из лодки' (RJA III, 934: с XVI в., Vuk.), а также макед. *испол* и рус. диал. *упол*, *упольник* 'горшок, предназначенный для того, чтобы отбавлять в него бульон, суп и т. п. из большой посуды'. Как продолжение второй основы могут быть поняты русские диалектизмы: псков. *пелька*, *пелечка* 'деревянный черпак плоской формы, которым выливается вода из лодки, черпак'.⁵² Русские диалектизмы, которые пытались понять и как заимствования из балтийских языков (ср. лит. *pélké* 'болото, трясины; мокрый луг; лужа')⁵³ получают удовлетворительное объяснение лишь в рамках этимологического гнезда слав. **pelti*, *peljŕ*. Ориентация именно на это гнездо слов снимает многие трудности семантического порядка и отвечает всем требованиям звукового строя соотносимых слов.

В рассматриваемое этимологическое гнездо входят имена с корневым гласным в ступени редукции, также обозначающие приспособление для вычерпывания воды. На территории южных славян это — с.-хорв. чак. *pálj* *haustgrum*, 'черпак', уменьш. *pálják* (Истрия) = *páljak* (Предор) = *raják* (Брусье, Хвар) 'деревянная ложка, тыква для воды' (Skok II, 594–595; Maštrović 446; Hr.–Šim. 770), а в севернославянских языках — рус. диал. *плица*, *плича* 'совок для зерна или муки', *плица* 'лоток, которым пересыпают муку' и т. д. (Куликовский 83; Соликам. словарь 446; Опыт 159 и др.).⁵⁴ По материалам Скока, с.-хорв. чак. *pálj* соотносится с глаголом *pŕt*, *pŕjep* (Раб, Корчула, Брач, Хвар) = *plt* (Башанска драга) = *plv*, *plven* (Црес) 'черпать', *pripŕti* (ср. у Марулича *jeŕ pripuše vode* 'так как вычерпали воду'). В зап.-юслав. диалектах находим однокоренной глагол с расширителем *-k* и гласным в полной ступени и ступени удлинения редукции: хорв.-кайк. *pulkâti* 'провеивать зерно в деревянном корыте' (Fancev 385) и диал. *pŕlkati*, *pŕlhati* 'вычерпывать воду' (Skok II, 594–595; RJA III, 921: u Stonu в наше время).

Изучение генетических связей славянской лексики, наблюдения Скока, опирающиеся на материалы сербохорватского языка и в первую очередь чакавского диалекта, приводит нас к выводу, что именно зап.-юслав. диалекты сохраняют слав. **pelti*, *peljŕ* во всей полноте апофонических отношений: ср. **(jъz)polъ*, **ръль*, **ръlti*, **ръlkati* и **pŕlkati*.

52 Филин Ф. П. К истории восточнославянского *пелька* // В чест на акад. Вл. Георгиев. Езиковедски проучвания. С., 1980, 277.

53 Ёлстой Н. И. Об одном балтизме в восточнославянских диалектах — *пелька* // Этимология 1967. М., 1969, 145–157.

54 В словаре Фасмера (III, 286) идет с указанием: дальнейшие связи неясны.

*plexa : *ploxa : *plax-. Зап.-юслав. диалекты сохраняют чередующиеся основы *plexъ : *ploxa в значении 'род, племя': словен. *plèh* 'племя' (ср. *dobrega pleha živina*, ю.-в. Штирия), 'род, вид' (*drevo rodovitnega pleha*), *plešina* 'род' (ср. *kakove je plešine živina?*) и *ploha* = *pleme* (ср. *svinje za ploho imeti*), 'род' (ср. *človek bavarske plohe*), 'сорт, вид', хорв.-кайк. (Жумберак) *plèšina* = *plešina* 'род, племя' (Skok II, 683). За пределами этого ареала прямо и непосредственно соотносится с названными словами блр. диал. *плéха* 'завязь' (Шаталава 135). В плане этимологических связей наиболее реально предположение Скока о родстве названных слов со слав. *plodъ, *pleme* < и.-е. **pel-* с расширителем *-dh* (ср. греч. *πλήθω* 'быть полным', *πλήθος* 'множество, народ' и лат. *plēbs* 'народ' — Pokoigny I, 798). Безлай обратил внимание на возможность расширения состава соответствий за счет большой группы зап.-слав. слов с вторичной меной *g* : *x* в исходе основы: польск. *pląc się*, *plęgnąć się*, *plagować* 'воспитывать, приводить в порядок', чеш. диал. *pléhnút sa*, *plehnut sa* 'плодиться, размножаться', словац. *upl'ahnuc se* 'родиться (о животных)', в.-луж. *plahować* 'заботиться', *sploh* биол. 'пол; род, племя', н.-луж. *plagować*, *zblagnuć* 'воспитывать, приводить в порядок'.⁵⁵ Но эта лексическая группа неоднородна. В отношении польск. *plagować* и лужицких слов высказывается предположение о заимствовании из немецкого: ср. др.-в.-нем. *pflegan* 'о чем-л. заботиться, оберегать', ср.-в.-нем. *phlegen* 'брать на себя ответственность, заботиться' с поздним изменением *e* > *a* в немецком.⁵⁶ Генетические истоки названной группы слов остаются не совсем ясными. Безлай восстанавливает исходную основу *pleg-*, семантически близкую, как он полагает, лит. *splisti*, *splintù*, *plisti* 'шириться, толстеть; зачать', *splėsti* 'распространять, продолжать, воспитывать' < и.-е. **pel(a)-* 'распространять' (см. Fraenkel 624, 875). Ж. Ж. Варбот,⁵⁷ обобщая и осмысляя опыт этимологической интерпретации интересующих нас слов, справедливо признает наиболее вероятным предложенное Скоком сближение зап.-юслав. слов со слав. *plodъ, *pleme* и далее, развивая эту идею, реконструирует основу *plęgti/*plegti < и.-е. **pel-* 'лечь, течь, наполнять' (ср. др.-в.-нем. *folc* 'толпа, народ', др.-исл. *folk* 'народ').

*plexъ : *ploxa : *plaxa. Южнославянский материал и особенно данные словенского языка позволяют уточнить и представить в наиболее полном виде состав этимологического гнезда с основой **plosk-* (ср. рус. *плоский*, *площадь*). Эта основа с экспрессивной

55 Безлай Ф. [Рец.:] P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. druga: *K-poni*. Zagreb, 1972 // Этимология 1973. М., 1975, 187.

56 Schuster-Sewc H. Fragen der etymologischen Forschung im Slawischen // ZfSl, Bd. VIII, H. 6, 864–865 (сноска 2).

57 Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII // Этимология 1978. М., 1980, 23–25.

меной исхода *sk* > *x* имеет форму **ploхъ(jь)*: ср. рус. диал. *плохой* 'дурной, негодный, неспособный' и 'непрочный, малоспособный, хилый, слабый'. Как полагает О. Н. Трубачев, изначальная семантика слова *плохой* наиболее полно раскрывается в пословице *не тут вор крадет, где мало, там, где плохо*, т. е. там где открыто, не заперто, не защищено, оставлено без присмотра.⁵⁸ К продолжениям слав. *ploxa, субстантивированного прилагательного женского рода, относят рус. *плоха* 'просека в лесу для расстановки сетей на уток', чеш. *plocha* 'плоскость', польск. *plocha* 'бёрдо', с.-хорв. *plōha* 'поверхность, плоскость', диал. *plōa* (Космет) 'часть телеги; пятно, отпечаток на теле' (ср. *ovolika tu plōa iskočila na grbinu*) (Фасмер III, 285; Skok II, 687). Достаточно широко на славянской территории получили распространение основа *plaxa и производное с суффиксом *-ъt-* *plaxъta: ср. рус., укр. *плаха* 'составная часть невода; слой сала, снятый со свиной туши; полено, плаха', рус.-цслав. *плаха* 'полено', рус. *плахта* 'мешок из грубого холста; головной платок' (Фасмер III, 275), с.-хорв. *plāhta* 'простыня, скатерть' (RJA IX, 946; Bel., Jambr., Volt., Vuk с пометой: в Хорватии), чак. *plāhta* то же (Koschat 246), *plāhta* то же (Hadrovics 476) и т. п.

Словенский язык дает свидетельства этой основы с корневым вокализмом *e*. С одной стороны, это — словен. *plēh* м. р., *na pleh orati* 'пахать так, чтобы борозды ложились на одну сторону, особенно в прибрежных полях' (противоположное — *na lehe orati*), с.-хорв. *pleh* м. р. 'одна половина, одна сторона копченого сала' (RJA X, 38: Истрия) и, видимо, тождественное им словац. *pleh* 'край юбки' (Palković 331). А с другой стороны, словенское прилагательное на *-ъкъ* *plēhek* 'безвкусный' (ср. *plehka voda*), 'слабый (о человеке)' (Bezljaj. Eseji 152), диал. *plešiv* 'червивый' (т. е. 'пустой, безвкусный', ср. *plešiv oreh, plešivo jabolko*), отыменной глагол *plešiti* в значении 'иметь пресный вкус', ср. *grozdje, ki je od suše in solnčnega oreka trpelo, pleši in je slabega rokusa*. Значение 'безвкусный' является звеном семантической эволюции в направлении 'плоский, сплюснутый' > 'худой, плохой, слабый' > 'не имеющий вкуса'. В словаре Плетершника даются как синонимы глаголы *pleščati*, *-i* (ср. *plešči me* 'давит, тянет') и *plešiti* (ср. *pleši me v želodcu, ako sem namreč jel mnogo sadja, izvlasti grozdja*), в плане исторического развития форма *pleščati* должна оцениваться как основная, исходная по отношению к *plešiti.

Со слав. **ploхъ(jь)*, словен. *plēhek* самым тесным образом семантически связаны глагольные образования с корневым вокализмом *a*: словен. *splāhniti (se)* 'похудеть' (ср. *bolezen te je splahnila; splahnjeno lice*), 'стать плоским, опасть; поблекнуть', *splahnéti* 'осесть, опасть (об опухоли); исчезнуть, избавиться', а также, видимо, болг. *преплáхнувам* 'быть худым, неполным' (ср. житото е *преплахнало*

58 Трубачев О. Н. Реконструкция слов и их значений // ВЯ 3, 1980, 8.

от сушата), отмеченное Р. Бернаром в разложском диалекте.⁵⁹ Предположительно болгарский диалектизм сближается с прилаг. *пле'ф* 'худой, негустой, малолиственный', глаголом *пле'ше* 'ощипывать птицу', для которых восстанавливается основа **plěxъ, *plěšъ* 'лысый, голый, без растительности'. Если эта реконструкция и приложима к *пле'ф, пле'ше*, то для глагола *преплáхнувам* более вероятна связь с названными словенскими глаголами. Как видим, словенский материал дает ключ к пониманию семантики и этимологических связей изолированных образований славянских диалектов.

Добавим, что тот же набор ступеней чередования характеризует и исходную основу *plosk-*. Как уже отмечалось выше, словенский знает глагольное образование с корневым вокализмом *e* — *pleščáti*. Те же основы с корневым гласным в ступени удлинения в словен. *plášč* 'плащ; der Feldschoppen; скат крыши, под которой стоят вагоны'. Словен. *plášč* и производное *pláščád* м. р. 'плоскость, поверхность, равнина' сохраняют смысловые единицы ('плоская поверхность'), которые мотивируют этимологическое тождество слав. **pláščь* (ср. рус. *плащ*, ст.-слав. *пашть* ѡщцѣ и т. д.) и **ploskъ* (ср. Brückner 420 и Фасмер III, 277). Отражением этой основы можно считать и рус. диал. *плащй* 'костяной нарост с боков и сверху у стерляди'.⁶⁰

*trepati : **tropati* и **trъp-* : **trip-*. Словен. *trpoléti* 'мигать, мерцать' вместе с несомненно родственными ему образованиями — простым глаголом *trniti* 'метать искры, выпрыснуть; погасить огонь' и приставочным *stniti, -nem* 'соединить, объединить в одно целое; сплотить, сжать, сложить, сомкнуть', а также прилаг. *stnjen* 'сжатый, сомкнутый, сплоченный' входят в этимологическое гнездо, образуемое глаголом **trepati*. Особенность словенских образований в том, что они сохраняют слабо засвидетельствованную основу **trъp-* с корневым вокализмом в ступени редукции. Как продолжение той же основы может быть истолковано с.-хорв. *трнути* 'погасить (огонь, свечу)', *extinguo* (Вук), при рассмотрении которого Скок не учитывает словен. *trniti*. В словаре Скока, вслед за Даничицем, с.-хорв. *трнути* соотносится с глаголом *trti* 'тереть' (Скок III, 505), но это сближение основывается на чисто внешнем, поверхностном сходстве и потому кажется маловероятным. Нам представляется, что в основе рассматриваемых образований лежит идея мерцающего, угасающего света, с которой хорошо согласуется характерное для с.-хорв. *трнути* значение 'погасить (огонь)'. Отра-

59 Bernard R. Études de quelques mots du dialecte de Razlog d'après le t. XLVIII du «Сб. за народни умотворения и народопис» // Езиковедско-этнографски изследвания в памет на ак. Ст. Романски. С., 1980, 363–364.

60 Гриб Р. Т. Хрестоматия по старожильческим говорам Центральной и Западной Сибири. Красноярск, 1967, 194.

жение основы **trъp-* можно видеть и в ст.-чеш. *trpočiti* 'гнать, тянуться, двигать, вертеть', которое Махек относит к неясным образованиям и без каких бы то ни было пояснений соотносит со словац. *potrčiti* 'подтолкнуть' (Maček² 653–654). Предлагаемому нами пониманию структуры чешского слова *trp-* (< *trъp-*) + суф. *-oč-* не противоречит семантика: основное значение 'двигать, гнать' хорошо укладывается в общее семантическое содержание изучаемых основ, ср. в частности, рус. диал. *тропать* 'топать, стучать' и 'спешно идти, бежать', *трепать* 'бежать, гнать' (Даль² IV, 434).

Словенский язык дает основание для реконструкции еще одного апофонического варианта — основы *trip-* с корневым вокализмом, отражающим продление ступени редукции. След этой основы в словен. *trípati*, *trípam*, *-pljem* 'моргать глазами; мерцать (о звездах); биться, дрожать' (ср. *riba triplje*) и *strínjati*, гл. несов. в. от *stríniti*. В результате переразложения основы в глаголе *strínjati* показатель глагольного класса *-n-* отошел к корню, и основа *stri(p)n-* как единое целое стала оформляться по классу глаголов на *-ati*. Семантические отношения рассматриваемых основ достаточно прозрачны: 'бить, стучать, трепать' > 'трепать, моргать; миг, мгновение'. Не исключено, что основу **trip-* с продлением корневого гласного отражает рус. диал. *трипёлый* 'молодой' (Добровольский, 916), т. е. нетвердый, неокрепший в своих поступках и движениях; небитый.

Реконструируемые для праславянского чередующиеся варианты основ **trep-* : **trъp-* : **trip-* находят соответствие в балтийских языках: ср. лит. *trepsėti* 'бить, топать, тяжело ступать', *trepinėti* 'топать, семенить', *trapinėti* 'ступать ногами', *trypti* 'топать ногами' (Fraenkel 1111, 1119, 1125).

1. В рассматриваемом нами материале наиболее выразительны изоглоссы, соединяющие зап.-юслав. диалектизмы с соответствующими образованиями восточнославянских языков: ср. словен. *dímljati*, др.-рус. и цслав. *дымъ*, словен. *plèh* ~ блр. *плеха* 'завязь', словен. *trípati* ~ рус. *трипёлый*.

2. Единичны изоглоссы, общие с диалектами чешско-словацкой группы: словен. *pleh* ~ словац. *pleh* 'край юбки', словен. *trpoléti* ~ чеш. *trpočiti*.

3. Ограниченные связи с севернославянскими языками характеризуют словен. *kuja* (~ рус. *куява*, чеш. *kujeba*), *drêmsati* (~ укр. *дремнути*, чеш. *dremlit*), словен. *pláti*, *póljem* (~ рус. *полоть*, в.-луж. *рѣс*).

4. Изолированное положение в южнославянском словаре занимают некоторые зап.-юслав. диалектизмы (ср. словен. *kújati se*, *repěč*, *spitek*, *molíti/moléti*).

5. Ряд балто-славянских изолексов может быть дополнен соответствием словен. *dromiti* ~ лит. *drãmyti*.

ГЛАВА III

Лексико-словообразовательные диалектизмы западноюжнославянского ареала

Исследуемый фрагмент южнославянского словаря включает разные категории слов, в оформлении которых участвуют разнообразные суффиксально-префиксальные средства. При массовом обследовании материала целесообразно сосредоточить внимание на категории имени и в первую очередь на существительных, обладающих самой богатой и развитой системой суффиксации. Что же касается глагола, то в целом эта категория слов остается за пределами нашего внимания. Для специального рассмотрения избираются отдельные образования, в структуре которых присутствуют какие-то редкие, архаичные форманты. Показатели глагольных классов (-*по*, -*је* и т. п.) обслуживают видовременную систему, и вне этой системы сопоставительное изучение состава того или иного глагольного класса не будет полным и адекватным реальным языковым отношениям.

Словообразовательные типы имени еще недостаточно изучены во многих отношениях. В генетическом плане применительно к эпохе праславянского с учетом его ранней диалектной дифференциации еще предстоит выявить в полном объеме состав и функционально-семантические особенности каждого из типов суффиксального словообразования. Для решения вопросов лингвоэтнического характера важна пространственная и временная стратификация материала в пределах каждого словообразовательного типа.

Мы ясно отдаем себе отчет в том, что, следуя в выборе материала ареальному принципу, не можем в итоге получить полного представления о структурных и функциональных особенностях разных типов суффиксального словообразования, действовавших или действующих в интересующем нас северо-западном ареале южнославянской территории. Каждый из суффиксальных типов предстает не во всей полноте своих проявлений, а лишь в той небольшой части, которая отграничивает и выделяет на территории южных славян западную группу диалектов. Материал, полученный путем сопоставительного изучения, классифицируется по суффиксальным формантам -*b*-, -*d*-, -*g*-/-*ǰ*-, -*x*-/-*š*-, -*j*-, -*k*-/-*c*-/-*č*-, -*l*-, -*m*-, -*n*-, -*r*-, -*s*-, -*t*-, -*v*-. Рассмотрению подлежат, естественно, не все суффиксы с тем или иным опорным элементом, а те из них, которые находят отражение в нашем материале. Таким образом, мы имеем дело не со специально подобранными лексико-словообразовательными рядами, а с более или менее свободным и неполным объединением

разных по своему характеру образований в пределах одной группы с общим суффиксальным формантом. Кроме того, надо иметь в виду, что в огромном массиве славянского словаря практически невозможно даже с позиции одного языка, каким в нашей работе является словенский, проследить все случаи лексико-словообразовательных схождений и расхождений между славянскими языками. Да это и не входит в наши задачи. В массовых, повторяющихся схождениях проявляются тенденции словообразовательных процессов исторического и нового времени. Для решения задач лингвостнического характера важны древние образования, случаи нерегулярного словообразования, изолированные факты языка, анализ которых невозможен без привлечения этимологии. Именно словообразовательно-этимологический анализ помогает прояснить морфологическое строение таких образований с затемненной внутренней формой и тем самым позволяет пополнить состав некоторых суффиксальных типов архаичными именами, унаследованными из эпохи диалектного развития индоевропейского или сложившимися уже в системе праславянского языка. Принципиально важно установить, какое место в диалектно ограниченной части древнего словаря занимают образования, для которых с разной степенью вероятности прослеживаются близкие словообразовательные соответствия в индоевропейских языках, и слова, оформленные на почве праславянского. В целом отобранный материал, включающий этимологически темные случаи и слова с прозрачной морфологической структурой, дает вполне надежную базу для изучения особенностей древнего словообразования зап.-юслав. диалектов и определения ареальных связей этой диалектной группы по данным словообразования.

Материал, которым мы располагаем, не позволяет нам ограничиться рассмотрением лишь случаев суффиксального словообразования. В словаре присутствует большая группа отглагольных имен, образованных бессуффиксальным способом. Кроме того, представлены префиксальные образования, сложения, словосочетания. Каждому из названных типов словообразования посвящен специальный раздел.

Исследование лексико-словообразовательных диалектизмов строится следующим образом. Основной раздел, самый большой по объему, посвящен суффиксальным именам, которые представлены в форме обратного словаря по суффиксальным формантам. Исследование сводится по существу к словообразовательно-этимологическим комментариям к суффиксальным именам. В этот же раздел включаются бессуффиксальные имена, определяемые как имена с нулевым формантом. Последующие разделы посвящены префиксальным образованиям и сложениям.

Производные с формантом *-b-*

-oba. Для немногочисленных имен с суф. *-oba*, восстанавливаемых для диалектов праславянского языка, характерна производность от основ прилагательных: ср. **béloba* : **bělъ*, **xudoba* : **xudъ*, **xvoroba* : **xvorъ*, **zъloba* : **zъlъ* и т. д. (Мартынов 1973, 16; Sławski. Zagys 1, 61). В словенском суф. *-oba* стал активным средством образования имен с абстрактным значением от основ прилагательных: ср. *gnilóba* < *gnil*, *grdóba* < *grđ*, *měhkóba* < *méhek*, *pustóba* < *púst*, *svetlóba* < *svetěl*, *sladkóba* < *sládek*, *skvrnóba* < *skvrň* и т. д. (Mikl. VGr. II, 216).

Как производное с суф. *-oba* определяется имя **gonoba*/**gonobъ*, свидетельствуемое словен. *gonóba* 'порча, пагуба', блр. диал. *gónob* : *gónobu ны даваты* 'не давать покоя, донимать, приставать' и отыменным глаголом в словен. *gonobíti* 'портить, губить', словац. *honobit'* 'наживать, приобретать', рус. диал. *гонобить* 'мучить, утомлять' (ЭССЯ 7, 24; Bezlaj I, 161–162).

-ъba. Этот суффикс, первоначально дававший отыменные образования от основ на *-i* типа **tatъba* : **tatъ*, расширил сферу своего употребления, стал участвовать в образовании отглагольных имен с семантикой *nomina actionis* (Мейе § 398; Orzechowska гл. IV).¹ В славянских диалектах преобладают отглагольные образования, некоторые из них территориально привязаны к западной части южнославянского ареала: ср. **bornъba* (: **borniti*): словен. *brâmba* 'защита, оборона', с.-хорв. стар. *brâmba* то же (с XVI в.), в.-луж. *bróúba*, рус. диал. *бороньба* (ЭССЯ 2, 209; Orzechowska 161); **grozъba* (: **groziti*): словен. *grôzba* 'угроза', с.-хорв. *grôzba* то же, чеш. *hrozba*, в.-луж. *grozba* и т. д. (ЭССЯ 7, 143); **krytъba* (: **kryti*): словен. *kritba* 'покрытие', ст.-чеш. *krytba*, словац. стар. *krytba* 'кров', в.-луж. *krytba* то же (ЭССЯ 13, 72); **vъjъba* (: **viti*): словен. *vîba* 'спираль', с.-хорв. *viba* в загадке 'путь' (RJA XX, 805; Лика; Bezlaj. Eseji 124) и т. д.

Производные с формантом *-d-*

Суффиксы с опорным элементом *d* — *-do*, *-ędo/-ędъ*, *-da/-zda*, *-dъ*, *-jadъ/-ędъ* и т. д. — непродуктивны в словенском языке. Образования с этими суффиксами очень немногочисленны. Начиная с XVII в. в части штокавских диалектов суф. *-ad* становится формальным средством выражения категории собирательности (Boгуś 1969, 55). Этот процесс не затронул зап.-юслав. диалекты, где

1 *Osten-Sacken F.* Zur Entwicklungsgeschichte der Nomina auf slavisch *-ъba* // IF XXVI, 2, 1909.

образования на *-ad* представлены очень ограниченно: ср. словен. *živād* и чак. *živjād*, словен. *subjād* и чак. *subjād*, словен. *perjād*, *pesjād*, *piščād*, *puhljād*, *svinjād*, *teljād* и т. д.¹

-edъ, *-odъ*. Единичные праславянские образования с суф. *-edъ*, *-odъ*: ср. **agnedъ*, **goveđo*, **želodъ* (Sławski. Zaręys 1, 63).

Перечень образований с суф. *-odъ* может быть дополнен зап.-юслав. **pelodъ*, соотносительным с глаголом **pelti*, *pelvo* 'полоть' (ср. словен. *pléti*, *plévet* 'полоть'): словен. *pelod* 'цветочная пыльца', хорв.-кайк. *pělūd* (RJA IX, 768) и чак. *pelūd* с тем же значением (Hr.-Šim. 790). В Загребском словаре сказано, что это слово создано Шулеком путем присоединения суф. *-ud* к чеш. *pel*. В пользу исконности зап.-юслав. *pelodъ* говорит факт существования этого слова в чакавском диалекте, а также наличие в словенском приставочных образований *spelude* мн. 'парша, чесотка', *špelūd* ж. р. то же и 'щепка' (Snoj M. — SR 37, 1–3, 1989, 154–155).

Словообразовательно-этимологический анализ приводит к выделению лексических диалектизмов, в структуре которых формант *d* выступает на правах расширителя корня на разных хронологических уровнях — индоевропейском и праславянском.

Одно из таких образований с древним формантом *d* — словен. *osmléda* 'родимое пятно; выжженное место; руины'. При этимологизации этого слова, занимающего изолированное положение в словаре, Безлай исходит из формы **svléd-*, которая возводится к и.-е. **suel-* 'гореть' (ср. др.-в.-нем. *swelzan*). С этой же основой **svléd-* связываются топ. *Smlednik*, *Vlednich*, *Vlednic* (с изменением *svl* > *sm*) (Bezlej II, 257). Более внимательное изучение лексического материала показывает, что словенское слово имеет широкие и глубокие внутриславянские лексические связи, которые с достаточной определенностью ведут к реконструкции и.-е. **smel-* 'тлеть, гореть' (ср. рус. *смола*) с расширителем *d*. К отражениям исходного **smel-dъ* могут быть отнесены словен. *smlēd* со значением 'желтый' и название растения *smled*,² соотносительное с с.-хорв. *smlēd* 'herbae genus', польск. *smłod* 'раст. Peucedanum Caserpitium', чеш. *smldí*, *smldník* 'раст. Peucedanum officinale', укр. *смовдь* 'раст. Peucedanum Oreoselinum, Peucedanum arenarium' (RJA XV, 752; Machek² 561; Гринченко IV, 159). Названное растение, имеющее желтые цветы и растущее на песчаных почвах, используется в медицине как потогонное средство. В основу названия положен характерный внешний признак — желтый цвет растения. Интересно, что все эти особенности находят отражение в русских народных названиях того же растения — *желтолен* и *потогон* (Даль³ I, 947). Славянские образования с чередующимися основами **smeld-/smēld-*

1 Boryś W. Collectiva w gwarach serbskochochowackich // RS XXXIII, 1, 1972, 33–46.

2 Bezlej F. Dr. Simonović. Botanički rečnik // SR XII, 1959–1960, 301.

(ср. чеш. *smlďi*) расширяют состав продолжений и.-е. **smel-* и подтверждают существование в праславянском основы с расширителем *d*, восстанавливаемой в литературе лишь для германских языков: ср. ср.-англ. *smolder* 'дым', англ. *smoulder* (Pokorny I, 969).

На уровне праславянского вычленяется формант *d* в составе диал. *xlyďь, объединяющего словен. *hlid* 'холод' (Šašelj 257), *hlid* 'легкое дуновение', *hliděti* безл. 'дует, тянет', с.-хорв. чак. и кайк. *hlidjeti* 'дуть' (RJA III, 631; у двух авторов XV и XVIII вв.) = *hliditi* с тем же значением (Skok I, 673: Bjel., Stulli, Marulić), словин. *χlēda* 'оттепель; слеза', *χlēdnoc* 'таять, плакать', *χlēdni* 'теплый, мягкий (о погоде)'. Это образование сложилось на базе глагола *xly-ŋoti, связанного чередованием с *xlujati: ср. словен. *hleniti* < *hliniti* 'внезапно выглянуть, засиять (о солнце); хлестнуть, ударить', с.-хорв. чак. *hlinuti* 'подуть, повеять' и т. д. (ЭССЯ 8, 41).

Согласно этимологии Безлая (Bezlej. Eseji 135) словен. *žulj* м. р., являющееся общим названием колючих растений (напр. *scolymus*, *cirsium*, *carduus*, *eryngium*, *xanthium* и особенно *cirsium arvense*, чертополох), а также тесно связанное с ним с.-хорв. *žulj*, название растения и особенно той части, которая находится под землей (RJA XXII, 500), сопоставимы с рус. диал. *желдь* 'Пех *aquifolium*, водожелдь, вязожелдь, острокровь, остролист, птичий клей, падуб' (Даль² I, 530), стар. *желды* мн., *желедь* 'тростник, из которого делают желейку, дудку' (с вторичным развитием полногласия), для которых Шахматов восстанавливал исходную форму *žyldь (Фасмер II, 41).³ Это сопоставление может быть принято при условии, что словенская форма с нерегулярным отражением сочетания редуцированный + плавный испытала на себе определенное влияние со стороны глагола *žuliti* 'тереть, жевать' и его производных (ср. *žulj* 'опухоль, мозоль'). В связи с названной группой слов несомненный интерес вызывают зафиксированные в родопском диалекте болгарского языка глаголы *жёлдѣ ме* безл. 'колет, режет: вызывает внутренне беспокойство' и *пожёлдѣва ма* 'время от времени покалывает' (Стойчев Т. — БД II, 152, 240), необъяснимые как результат контаминации двух глаголов *жѣли* = *жили* и *боде* (БЕР I, 532). В окружении рус. *желдь*, словен., с.-хорв. *žulj* болгарские диалектизмы предстают как образования, продолжающие основу **žyld-* с корневым гласным в ступени редукции. Эта основа входит, видимо, в этимологическое гнездо индоевропейского корня **g^hel-*, вокруг которого группируются лит. *gėlti* 'болеть, жалить', лтш. *dzelt* 'колоть', слав. *žalbь, *žalěti, *žędlo (< *geldlo) (Pokorny I, 470–471; Fraenkel 145–146; Фасмер II, 34, 55). В отдельных диалектах

3 По Дуриданову, продолжением той же основы *žyldь можно считать болг. *джел* 'раст. Пех *aquifolium* L., куст колючего тростника', традиционно связываемое с тур. диал. *джел* 'ость злакового растения'. См.: Дуриданов И. Повторно за этимологията на бълг. *джел* // БЕ 1982, кн. 1, 59–60.

праславянского языка этот корень с гласным в ступени редукции получает расширитель *d*.

Словен. *snúđiti se* 'шмыгать, сновать' (ср. *povsod se okoli nas snudi*, долина Савы) и, видимо, с ним связанное с.-хорв. диал. *smúđati* 'ползать', *smuda* 'ребенок, который ползает' с ассимиляцией *ni > mu* (RJA XV, 818: Кварнер) этимологически тождественны лит. *snauduliúoti*, *snáusti* 'дремать, спать; медлить, колебаться', *snaudà* 'дремота, медлительность', лтш. *snaūda* то же и восходят к и.-е. **snou-* 'сновать, мотать' с расширителем *d*. Та же основа в сочетании с расширителем *k* предполагается для словин. *snukac* 'тянуть, вытягивать нить', *snukac sa* 'обтрепаться (о рукаве одежды)' (Sychta V, 115). Словен. *snúđiti* мотивируется исходной семантикой 'сновать, мотать', этой же семантикой определяются производные значения 'ползать', 'медлить', 'дремать'.

Формант *-zd* участвует в образовании экспрессивной формы глагола *brozdati с исходом на *-zd* (: *zg*, ср. словен. *brōzgati* 'шлепать по воде'): словен. *brozdáti* 'ходить по воде, увязая в грязи', *brazdáti* 'возиться (в воде); пачкать, марать', *brzdáti* то же, с.-хорв. *brožđiti* 'se spojicege, впутываться в скверное дело' (в наше время, RJA I, 681: Бока Которска), хорв.-кайк. (Вирье) *brōžđati*, *brožđiti* 'бродить по грязи' (Fancev 379), *zbrožđati* 'помешивать жидкость' (Hermap 98), ср. также чеш. *brozdati se* 'идти по воде, грязи, снегу, брести', диал. *brozđiti* 'ходить туда-сюда' (ЭССЯ 3, 43).

Зап.-юслав. диалектизмы с суффиксальным формантом *-d-* имеют следующие ареальные характеристики. 1. В общей изоглоссе с германскими языками (ср.-англ. *smolder* 'дым') участвует словен. *osmléda* 'выжженное пятно'. 2. Связи с балтийскими языками прослеживаются для словен. *snúđiti se* 'сновать' (~ лит. *snauduliúoti*). 3. Широкие сев.-слав. соответствия характерны для словен. *osmléda*. 4. С диалектами лехитской группы связано словен. *hlīd* 'холод' (~ словин. *χléda* 'оттепель'). 5. К словенско-чешскому ареалу тяготеет слав. *brozdati. 6. Слав. *žьldь (словен. *žúlj*) объединяет словенский язык и родопский диалект болгарского языка. 7. В зап.-юслав. ареале сосредоточены словен. *pelod* и с.-хорв. *pělūd* 'цветочная пыльца', словен. *snúđiti se* 'сновать' и с.-хорв. диал. *smúđati* 'ползать'.

Производные с формантами *-g-*, *-ž-*

Суф. *-ga*, *-uga*, *-oga* малопродуктивны в славянских языках и во многих случаях вычлняются с помощью этимологического анализа (Mikl. VGr. II, 239–286; Vondrák. VGr. I, 470–473; Bajec 96; Sławski. Zarys 1, 65–69).¹

1 См. еще: Machek V. Le suffixe slave-commun *-ogъ* (*-oga*) // Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70-le ani. București 1965, 503–505.

-ga/-гъ. Слав. **struga* считается единственным достоверным примером с суф. *-ga*, выделяемом при сравнении с синонимичными однокоренными образованиями – **struja*, **strumy* (< и.-е. **sreu-* ‘струиться’).

Суф. *-ga* вычленяется в зап.-юслав. диалектизме, восстанавливаемом в форме **sorga*: словен. *srága* ‘капля’ (ср. *deževne srage* ‘капли дождя’, *sraga na juhi* ‘блестка жира’),³ ‘капля пота; остаток (жидкости)’, мед. ‘удар, апоплексия, инфаркт’ (ср. *od srage udarjen* – Trubar), производное *sragoda* ‘капля’ (Pintar II, 176) и с.-хорв. чак. *srága* ‘капля’ и мед. ‘удар’ (Boryś – HDZ VI, 16; Жумберак, р-н Огулина, Озая; Skok III, 314).

В. Борысь, занимавшийся изучением зап.-юслав. слов, как и Ф. Рамовш,³ исходит из значения ‘капля’, полагая, что употребление этих слов в качестве медицинских терминов (‘удар, кровоизлияние; апоплексия’) сложилось вторично, возможно, под влиянием словен. *kaplja* или лат. *gutta* (см. еще Bezljaj. Eseji 116). Ф. Рамовш склонялся к истолкованию словен., с.-хорв. *sraga* с первоначальным значением ‘капля’ в рамках этимологического гнезда с и.-е. корнем **sreu-* ‘течь, струиться’. Как полагает В. Борысь, в зап.-юслав. *sraga* < **sorga* находит, видимо, отражение первая основная база этого корня **ser-* в сочетании с суф. *-ga*, первично ‘то, что течет’ > ‘струя жидкости, капля’ (Boryś – HDZ VI, 16).⁴

2 См. еще: Wilfan H. Nekaj zanimivih besed in pomenov iz Bele krajine // Jis XIV, 4, 1969, 128.

3 Ramovš F. Jezikovni drobci iz slovenščine // Zbrano delo I. Ljubljana, 1971, 267–268.

4 Другие попытки истолкования этого этимологически трудного слова, не имеющего сколько-нибудь надежных индоевропейских соответствий, трудно признать удовлетворительными. Миклошичу (Mikl. 316) принадлежит сближение ю.-слав. диалектизма, восстанавливаемого в форме **sorga*, с др.-инд. *sárga-* ‘капля, излияние, удар, выстрел’ (~ *srjáti* ‘entsendet, entläßt, schießt ab, gießt ab’) (ср. еще Skok III, 314), но это сближение маловероятно хотя бы потому, что индоевропейский корень **selg-*, исходный для др.-инд. *sárga-*, должен иметь иное отражение в праславянском, не совпадающее с зап.-юслав. *srága*. Исходя из того, что словен. *srága* функционирует в качестве медицинского термина, Безлай предлагает сближение с лит. *pasargà* ‘болезненная слабость’, рус. *сорóга* ‘ворчливый человек’, польск. *srogì* ‘строгий, суровый’ (Bezljaj. Eseji 116). Но семантические отношения славянских слов затемнены явлениями табу. Для древних народов характерно стремление избегать прямого названия болезни, запрет на действительные названия болезней приводит к замене, табуистическим наименованиям. Опыт изучения других слов того этимологического гнезда, которое восстанавливает Безлай, а именно лит. *siřgti* ‘болеть’, хет. *istark-* ‘заболеть’ < **stergh-*, показывает, что значение ‘болеть’ сложилось в порядке табуистической замены более старого означения ‘стеречь’. См. Трубачев О. Н. Из истории табуистических названий // ВСЯ 3, 1958, 125–126. Чисто историческое значение имеет толкование словен. *srága* как *s-ra-ga*, развившегося из *s-rě-ja-ga* ‘каплями стекающий пот’ (Jarnik 15).

Ю.-слав. диал. *pyrga с суф. *-ga*, вычленяемым при соотнесении со слав. *pyrǫ (ср. чеш. *pyř* 'раскаленная зола, пепел' и т. п.), связано отношением суффиксальной вариантности с отмеченными в тех же диалектах *pyrga/*pyrghъ (см. ниже с. 124). Образование с суф. *-ga* ограничено словен. производ. *pīrgast* (ср. *pīrgaste so slive*) 'пестрый, в крапинку', *pīrgoš*, кличка козы, с.-хорв. *pīrga* 'корова, коза пестрой масти; курица — пеструшка' (Хорватия, Босния), 'птица *Emberiza hortulana*' (Славония), *pīrgast* 'пегий, пестрый' (Лика, Хорватия), *pīrgav* 'веснушчатый, пегий' и т. д. (RJA IX, 863; Skok II, 660–661).

Формант *g* входит в структуру праслав. диал. *kъrgati, засвидетельствованного с близким кругом значений в диалектах словенского и чешского языков: словен. *kīrgati* 'капать, стекать, выделяться' (ср. *maslo iz deže, smola iz drevesa krga*), диал. *črgāti* (ср. *lojena sveča črgā*) с изменением *k > č* (ср. *kīdati > čīdati* — Pintar I, 6), *okergan*, ср. *akergān je lonec, če v njem kipi in leti vsebina čez rob* (Tominec 150) и чеш. *krhati* 'о слезящихся глазах', ст.-чеш. *krhavý* (~ словен. *kīrgav* 'слезящийся, о глазах'). С названными словами соотносят укр. диал. *кóргати* '(ногами) косить'. В ЭССЯ (13, 214) лексико-семантический диалектизм *kъrgati толкуется как образование, родственное слав. *kъrga < и.-е. *(s)ker-g- (ср. с.-хорв. *kъrga* 'стебель, ствол (винограда)', рус. *каргá* 'твердый нарост на березе' и т. д.), этимологически тождественное *kъrkъ, *kъrciti с развитием семантики 'выгибаться, выпираться; нарастать, натекать'.⁵ В это же гнездо включаются и производные, характерные для вост.-юслав. диалектов: макед. *крже* 'некрещеный ребенок', болг. диал. *кържа* 'грязь', *кржé* 'кукурузное зерно, которое при поджаривании не лопнуло, а только почернело', с.-хорв. диал. *кържа* 'что-л. слабое, недоразвитое' и т. д.

-ežь. Посредством этого суффикса от основы с неясными индоевропейскими связями произведены словен. *mādež* м. р. 'родимое пятно; ржавчина', *madesh* (Megiser), с.-хорв. *mādež* м. р. 'chloasma, melasma' (RJA VI, 356: Vuk, Mikala, Stulli, Bella, Bjel.; Maž. I, 621), чак. (Хвар) *mādež* м. р. 'naevus maternus, родимое пятно' (Hr.-Šim. 516), *mādes*, род.п. *mādesa* (HDZ I, 166: Susak), диал. *mlādež* (Вук: в народной песне; Босния, Лика, Баня Лука) 'naevus; веснушки' (Skok II, 348), а также рус. *мадеж*, *матеж* (с *т* под влиянием *мать*) 'пятно на лице (беременной)', *малеж* то же (с *л* из

5 В литературе ставится под сомнение предложенное Махеком сопоставление слав. *kъrgati с др.-инд. *śrūghānikā* 'сопля' (Масчек² 292). Отпадает сравнение с рус. диал. *коржавый* 'грязный, ржавый' (Berneker I, 667) по той причине, что последнее восходит к сочетанию *ко-* и *ржа*, ср. *ржавый*.

малина) (Фасмер II, 556).⁶ Ср. еще болг. диал. (Видин) *ма́деж* с тем же значением (БЕР III, 606).

-*ěždžь*. Этот архаичный суффикс, развившийся из сочетания *-ězg-* + *-jь*, участвует в образовании рус.-цслав. *грымѣждь*, *гремѣждь*, *громѣждь* 'гной на глазах', корневая морфема которых отождествляется со слав. *ггьтъ 'куча' (ЭССЯ 7, 158–159). В части ю.-слав. языков это образование, расширенное суф. *-ьль*, выступает в фонетически измененной форме: ср. словен. *krtněželj* 'нагноение в глазу',

6 Не поддаются реконструкции индоевропейские соответствия для слав. *madežь. В словаре Миклошича (Mikl. 179–180) восстанавливается исходная форма *maležь с предполагаемым соответствием в др.-в.-нем. *mal* 'пятно'. Фасмер признает недостоверным сближение с греч. *οἰόδιξ*, *οἰόδιϋξ* 'рубец, кровоподтек' (Berneker II, 2), родственными *οἰῶ*, *οἰῆν*, *οἰῆσι* 'нагирать, умащивать, стирать' и т. д. (Фасмер II, 556). Левенталь ставит слав. *madežь в один ряд с др.-норв. *mǫsurr* 'горящее полено', ср.-н.-нем. *Masel* 'красное пятно' (Skok II, 348). Лишены надежных оснований все попытки объяснить слав. *madežь как наследие индоевропейской эпохи. Поиски собственно славянских истоков для этого образования привели Вайяна к предположению о связи *madežь* с прилаг. *modrь на основе количественного чередования корневых гласных (Vaillant IV, 505), но эта идея не получила всестороннего обоснования, поэтому остается гипотезой оригинальной, но не совсем убедительной. Продолжая поиски внутриславянских связей, можно в форме осторожной гипотезы высказать предположение о возможности иного объяснения, основанием для которого служат данные словенского языка, где *madež* = *máda*, последнее имеет те же значения, что и *madež, и плюс еще одно значение — 'вылеживание фруктов до полного созревания; сушка льна'. И в этом значении *mada* неотделимо от глагола *madíti*, *medíti* 'дать полежать фруктам, чтобы они стали мягкими и сладкими; сушить лен', с которым самым тесным образом связаны цслав. *мѣдити*, *умѣднѣти* 'мешкать', рус. диал. *моде́ть* 'тлеть, гнить; бродить, киснуть (о жидкости); медленно вариться на небольшом огне, преть, париться (о пище); медленно сохнуть, вялиться (о рыбе); становиться водянистым, разбухать от сырости' и т. д. (СРНГ 18, 196–197). Как будто отсутствуют формальные и семантические препятствия, мешающие признать, что словен. и с.-хорв. *madež*, обозначение пигментации у женщины в состоянии беременности, связано с глаголом *madíti и является производным от него. Что касается рус. *мадеж*, то трудности, связанные с корневым вокализмом *a* снимаются, если допустить возможность влияния со стороны *мать*. Именно под влиянием слова *мать* появляются варианты *ма́тежи* 'пятна на лице беременной женщины' и *ма́тинки* 'веснушки'. Представляется, что нет необходимости рассматривать рус. диал. *ма́теж* и *ма́тинки* в отрыве от *мадеж* и предполагать, хотя и в осторожной форме, существование самостоятельного этимологического гнезда для слов *mata, *matja, *matežь 'пятно' с двумя равновероятными исходными корнями — **ma-* 'подавать знак' и **mē-* 'мерить, отмечать'. См.: Меркулова В. А. Русские этимологии VI // Этимология 1981. М., 1983, 64–65. Корневой вокализм болг. диал. *мадеж*, возможно, отражает особенности той группы диалектов, где *z* > *a*. См. еще ЭССЯ 17, 119–120.

с.-хорв. *krmežalj* то же и 'пустой глазок на виноградной лозе' (РСА X, 612), хорв.-кайк. *krmeželj* то же (Skok II, 206; Bezlaj II, 196).

-oga. При участии суф. *-oga* образуются имена с абстрактным значением от основ существительных и глаголов (ср. **ostroga* < **ostrъ*, **trъvoga* < **trъvati*, **bъrloga*). По наблюдениям Славского этот суффикс получил некоторую продуктивность в русских диалектах и в части диалектов словенского языка (восточноштирийских). См. Sławski. Zaręys 1, 67.

Перечень образований с суф. *-oga* может быть дополнен праслав. диал. **matoga*: словен. *matoga* 'привидение', чеш. *mátoha* 'привидение, призрак; чудовище, страшилище', словац. *mátoha* 'страшилище; ночная бабочка', польск. *matoga* 'страшилище, пугало' (Machek⁷ 355; Bezlaj II, 172). Производящий глагол сохраняется в с.-хорв. диал. *mataci* (ribe) 'приманивать (рыб); манить, привлекать; просить, требовать' (RJA VI, 517: Stulli; Далмация, Дубровник), чеш. *mátati* 'пугаться привидений', польск. *matać* 'обманывать' (Фасмер II, 582; Vaillant IV, 497).

-oga/-ogъ. Ареал одного из архаичных образований с этим суффиксом **maroga/marogъ* охватывает небольшую часть лехитской и лужицкой территории, а на юге — область словенского языка: польск. *marąg* 'темная полоса, полосатое животное', возможно, н.-луж. *mórg* 'лоскуток, пятно' (Muka I, 930) и словен. *maróga* 'пятно, помета' (ср. *maroge* po obrazu; *maroge* v lesu), 'корова пестрой масти' с производными *marohal* 'грязный, пестрый' (Šašel, Ramovš 109), *marogaš'ca* 'белая овца с грязными пятнами на голове' (Pintar I, 121), *maróžiti* 'пачкать' и др. (Bezlaj II, 168). Этот лексический диалектизм праславянской древности вместе с родственными ему рус. *марать* 'пачкать', *марушка* 'пятно, пометка', укр. *мароватий* 'нечистый', чеш. *morovatý* 'пятнистый' и болг. диал. *мара* 'прозвище неопрятной женщины', *марушка* 'веснушка, пятно на лице беременной женщины'⁸ продолжает праслав. **mor-/*mar-* со значением цвета (Berneker II, 18; Vaillant IV, 499; Sławski. Zaręys 1, 67).⁸

Суф. *-oga/-ogъ* вычленяется в названии форели **pъstroгъ/*pъstroga* (< **pъstrъ* 'пестрый'), объединяющем словен. *pestrúga* = *pestróga*, с.-хорв. *pástruga* 'Acipenser stellatus' (Вук) и чеш., словац. *pstruh*, польск. *pstrąg*, в.-луж. *pstruh*, укр. *пструг*. Балканским языкам известно однокорневое название с суф. *-va*: болг. *пъстърва*, с.-хорв.

7 Рачева М. Към праславянското наследство в българската диалектна лексика: застъпници на праслав. **māgā* 'петно, мърсотия; тъмен цвят', **māgāti* 'цапам, черня' // БЕ XXXV, 4, 1985, 355–356.

8 Махек, опираясь на русские диалектные формы с корневым *мур-* (ср. *муругий* 'пятнистый, полосатый'), предполагал для всего названного этимологического гнезда исходную основу *шиг-* с преобразованием *шиг-* > *мор-* по диссимиляции (Machek⁷ 377), но в русских словах *у* в корне вторично, возможно, под влиянием *муравей* (Фасмер III, 14).

pāstrva (Вук), из славянских языков заимствованы рум. *păstrăv* и *păstrov*, алб. *pestrovë*, нов.-греч. *πεστροβα* (Фасмер III, 250; Machek⁹ 496; Skok II, 616–617; Sławski. Zarys 1, 67).

На южнославянской территории к продолжениям праслав. диал. **rǫdroga*, производного с суф. *-oga* от *rǫdr-* (ср. рус. *рѣдрый* 'рыжий' – Фасмер III, 459), относят словен. *andróga* 'рыба Scardinius erythrophthalmus, красноглазая, красноперая' (Mursko polje),⁹ *handróga*, *dróga* 'рыба squalius Agassizii' (pri Kamniku), *mandroga* и с.-хорв. *androga*, *jendroga*, *jandroga* 'Blicca bjoerkna'.¹⁰ В фонетически преобразованном виде это же название с суф. *-oga* продолжают ст.-чеш. *druka* (u Klareta), чеш. диал. *zruka* 'рыба Scardinius' (v Polabí), польск. *zręka*, *wzdręka*, *wzdręga* 'рыба красноперая' (Warsz. VII, 1132). См. Machek⁹ 719: s. v. *zruka*; Bezlaj I, 4.

-uga. Посредством суф. *-uga* образуются от основ существительных и прилагательных имена с оттенком увеличительности, пейоративности.¹¹ В основном это узкодиалектные образования позднего времени. Лишь немногие слова с этим суффиксом восходят к праславянской эпохе. И среди них слово **kaluga* (< **kaly* 'грязь, болото') / **kaluža*,¹² которое входит в словарный состав всех слав. языков, кроме одной группы – восточнославянской. На ю.-слав. территории ср. словен. *kalúža* 'лужа, грязь', с.-хорв. *kaluža* 'lutum, coepum' (RJA IV, 779: Mikaļa, Bjel., Bella, Jambr., Volt., Stulli, Vuk), чак. *kalūža* 'лужа, грязь' (Hr.–Šim. 396), диал. и стар. *калужа* 'раскисшая земля, грязь' (PCA IX, 137). См. ЭССЯ 9, 126–127; Sławski. Zarys 1, 68).

В список локально ограниченных производных с суф. *-uga* следует включить словен. *motoróg* = *motoróga*. Этими словами, обычно употребляемыми во множественном числе, обозначаются спица в мельничном колесе, вертушка в проходе для задержания скота; мотовило; ручная мельница, прялка в виде пересекающихся палок и т. д. В сходной функции в говорах сербохорватского языка выступает *matoroga* = *maturuga* (Стулли) 'палка', сукновальный термин (Босния) = *motoruga* (Вук, Срем) 'палка, которой закрепляются лопасти мельничного колеса' (RJA VI, 530: только в словаре Стулли; Skok II, 390), вообще 'толстая округлая палка из ясеня, используемая для технических нужд' (Maž. I, 686; iz Ogulina). В словаре Скока, где эти слова выделены в самостоятельную статью,

9 См. еще: Tuma H. Kulturni pomen imenoslovja rib // Etnolog VIII–IX, 1936, 47.

10 Bezlaj F. Nekaj problemov iz ribjih imen // JiS 6, 1959/60; сербохорватские слова не зафиксированы Загребским словарем, они приводятся по работе Безлая, где они даны со ссылкой: *Kišpatič*. Ribe 299.

11 Кочева Ем., Кочева Ив. Nomina augmentativa et pejorativa // Славянска филология, XII. Езикознание. София, 1973, 183–192.

12 Обзор этимологий см.: Bezlaj II, 12.

высказывается предположение о заимствовании, причем в качестве возможного источника называется лат. *mataris*, якобы расширенное на славянской почве суффиксом *-uga*, и слова из романско-далматинских языков: фриул. *matarusse bastone con sarocchia*, итал. *mattarello*. И версия Скока как будто бы поддерживается географией слова, распространенного преимущественно в зап.-юслав. диалектах, испытавших на себе сильное воздействие романского субстрата. Но при объяснении этого слова необходимо учитывать и те моменты, которые определяют словообразовательную структуру слова, внутриславянские отношения. А они как раз говорят в пользу исконного происхождения южнославянских диалектизмов. Миклопичу принадлежит сближение с.-хорв. *motoruga* и *motka* и выделение в его составе суффикса *-uga* (Mikl. VGr. II, 284). В словаре Безлая (Bezlej II, 197; s.v. *mot*) с.-хорв. *motoruga* (без словенского соответствия) рассматривается в более широком окружении родственных слов: словен. *mõt* 'деревянная палка', *motič*, *motevka* 'мутовка', болтушка, рус. *мотор* и т. д. Взаимоотношения этих слов достаточно определено указывают на производность ю.-слав. *motoruga* от основы *motorъ, хорошо представленной в севернославянских диалектах: рус. диал. *мотор* 'коромысло; деревянный крюк, жердь и т. д., на которые вешался котел при варке пищи на костре; кол, палка, используемые в рыболовных снарядах' (СРНГ 18, 301), блр. *мотор* 'веревка', чеш. *motorný* 'подвижный, проворный'. Имени *motorъ, производному при помощи суффикса *-orъ* от глагола *motati* (~ *mestí*), точно соответствуют лит. *mātaras* 'веретено', *matāras* 'кол, палка, рычаг, весло', лтш. *matara* 'прут, тонкая палка', *matars* 'кнут' (~ лит. *matóti*, *matarúoti* 'мотать, наматывать, колебать') (Фасмер II, 664; Machek² 373; Fraenkel 414). В южнославянских языках основа на *-orъ* реально засвидетельствована только в составе производных с суффиксом *-uga*. Сербохорватский вариант с корневым *a* — *matoroga* обязан итеративу *matati (~ *mestí*).

На почве словенского языка не получил развития функционально близкий тип имен с суф. *-ęga*. Этот суффикс характеризует единичные образования: ср. словен. диал. (Сухор) *málegi* мн. 'крошки, малютки' (Štrekelj. Slov., 24) с соответствием в укр. лемк. *маляг'а* 'медлительный человек'.¹³ Но в диалектах болгарского и сербохорватского языков, в языках восточнославянской группы и частично в польском языке этот суффикс стал активным средством образования экспрессивных имен.¹⁴

В системе глагольного словообразования известны случаи, когда заднебный формант выступает в качестве расширителя глагольной

13 *Верхратский I.* Про говор галицких лемків. Львів, 1902, 433.

14 См.: *Вендина Т. И.* Суффиксы с *г*-основой (из русского диалектного словообразования) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1978. М., 1980, 236–265; 1979. М., 1981, 247–272.

основы. Вторичный задненебный элемент экспрессивного характера развивается в образованиях, связанных со слав. **kuliti/*kul'ati*, а именно словен. *kūljhati* 'подрезать, стричь волосы', чеш. *kulhavý* 'хромой', польск. стар. и диал. *kulgać, kulhać* 'хромать' (ЭССЯ 13, 99; Bezlaj II, 109).

Праслав. диал. **bl'uzgati*, производное от основы наст. вр. глагола **bl'ujǫ, *bl'vati* с помощью экспрессивного суф. *-zg-*, в словен. *bljūzgati* 'бродить по грязи, плескаться', с.-хорв. *bljūzgati* 'effundi cum strepitu, выливаться с шумом; болтать пустяки' (RJA II, 460: Хрв. Приморье, Лика), чак. *bljūzgat* (Црес) 'лить, хлестать; болтать', *bljūzgati* 'болтать' (Maštrović 426), а также польск. *bluzgać* 'бить струей, хлестать, брызгать', рус. диал. *блюзгать* 'пустомелить, пусто-словить' (ЭССЯ 2, 139). Точные соответствия образуют лит. *bliauzgōti* 'болтать', *bliaūzyti* 'молоть вздор', лтш. *blaužgēt* 'болтать' ~ лит. *bliaūti, bliaūju*, лтш. *blāūt, blāūju* (Bezlaj I, 28; Sł. prasł. 1, 280; Skok I, 176).

Образования с формантами *-g-*, *-ž-* имеют следующие ареальные характеристики. 1. Слав. **kaluga, *bl'uzgati, *kul'gati, *pъstroga/*pъstroǫgъ* объединяют зап.-юслав. диалекты и севернославянские языки. 2. Восточнославянские соответствия имеют словен., с.-хорв. *madež, словен. málegi*; 3. Изоглоссы, общие для зап.-юслав. диалектов и западнославянских языков, образуют слав. **matoga, *rъdroga*; 4. Связи с лехитским и лужицким ареалом характеризуют словен. *marōga*. 5. Слав. диал. **kъrgati* объединяет словенский с одним из западнославянских языков — чешским. 6. Преимущественно зап.-юслав. ареалом ограничено распространение словен. *srāga, pīrg(ast), motorōga, krměž-elj*, для последнего прослеживаются связи в церковнославянском языке. 7. Балтийские соответствия отмечены для слав. **bl'uzgati* (~ лит. *bliauzgōti* 'болтать').

Производные с формантами *-x-*, *-š-*

Ограничены продуктивные возможности суффиксов с формантами *-x-*, *-š-*. Некоторые из образований с этими суффиксами относятся к той части южнославянского словаря, которая отличительно характеризует зап.-юслав. диалекты.

-хъ. По типу слав. **směxъ: *smьjati se, *sluxъ: *slyšati, *duxъ: *duti, duǫ* и т. п. (см. Sławski. Zarys 1, 70) образовано экспрессивно окрашенное зап.-юслав. **zěxъ, *zěxati* (: **zijati*): словен. *zēh, zēhati*, 'зевать' и с.-хорв. *zjeh* 'зевание', *zjehati* (XVI в., RJA XXII, 862: Stulli, Ivek. Daničić: рукопись из Дубровника). См. Vaillant IV, 664.

-аха. Редкий суффикс *-аха* (ср. слав. **rōbaha* — Sławski. Zarys 1, 72) участвует в образовании праслав. диал. **čerpaха* (< **čerpa/*čerpъ*) с продолжениями в словен. *črēpaha, črepāha* 'черепаха Testudo' и рус. *черепаха* (ЭССЯ 4, 70–71; Sł. prasł. 2, 158).

-ехъ. Единичны производные с этим суффиксом в славянских диалектах: ср. сев.-слав. *lēmexъ, вост.-слав. *lērēxъ, назв. растения (Sławski. Zaręys 1, 72). Одно из названий домашней птицы — петуха *pētēxъ (: *pētī) характеризует западные говоры словенского языка (ср. *pētēh*, Нотраньско), северночакавскую территорию, говоры Истрии, включая штокавские, Хорватское Приморье: ср. *petēh*, *pētēh* и т. д. (Zajceva 87). Два других суффиксальных варианта *pētuxъ и *pētъль территориально распределяются таким образом, что форма *pētuxъ* охватывает вост.-слав. языки, а образование на -ъль наиболее характерно для штокавских и болгарских диалектов: ср. с.-хорв. диал. *pijētao* (Вук), *pētāo* (Косово), *pītāl* (Славония), *pijeteo* (RJA IX, 841; Bella, Stulli, Miķaļa) и т. д. В части словенских диалектов находим тип, близкий к восточнославянскому — *pētēl* = *pētēlin* (Попович 55–56; Vaillant IV, 556).

-ъха/-ъхъ, -ихъ, -уха/-ухъ. В зап.-юслав. диалектах основа *ругъ 'огонь' расширяется суффиксами с опорным элементом -х в разной огласовке: ср. словен. *pīrh* 'пасхальное яйцо, писанка; бык светлой, гнедой масти', *pīrha* 'пестрая корова', *pīrih* 'писанка', *pīruh*, обычно *pīrh* 'писанка; кличка животного' (Bajec 97), с.-хорв. *piruh* (RJA IX, 854: только в Истрии), *pīrih* (Истрия, Водице, Бузет и др.) 'крашеное яйцо, писанка; вол пестрой масти', *piriha* = *pīriha* 'пестрая корова' (Skok II, 661; Vaillant IV, 661, 664).

-ъха/-ъша. Отношением суффиксальной вариантности связаны с общеслав. **čermuxa/čermuxъ* диалектно ограниченные **čermъ-xa/*čermъša* (~ лит. *kermūšė* 'дикий чеснок'): словен. *črēmha* 'черемуха *Prunus padus*', *črēmса*, *črēnsа*, *črēns*, *črēnsа*, *srēmса*, *srāmса*, *črēmса* (Bezljaj I, 87), с.-хорв. *cremža*, *crimža* и ст.-чеш. *třēmcha*, словац. *čremcha*, рус. *черемша* (ЭССЯ 4, 66; Sławski. Zaręys 1, 75).

-ушь. Этот суффикс характеризует словен. прекмур. *koruš* (: *kora*) 'мера сыпучих тел' и ст.-польск., словин. *koruszek* то же (Sławski II, 506).

К новообразованиям словенского языка относятся *mečúš* м. р. 'яйцо без твердой скорлупы' (< *meča* 'мякоть'), *belúš*, назв. растения (< *bel* 'белый') и т. д. (Vaillant IV, 675).

Зап.-юслав. диалектизмы с формантами -х-, -š- характеризуют следующие ареальные связи. 1. В общей изоглоссе с сев.-слав. языками участвует словен. *črēmha*. 2. Общую изоглоссу с вост.-слав. языками имеет словен. *črēpaħa*. 3. С диалектами лехитской группы связано словен. *koruš*. 4. Преимущественно зап.-юслав. ареалом ограничено словен. *zēh* ~ с.-хорв. *zjeh*, словен. *pīrh*, с.-хорв. *piruh*, словен., с.-хорв. *peteh*.

Производные с формантом *-j-*

В словенском языке неограниченную продуктивность получают образования с суф. *-(j)ajъ* и *-ъje* (Вајес 19; Orzechowska гл. I, II, V). В зап.-юслав. диалектах суф. *-ъje* служит формальным средством выражения категории собирательности.¹

-ja, -jъ. Имена на *-ja, -jъ* отглагольного и отыменного происхождения составляют многочисленную группу славянских образований.² Они выступают как *nomina agentis, nomina actionis, nomina instrumenti*. Основная часть этих образований складывается в эпоху позднепраславянского или раннедиалектного развития славянских языков. Из образований, характерных для зап.-юслав. ареала, отметим следующие:

словен. *báža* 'террасный виноградник', определяемое как образование, производное от глагола **bъgati*, родственное приставочным **obъga, *obъža* (Bezljaj. Eseji 140; ЭССЯ 3, 146);

словен. *brôja* 'смесь, грязь, нечистоты', *zbrôja* то же (< *broditi*) при параллельной форме без суф. *-ja*: *zbrôda, zbrôdi* мн. 'остатки корма' (Bezljaj I, 47);

словен. *črča* 'сенокос на раскорчеванном месте' < **čъrtja* < **čersti, čъrtъ* (Bezljaj I, 89; Sł. prasł. 2, 257; ЭССЯ 4, 163);

словен. *grúže* мн. 'парша, чесотка', образованное при помощи йотового суффикса от основы, которую сохраняют ст.-польск., польск. *gruz* 'щебень, битый кирпич'; родственно лит. *gráužas* 'гравий, крупный песок', лтш. *gruži* мн. 'щебень' (ЭССЯ 7, 158; Bezljaj I, 184);

словен. *hlišč* м. р. 'сильный ветер; ливень; летучий песок; речной песок', диал. *hlišč* 'ливень' (Magdič – LjZv XII, 634) < *hlistati* 'хлестать';³

словен. *kláč* м. р. 'палка с колесиком в маслобойке', диал. *kláč* (Rigler 154; Bezljaj II, 35), *kláč* 'пестик' (Plet.), с.-хорв. *kláč* (Истрия) 'тот, кто колотит' = *kláč* (Водице) 'палка для сбивания плодов; бродяга' (Skok II, 92), *kláč* м. р. 'резак (рабочий, специалист по убою скота)' (Толстой² 328) < **koltja* (: **koltiti*);

словен. *klája* 'корм для скота', с.-хорв. стар., редк. *klade* 'согласие, соединение' (RJA V, 27–28: Stulli), а также н.-луж. *klaza*

1 См.: Frančič V. Budowa słowotwórcza serbskochorwackich kolektywów. Kraków, 1961, 64 и след.

2 Об именах на *-(ja)* в древнерусском языке см.: Андрианова И. В. Имена с основами на *-(ja)* в языке древнерусских памятников XI–XIV вв. // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. М., 1975, 208–216.

3 В ЭССЯ (8, 35–36) и словаре Безлая (Bezljaj I, 197) словен. *hlišč* соотносится с глаголом **hl'ustati* и соответственно объединяется со словацк. диал. *xl'ušč*, рус. *хлюща* 'что-нибудь мокрое', укр. *хлющ, хлюща* 'струя дождя'.

‘клажа, груз, нагруженное’, др.-рус. *клажа* ‘груз, товар, поклажа’ и т. д. < *kladja (: *klasti) (ЭССЯ 9, 178; Bezlaј П, 36);

словен. *klěšč* м. р. ‘клещ *Ixodus ricinus*’, диал. *kliěšč* (Бодуэн де Куртэнз. Терские славяне), с.-хорв. стар. *klěшт*, *клијешт* м. р. ‘клещ’ (РСА IX, 584), а также чеш. *klíšť* м. р. с тем же значением, польск. *kleszcz*, рус. *клещ* и т. п. *klěstjь (: *klěstiti) (Sławski П, 212);

словен. *kráča* ‘ляжка, свиной окорок (копченый)’, *krazha* ‘petaso, der Ham’ (18 в. Pohlin) (Bezlaј П, 78), с.-хорв. *krāča* ‘передний окорок’ (RJA V, 428: Хорватия, Жумберак), *kráč* м. р. ‘костыль, ходули’, увелич. *krāčina* (Лика) ‘нога’ (Skok П, 177), хорв.-серб. *kráč* ‘деревянная нога’ (Rječnik hrv.-srp. jezika П, 715) < *korča: *korčь/*korcka или *korčiti (ЭССЯ 11, 56);

словен. *kúča* ‘пучок, вихор; кисть; сноп’, как и чеш. *kuče* ‘кусок, штука’, польск. стар. и диал. *kucza* ‘куча, грудка’, рус. *куча* ‘что-либо сваленное горкой, кучей’ < *kuka/*kukь (ЭССЯ 13, 79);

словен. *krōž* м. р. ‘колесо’ и ст.-чеш. *kruž*, польск. стар. *krąż* ‘круг’, рус. диал. *круж* м. р. ‘головокружение’ < *krōgь (ЭССЯ 13, 39);

словен. *pāž* м. р. ‘стена, сделанная из планок или досок; дощатая стена, особенно на фронтоне дома’, *pāža* ‘влажный ком земли, которым что-либо забивают, затыкают; кусок дерна’ и чеш., словац. *paže*, в.-луж., н.-луж. *paža* < *pažь, ср. словен. *pāz* ‘зазор, стык, паз’, рус. *паз* и т. д.;

словен. *povij* = *povj* : še v *poviju* biti ‘быть еще маленьким ребенком’, с.-хорв. *pòvije* мн. ‘место, где сходятся брови’, ср. у Вука у *повије* међу очи двије, топ. и ороним *Pòvija* < *po-viti;⁴

словен. *střž* ‘земля, смешанная с щепками, стружками’ (< *střgati* ‘строгать’) и словин. *stárže* ‘крученые гвозди’ (Sychta V, 156) при болг. родоп. *стрѣга* ‘струнья на губах теленка’ (Стойчев Т. — БД П, 274);

словен. *sviž* ‘наносный песок, сыпучий песок’ и с.-хорв. *sviž* ‘вид песка; мелкий песок в потоке, (ручье)’ (RJA XVII, 327: Загорье и Пригорье), производимые от глагола *svigati, ср. словен. *svigati* ‘быстро двигаться, мелкать’, рус. диал. *свигать* ‘гулять, шататься, слоняться’, блр. диал. *свьігаць* ‘сверкать’, родственные лит. *svaigti* ‘гонять, ездить туда-сюда, кружиться’, *sviegti* ‘поворачивать, кидать, бить’ < и.-е. **svēi-g-* ‘сгибать, гнуться, вертеть’ и т. д. (Pokorny I, 1041–1042).⁵

4 Менее вероятно принятое в словаре Скока объяснение *pòvije* из *po-* = *pa-* + *vjeđe* > *vije* (Skok III, 17).

5 Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике V // Общеславянский лингвистический атлас. 1974. М., 1976, 125–129. С этим глаголом этимологически связывается слав. *svěžь (ср. рус. *свежий*).

От основы глагола **pъxnŋti* (ср. словен. *pŕhniti* 'гнить' с переразложением основы *pŕhněti* и с.-хорв. *pŕhnuti* = *(s)prniti* с тем же значением) при помощи суф. *-ja* образовано имя **pъr(x)n'a*: словен. *pŕnja* 'лоскут, тряпка', тождественное, видимо, *bŕnja* 'тряпка, плохая, изношенная одежда' (Bezljaj I, 47), с.-хорв. редк. *pŕnja* 'тряпка, лоскут' (Вук: Славония, р-н Рибеки), 'кусок', *pŕne* 'пеленки, лоскутья' (u Šapinovcu) (RJA XII, 236; Skok III, 47: Лика, Жумбрак и др.).

Как производное с йотовым суффиксом от глагола **klo(p)nŋti* с характерным для этого типа глаголов переразложением основы понимается нами праслав. диал. **klo(p)n'a*, восстанавливаемое на основании словен. *klŋnja* 'ловушка, капкан; голубятня', с.-хорв. *klŋna* 'устройство из тыквы в виде капкана для ловли птиц' (RJA V, 88: Vuk), чак. (Брач) *kjŋnka* 'скоба, дверная защелка' (Hr.—Šim. 419), словац. диал. *kloŋa* 'Stulpe, Glocke, Sturz', польск. диал. *klonia* 'рыболовная сеть', словин. *kloŋa* (ЭССЯ 10, 68). Известны и другие истолкования этих слов. Славский исходит из праслав. **klopnja* (ср. гот. *hlamma* 'ловушка, силос') и предполагает вторичное влияние **kloniti* (Sławski II, 262–263). У Бернекера и в ЭССЯ восстанавливается праслав. **klon'a* как производное от глагола **kloniti* (Berneker I, 522–523). И хотя эти попытки осмысления структуры рассматриваемых слов не лишены оснований, нам все же представляется более вероятным и обоснованным восходящее к Миклошичу (Mikl. 118) и принимаемое в ряде работ (ср. RJA V, 88; Skok II, 96; Bezljaj II, 46) объяснение слав. **klon'a* в рамках этимологического гнезда с корнем **klep-*: **klepati*, **klepnŋti*, **klopiti*, **klatpati* (ср. с.-хорв. *klŋpiti* 'стукнуть, ударить', стар. *klŋpiti* 'закрывать, захлопывать', чеш. *klopiti* 'опрокидывать, захлопывать'; рус. диал. *клепать* 'скреплять металлические части с помощью заклепок' — ЭССЯ 10, 7–9, 69). В приставочных и производных образованиях от этих глаголов закрепился переход от значения 'падать, хлопать' > 'захлопываться, запирать, закрывать': ср. словен. *sklŋniti*, *zaklŋniti* 'скрепить, запереть', с.-хорв. *sklenuti* 'запереть на ключ' и т. д. (см. Варбот 1984, 152). В ЭССЯ, который исходит из формы **klon'a* (~ **kloniti*), отмечается, что реконструкция **klo(p)n'a* может мотивироваться одним из значений, характеризующим, в частности, словацк. *kloŋa* 'Stulpe, Glocke, Sturz, падающая, опрокидывающаяся крышка'. К этому следует добавить, что в славянских языках довольно широко представлены названия ловушек, капканов с корнем **klep-* и его вариантами **klop-* и **klatp-*: ср. словац. *klepec* 'ловушка, западня', болг. *клопка* то же, с.-хорв. *klŋпка* то же, с.-хорв. стар. *klŋпка* то же (ЭССЯ 10, 11–12; 9, 186). В этом ряду слав. **klo(p)n'a* предстает как одно из образований в функции *pomen instrumenti*. Вполне логично и закономерно, что производное от глагольной основы **klopnŋti* 'захлопнуть, закрыть' становится

обозначением того, что захлопывается, закрывается, т. е. ловушки, капкана.⁶

-*ěja*. В широкий ареал слав. *ěstěja, образованного при помощи суф. -*ěja* от глагола *ěsti (наст. вр. *ědmь),⁷ входит область словенского языка: ср. словен. *istěje* мн. 'устье печи', *istje* ср. р., *ostěja*, *ostěje* мн., *vestěje* то же (Bezljaj I, 213), а также ст.-чеш. *niestějě* ж. р., *nistěj* 'открытый очаг; отверстие; устье печи; печь; горн', словац. *nistej* ж. р. 'под доменной печи', в.-луж. *něśc* ж. р. 'очаг, печь', н.-луж. *jęśca* и т. д. (ЭССЯ 6, 53).

Тот же суф. -*ěja* вычленяется в составе словен. топ. *Kneja*, засвидетельствованного в средневековье в Штирии (1428 и 1433 *Kney*, *am Kney*, 1448 *am Knege* — Bezljaj II, 48), с.-хорв. *Kneja*, являющегося названием лесов, болот, рек, потоков,⁸ стар. кайк. *kneja* (р-н Карловца 1228/1359: *vadit ad unam silvam, que Megna-knea* (-менѣ *kneja*) *nominatur ...*),⁹ а также польск. *knieja* 'дикий густой лес' (с XIV в.), чеш. топ. *Knije*, рус. диал. *кнея* 'роща, лес'. Корневая морфема **kъп-* в польск. *kien* 'обрубок дерева', чеш. арх. *knívý* 'одеревенелый', с.-хорв. *knast*, *kňast*, словен. *knjast* и т. д. (Vaillant IV, 530).

При характеристике ареальных связей приведенных имен с названными суффиксами нельзя не отметить, 1. что основная часть этих образований не выходит за пределы зап.-юслав. ареала: ср. словен. *báža*, *brôja*, *črča*, *grúže*, *hlišč*, *kráča*, *povij*, *sviž*, *přnja*. 2. Изоглоссы с сев.-слав. языками характеризуют словен. *klája*, *klěšč*, *kúča*, *istěje/ostěja*, *Kneja*. 3. Через территорию зап.-юслав. языков проходит изоглосса словен. *páž*, *klônja*. Связи с лехитскими языками характеризуют словен. *střž*, *krôž*. 4. Словен. *klač* имеет соответствие в вост.-слав. языках. 5. Связи с балтийскими языками характеризуют словен. *grúže* (~ лит. *gráuzas* 'гравий').

6 О соотносительности рассматриваемых названий капкана, ловушки с глаголами *klepati, *klopiti см.: Moszyński K. O sposobach badania kultury materialnej Praslavian, Wrocław, 1962, 174. Представляется, что нет необходимости предполагать для названий капкана особое *klep-*, отличное от звукоподражательного *klepati (Machek² 259). Во всех случаях можно говорить о семантическом и этимологическом единстве всех продолжений слав. **klep-*.

7 Славский исходит из другой формы: *ěstěja : *ьstěja, **ěsto-* : **ьsto-* < и.-е. **aidh-* : **idh-* 'гореть'. См. Sławski. Zarys 1, 87.

8 Bezljaj F. Stratigrafija Slovanov v luči onomastike // JФ XXIII, 1958, 93–94; *Idem*. Contributions lexicographiques. 3. Tchèque dialectal *otěn* 'cloture' // SR VIII, 3–4, 1955, 57.

9 Hadrovics L. Südslawische Beiträge zum russischen Etymologikon // ZfSl, Bd. VII, 5, 1962, 653.

Производные с формантами *-k-*, *-c-*, *-č-*

Формально и функционально многообразна суффиксация с формантами *k* и *c*, *č* в славянских языках (Бошкович; Sławski. *Zagys* 1, 89–103). Большой круг вопросов связан с изучением развития и функционирования этой категории образований. Не касаясь ни одного из вопросов даже в самом общем плане, но опираясь на известный опыт изучения этих образований,¹ мы видим свою задачу в том, чтобы выявить в этой части словаря, значительной по объему, некоторые лексико-словообразовательные единицы, отражающие диалектную дифференциацию ю.-слав. языков. Образования с общим суффиксальным исходом объединяются по формальному принципу без учета функциональных различий.

На правах расширителя выступает *k* в составе зап.-юслав. производного с суф. *-ja* *gruča, родственного слав. *gruda (Bezlej I, 183; ЭССЯ 7, 158, 146): словен. *grúča* 'груда, глыба' с производными *grúčast*, *grúčav* 'состоящий из глыб, куч; грубый, неровный', *grúčiti* 'складывать в кучи', с.-хорв. *gručast* 'толстый (о человеке)' (RJA III, 477).

-(j)akъ. К числу отглагольных имен с суф. *-(j)akъ* с характерным для них агентивным и инструментальным значениями (ср. болг. *прѡсяк* ~ с.-хорв. *prōsjak* < *prositi, болг. *ходяк* и т. д. — Sławski. *Zagys* 1, 90) принадлежит и производное от глагола *zijati, засвидетельствованное в части ю.-слав. диалектов: словен. *ziják* 'разиня, ротозей', *zijake prodajati* 'глазеть', хорв.-кайк. *zijaki* мн., *zijaki prodavati* то же (Herman 98), с.-хорв. диал. *zijak* 'глотка, зев; зевака, разиня' (RJA XXII, 860: Šulek, Jambr.; Славония).

-okъ. Имена с суф. *-okъ* слабо засвидетельствованы в славянских языках. Наиболее определенно агентивное значение выражено у слав. *szvédokъ (ср. словен. *svédok*, болг. *свѣдѡкъ* 'свидетель' у Герова), *szvedokъ (ср. болг. *сведокъ* 'сват' у Герова), *vědokъ (цслав. *вѣдокъ*), рус. *едок*, *ездок* и т. д. (Sławski. *Zagys* 1, 92). В этот ряд образований входит зап.-юслав. *snubokъ/*snobokъ (< *snubiti/*snobiti): словен. *snúbok* = *snóbok* 'сват', с.-хорв. *snúbok* (RJA XV, 863: Bjel.; Хорватия, Славония),² рус.-цслав. *сноубокъ* 'сводник' (Фасмер III, 701).

1 Исследование в функционально-семантическом плане производных с формантами *-k-* и *-c-* в современных славянских языках дано в книге Т. И. Вендиной Дифференциация славянских языков по данным словообразования. М., 1990. О формантах *-k-* и *-c-* как средствах образования экспрессивных имен см.: *Warczoł St. Geneza i rozwój słowiańskich formacji ekspresywnych z sufiksalnym -k- i -c-. W-ów etc.* 1984.

2 Sławski F. Słowotwórstwo bułgarskie na tle prasłowiańskim // *Z polskich studiów slawistycznych* 1963, 86.

К характерным особенностям зап.-юслав. лексики может быть отнесено одно из названий окна (ср. *окъло, *прозоръ) — **ob(v)ьлокъ*, производное на *-*окъ* от прилаг. **ob(v)ьль* (ср. рус. *облый* 'округлый', болг. *объл*, с.-хорв. *obaо*, словен. *obel*), связанного чередованием корневых гласных со слав. *valъ, *valiti и родственного лит. *arvalūs* 'круглый' (Mikl. 219; Фасмер III, 103): словен. *oblok* 'окно' (Прекмурье), *oblok* (Bezlej II, 234: Gutschmann), *obelok* (Šašelj 328), с.-хорв. *oblok*, первично 'овальное окно' (RJA VIII, 403: Bella, Bjel., Stulli, Vrančić, Volt., Mikaļa; с XVI в. примеры из разных областей, кроме Сербии и Дубровника), хорв.-кайк. и чак. *oblok* (Vrančićev rječnik 26; Nerman 87; Hrv. kajk. pisci II, 125, 131: Habelić, Jurjević; Hadrovics 472), *blok*, *ublok* (Neweklowsky 318, 341). Соответствия лишь в исторически сопредельных диалектах: ср.-слвц. *oblok* 'окно; отверстие в крыше, через которое поднимают сено' (Orlovský 207; Matejčík. Novohrad. 123). Первоначальную семантику сохраняет венгерский славизм *ablak* 'округлое отверстие для дыма' (Skok II, 538). Слав. **ob(v)ьлокъ* — одна из важнейших изоглосс, объединяющая среднесловацкий диалект с зап.-юслав. языками (Habovštiak 76).

-*ькъ*/*-ькъ*, *-ька*. В зап.-юслав. диалектах присутствует производное с суф. *-ька* от основы *lōtz, слабо засвидетельствованной в ю.-слав. ареале (ср. рус. *лут* 'лыко, кора липы'): ср. словен. диал. *lōtka* 'раст. Asphodelus', с.-хорв. *lūtka* 'кукла' = *lūtak* то же (RJA VI, 229: Bella, Stulli, Bjel., Vuk) при польск. *łotka* 'кукла', диал. *łatki* мн. 'ветки вербы', ст.-чеш. (XIII в.) *lūtka* 'кукла', словац. диал. *lūtka* то же, рус. *лутка* 'притолока', укр. *лутка* 'оконный косяк' и т. д. (Фасмер II, 536; Sławski V, 88).

При общеслав. *ьктjу, род. п. *ьктjьве (ср. словен. *pāčve*, с.-хорв. *pačve* 'квашня', ст.-слав. *ншштвы* и т. д. — Фасмер III, 86; Bezlej II, 218) существует диалектно ограниченная форма на *-ька*: словен. *pāčke* мн., *pečkē*, *mečkē* мн. 'квашня, лоток, корыто', *meštje* = *pečke* (Slovenski etnograf XI, 11), *pāčqe* 'квашня' (Karničar 195), словац. диал. *pācek* пейор. 'брюхо' (Gregor 101), чеш. *pecky*, в.-луж. *ptjesky* 'корыто', н.-луж. *ptjacki*, польск. *piecka*, *piecki* 'деревянное корыто', полаб. *pascoi* (Machek² 393). Появление этой формы связано, видимо, с переразложением основы, осмыслением исхода основы как суффиксального элемента.

В составе зап.-юслав. диалектизмов с названными суффиксами преобладают отглагольные образования. Отметим наиболее выразительные элементы ареальной лексики.

Праслав. *хьгьцькъ (< *хьгькати/**хьгьcati*) продолжается в словен. *hřček* 'свиное рыло'; еловая шишка; кукурузный початок; хомяк', *skřček* 'хомяк', с.-хорв. *hrčak* 'хомяк *Cricetus frumentarius* Pall.', *Rčak*, прозвище (RJA III, 691: Vuk), словац. *chrček* 'хомяк *Mus cricetus*' (ЭССЯ 8, 146; Sławski. Zarys 1, 93).

Словен. *trček* 'коряга, куст', *trček* 'сучковатое дерево', хорв.-кайк. *trčъk* 'ствол дерева' (Fapcev 389) связаны отношением производности

с глаголом *tyrčati (ср. словен. *trčati* 'торчать'). Имя, соотносительное с тем же глаголом, но в другом суффиксальном оформлении в с.-хорв. *trčújak* только в загадке 'висюлька, кисточка' (RJA XVIII, 576: Vuk, Ivek.; Skok III, 495), словац. *trčník* 'маленькое зеленое растение из семейства ятрышниковых', *trčul'a* 'зеленое растение Herminium' (SSJ IV, 565). В чешском соответствующее имя содержит архаичный префикс *ko-*: *kořč* 'рассоха; руль или весло; клок (травы); гроздь; куст, невыросшее дерево' и т. д. (Machek³ 283).³

В словенском признаки архаичного образования обнаруживают соотносительные с глаголом *pléti*, *plévem* 'полоть' (< *pelti, *pelvo*) имена *pèlek* 'плодовая косточка, виноградная кожура', *pelka* = *pèlek*, *pèljka* 'косточка яблока, груши, винограда'. В русских диалектах находим соответствующие образования, унаследованные из ранне-праславянского, — *пела* (новг.), *пелы* мн. (перм., пск.) 'плевела, пушина, мякина, шелуха, лузга', *пэльки* мн. (тамб., ворон.) 'виски, кудри, волосы, космы, патлы, пакли' (Даль³ III, 66, 68). К более позднему слою лексики следует отнести словен. *pléka*, *plíka* 'плодовая, виноградная косточка', произведенные непосредственно от основы глагола *pléti*.

На базе глагола *súkati* 'крутить, скручивать нить; шататься, слоняться', принадлежащего к разряду текстильной терминологии, сложилось словен. *sūček* 'пряжа; водоворот'. В сербохорватском с тем же глаголом связаны бессуффиксальное имя *suč* 'намотанная катушка' (Самбор, в Хорватии) и образование на *-ькь* *Sučak*, название реки в Черногории (RJA XVI, 873). См. Bezlaž. Slov. v. imena II, 234.

Слав. *domoltъкъ/*domoltъky, название действия с суф. *-ькь* по производящему глаголу *domoltiti (Mikl. VGr. II, 256), охватывает словен. *domlātki*, *dōmlatki* мн. 'праздник конца молотбы', стар. диал. *dōmlatki* то же (Jarnik, 182; LjZv XI, 299), чеш. диал. *dōmlatek* то же, *domlatek* 'последний обмолок', словац. диал. *domlatek*, рус. диал. *домолотки* 'последний обмолок' и т. д. (ЭССЯ 5, 69–70; Sł. prasł. 4, 91).

Общим для зап.-юслав. диалектов является название пахты, того, что остается после переработки молока, *sътепъky (< *-tepe-*, *teti* — Vaillant IV, 229): словен. *stēpka* = *stēpki* мн., с.-хорв., хорв.-кайк. и чак. *stēpki* (Fancev 387), *stēpci* мн. (RJA XVI, 531: Vitezović, Bjel.; Хрв. Загорье и Пригорье, Славония), *stepak* (Hadrovics 481).

К специфически зап.-юслав. лексемам следует отнести название обуви *об-рыпъкъ/*об-рыпъка, соотносительное с глаголом **pȇti*, *рыпо*: словен. *opāpek*, *opānka* 'вид женской обуви; обувь со шнуровкой; деревянная обувь', с.-хорв. хорв.-кайк. и чак. *opapak* 'вид обуви',

3 В словаре Махека дается малоубедительное объяснение чеш. *kořč* из *kostrč* (*kostratý*) и далее сближение с *kořc*, *kořlec* (Machek³ 283).

оранак то же (RJA IX, 21: Mikaļa, Bella, Volt., Jambr., Stulli, Bjel.: далм. слово), *оранак* 'вид обуви из телячьей кожи',⁴ *орапјке* то же (Strohal — Rad 196, 68), *орапак*, мн. *орапки* то же (Fancev 3), *орапак*, *орапак* = *орапак* (HDZ II, 279), *орапак* 'резиновая обувь' (Rasprave 1968, 32), *орапки* 'вид обуви' (Белич 8). Из сербохорватского заимствованы словацк. *орапок* и чеш. диал. *орапек*, *оранку*. В восточной части ю.-слав. языков в той же функции известен в том же суффиксальном оформлении вариант с продлением корневого гласного: макед. *опинок*, болг. *опинец*, *опинѣк*, *опинок* 'вид обуви', ср. укр. *опинка*. Слав. заимствованием являются алб. *оринкѣ*, *орингѣ*, рум. *оринсă* (Bezljaj II, 249; Skok II, 651).

Собственно словенским новообразованием можно признать словен. *трѣнек* 'миг, мгновение; веревочный узел', производное от глагола *трѣпнiti* 'пульсировать' (~ *трѣпати* 'моргать, мерцать, трепетать') с переразложением основы, в результате которого суффиксальное *п* отошло к корню.

-ѣкъ(ѣ). Прилаг. *ѣлъкъ(ѣ) с суф. -ѣкъ восстанавливается для словен. диал. *илка* бот. 'Angelica silvestris, Aconitum napellus' (Na Otlici in na Mrzli Rupī), *илка* то же (Крас) и родственных сев.-слав. слов: польск. диал. *jełki*, *ilki* 'прогорклый (о жире, масле)', рус. диал. *ѣлкий* 'имеющий горьковатый, терпкий вкус, прогорклый', блр. *ѣлки* 'горький от порчи' и т. д. (ЭССЯ 6, 22).⁵ Этимологические истоки корневой морфемы *el- остаются невыясненными. При объяснении исходят из и.-е. корня *el-, *ol- 'гнить, плесневеть' или

4 *Суботић Ј.* Микротопонимија Доњих и Горњих Кривошија (Бока Которска) // Прилози 9. Нови Сад, 1973, 158.

5 Остается не совсем ясным, в каком отношении со слав. *ѣлъкъ(ѣ) находится словен. *јѣрек* = *ѣрек* 'жесткий, суровый', *ѣрек*, *ѣрек* 'острый, горький на вкус; прогорклый' (ср. *ѣрко maslo*), 'злой, неприветливый', *кому ѣрке правiti* 'говорить кому-нибудь горькую правду', *ѣрко gledati koga* 'смотреть враждебно', *ѣрко* = *bridko* 'остро, резко'. Ф. Безлај по-разному решает этот вопрос: в одном случае (Bezljaj. Eseji 113) названные словенские имена выводятся из *jełкъ/*jълъкъ (ср. также в ЭССЯ 6, 22), а фонетические расхождения объясняются влиянием семантически близких слов типа *јѣдек*, *ѣдлѣ*, сближением по народной этимологии со словен. *ѣар*, а в другом (Bezljaj I, 27) этимологически разграничиваются словен. *илка* и *јѣрек*, *ѣрек*, последние сопоставляются с в.-луж. *јѣру*, н.-луж. *јару*, *јѣру* с предполагаемым для них первоначальным значением 'горький' (Machek² 227) и исходной формой *jarъ(ѣ). Трудности фонетического порядка препятствуют включению основ с корневым -r- в гнездо слов со слав. *ѣлъкъ(ѣ). Больше оснований для объединения прилаг. *ѣрек*, *ѣрек* с глаголом *ѣарѣти* = *ѣерѣти* 'жечь, иметь острый, горький вкус'. Взаимосвязь значений 'гореть, жечь' и 'горький' подтверждается, в частности, словен. *грѣнек*, *грив* 'горький, терпкий', соотносительным с глаголом *грѣти* (Bezljaj I, 175). От продолжений слав. *ѣлъкъ(ѣ) следует отграничить и словен. *зѣhek*, *ѣдлhek* в значении 'горький', которые, по всей видимости, родственны слав. *zълъ. См. *zълъкъ(ѣ).

допущения родства со слав. *jaľ (ср. словен. *jál* 'зависть') или *edľ и т. д. (обзор этимологий см.: Sławski I, 559). Наиболее вероятно принимаемое в ЭССЯ (6, 22) сближение с древним названием пива *olъ (ср. болг. *оловина* 'хлебный напиток, обычно пшеничный', с.-хорв. *оловина* 'напиток' и т. д.).

Территориально преимущественно зап.-юслав. диалектами ограничено прилаг. **zylъkъ(jь)*,⁶ образованное от основы, родственной слав. *zylъ (ср. ст.-слав. *зълъ* холъ, словен. *žólč*, рус. *желчь* и т. д. с вторичным *ž* под влиянием слова *желтый*). Вариант той же основы с корневым вокализмом в полной ступени в слав. *zolkъ (ср. ст.-слав. *злакъ*). Прилагательное в форме **zylъkъ(jь)* реконструируется для словен. *zèhek* 'терпкий, горький' (ср. *nezrelo vošje je zehko*), 'безвкусный', *žólhek*, *žólkek* 'горький', *žèhek* 'горький, прогорклый', с.-хорв. *žuhak* = *žukak* 'горький' (RJA XXIII, 493, 497: Habelić, Vitezović и т. д.), *žuhkek*, нареч. *žuhko* (Hrv. kajk. pisci I, 384; II, 131, 153, 245 и др.), *žùhek*, *žūiki* 'горький' (Jedvaj. Bednja 305), *žukak* то же (Neweklowsky 345), *žlkak*, *žuhkak* то же,⁷ *žúhъk* 'amarus' (Strohal — Rad 153, 168) и, возможно, *zèh*, отмеченного в одном из диалектов в выражении *ne smèš, zèh* 'brand',⁸ при условии редукции полной формы прилагательного.

Словен. *plúhek* = *plígek*, *plíhek*, *pléhek* 'пустой, безвкусный'⁹ и соответствующее ему прилагательное в словацком *pluhák* 'плюгавый' (Orlovský 240) образованы от глагола **pl'ugati* (ср. чеш. *plíhati* 'волочить, тащить; валять в грязи', словацк. *pl'uhat'*), сложившегося на базе **pl'uti*, *pl'ujъ* с расширителем *g* (Berneker I, 419). Более широкие ареальные связи имеет отглагольное прилагательное на -*avъ* (ср. рус. *плюгавый*) (Фасмер III, 289; Machek² 462).

6 В работах Ф. Безлая словенские слова вместе с глаголами *záłkniti*, *závkniti*, *zalékniti* 'тужнуть (о мясе)' и чеш. *žluknouti*, *zelknouti*, *zalknouti* 'испортиться, прогоркнуть' объединяются в одно этимологическое гнездо с исходным *(*jeľkъ* (Bezlej. Eseji 113): для чеш. *zelknouti*, словен. *záłkniti* предполагается развитие из *jъz-ьľknoŕti, а чеш. *žluknouti* объясняется из формы с протетическим *jъ-*, т. е. *jъ-jъz-ьľknoŕti (см. также Machek² 729). Но чеш. *žluknouti* едва ли можно рассматривать в отрыве от польск. *żółknąć*, рус. *желкнуть*, а также словен. *žólkniti*, *žólgniti* 'становиться прогорклым', отыменных образований с основой **zylъ-*. С какой-то долей вероятности об исходном (*jeľk-* можно говорить лишь для чеш. *zelknouti*, словен. *záłkniti*, *zalékniti*. Во всяком случае, представляется неправдоподобным сближение этих образований с глаголом *ľkati, *ľknoŕti* 'глотать' (Sławski V, 123–125).

7 *Hadrovics L.* Südslawische Beiträge zum russischen Etymologikon // ZfSl, Bd. VII, 5, 1962, 651–653.

8 *Houtzagers H. P.* Vowel system of the ekavian dialects spoken on Cres and Lošinj // 36. Матице српске за филологију и лингвистику XXVII–XXVIII, 890.

9 В словаре Плетершника *plígek* дается с пометой: «правильная форма для *plíhek*, *pléhek*».

-ьсь. Широкою территорию охватывает праславянский лексический диалектизм **kolъсь*, в оформлении которого участвует суф. -ьсь: ср. словен. *klánc* 'ущелье, теснина; проход в горах; подъем' (ср. *klanc* ali *strmec*), 'дорога, круто поднимающаяся в гору' (Badjuga 213), 'улица' (Erjavec — LMS 1875, 226), резьян. *klánc*, *klanac* 'возвышенность' (Бодуэн де Куртенэ), *kl'anøts*, *na kl'antsø* 'холмик, бугор, поросший травой',¹⁰ стар. *klanz* 'дорога по меже; дорога под уклон' (Jarnik 233); с.-хорв. *klánc* = *klânac* = *klânc* 'ущелье, узкий тесный проход между горами, грязь, трясины; заповедный луг', *klânc* 'болото, так как в ущелье много грязи', топ. *Klânc* (Skok II, 88–89, RJA V, 28–29: с XV в., Mikaļa, Bella, Volt; Maž. I, 503), хорв.-кайк. (Вирье) *klânc* 'боковая дорога в поселок' (Herzan 83), диал. *klânaц* 'теснина, узкий проход',¹¹ гидр. *Klânc*, приток Брзавы (Filologija 7, 108), топ. *Klanjec* (Skok II, 88–89: Загорье), *Klânce* (сев.-зап. часть о. Крк — Filologija 2, 20), *Клâнци*¹² и т. д. (ЭССЯ 10, 140). Чеш. *klanc* 'овраг, ущелье' пришло из сербохорватского. Славянским заимствованием является рум. *câlnic* = *colnic* < **clânic* 'широкая горная тропа' (Machek² 251). Праслав. диал. **kolъсь* традиционно сравнивается с лит. *kálnas* 'гора', лтш. *kalns* то же, родственными лат. *collis* (< *coln-*) 'холм, возвышение', др.-англ. *hyll* (< *hulni-*) 'холм' и т. д. (Berneker I, 547; Fraenkel 236). В ЭССЯ (10, 140) это образование понимается как производное с суф. -ьсь от прич. прош. страд. *kolъ* глагола **kolti*.

Название теснины, ущелья, сложившееся на основе слав. **těskn-*, оформлено при помощи суф. -ьсь в зап.-юслав. диалектах: ср. словен. *těsnc* 'теснина, узкий проход; русло реки' и с.-хорв. *tesnac* 'ущелье; пролив' при болг. *теснина* 'теснина' (Popović 312).

К западному ареалу ю.-слав. территории тяготеет суффиксальное имя **dobъсь* (: **dobъсь*), засвидетельствованное с очень широким кругом значений: словен. *dôbrc*, *dobrec* м. р. 'яблоня, приносящая плоды', *dobrci* мн. 'корь', также *dobrci*, стар. *doberzi* 'uogerzi, rarpurila' (Bezljaj I, 106), с.-хорв. *добрац* м. р. 'корь; сыпь; вид травы' (РСА IV, 389), *Dobrc*, мужское имя, в XIII в. *Dobъсь* (RJA II, 512; Daničić), а также ст.-чеш. *dobřec* 'хороший, добрый человек' (ЭССЯ 5, 47), болг. диал. *добрѣц* 'добродушный человек' (БЕР I, 403: Тетевен, Ботевград). По условиям табу некоторые болезни (корь, сыпь) обозначаются словами с корневой морфемой *dobr-*. Ср. в сходной функции с иным суффиксальным исходом рус. диал. *добрава*, *добруха* 'лихорадка'.

Праслав. диал. **golъсь* (: **golъсь*), выполняющее функцию *nomen agentis*, объединяет словен. *gôlec* 'безбородый юноша, мальчик', чак.

10 Kronsteiner O. Die Toponymie des Resia-Tales // WslJb XXI, 1975, 129.

11 Суботић J. Указ. соч., 163.

12 Петровић Д. Микротопонимија горњих Пјешиваца и Броћанца // Прилози 8. Нови Сад, 1972, 56.

golac 'младенец; девочка' (Црес, Сусак, Добринь, Врбник и т. д. — Zajceva 75), макед. диал. *голец* 'первый зрелый каштан', а за пределами ю.-слав. территории — чеш. *holec* 'безбородый молодой человек, парень, мальчик', в.-луж. *hólc* 'мальчик, парень', н.-луж. *gólc* 'мальчик; слуга, холоп', рус. простор. *оголец* (ЭССЯ 7, 17; Popović 33).

В рассматриваемых нами диалектах для обозначения рейки, планки используются производные с суф. *-ьсь*, *-ica* от прилаг. *prostъ: словен. *próstec* 'палка, кол в заборе', *prostica* 'палка, жердь, опорный столб в заборе', *prostrica* (с вторичным *г* под влиянием *prostréti*) 'забор; подпорки у забора; доска, приготовленная для плота', с.-хорв. *прѡштац* 'планка, простая, неотесанная палка' (Вук), *prostac* = *proštac* (Bjel., Jambr., Volt.), черногор. *pròštac*,¹³ *prostica* 'вид простой сети' (Stulli, Zore; Хвар, Цавтат, Смоквица, Корчула), 'толстая жердь в плоту' (Пригорье), *pròstrica* 'сеть' (Popović: на Šipanu, u Budvi; Rešetar; Дубровник, Жумберак; RJA XII, 419; Skok III, 52).

-ica. Признается исконной связь с глаголом *juriti для словен. *júrica* 'куриная гузка; чижик', с.-хорв. *jūričica* 'птица *Fringilla cannabina* L.', чеш. *jiřice*, *jiřicka* 'птица *Delichon urbica*', диал. *juřica* 'fringilla cannabina', н.-луж. *jurica*, польск. *jurzyczek* 'стриж', укр. *юрик* 'род ласточки' (ЭССЯ 8, 198).

Диалектно ограничено производное на *-ica* от прилаг. *koravъjъ (ср. укр. *коропавий* 'шероховатый, в бугорках'): словен. *kráravica* 'жаба', укр. *коропавиця* то же (ЭССЯ 11, 90).

-iъ. Продолжения праслав. диал. *gričъ прослеживаются в части ю.-слав. языков: словен. *grič* м. р. 'холм; каменистое место; каменный склон', топ. *Grič* (1291), in villa *Gricz*, редко *Griča* (Bezljaj I, 176) и с.-хорв. сев.-зап. *grič* 'холмик; бугор с кустом или деревом; круча' (с XIII в., RJA III, 425: Bjel., Stulli; Вук с пометой: в Хорватии), *grič* 'ребень горы, острые камни' и топоним в р-не Загреба и Жумберака (Maž. I, 357; Skok I, 616), а также *grič* 'утес; скалистый обрыв, круча' (РСА III, 636). Из сербохорватского заимствованы алб. *gertš*, *gertšë* 'высокий холм', нов.-греч. топ. Γρετσίτσα, Γρίτσεва (Bezljaj I, 176). Равновероятными признаются два этимологические истолкования слав. *gričъ (Топоров. Прус. яз.: Е-Н, 298–299). Предлагаемое Бугой и Эндзелином сопоставление слав. *gričъ с прус. *grēiwa*, рус. *грива* и далее лтш. *greizs* 'кривой; косой' ведет к реконструкции и.-е. **grei-*. Но наличие в семантике слав. *griva признака, указывающего на выпуклость поверхности, служит основанием для сближения с другим рядом индоевропейских слов — др.-инд. *grīvā*, авест. *grīvā* 'задняя часть шеи, затылок', лтш. *grīva* 'дельта, устье реки' — и реконструкции и.-е. **g^hrīuā-*. В ЭССЯ (7,

13 *Vujičić D. Prilog poznavanju toponomastičke i druge leksike u durmitorskom kraju // Лексикографија и лексикологија. Београд – Нови Сад, 1982, 40.*

128–130), вслед за Беценбергером, принимается второе истолкование: слав. **gričь* и **grīva* рассматриваются как производные с суф. *-ičь* и *-iva* с корневой морфемой **g^{er}-* 'пожирать, поглощать' в нулевой ступени.

-ačь/-ača (< *-ak-jь, -ja*). Эти суффиксы становятся активными средствами словообразования уже в эпоху исторического развития славянских языков. По наблюдениям Борыся, в старочакавских текстах единичны образования на *-ač* (Boryś 1969).

Общим для зап.-юслав. диалектов является образование на *-ača*, соотносительное с глаголом **peṭi, rьoq*: словен. *peṭjača* 'скоба, тиски', с.-хорв. *peṭača* 'ствол с обрубленными ветками, с которого сторож наблюдает за виноградником' (RJA IX, 773: р-н Загреб), *peṭjačica* 'белка' (Skok II, 651).

При помощи суф. *-ača* оформлено название обуви, соотносительное с глаголом **natъknṭi/*natykati*: словен. *natáče* мн. 'длинные носки', с.-хорв. *natikača* 'вид обуви' (RJA VII, 685: Popović; Вук с пометой: в Лике; Хрв. Венгрия), чак. *natikače* мн. то же (Tentor – Rasprave II, 79). См. Bezlaj II, 215–216.

Приведенные выше имена с суффиксальными формантами *-k-* и *-c-*, *-č-* объединяют хронологически различные образования. В ареальном плане они распределяются следующим образом. 1. Основную часть этих образований составляют имена, для которых слабо прослеживаются связи за пределами зап.-юслав. ареала: ср. словен. *grúča, ziják, třeček, opánek, trínek, zehék, pelek, sūček, stěpka/stěpki, téšneč, próstec/prostíca, peṭjača*. 2. Связи с севернославянскими языками характерны для словен. *lōtka, domlātki, ilka, gōlec, júrica*. 3. Общая изоглосса со всеми западнославянскими образованиями словен. *nāčke/pečké*. Сепаратные связи с чешско-словацкой языковой областью характеризуют словен. *ōblok, hřeček, plūhek, kláneč*. 4. Единичны сепаратные связи с восточнославянскими языками: ср. словен. *krápavica*. 5. Согласно традиционной этимологической версии словен. *kláneč* связано с лит. *kálnas* 'гора'.

Производные с формантом *-l-*

В славянских языках *l* является опорным элементом суф. *-lь, -lь, -lo, -la, -l'a, -elь, -ula/-ul'a, -dlo* и т. д. (Vaillant IV, 415–418; Sławski. Zagys 1, 103–114).

Образования с суффиксальным *l* имеют разную хронологическую глубину. Лишь немногие имена как самостоятельные лексико-словообразовательные единицы сложились в позднюю эпоху диалектного развития индоевропейского. Основную часть имен с суффиксальным *l* составляют новообразования праславянского и более позднего времени. Названные суффиксы ограничены в своей продуктивности. Исключение составляет суф. *-lo* (< *-dlo*). Во всех славянских языках, в том числе и южнославянских, получили распространение

вторичные производные на *-lo*: многие глаголы, особенно с основой на гласный, допускают образования имен на *-lo* с широким кругом значений (агентивным, инструментальным и т. д.): ср. словен. *točil-o* 'лужа', *lepilo* 'замазка', *darilo* 'подарок', болг. *яло* 'еда', *весило*, *кадило* и т. д.¹ Различие между южнославянскими языками проявляется в том, что некоторые из суффиксов с формантом *l* получают распространение преимущественно в западном или восточном ареалах. Так, для болгаро-македонских диалектов характерны пейоративные имена муж. р. на *-льо, -ло* (-ла ж. р.): ср. болг. *крадльо* 'воришка' (: *крада* 'воровать'), *лъжльо* 'врун, обманщик' (: *лъжа* 'лгать'), *мигльо* 'о том, кто часто мигает' (: *мигам* 'мигать'), *лигльо* 'слюнтяй; ломака, кривляка' (: *лига* 'слюна'), макед. *мочло* (: *моча се* 'мочиться'), *смердло* (: *смерди* 'смердеть') и т. п. (Vaillant IV, 565). В словенском и сербохорватском в функции агентива известны имена ж. р. на *-lja* (< *ljja*): ср. с.-хорв. *прѣља* (: *прѣсти*) 'пряжа', *муѝља* (: *муѝти*) 'доярка', *ткаља* (: *ткаѝти*) 'ткачиха', словен. *šilja*, *šivalja = šivilja* (: *šiti*) 'швея', *praľja* (: *praťi*) 'прачка' и т. д. (Бошко-вић 143 и след.; Мартынов 1973, 32–33). В болгарском языке, в его западных диалектах, зафиксировано несколько образований этого типа (ср. *праля* 'прачка', *месиля* 'та, которая месит тесто', *тъкаля* 'ткачиха', *родиля* и т. д.), но для этого ареала наиболее типичны в этой функции имена на *-ачка*: ср. болг. *белачка*, *перачка* в соответствии с с.-хорв. *бѣлиља*, *пѣриља* и т. п.²

Самую архаичную часть словаря составляют унаследованные из индоевропейского языка образования, в составе которых формант *l* выступает на правах расширителя древнего корня. Путем этимологического анализа вычленяется формант *l* в основе **ščul-*, продолжением которой является словен. *ščuljek*, *šulj*, *šuljek* 'отпиленный ствол дерева', *ščuliti* 'травить' (ср. *ščuliti pse*), *šuliti* 'скрести', *šuliti se* 'шмыгать, сновать', с.-хорв. *šulj* м. р. 'пень, колода, ствол дерева' (Вук), хорв.-кайк. (Вирье) *šulj* м. р. 'еловая шишка; плоды водяного растения' (Herman 95), далм. *šhyule (ščule)* 'grallae' (Stachowski : Megiser 1603, 141), ср. также чеш. *šulek* 'кусок полотна' (Gregor 164), рус. диал. *шулѣп* с экспрессивным *п* (ср. рус. *дулепа* 'тыква', *луспа* 'кожура, шелуха' с тем же элементом) в значении 'большой пряник' (влад.), 'пряник на меду или патоке, с выпуклостью посе-

- 1 Об образованиях с суф. *-lo* см.: Rusek J. Ze studiów nad nazwami czynności w języku bułgarskim i macedońskim // Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego. Filologija 4, 1958, 222–227; Szymański T., Słowotwórstwo rzeczownika w bułgarskich tekstach XVII–XVIII wieku. Polska Ak. Nauk. Oddział w Krakowie. Prace Komisji Słowianoznawstwa. Nr. 15. Wrocław etc. 1968, 50–56; Кяева Е., Домусчиева Л. Имена за места (nomina loci) с наставка *-lo* в българските говори // БЯ XXXVI, 1, 1986, 58–67.
- 2 Stawski F., Słowotwórstwo bułgarskie na tle prasłowiańskim // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 2. W-wa, 1963, 87; Mirčev K. Zur bulgarischen Wortbildung // WdS XI, 3, 1966, 233–240.

редине' (ярослав.) (Даль³ IV, 1513; Мельниченко 221; Фасмер IV, 510). Нет полной уверенности в том, что сюда не могут быть отнесены рус. *шўло* 'заборный столб', *шўла* то же, укр. *шўла*, блр. *шўла*, как это принято в словаре Скока (Skok III, 421), последние, по мнению некоторых исследователей, заимствованы из балтийских языков: ср. лит. *šūlas* 'столб, косяк' (Фасмер IV, 485). Словенские лексемы достаточно определенно указывают на исходную форму *ščul-* с архаичной семантикой 'резать, скрести, травить'. Названные слова получают вполне удовлетворительное объяснение в рамках этимологического гнезда с и.-е. корнем **skeu-* (ср. др.-инд. *skāu-ti*, *skunāti*, *skunōti* 'ковыряет, разрушает'), осложненного в диалектах разными расширителями. С расширителем *г* греч. *σχιρος* 'щебень', ср.-в.-нем. *schürgen* 'гнать, толкать'. Как продолжение той же основы с расширителем *l* могут быть поняты словен. *ščūljek* и родственные ему слова, ту же структуру имеет ср.-в.-нем. *schiel* < **skeulo-* 'осколок'. И.-е. **skeu-* с расширителем *t* предполагается для с.-хорв. чак. *šcut* м. р. 'бедро' (Брач), *šcuto* то же (Hr.—Šim. 1181: Выс), *ščūt* 'бедренная кость' (с XIV в., Сплит), в отдельных говорах (от Шибеника до о. Крк, р-н Задара) засвидетельствовано значение 'стебель растения'. В ближайшем родстве с этими словами находятся лит. *skiūtė* 'кусок материи; отрезанный кусок', лтш. *šķāute* 'острый край', первично 'нечто отрезанное, отрубленное, отделенное' > 'отрезанная ветка, стебель' с вторичным развитием анатомического значения.³

Элемент *l* в качестве расширителя корневой морфемы предполагается для словен. *čūlek* 'боров' (Доления), с.-хорв. *čula*, название игры, которая в диалектах имеет другие названия — *крмача* и *свинка* (RJA II, 99: Vuk, Bogdanović; Сербия) и родственного им лит. *kiaūlė* 'свинья' < **keu-l-ā* (Bezlaĵ. *Etyma slov.* 168; Bezlaĵ — Baltistica X, 1, 29; Мартынов 1978, 14).⁴

-ль/-ль/-ла. Образования с названными суффиксами слабо засвидетельствованы в славянских языках.⁵ Перечень архаичных имен с суф. -ль/-ль (ср. праслав. **dělъ* ~ др.-в.-нем. *teil* 'часть', **tylъ*: **tyti*, *tyjŕ*, **qzlъ* 'узел': **vezati*, **kovaľъ*: **kovati* и т. д.) может быть дополнен зап.-юслав. образованиями. Одно из них — имя **sělъ*, произведенное от глагола **sěti*, *sějŕ*, замещенного в славянских языках глаголом **sějati* с вторичным расширением основы. Основа **sělъ* в

3 Boryś W. Dwa archaizmy leksykalne w gwarach serbskochorwackich (sztok. *trėmesla*, czak. *ščūt*) // RS XXXIX/1, 40–44.

4 В словаре Безлая (Bezlaĵ I, 91) словен. *čūlek* соотносится с *čuna* 'свинья' и определяется как изолированное образование звукоподражательного характера.

5 См.: Азарх Ю. С. Из истории именного словообразования (существительные женского рода на -ль) // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966, 238–254.

словен. *sěl* ж. р. 'зерно, семя', собир. *sělje* 'зерно, особенно для посева' (Mikl. VGr. II, 103; Bajec 26; Vaillant IV, 558) и производных образованиях с вторичной суффиксацией: словен. *sělnica* 'лукошко с зерном', с.-хорв. *sionica* (< *sěl-*) 'рассадник, питомник' (RJA XV, 46; Skok III, 230). В число индоевропейских соответствий включаются хет. *šeli-* 'куча зерна', лит. *pa-selỹs*, др.-ирл. *síl* 'зерно',⁶ а также балтийские имена с суф. *-tl-* > *-kl-*: лит. *sėkla, sėklà* 'семя, семенное зерно' (: *sėti*), лтш. *sēkla* 'семя' (: *sēt*) (Fraenkel 772; Bezlaj. Eseji 166–167; Bezlaj – Baltistica X (1), 28).

Тот же суффикс в названии злакового растения **sily*: словен. *sil* м. р. 'Peucedanum sp.', *silje* соб. 'зерновые (особенно когда зерно еще в стебле)', 'Laserpitium' (ср. *proso in vse silje zmlatiti*), с.-хорв. *sil* м. р. 'овес', *silj* 'растущее на лугах высокое растение (до 1 м) с неприятным запахом' (Истрия) с производными *silevina* 'peucedanum cervaria', топ. *Silevo Brdo, Silevac* (Черногория), *Silevica* (Сербия, Хорватия) (RJA XIV, 957; Skok III, 235). Диал. **sily*, как и родственное ему **sito*, образованы от глагольной основы, связанной чередованием корневого вокализма со слав. **sėti, sějō*. Производящий глагол, не сохранившийся в славянских языках, засвидетельствован в балтийских языках в форме лит. *sijoti, sijoti* 'просеивать', лтш. *sijāt* то же (Фасмер III, 628).⁷

Собственно словенским образованием на *-ly* является *žěl* ж. р. 'жатва' (: *žėti, žanjet* 'жать') (Vaillant IV, 558).

В ряде славянских диалектов, в том числе и западноюжнославянских, на базе глагола **čekati* (ср. болг. диал. *čéкам* 'тыкать, колоть' и т. д.) складывается имя с суф. *-ly/-la*: словен. *čekelj* м. р. 'клык; глазной зуб' (Bezlaj I, 77), с.-хорв. *čáklja* (XVII в., Вук) 'uncus', производ. *čakljun* (Корчула) 'железное кольцо на носу корабля, через которое протягивают канат, когда корабль пристает к берегу' = *čekljūn* (Вук) 'засов на двери; изгиб у ключа' (Сербия: RJA I, 625; Skok I, 290), а также укр. диал. *чóкал взліки* 'дубонос *Coccothraustes coccothraustes* L.', рус. диал. производное *чеклұха* 'обрубок бревна, насаженный на рукоять; употребляется в качестве молота' (ЭССЯ 4, 37). Из славянских языков заимствовано венг. *csegely*.

Тот же суф. *-ly/-la* в названии растения **smьrdělъ* (: **smьrděti*): словен. *smrděl* м. р. 'der Alpendorn (*rhamnus alpina*), *smrděla* 'die Wucherblume (*leucanthemum*)' (Bajec 33), с.-хорв. *smrdel* м. р. 'дерево *pistacia lentiscus*; название источника; птица *urupu erops*' (RJA XV, 777). Сходную структуру имеют лит. *smirdalas* (: *smirdėti*) 'вонь,

6 Иванов В. В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, 163; Furlan M. O slovenskem **sělъ* in hetitskem *šeli-* – slovansko-hetitski izoleksi? // SR 37, 1–3, 1989, 143–149.

7 В работах Ф. Безлая не всегда достаточно четко проводится граница между словен. *silje* и *sěl, sělje* (Bezlaj 1969, 96) и по-разному определяются этимологические истоки словен. *silj* (Bezlaj. Eseji 167; Bezlaj I, 193).

смад', *smirdēlius* 'stänker', лтш. *smērdelis* (: *smirdēt*) 'stänkerer' (Fraenkel 848).

-lo/-la. В общем списке славянских образований на -lo/-la с инструментальной семантикой (ср. слав. *veslo: *vezti, *greblo: *grebo, grebti и т. д. — Vaillant IV, 552–553; Sławski. Zarys 1, 103–104) преобладают диалектно ограниченные имена. На южнославянской территории отличительно характеризуют зап.-юслав. ареал следующие образования.

Зап.-юслав. диалекты являются основной областью распространения праслав. диал. *prǫglo (: *pręgti, pręgq: *prǫžiti): словен. *prǫglo* = *prǫgel* 'силок, петля', *prǫgla* то же и 'мышеловка', с.-хорв. *prǫglo* 'силок для ловли птиц; пружина' (Толстой⁸ 776), *prǫgla* мн. 'распорки в ткацком станке' (только в словаре Вука: u Siñu), *prugla* 'ветка или прут, сравниваемые с полосой, линией' (у одного автора нашего времени), *prugle* ср. р. le locuste, locustae (RJA XII, 526: Stulli; Skok III, 31), *pruglo* 'силки для ловли птиц' (Hrv. kajk. pisci II, 369; I, 380), цслав. прѣглю, ср. р. παγίς, tendicula (Mikl. LP 753). Лексема *prǫgli* мн. 'распорки для растягивания полотна' обнаружена в архаичных болгарских говорах Родопского края (Стойчев — БД II, 200). Из сев.-слав. соответствий ср. чеш. *pruhlo*, *spruhle*, морав. *spruhlo* 'силок', в.-луж. *prudło*, н.-луж. *pšudło* то же, др.-рус. *пругло* 'тенето, сеть; западня' (Фасмер III, 388; Machek⁹ 488; Vaillant IV, 415).

По той же модели образовано словен. *stǫgla*, мн. *stogle* 'шнурок, ремень на обуви' (~ *tęgnǫti)⁸ и родственные ему словац. *stuhel*, *stuhl'a* 'узкий пояс'. Представленные в словенском две другие формы с близким кругом значений — *stǫgelj* и *stǫgljaj* имеют все признаки поздних образований. В других славянских языках с тем же значением бессуффиксальное имя: ср. чеш. *stuha*, луж. *stuga*, польск. *wstęga* (< *vъz-toga*) (Bezlej 1973, 77; Machek⁹ 590).⁹

Для западной части южнославянской территории характерно особенность праслав. диал. *žvvalo < *žvati (Mikl. VGr. II, 102; Bajec 26; Vaillant IV, 550): ср. словен. *žvāla*, *žvāli* мн. = *žvale* мн. 'удила', с.-хорв. *žvālo* 'удила' (Stulli; Ivek.; Вук: в Черногории), 'узкий проход, ущелье' (Вук), 'проход; челюсть' (Bella, Bjel., Volt.) 'хоботок (у насекомого)' (Mikaļa, Volt.), 'мундштук' (Vrančić, Mikaļa), *žvale* мн. 'мундштук' (RJA XVI, 769), *žvāle* 'удила; пасть, уста' (Бока), 'удила' (Skok III, 690), *жвала* 'уста; челюсть; удила', мед. 'заболевание уголков рта; ущелье', ср. *вучје жвале* (РСА V, 308; Коларска терм. 146), хорв.-кайк., чак. *žvale* мн. то же (Herman 99), *žvāle* то же (Koschat 298), *žvala* то же (Hadrovics 493), *žvalo* то

8 Bezlej F. Arhaizmi v koroških narečjih // Koroški kulturni dnevi I. Maribor, 1973, 77.

9 Popović I. Die Berührungen des Südslavischen und des Nordslavischen in Noricum, in Pannonien und in Dazien // WdS VII, 1962, 81.

же (Maštrović 461), ср. также макед. *цвало* 'пасть', болг. диал. *жвало* 'жало у пчелы' (БЕР I, 526), словац. диал. *žvala* (Matejčík. Východonovohrad. 566), блр. диал. *жвала* 'восковая железа у пчелы' (ЭСБМ 3, 225). Сербохорватским диалектам известно переносное употребление *žvālo*, *žvāle* в качестве географического термина — 'fauces; ущелье, узкий проход' (Skok III, 690: Вук, Черногория: Rožić — Rad 115, 127), *жвала* 'пропасть, бездна' (Дубровник), *жвало* (Приморье).¹⁰ Слав. *žvālo родственны балтийские образования с суф. *п* и корневым гласным в полной ступени — лит. *žiūnos* мн. 'жабры', лтш. *žaunas* 'жабры; челюсть' (~ болг. *джуна* 'губа' — Трубачев 1963¹ 190).

К специфически зап.-юслав. образованиям могут быть отнесены словен. *prēkla* 'палка; поперечная балка на крыше; поперечная планка; стремянка', *prekle* мн. (Šašelj 168) и с.-хорв. (Жумберак) *prekla* = *prīkļa* 'балка, жердь, которой закрепляется солома на крыше' (: словен. *prēk* нар. и с.-хорв. *прӣјек* 'крутой'). См. Skok III, 41; Vaillant IV, 551.

-*l'a*. Диалектной инновацией раннепраславянского является архаичное имя с корневым *о*- **krěl'a*, мн. *krēli* < *(*s*)*kroj-l-* (ср. близкородственный вариант **skrěl'a* и *skrēli), производное от глагольной основы *(*s*)*krej-*, сохранившейся в лит. *skriėti*, *skrejū* 'кружить(ся), летать, парить, трепетать' (ЭССЯ 12, 131–132): ср. словен. *krejje* мн. унич. 'ноги', с.-хорв. *krēla* ж. р., *krēle* мн. 'жабры' (RJA V, 501: Vuk; Bezlaj II, 88), словин. *křel* м. р. 'позвоночник; плавник рыбы' (Sychta II, 272). Болг. *xpелé*, *xpилé* мн. 'жабры', ст.-чеш. *chřelišče* представляют фонетический вариант к первонач. *skrēli (ЭССЯ 8, 91).

-*ělъ*, -*ěla*. В основном имена с этими суффиксами отглагольного происхождения: ср. *metělъ : *mesti, *metq*, *kopělъ : *kopati и т. д. (Sławski. Zarys 1, 107). К числу ареально ограниченных образований с этим формантом относится *globělъ (: *globati), свидетельствуемое словен. *globěl* ж. р. = *globēla* 'углубление, лошина, овраг', польск. диал. *głabiel*, редк. *głēbiel* с вторичным употреблением в качестве названия рыбы (Mikl. VGr. II, 108, 109; ЭССЯ 6, 140).

-*ela*, -*elъ*, -*la*, -*lъ*. Данные суффиксы, очень ограниченные в своей продуктивности, используются в славянских языках для образования имен с широким кругом значений от разных основ — именных и глагольных (Vaillant IV, 553–555). Своеобразие словенского языка проявляется в более широком развитии производных на -*lъ*, многие из них можно считать собственно словенскими новообразованиями. Ср. *rogēlj* (: *rōg*) 'рог', *sōkelj* (: *sōk*) 'ветка', *skōbelj* (: *skōba*) 'рубанок' и т. д. Эти имена, характеризующиеся постоянным ударением на корне, входят в класс имен муж. р.

10 Михајловић В. Прилог речнику српскохрватских географских термина // Прилози проучавању језика. 6. Нови Сад. 1970, 159.

В этой категории имен представлены и старые образования, датируемые скорее всего эпохой позднедиалектного развития праславянского.

Таково архаичное имя **čьmelь/*čьmela*, производное от глагола **(š)čьmiti* 'щемить, вызывать боль' (Sławski. Zagys 1, 108), родственное и.-е. образованиям с суффиксальным *l* и корневым гласным в ступени редукции, а именно др.-в.-нем. *humal*, нем. *Hummel* 'шмель', англ. *humble-bee*. Праслав. **čьmelь/*čьmela*, связанное чередованием корневых гласных со слав. **komarъ*, лит. диал. *kamīnė*, лтш. *kamane* 'шмель' (< **kem-/*kom-*), характеризует сев.-слав. языки и зап.-юслав. диалекты: ср. словен. *čmēlj* м. р., *čmrlj* м. р. (со вставным *r*) 'шмель *Bombus terrestris*', *črmelj*, *šmēlj* то же, стар. (XVI в., в Далмации) и диал. *čmēla* и *čemēla* 'пчела, *Apis mellifera*', диал. также 'Bombus terrestris', с.-хорв. диал. *čmēla* = *pčela* (RJA II, 55), кайк. *čmālō* 'пчела' (Jedvaj. Bednja 302), возможно, *čmolj* м. р. 'червь в вареных овощах, в виноградной лозе' (Skok I, 332), а также польск. *czmiel*, *trzmiel*, рус. *шмель* и т. д. (ЭССЯ 4, 145; Sł. prask. 2, 311; Bezlaj I, 84).

На ю.-слав. территории сосуществуют суффиксальные варианты — **dъržava* и **dъržela*. Первый вариант, являющийся основным для северных и южных славян, представляет собой производное на *-ava* от глагола **dъržati* (ЭССЯ 5, 231–232). Образование с суф. *-ela* (Mikl. VGr. II, 108; Vondrák. VGr. I, 438)¹¹ характеризует в основном зап.-юслав. диалекты: словен. *dežela*, *držela* 'область, regio', редк. *dežěl* ж. р., *na deželi* 'в деревне, за городом', микротоп. *Dežela* (Bezlaj I, 100), *dežela* 'хорошая плодородная земля' (Tominec 82),¹² с.-хорв. чак. *dežela* (XV–XVII вв., глаголические памятники, Vitezović), *dežeja* 'regio, земля, край' (XVI–XVII вв., RJA II, 369; чак.; Maž. I, 223; Skok I, 399, 448).

Соотнесенность с глаголом **kъršiti* (Berneker I, 631) предполагается для словен. *kršelj* 'Pediculus pubis; вид паразита', *kršeljica* 'клоп' и т. д. (Bajec 33; Bezlaj II, 102) и с.-хорв. *kršeļ*, *kršijeļ* 'Ixodes ricinus, Pediculus pubis и т. д. (RJA V, 651–652; PCA X, 729; Skok II, 211). Семантической аналогией может служить болг. диал.

11 Такое же понимание структуры зап.-юслав. диалектизма находим в работе Л. Киша. См.: *Kiss L. Das Problem der alten slawischen Lehnübersetzungen im Ungarischen // Slawische Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig, 11.–13. 10. 1972. Bautzen, 1975, 88.* В ЭССЯ (5, 231–232) диал. *dъržela* рассматривается как фонетический вариант слав. *dъržava*. Ошибочно отнесение словен. *dežela*, *dežěl* к разряду заимствований, см. Vaillant IV, 555.

12 О слове *dežela* в словенских диалектах и памятниках письменности см.: *Ramovš F. Slovenische Studien // Zbrano delo I. Ljubljana, 1971, 120–121.*

мламолец 'насекомое с длинным хвостом',¹³ мотивированное глаголом *meliti 'молотъ, крошить'.

С глаголом *kyrpati соотносятся, видимо, старый пастушеский термин *krpělь/*kyrpyль, продолжениями которого являются словен. *krpělj* 'клещ у птиц (*dermanysus avium*); вошь в шерсти, войлоке', с.-хорв. *škřpelj* (Истрия), *krpěl*, *krpijel* '*Ixodus ricinus*' (RJA V, 628: Bella, Volt., Stulli; с XVIII в.), *крпелъ* (Вук: в Дубровнике), *крпель* то же и 'вид кормовой травы *Setaria verticillata*' (РСА X, 654). См. Bajec 33.¹⁴

Слав. диал. *krqž-ьль (: *krqžiti) имеет ограниченные продолжения в славянских языках: ср. словен. *krqželj* м. р. 'нож для обрезания сучьев', с вариантом *-оль* в с.-хорв. диал. *крүжоль* м. р. 'кличка барана' (РСА X, 680), в сев.-слав. языках – словац. диал. *kružel* 'верхушка прялки', в.-луж. *kruželc* 'Rockenstock', ст.-польск. *krążel* 'конусообразный верх прялки' и т. д. (ЭССЯ 13, Schuster-Sewc 10, 697; Трубачев. Рем. терм. 96).

Словен. *věželj* 'связка, моток' (: *vézati*, *vezniti* 'связывать') соотносится с рус. диал. *вязель* 'вязкое, топкое место, вязкая грязь', *вязелька* 'кусочек веревки, тесемки, нитки и т. д., годный для завязывания чего-л.' (СРНГ 6, 73), ст.-чеш. *svízel* 'оковы, vinculum', чеш. *svízel* 'название растения; затруднение', польск. *więziel* 'тюрьма' (Machek² 597; Vaillant IV, 563).

В функции *nomina instrumenti* выступает словен. *rašelj* 'рассоха' (*Šašelj* 296), *rašlja* 'вилы', с.-хорв. *rašlje* мн. 'furca, furcae, рассоха' (Маž. II, 1222), *rašja* 'предмет, чаще всего из дерева, с двумя концами или отростком', *rašja* 'два длинных загнутых конца с распоркой' (Лика) (RJA XIII, 390). Производящую глагольную основу представляют с.-хорв. *na-rašiti* словен. *rašiti* 'рыхлить' (Skok III, 99),¹⁵ родственные чеш. *rašiti se* 'распускаться (о листе дерева)' (Machek² 509), и, возможно, рус. диал. *рахать* 'бросить, швырнуть' (Фасмер III, 449) с производными от него *раха* 'разветвление на дереве', *рашки* 'планки мотовила с поставленными на концах стержнями' (Новосиб. словарь 465: *Рахи* по-вологодски, а у нас по-сибирски виловатая сосна).

В составе зап.-юслав. диалектизмов отметим следующие отыменные образования на *-ьль/-ель*.

Слав. диал. *bordelj/*bordьль (: *borda) : словен. *brádelj* 'челюсть; зуб у курицы; хохол на шее у свиньи; бородка ключа', топ. *Bradel*,

13 Стойчев Кр. Тетевенски говор // СБНУ XXXI, 298.

14 Эта группа слов очень неопределенно толкуется в словаре Безлая (Bezljaj II, 102–103). По мнению Скока, названные слова принадлежат к термину валашского происхождения (Skok II, 212).

15 Очень неясно толкуется с.-хорв. слово у Скока: с одной стороны предполагается развитие из *rašve* 'рассоха, вилы', а с другой, допускается родство с с.-хорв. *rahao*.

Bradelj и с.-хорв. *bradelj* 'усы, которыми виноградная лоза цепляется за кол; pediculus, carpeolus, clavicula', имя (XIV в.), *Bradelj* (RJA I, 579: Bjel.; Bezljaj I, 36). Суффиксальные варианты того же имени в словин. *brodwal* 'бородач', ст.-чеш. топ. *Bradál* (St. prasl. 1, 105). Ср. еще болг. ботевгр. *брадѣл* м. р. 'большая борода' (Илчев — БД I, 186).

Зап.-юслав. **pažьль* (: **pažь* 'стык, зазор, пространство между двумя поверхностями',¹⁶ ср. словен. *pāž* 'дошатая стена', чеш. *paže* и т. д.) со значением 'коготь, копыто' в словен. *páželj*, с.-хорв. *Pažel*, фамилия (RJA IX, 727: Лика), хорв.-кайк. (Вирье) *paželj* (Hermap 88), *pā'žьl* (Fancev 385). В той же функции известны другие названия **raz-погъть*, **razurь*.

Новообразованием зап.-юслав. диалектов является производное на *-ель/-аль* от косвенной формы имени **rōka* — **rōcelь*: словен. *gúcelj* м. р. = *rōcelj*, *gōncelj* 'ручка ткацкого станка, рукоять косы; ручка', с.-хорв. *gúcelj* м. р. (Вук, Срем, Брач, Цавтат) 'рукоять косы, ручка', *gūcálj* (Истрия, Варош, у Славон. Брода) то же, хорв.-кайк. *rucelj* (Хорватское Загорье) 'пустой початок кукурузы' (Skok III, 164; RJA XIV, 213: Vuk, Iveković; Срем, Брач, Лика).¹⁷

Зап.-юслав. диалекты характеризует производное **kavьль*, в котором суф. *-ьль* сочетается с корневой морфемой **kōu-*, родственной **kuk-*, **kuk-*, **kьk-* (ЭССЯ 9, 167). В сочетании с суф. *-ука* корневая морфема с долгим гласным в рус. диал. *кавь́ка* 'загвоздка, кавычка', укр. *кавь́ка* 'запятая' и, возможно, с.-хорв. чак. *kāuka*, *kāuke* 'Rebenranke' (Koschat 215). С суффиксальным *l* — словен. *kávelj*, *-vlja* м. р. 'крюк; зародыш, росток', диал. *kavelj* 'рало' (Nagodopisje Slovencev I, 141: Pohorje), *kāvalnj* (Rigler 161), с.-хорв. *Kāvēl* м. р., фамилия, диал. *kavelica* 'kost od boce ili bataka' (RJA V, 905: Далмация), а также блр. диал. *кавель* 'деревяшка', 'кривуля'. В свете предлагаемого объяснения представляются малоубедительными предположения о заимствовании словен. *kavelj* из итал. *caviglio*, *caviglia* 'clavus, uncus' < лат. *clāvicula*, умен. от *clavis* (Bezljaj II, 24) и сближение с.-хорв. *kavelica* с греч. *κουλός* 'стебель' (Skok II, 67).

Архаичное имя **kvaка* (ср. словен. *kváka* 'крюк; дверная ручка; скоба', макед. *квака* 'дверная ручка', с.-хорв. *квѣка* то же) расширено суф. *-ьль* в словен. *kvácelj* 'удочка' и с.-хорв. диал. *kvaceļ*, м. р. 'рукоять косы' (RJA V, 845).

Со старым именем **kьrdo* (: **čerda*, ср. макед. *кърлар* 'стадо') соотносится производное на *-ель/-ело* — **kьrdeļь*/**kьrdeļo*, характерное для зап.-юслав. диалектов и чешско-словацких диалектов: словен. *krděl* 'стадо', *krdéļo* 'стадо; толпа, группа, отряд', диал.

16 Топоров В. Н. О происхождении нескольких русских слов (К связям с индо-иранскими источниками) // Этимология 1970. М., 1972, 38.

17 Bezljaj F. Na robu srbohrvaškega (in slovenskega) etimološkega slovarja // Jis XXII, 1, 1976/77, 7–9.

krdela то же (Pintar I, 18), с.-хорв. *krdelo* ср. р. 'стадо, стая' (RJA V, 498; Bjel.), чеш. диал. *krdel*, *krděl* м. р. 'толпа; куча' (Kott I, 809: на Мор. а на Slov.), *krđel* м. р. 'стадо, стая, гурьба' (Bartoš. Slov. 162), словац. *krđel'* то же (SSJ I, 766) и т. д., ср. еще производное с суф. *-ьл-* польск. диал. *karno* 'стая птиц' и др. (Vaillant IV, 560; ЭССЯ 13, 213). По данным словаря Скока, о более широком распространении слав. **kъrdelъ* свидетельствует нов.-греч. τὸ ὑκριντέλλι 'стадо свиней' (Skok I, 337: s.v. *črědā*).

Не исключается возможность образования с суф. *-ьла* от **dětę* (Berneker I, 297; Skok I, 416) для словен. *děkla* 'ancilla', *deklē* 'puella' (Bezljaj I, 97) и с.-хорв. зап. *декла* 'девушка' (Вук; Bjel., Volt., Jambr.; Истрия, Пригорье и т. д.).¹⁸ В связи с этим словом заслуживает внимания лтш. *Dekla* (< **dhē(i)-tlo*), эпитет богини судьбы *Laima*.

При помощи суф. *-ьль* оформлены словен. *zúbjla* 'факел', *zúbelj* 'пламя' и с.-хорв. *зубља* 'лучина, факел; полено' (Вук: Черногория; RJA XXIII, 139; Vrančić, Mičala, Bella, Stulli). А. Е. Супрун¹⁹ обратил внимание на интересное соответствие в полесских говорах, расширяющее географию данного слова. В полесских говорах приспособление для подкуривания пчел обозначается словами *зубель*, *зубьяль*, *зубля*, *зублэнь*, *зубыло*.²⁰ Известны два подхода к объяснению корневой морфемы. В словаре Миклопича (Mikl. 404) с.-хорв. *zublja*, словен. *zúbelj* сравниваются с лит. *žiburys* 'свет, факел', родственным *žibėti* 'блестеть, излучать свет'. Для сближаемых слов Петерсон восстанавливал и.-е. корень **ghuei-* 'светить' с расширителем *-bh-*.²¹ Скок строит свое объяснение на сопоставлении с лит. *žābas* 'ветка', *žabà* 'прут', др.-исл. *kafli* 'полено', нов.-в.-нем. *Kabel* 'грубо отесанное дерево' < и.-е. **ghebh-* 'кусок дерева' (Skok III, 663–664). Оба истолкования сопряжены с большими трудностями корневого вокализма. В одном случае возникает необходимость допущения чередования **goub-*; **gob-*,²² в другом — чередования **goubh-*; **gēbh-*. «Независимо от индоевропейской этимологии, — пишет А. Е. Супрун, — полесско-южнославянское схождение представляет интерес для реконструкции праславянского лексического фонда». На наш взгляд, два момента осложняют поиски этимоло-

18 Для этих слов допускается и возможность субстратного происхождения. См. Bezljaj I, 97.

19 Супрун А. Е. Из полесско-южнославянских изолексов // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983, 61–62.

20 Анохина В. В., Никончук Н. В. Полесская терминология пчеловодства // Лексика Полесья. М., 1968, 333; Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982, т. 2, 168.

21 Библиографија од 1914–1922 (1923). III. Словенске етимологије // ЈФ III, 1922–1923, 217.

22 Bezljaj F. Zajednička problematika južnoslavenske leksike. (Рукопись, 12.)

гического решения: 1) неверный выбор исходного значения и 2) ориентация на корневой вокализм *-u*. Установка на значения 'факел', 'кусок дерева', явно производные в ю.-слав. языках, увела внимание исследователей в сторону от достаточно ясных, очевидных этимологических связей со слав. *zrbъ. При вскрытии внутренней формы интересующих нас слов исходили не из конкретных особенностей реалии, обозначаемой основой *zub-*, а из семантики, отражающей уже сам факт функционирования слова. Не последнюю роль здесь сыграла ограниченность этнографических, письменных свидетельств, касающихся этого слова и обозначаемой им реалии. Значение восточнославянских материалов в том, что они не только отмечают функционирование слова, но и дают описание приспособления, устройства, обозначаемого этим словом. По данным полеских материалов, *зубель* — это не только головешка, но и еловые ветки или намотанное на палочку тряпье. В русской терминологии пчеловодства в той же функции выступает слово *зубень*. Конкретные сведения об устройстве этого приспособления дают «Материалы для русского сельскохозяйственного словаря»: «*Зубень* — так называют толстую палку из трухлявого дерева, на одном конце крестообразно надколотую. Конец этот расщепляют клинышком, кладут в расщеп трут и употребляют для подкурки пчел». В русских диалектах *зубень* — это палка, расщепленная на конце на четыре клина (СРНГ 11, 359). Судя по описаниям, приспособление для подкуривания пчел имело форму палки с острым, зубчатым завершением, что и было определяющим для этого названия.

Такому пониманию словообразовательных отношений как будто бы противоречит словен. *zúbelj* с нерегулярным *u* на месте *o*. Но следует иметь в виду, что в некоторых диалектах, в частности, нотранских и диалекте Краса, наблюдается развитие *o > uэ, uo, u*: ср. *zuэр < zrbъ, tuэš < tоžъ*.²³ В словаре Плетершника находим указание на привязанность данного слова к территории Краса.

Контаминации с данным словом обязано, видимо, словен. *znúbelj* 'огонь' с тем же суф. *-ьль*, этимологически связанное со слав. *zona, ср. с.-хорв. чак. *zona* 'искорка' (Jurišić II, 244).

-ola/-ula. В славянских языках очень немногочисленны образования с этими суффиксами. Из них к балто-славянскому слою лексики принадлежит слав. **gomolъ/*gomulъ*, корневая часть которого **gom-* связана чередованием со слав. **žęti, žьтo* 'жать, давить' (Sławski. Zarys 1, 109). Славянским образованиям с суф. *-olъ, -ulъ* точно соответствуют лит. *gāmalas* 'ком, ломоть, кусок', *gāmulas* то же, *gāmulys* 'ком, кусок'. В основной ареал этих образований входят сев.-слав. языки, а на ю.-слав. территории западные диалекты: ср. словен. *gomóla* 'неплодородная земля, пустошь на сланцах', *gomòlj, gomólja* 'ком' и *gomúlja* 'вид свадебного

23 Sławski F. Zarys dialektologii południowosłowiańskiej. W-wa, 1962, 51–53.

пирога', с.-хорв. чак. *gōtoja* 'груда (сыра)' (Брач), *gomija* 'большая куча камней' (RJA III, 265–266: Брач, Истрия; Vjel.), *gomōja* 'круглый сыр' (Hr.–Šim. 242: Брач), а также ст.-чеш. *homole*, в.-луж. *homola*, *homula* 'ком; холм', польск. *gomóła* 'ком' и т. д. (ЭССЯ 6, 18–19; Vaillant IV, 564).

Глухой вариант основы с суф. *-ol* – *komolъ (= лит. *kamuolys*, лтш. *kamuōls* 'клубок, моток') восстанавливается на основании словен. *komōl* 'безрогий', *komōlec* 'локоть', топ. *Komolec* (Bezlej II, 61), с.-хорв. *kōmolac* 'локоть', название села в Далмации (RJA V, 246: с XVI в.), а также чеш. *komolý* 'тупой, короткий', польск. *komolec* 'локоть', др.-рус. *комольий* 'безрогий' и т. д. (ЭССЯ 10, 174–175). Славянские языки сохранили в свободном виде производящую основу: ср. словен. *kom* 'что-либо круглое', с.-хорв. *kōm* 'выжимки' и т. д. (ЭССЯ 10, 179; Vaillant IV, 564; Sławski II, 389).

Вокруг праслав. диал. *vъrx-olъ (< *vъrxъ) группируются словен. *vrhōl* 'вершина', чеш. *vrchol* 'вершина, верхушка', польск. *wierzchol* то же (Vaillant IV, 564).

-al'a. Словен. *strbālja* 'плохой лес; лес с сухими, кривыми деревьями' и, возможно, связанное с ним *štrbōla* 'стебел' (Kumer 141), допускает вычленение суф. *-alja* (< *al-ja*)/*-ala*. Внутренняя форма этого слова, не привлекавшего к себе внимания этимологов, проясняется при сближении с группой зап.-слав. слов, а именно чеш. *strboul* 'бот. название (вид соцветия, напр. пестик клевера); ствол, ветка без листьев' (PSJČ), 'ботва без листьев' (Hošek. Českomorav. II, 143), *strbel* 'обрубленное дерево, ветка без листьев' (Gregor 153), зап.-морав. *strboul*, *strbouleček* 'карлик; карликовое дерево', словац. *strmel* 'ствол дерева с отрезанными ветвями' (Machek² 581), зап.-словац. *štrbak* то же (Ripka 57). Махек рассматривает названные слова в окружении лит. *strūbas* 'короткий, тупой', *strubis* 'нечто короткое; карапуз', *strubėti* 'становиться маленьким', лтш. *strube* 'старый веник', *strupulis* 'колода, чурбан', т. е. в рамках этимологического гнезда и.-е. **st(e)reu-*: ср. др.-в.-нем. *Struppe*, нем. *Gestrüpp* и т. д. (Pokorny I, 1027; Fraenkel 925). Из балтийских соответствий особого внимания заслуживает производное с суффиксальным *l*.

-ul'a. Этот суффикс, достаточно продуктивный в словенском и сербохорватском языках, выступает в функции экспрессивного форманта, а также служит средством образования имен женского рода, названий зверей, растений (Bajec 36; Sławski. Zarys 1, 110).²⁴ При помощи суф. *-ul'a* образуются существительные от глагольных и именных основ.

24 *Warchoł St. W sprawie genezy i funkcji sufiksu -ula w słowiańskich nazwach osobowych i apelatywach // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 3. Językoznawstwo. W-wa, 1968, 55–63* (с литературой по этому вопросу).

Название растения **kadul'a* (: **kaditi*) ареально ограничено зап.-юслав. диалектами: словен. *kadúlja* 'шалфей, *Salvia pratensis*, *Salvia officinalis*', 'растение, заживавшееся в комнате роженицы', в XVIII в. *kadulja* 'Scharlachkraut' (Bezljaj II, 9: Pohlin, Gutschmann), с.-хорв. *káduļa*, название растения (с XVII в., RJA IV, 732: Mičala, Bjel., Stulli, Volt., Vuk: u Mostaru).

Оформлено суф. *-ul'a* название птицы **bergul'a* (: **bergъ*), гнездящейся в берегах рек: словен. *bregúlja* 'стриж', *brigulja* то же (Bezljaj I, 40), с.-хорв. *brègula* 'вид ласточки' (RJA I, 622: Bella, Bjel., Stulli), а также чеш. *břehule* '*Riparia riparia*', словац. *brehul'a* то же, укр. *берегуля* то же (ЭССЯ 1, 191; Sł. prasł. 1, 203).

Развивает новые значения и семантически обособляется от исходной основы **korbъ* (ср. рус. *короб*) слав. диал. **kربول'a*: словен. *krabúlja* 'маска, личинка', с.-хорв. *kráбуља* то же, диал. 'корзиночка' (RJA V, 428: в книжном языке нашего времени; PCA X, 387-388), ср. рус. диал. *коробуля* 'корзинка из дранки'. С близким суффиксом латинское имя собственное *Corbulo*, род. п. *-onis*, производное от лат. *corbis* 'корзина' (ЭССЯ 11, 52; Bezljaj II, 77).

-уль. Словен. *smetílj* 'опухоль' отношением производности связано с именем *snét* 'головня, ржавчина на злаках'. В зап.-юслав. диалектах на правах вариантов выступают производные от той же основы с формантом *l*, осложненной вторичной суффиксацией: словен. *smetljáj* 'головня на хлебе; язва, нарыв', *smetlika* 'der Augentrost (euphrasia)', с.-хорв. *smètljika* 'головня у кукурузы', у Вука с пояснением: на kukuruzovini mjesto kukuruza kao kila s crnijem prahom, 'нарост' (RJA XV, 697; Skok III, 298). В болгарском соответствующее имя без форманта *l* — *снѣтей* 'головня на злаках' (Геров).

В круг продолжений слав. **kostylъ* (< **kostъ*) входит и словенский язык: ср. словен. *kostílja* 'дерево *Celtis australis*; кнутовище (из этого дерева)' и др.-русс. *костыль* 'гвоздь, верх которого загнут под прямым углом', укр. диал. *костыль* 'часть большой продольной пилы', блр. диал. *кастыль* 'костыль; крюк' (ЭССЯ 11, 167).

-dlo. Праслав. диал. **skridlo/*skridlъ*, производному с суф. *-dlo* (Sławski. Zarys 1, 114) от незасвидетельствованной в славянских языках глагольной основы, продолжающей и.-е. корень **(s)krej-* (ср. лит. *skriėti, skriejù* 'быстро двигаться, вращаться'), родственно лит. *skrylis* 'лепешка, оладьи' (Fraenkel 817). На южнославянской территории праслав. **skridlo/*skridlъ* продолжают словен. *skril*, род. п. *skrili* 'шифер; каменная плитка; вьюшка; льдина', с родовыми вариантами *skrila* 'каменная плита', *skřlo* = *skřl* 'шифер', с.-хорв. *skril, skrila, škriļ* и *škriļa* 'плита' (RJA XV, 328: с XIV в.; Šulek, Popović), чак. *škrilâ* 'каменная плита' (Белич 85), хорв.-кайк. и чак. *škrilj* м. р. 'шифер, вид плоского камня', *škrilja* (Црес) 'плита', *škrilja* 'стружка, щепка' (Bella), *škrila* 'льдина, каменная плита' (Vitezović), *škrilja* (Лика) 'плоские камешки, которые пастухи бросают над водой' (Skok III, 403), *škriljak* 'шляпа' (Herman 94), *škriljak, škriljača* то же (Hadrovics 483, 463), топ. *Skril Velika* (Истрия 1325),

Škrļjevo и *Škriļjevo* (Словения, Хрв. Приморье), *Škrīle*, название поля, *Škrīla*, название горы (Maštrović 455) и т. д. Из сев.-слав. языков ср. рус. *скрыль* 'щепка, лучина; ломоть хлеба', чеш. *skřidla*, *škřidla* 'сланец', *škridla* то же и 'покрытие' (Gregor 148), словац. (Гемер) *škridla* (Orlovský 333).

-*slo* > -*zlo*. Прямую непосредственную связь с семантикой производящего глагола *kovati, *kujō* сохраняют имена с редким суффиксом -*zlo* (< -*slo*): словен. *kūzla*, *kūzļa* 'вид двойного плуга для гористой местности; вид плота' (Bajec 26; Bezlaj II, 115), *kuzlo* 'орудие' (Narodopisje Slovencev I, 138: Горения), с.-хорв. *kuzlac* (Посавина) 'клин, которым закрепляют скамью в лодке' (RJA V, 841), а также рус. диал. *кúзлó* 'кузнечная работа; кузнечное изделие' (СРНГ 16, 24). Вторичное значение 'чары, колдовство' в чеш. *kouzlo*, словац. *kúzlo*, в.-луж. *kuzło*. В зап.-юслав. диалектах *kuzla* отмечено в пейоративном значении 'сука' (ср. RJA V, 841: Пригорье и Загорье), хорв. *kūzla* (Koschat 225).

В составе зап.-юслав. диалектизмов представлены прилагательные на *l* причастного происхождения: ср. *zamólkel* 'глухой, хриплый' (: *zamólkniti*), *zamókel* 'влажный' (: *zamókniti*), *stékel* 'злой (пес)' (: *stéči* 'становиться злым, бешеным (о собаке)'), *utóhel* 'испорченный' (: *utóhnutí*) т. д. (Vaillant IV, 549).

Лексикализованную форму причастия на *l* представляет собой праслав. диал. *čilъjъ (: *čiti, *čьjō* 'отдыхать', ср. *čulъ : *čuti, *gnilъ : *gniti): словен. *čil* 'отдохнувший, бодрый; здоровый; крепкий', диал. *čil*, *čil*, ср. *čilo zrno*, *čila moka* (Bezlaj I, 82), с.-хорв. *čil* = *čjo*, *čila* 'крепкий, сильный; свежий' (с XVI в., RJA II, 38: Marulić, Vuk), ст.-чеш. *čilý* 'свежий, бодрый, живой', в.-луж. *čily* 'невредимый, бодрый, крепкий', укр. *чiлий* 'здоровый, крепкий' (ЭССЯ 4, 112; Sł. prasł. 2, 199; Mikl. VGr. II, 95).

Отглагольное прилагательное с суф. *l* **čipъ(jъ)* (: *čipati, ср. рус. диал. *чипать* 'чесать лен, шерсть') лежит в основе словен. диал. *čipel* = *čipek* 'небольшой, щуплый', чеш. *čiplý* 'щуплый, худой', *čiplá* 'коза без рогов', словац. диал. *čiplý* 'щуплый, худой', рус. диал. *чиплаухий* (Sł. prasł. 2, 201–202). О более широком распространении в древности этого прилагательного свидетельствуют древнелужицкие топонимы *Scheiplitz*, 1300 *Chypelitz*, *Seiplitz*, 1350 *Schipelicz*, *Zscheiplitz*, для которых Э. Эйхлер восстанавливает основу *čiplia* < *čipl-*²⁵

Прилаг. на *l* **mъdъlъ(jъ)* (: *muditi) в словен. *medel* 'слабый, вялый, безвкусный', в XVIII в. *medl* масер (Bezlaj II, 175), с.-хорв. *mādal*, *mādla* ж. р. 'неясный, мутный, тусклый, fuscus' (RJA VI, 355–356: Nemanić, нар. песня из Истрии; Skok II, 348: отсутствует

25 Eichler E. Probleme der vergleichenden westslawischen Toponomastik // ZfSl, Bd. 27, H. 3, 1982, 418.

в шток. и болг.), цслав. мѣдѣѣ бѣдѣѣ tardus (Mikl. LP 385), чеш., словац. *mdlý* 'слабый, бессильный', польск. *mdły*, в.-луж. *móđty* (Фасмер II, 636; Machek² 356).

В чакавском диалекте (Црес) представлено прилаг. *tíl* 'толстый' (: *tyti) (Tentor – AfslPh XXX, 202).

К причастию на / глагола **r'uti* восходит зап.-юслав. глагол *ruliti*: словен. *rúľiti* 'реветь, выть' и с.-хорв. *rúľiti* 'хрюкать', *ruľiti* 'реветь, рычать' (RJA XIV, 301: Habdelić, Bjel., Stulli, Volt.), *rúľit* то же (Moguš. Senj 137).

Тот же тип образований представляет словен. *súľiti* 'сыпать', соотносимое Плетершником (со знаком вопроса) с глаголом *súti*, *spém* 'сыпать'.

В плане относительной хронологии наиболее древнюю часть зап.-юслав. диалектизмов с суф. / образуют имена, для которых прослеживаются близкие словообразовательные соответствия в индоевропейских языках: ср. слав. **ščul-* (словен. *ščúľjek*) и ср.-в.-нем. *schiel* 'осколок'; *sěľ (словен. *sěl*) и др.-ирл. *síl* 'зерно', лит. *paselỹs*, хет. *šeli*; **korbul'a* (словен. *krabúľja*) и лат. *Corbulo*; *gomolъ (словен. *gomóla*) и лит. *gāmalas* 'кусок, ломоть'; *komolъ (словен. *komól*) и лит. *kamuolỹs*, лтш. *kamuól̃s* 'клубок, моток'; *čulъкъ (словен. *čúlek*) и лит. *kiaūlé* 'свинья'; **strъb-* (словен. *strbáľja*) и лтш. *strupulis* 'колода, чурбан', *skridlo (словен. *skríl*) и лит. *skryľis*.

Остальные имена с формантом / являются славянскими новообразованиями. Основные линии изоглоссных связей распределяются следующим образом. 1. Связи с сев.-слав. языками характеризуют словен. *ščúľjek*, *próglo*, *čmēľj*, *věželj*, *gomóla*, *komól*, *bregúľja*, *skríl*, *kūzla/kūzľja*, *číl*, *čipel*, *žvála*. 2. Общие изоглоссы объединяют зап.-юслав. диалектизмы и частично вост.-слав. языки: словен. *čékelj* и укр. диал. *чóкал*, рус. диал. *чеклúха*, словен. *zúbľja/zúbelj* и блр. диал. *зúбьяль*, словен. *krabúľja* и рус. диал. *коробуля*, словен. *kostíľja* и рус. *костыль*, укр. *костиль*. 3. Преимущественно с языками и диалектами чешско-словацкой группы связаны словен. *stôgla* (~ словац. *stuhľ'a*, *stuhel*), *krděl* (~ чеш. диал. *krdel*, словац. *krđel*), *strbáľja* (~ чеш. *strboul*, *strbel* и т. д.). 4. В общей изоглоссе с лехитскими языками участвуют словен. *krelje* (~ словин. *křel*), *globel* (польск. *głóbieľ*). 5. Некоторые изоглоссы, захватывающие часть зап.-юслав. языков, имеют продолжения в зап.-слав. диалектах: ср. словен. *króželj* (~ ст.-польск. *krážel*, словац. диал. *kružel*), *brádelj* (~ словин. *brodwl*, чеш. топ. *Bradál*), *vrhól* (~ чеш. *vrchol*, польск. *wierzchoľ*), *medel/medl* (~ чеш., словац. *mdlý*, польск. *mdły*). 6. За пределами зап.-юслав. ареала ограничены продолжения для словен. *čúlek*, *sěl*, *sil*, *žel*, *smrdel*, *prękla*, *dežela*, *kršelj*, *krpelj*, *rášľja*, *páželj*, *gócelj* = *gúcelj*, *kávelj*, *kvácelj*, *znúbelj*, *kadúľja*, *smetíľj*, *rúľiti*, *súľiti*, чак. *tíl*. 7. С отдельными вост.-юслав. диалектами связаны словен. *žvála* (~ макед. *ивало*), *próglo* (~ болг. род. *пράгли*).

Производные с формантами *-n-*, *-m-*

Элемент *n* в качестве детерминатива входит в структуру праслав. **ganati*, охватывающего частично вост.-слав. языки (ср. рус. диал. *ганать* 'гадать, ворожить') и зап.-юслав. диалекты: словен. *gánati* 'гадать', с.-хорв. зап. *ganati* 'говорить' (RJA III, 99; Stulli), *ganāt* то же (Tentor. Leks. sl. 73). Другие расширители имеют родственные глаголы **gadati* (ср. болг. *гадая* 'гадать') и **gatati* (ср. болг. *гатам* 'ворожить, гадать'). См. ЭССЯ 6, 99.

-na/-n'a. В перечень старых имен с суф. *-na* (ср. **céna*, **vьlna*, **vesna*, **glina* и т. д.) входит праслав. диал. **stьgna*, связанное чередованием с рус. *-стигать*. Суф. *-na* присоединяется к основе, этимологически тождественной лтш. *stiga* 'тропа, пешеходная дорога', др.-в.-нем. *stēg* то же, гот. *staiga* 'дорога' (Sławski. Zarys 1, 116; Vaillant IV, 586). Данное образование, хорошо засвидетельствованное в разных частях славянской территории, имеет ограниченные продолжения в вост.-юслав. диалектах: ср. у южных славян словен. *stegnà* = *stegnè* мн. 'дорога, обычно между двумя заборами, по которой гоняют скот', с.-хорв. *stagna* (Vrančić, Stulli, Magulic, Baraković, Daničić) 'platea', топ. *Stagnà* (Далмация), *Stàgna* (Корчула) (RJA XVI, 336; Skok III, 324) и ст.-слав. *стыгна* ϣυγνᾶ, ἄγυρά (Супр.), на остальной территории — польск. *ściegna* 'перепутье', словин. *stějgna*, др.-рус. *стыгна* 'площадь, улица' (Срезневский III, 583), рус. *стогна* 'площадь, улица' (Фасмер III, 763; Machek² 577).

В этимологическом гнезде с глубокими индоевропейскими связями, объединяющем лит. *gijà* 'нить в основе (для тканья)', слав. **žila*, **žica* (Фасмер II, 54, 57), как образования с суф. *-na/-n'a* определяются словен. *žíma* 'отдельные конские волосы; грива; силки из конских волос' (с *n > m* по ассимиляции), *žipja* = *žíma* и родственные им ст.-чеш. *žíně* 'грубая нить; шнур из шерсти' (Machek² 728), чеш. *žíně* 'конский волос' (Kott V, 833–834) и словацкое производное *žinka* 'тонкая (и обычно короткая) веревка для привязывания скота' (SSJ V, 806), диал. (Гемер) 'тонкая веревка для белья' (Orlovský 421). Суффиксальное *n* участвует в образовании и генетически тождественных балтийских образований: лит. *geīnis* 'цепь', *geinỹs*, *geņỹs* 'веревка для лазания по деревьям за медом', лтш. *dzeinis* 'нитки, из которых что-либо ткут', лат. *fūnis* 'веревка, канат' (Fraenkel 143; Vaillant IV, 603).

-nъ/-nь. Непосредственно с глаголом **truti*, *trovq* связано производное имя **trunъ/*truna* с реконструируемым для него первоначальным значением 'изорванное, истертое, измельченное'. В ареал данной лексики входят словен. *trun* 'кусочек, крошка' (Šašelj I, 312), с.-хорв. *trûn* 'кусочек, крошка, пылинка, соринка, соломинка' (RJA XVIII, 818: Volt., Stulli, Ivek.; с XVII в.), *трѹн* 'festicula' (Вук), рус. волог. олон. *трун*, *трунь* 'рвань, тряпье, отрепье', арх. *трун* 'оборванец', кольск. *труна* 'кушанье из накрошенного в квас хлеба' (Фасмер III, 109; Варбот 1984, 142).

Перечень слав. имен на *-нь* (ср. **kazнь*, **bornь*, **danь*, **dolнь* и т. д. — Vaillant IV, 599–602¹) может быть дополнен образованием, засвидетельствованным в зап.-юслав. диалектах: ср. словен. *stēnj* м. р. 'фитиль', *stēnj pri sveči*, *stēnj za rane*, производ. *stēnjasta preja* (Slov. pravopis; Mikl. 323), с.-хорв. чак. (Црес) *stēñ*, *-ã* 'фитиль; струя дождя' (Tentor — AfslPh XXX, 201), *stijenj* м. р. 'фитиль; ellychnium' (Stulli; Ivek.—Broz II, 473; Хорватия), *stijeñ* = *stijēne* 'фитиль' (RJA XVI, 562; Mikala, Habelić, Bella, Bjel., Jambr., Volt.), *stīnj* то же (Moguš. Senj 139).

По наблюдении Г. Ф. Одинцова в грамоте царя Ивана IV (1576 г.) представлено название оружия с однокоренным прилагательным *стѣнистая короткая пицаль* 'фитильное короткое ружье'. Обычно эти образования упоминаются в гнезде семантически удаленного слав. **těнь/*stěнь* 'тень' (Фасмер II, 82; Mikl. 356, 357; Skok III, 335), но при этом расхождения в семантике сближаемых слов вообще не отмечаются и никак не объясняются. Оставлено без внимания предположение Даничица о том, что в основе этих образований лежит корень, обозначающий процесс горения. Между тем эта идея не лишена оснований, если учесть с.-хорв. диал. (черногор.) *йстијати* 'изжарить на слабом, медленном огне' < **jъz-tějati*, связанное со слав. **zatejati* как обозначение конца действия — с обозначением начала действия (ЭССЯ 9, 77). Префиксально оформленное **-tejati* в ст.-рус. *затѣяти* 'предпринять, затеять что-л.' с производным от него *затѣя* 'выдумка, измышление' (СлРЯ XI—XVII вв. 5, 320), рус. перм. *затѣять* 'повторять часто и без надобности одно и то же' (СРНГ 11, 91), *утѣять* 'утвердить что-л.' (Новосиб. словарь 559), блр. *зацевáць*, *зацѣяць* 'затеять', *выцяваць* 'придумывать', укр. *вигі́вати*, *вигі́яти* 'выдумывать, выдумать, затеять, затеять' (ЭСБМ 3, 310).

Если исключить как маловероятное, основанное на чисто внешнем сходстве, сравнение с лтш. *tievēt* 'стремиться к чему-л.', *tītīt*, *-īju* 'упрямиться, раздражаться', лит. *titinoju*, *titinoti* 'хвастать' (Фасмер II, 82), то наиболее вероятным, заслуживающим внимания остается предположение о родстве слав. *-tejati* с **tajati*, **tajiti* (ср. с.-хорв. *tajiti* 'скрывать', словен. *tajiti* 'отрицать' и т. д.),² а на индоевропейском уровне вполне правдоподобно сближение с хет. *taj-* 'красть', др.-инд. *tājús* 'вор', *stāyāti* 'является тайным'. Внутри реконструируемого гнезда далеко отстоящие друг от друга значения 'красть', 'таять', 'таить', 'тлеть' связаны объединяющей все эти

- 1 Об именах этого типа в русском языке см.: Азарх Ю. С. Из истории именного словообразования (основа женского рода на *-нь*) // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974, 3–22.
- 2 Трубочев О. Н. «Молчать» и «таять». О необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, 100–105.

образования идей медленного, постепенного, слабо выраженного процесса, протекающего в скрытой, незаметной форме. Именно этой идеей предопределена семантика таяния, горения и всего того, что связано с замыслом, намерением, желанием предпринять какое-либо действие. Таяние, понимаемое как процесс незаметного, постепенного исчезновения, разрушения, стало основой для развития в направлении 'таить, прятать, скрывать' > 'молчать' (ср. слав. *tajiti и лат. *tācere* 'молчать'). В некоторых контекстах наблюдается совмещение семантики таяния и горения: ср. рус. диал. *затáивать*, *затаять* 'зажигать (свечу)', *затаяли* свечу воску ярого (онеж., СРНГ 11, 80), т. е. горение приравнивается к таянию свечи. В зап.-юслав. диалектах на базе глагола, оформленного приставкой *sz-* или *ǰz-* складывается производное на *-ль-*, которое служит обозначением фитиля, жгута, скрученного из ниток шнура, т. е. материала, который хорошо держит огонь, но горит медленно, тлеет. С рассматриваемым зап.-юслав. диалектизмом чередованием корневого вокализма связан, видимо, отыменный глагол **tin'ati* (с *i* < *ei*), продолжения которого в словен. *tinjati* с производным *otînek* 'тлеющие угли', с.-хорв. *тѣяти* 'тлеть', *stinjati se* 'постепенно угасать' (RJA XVIII, 335; Ivek.-Broz. II, 743), производн. диал. *тиька* (ватра само *тиька*; мокра дрва неће ни да горну), а также блр. диал. *тынѣць* 'тлеть, преть' (Запрудскі 1989, 57).³ Примечательно, что этот глагол засвидетельствован в том же зап.-юслав. ареале. Все другие попытки объяснить ю.-слав. **tin'ati*, имеющего структуру производного образования, исходя из *tylěti на основе диссимиляции *t-l* > *t-n*, нельзя признать удовлетворительными (Skok III, 472).

Прилаг. *rěsknъ, построенное по типу *těsknъ, *ěsknъ, *prěsknъ, родственное лит. *raiškùs* 'очевидный' и *raiškšti* = *reikšti* 'обнаруживать, показывать, делать явным' (Vaillant IV, 576; Fraenkel 717; Sławski 1963, 48), является одним из важных показателей автономного развития зап.-юслав. диалектов в эпоху праславянского языка. Основание для реконструкции *rěsknъ дают словен. *rěsen* 'действительный, настоящий', нар. *rěsen* 'действительно' и *zrěsen* = *rěsen* 'серьезный, важный', с.-хорв. *resan* 'действительный, истинный', в сочетании *resni sveti* (= *savjeti*) (Ватиканский молитвенник XIV–XV вв.), *zresen* нар. (Skok III, 131; RJA XIII, 888, 886: Bjel., Habelić), хорв.-кайк. (Вирье) *zrěsna* нар. (Herрман 98), *zrě'sna* то же (Fancev 386). В этих же диалектах находим бессуффиксальные образования: словен. и с.-хорв. нар. *res*, чак. (Прес) *rěska* 'действительно' (Tentor – AfslPh XXX, 199). Присутствующие в памятниках старославянской и церковнославянской письменности слова *рѣснота* (Син. пс.,

3 *Виттошевић Д.* Поглед на језичко благо Груже // Лексикографија и лексикологија. Београд – Нови Сад, 1982, 34.

Киев. л. и т. д.), *рѣсьнз* 'verus, certus', *рѣсьнота* 'veritas' (Mikl. LP 812), как полагал Ягич, вошли в тексты церковных книг в период деятельности первоучителей в Паннонии и Моравии (Львов 135–137).

Причастного происхождения суф. *п* и словен. *grêp* ж. р. 'горечь; чернота в виноградном сусле' (ср. производные *grének* 'горький, терпкий', *grenik* 'раст. *Iberis umbellata*') и родственном ему укр. *грянъ* ж. р. 'раст. *Lychnis chalcidonica*', *гранъ* ж. р. 'крупные горящие уголья' и т. д. (ЭССЯ 7, 118). Данные образования представляют собой субстантивированное причастие страд. прош. вр. **gréнь* (: **gréti*).

-по/-ъ)по/-ьно. При этимологическом сближении со слав. **stogъ*, **stežerъ* (ср. болг. *стѣжер* (столб на гумне, к которому привязывают лошадей, шест в стогу'), **stožerъ* (ср. болг. *стѣжар*, *стѣжер* 'свая, вбитая в току') суф. *-по* вычленяется в составе словен. *stégno* 'бедро; колотушка; страшило', с.-хорв. *stègno*, *stègna* 'бедро' (RJA XVI, 517), *stegnò* 'crus' (Strohal – Rad 124, 144), ст.-слав. *стегно* мрѣс (Супр.) и чеш., словац. *stehno*, польск. *ścięgno*, *ścięgno* (с вторичной назализацией) 'ляжка, окорок', др.-рус. *стегно* 'бедро, лядвья; чресла' (Фасмер III, 751; Skok III, 331; Vaillant IV, 584).

Слав. **lqk(ъ)по*, построенное по типу **tolkъно* : **telkti*, **volkъно* : **velkti*, **sukъно* : **sukati* (Sławski. Zarys 1, 135), связано чередованием корневого вокализма с глаголом **lękti*, *lęq* 'гнуть, сгибать' (Трубачев. Ремесл. терм. 164). У сев.-слав. продолжений этого слова наиболее определенно выражено основное значение – 'корзина, сплетенная из лыка': ср. др.-рус. *лукъно* 'кадочка, лукошко, мера', ст.-чеш. *lukno* 'мера для жита, меда', ст.-польск. *lukno* то же и т. д. (Vaillant IV, 583; Sławski V, 307–308). В зап.-юслав. диалектах утвердилось производное значение 'дань, десятина, сбор в пользу церкви', это значение характеризует словен. *lukno*, *lqkno*, с.-хорв. сев.-зап. *lūkno* (RJA VI, 213; Mičala, Vjel.; Maž. I, 616; Skok II, 281; Пригорье, Посавина, Подравина). Более архаичные значения отмечены в сербохорватских периферийных говорах: ср. сев.-зап. *lūkno* 'старая мера для жита' (с XVI в.), кайк. 'еда, которую косцы берут в поле' (Требарьево), чак. (Хвар) *lūkno* 'слабость, бессилие, изнеможение' (см. Boguš 1984/85, 95–96). Мотивирующим для всего этого семантического ряда было значение 'гнуть, сгибать' и как результат действия – 'нечто изогнутое, дугообразное' > 'корзина, лукошко' > 'корзина как единица измерения' > 'мера для жита' и 'дань'; церковный сбор'. Той же исходной семантикой мотивируется развитие значения 'слабость, немощь', ср. семантически сходные отношения между словен. *hil* 'кривой' и рус. *хилый* 'слабый, болезненный'.

Структуру производного на *-ьно* (ср. слав. **boršъно*, **kъzъно*, **platъно* и т. д.) имеет зап.-юслав. **арьно*?/*варьно (: **варь*, Vaillant IV, 593): словен. *árpno*, *várpno* 'известь', с.-хорв. диал. *jáпно* = *вапно*

(с XVI в., RJA IV, 462: Vrančić, Mihaļa, Bella, Stulli, Volt.; Vuk с пометой: в Риеке), чак. *jarpò*: шток. *varno* (Tentor – AfslPh XXX, 191), *jārpò* = *varno* (Moguš. Senj 126), хорв., чак. *jārpno*, *jarpān*, *jārpna* (Rasprave 1968, 190: Žirje), *jarpno*, *varno* (Neweklowsky 323, 342). Для производящей основы, не засвидетельствованной в славянских языках, предполагается связь с большой группой архаичных индоевропейских слов, обозначающих воду, из которых одна часть объединяется вокруг **ar-*, другая – вокруг **ur-* (ЭССЯ 1, 72; Bezlaj I, 5 с обзором литературы).

-аль/-ап'а. Часть славянских языков охватывает производное на *-ап'а* от общеслав. *lubъ 'вид коры, лыко': словен. *lubānja* = *lobānja* 'череп; выпуклость, возвышение; гребень горы', диал. *lobanja* (Tominec 123), с.-хорв. сев.-зап. *lūbaña* 'carva, calvaria, череп' (RJA VI, 182: Bjel., Volt., Daničić), *lūbanja* (Moguš. Senj 109), а также польск. диал. *lubania* 'кора дерева' (Sławski V, 271). Значения 'череп' и 'возвышенность' производны от основного значения 'кора' > 'выпуклая кора; скорлупа' (Sławski V, 92; Vaillant IV, 618).

Присоединением суф. *-аль* к основе *lyst-* (с.-хорв. *list* 'голень, икра ноги', ср.-болг. *лысто*, макед. диал. *листо* и т. д.) образовано зап.-юслав. *lyстань, расширенное суф. *-ькъ*: словен. *listānjek* 'икра ноги' (Прекмурье, вост. Штирия), 'доска плуга, с помощью которой поднимается земля', с.-хорв. диал. *listañak* 'икра ноги' (RJA VI, 114: Bjel., Jambr.). Суффиксальный вариант той же основы в польск. диал. *lyśnie* мн. 'икры' < *lyst-na (: *lysta*), построенном по тому же типу, что и слав. *borzda : *borzd-na (Sławski V, 436–437; Skok II, 308).

-епь/-епь. Если следовать этимологии, принятой в Краковском словаре, то праслав. диал. название рыбы *boleнь/*boleнь представляет собой производное на *-епь/-епь* с корневой морфемой **bol-*, этимологически тождественной слав. *bolto 'болото', лит. *báltas* 'белый' (Sł. prasl. 1, 302). За пределами сев.-слав. ареала (ср. чеш. *boleň*, польск. *boleń*, укр. диал. *болень* и т. д.) это название находит отражение в словен. *bólen* м. р. 'жерех *Aspius garax*', с.-хорв. *бóлен*, *бóльен*, *бóлем* то же (РСА II, 47, 56).⁴

-ина. В большом массиве словенской лексики с суф. *-ина* можно выделить некоторые образования, наиболее характерные для зап.-слав. ареала.

Название растения, для которого реконструируется исходная форма *česmirъ/*česmina или *česvina, соотносительное с глаголом *česati, принадлежит части восточных и южных славян: ср. словен.

4. Такое же понимание словообразовательной структуры слав. *boleнь находим у К. Мопшинского. См.: *Mozzyński K.* O sposobach badania kultury materialnej Praslówian. Wrocław etc. 1962, 147. О других опытах этимологического истолкования слав. слова см.: ЭССЯ 2, 172; Machek² 37, Bezlaj I, 31.

česmîn, česmîn, česmína 'барбарис *Berberis vulgaris*', с.-хорв. *česmina, česvina*, также диал. (Дубровник, Черногория и чак.) *česvina* 'Пех', рус. диал. *чесмина* 'Пех aquifolium' (ЭССЯ 4, 88; Sł. prasł. 2, 177).

С помощью суф. *-ina* образован один из словенских терминов горного рельефа *skrótina* 'большая скала', соотносительный со словен. *krót*, прилаг. 'крутой, стремительный', *krotiti* 'поворачивать, крутить'. В географическом значении основу *krot-* в другом суффиксальном оформлении достаточно широко представляют вост.-слав. языки: ср. рус. *кру́ча* 'яр, обрыв, утес, стена, скала', *кру́чи* 'горы, скалы, обрывы, пади' (Даль² II, 203), блр. *кру́ча* 'высокое место, крутой берег, обрыв' (Яшкін 98), укр. *круча* 'крутой склон горы' и т. д. (Толстой 90, 100). Специального выделения заслуживает укр. *скрут* 'недоступная вершина горы' (Марусенко 233, 249), которое, как и словен. *skrótina*, характеризуется приставкой *sz-*.

Праслав. глагол **rutiti/rutiti* (ср. словен. *rutíti = rotíti = retíti* 'поранить; повредить', с.-хорв. *po-rutiti se* 'упасть, свалиться, соггуге', болг. *ру́тя* 'рушить, разрушать', макед. *рути* 'рушить' и т. д.) дает в части славянских диалектов производное на *-ina*: словен. *raz-rutína* 'повреждения на крыше от ветра', *rotína : rotínja* 'повреждение дерева' (Bezljaj. Eseji 106–107), кайк. (Самобор) *rútina, z-rútina* 'zemlja, što prođe v plás, opuzne', название пещеры *Rutine* мн. (RJA XIV, 346: Poljica), чеш. *řitina* 'глубокий ров', рус. подмоск. *рутіна* 'глубокое место в реке, озере' (Borys 1980, 27–28).⁵

Словен. *ozobína = ozóbek* м. р. = *ozoban grozd* 'виноградная гроздь, с которой сняты все ягоды', производное от глагола *ozóbatí* 'обглодать, обкусать', тождественно с.-хорв. *ozobína* 'огрызок' (RJA IX, 522: Vuk с пометой: в Далмации).

Однокоренные образования на *-ina*, но с разными производящими основами *ředьkъ* и *řed-* получили распространение в зап.-юслав. диалектах: словен. *ředčina* 'поляна в лесу' и др.-чак. *redina* 'пустошь' (Porović 324), топ. *Redina* (Skok III, 122: Жумберак), *Rédina*, название урочища в Хорватии (RJA XIII, 835).

С глаголом *padati* соотносится именное образование на *-ina* — словен. *padavína* 'атмосферные осадки' и с.-хорв. *padavina* 'дождь, снег' (RJA IX, 555: только Шулек).

С оттенком собирательности словен. *poljina* 'ряд соседящих между собой полей', производное от имени *polje*. Соответствующее образование выступает в сербохорватском в качестве микротопонима: *Poljine* мн., село в Боснии, название земли (u Poljicima) (RJA X, 640).

5 О глаголе **rutiti/*rutiti* и его производных в вост.-слав. языках см.: Меркулова В. А. Заметки по русской этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1972. М., 1974, 202–203.

-*упь*. По наблюдениям Ф. Славского, этот суффикс сохраняет продуктивность в вост.-слав. языках и чешском языке. В ю.-слав. языках образования с суф. -*упь* полнее всего засвидетельствованы в словенском языке (Sławski. Zarays 1, 134; Vaillant IV, 624–625).

Производное на -*упь* *pěstunъ (: *pěstovati, *pěstiti), связанное чередованием гласных с *pitati, характеризует сев.-слав. языки (ср. рус. диал. *пестун* 'воспитатель', укр. *пистун*, чеш. *pěstoun*, словац. *pestún*, польск. *piastun* и т. д. — Фасмер III, 251), а у южных славян это образование ограничено в своем распространении словен. *pestún* 'воспитатель, ст.-слав. ꙗꙑстоꙗꙑ 'воспитатель, παιδαγωγός' (SSJ 33, 528; Ostr., Vind., Ochrg., Slepč.),⁶ болг. диал. *пестун* 'опекун'.

Более ограниченный ареал имеет слав. *tekunъ (: *tekti): ср. словен. *tekún* 'бегун', с.-хорв. *tékún* 'колесо, rota' (Iv.-Broz II, 562; Вук; Зета, Черногория; RJA XVIII, 178; Skok III, 450), рус. диал. *текун* 'текущее вещество', *мак текун* 'мак, который сам высыпается из коробочек'.⁷

-*упь*. При помощи этого суффикса образовано зап.-юслав. *peđьпъ (: *peđь) с ограниченными ареальными связями: словен. *peđen* м. р. = *peđenj* м. р. 'пядь, промежуток', *peđanj* = *peđenj*, с.-хорв. *peđanj* то же (RJA IX, 751: Bjel., Jambr., Volt., Stulli, Habdelić, Popović), *peđanj* 'пядь' (Rad 315, 70), 'spithama, palmus' (Maž. II, 909), *peđanj* 'palmus' (Жумберак, Риека) = *pāden* (Бедня) (Skok II, 629; Strohal — Rad 124, 146), *peđej*, *peđanj* (Rad 121, 101: Кварнер), *peđenj* м. р. (Hermap 88), *peđanj*, *speđanj* 'пядь' (Neweklowsky 332, 337),⁸ а также рус. диал. *пядень* 'расстояние между большим и указательным пальцами' (Vaillant IV, 615).

Зап.-юслав. *lъсьпъ, связанное чередованием с глаголом *lъcati (Vaillant IV, 590), образовано по типу *bređьпъ 'рыболовная сеть': *bresti, *ležьпъ 'лежебока': *ležati (Sławski. Zarays 1, 138). Это отглагольное имя продолжают словен. *lъcep* м. р. 'изогнутая палка; дуга; ручка (корзины), изгиб хомута; вид ловушки на птиц', *lъcej* = *lъcep* то же и 'виноградная лоза', *lъcep* (< *lъсьпъ) 'силки для птиц', произв. *lъcъjъca* 'ручка' (Bezlej II, 147) и с.-хорв. диал. *lъcъjъ* 'подрезанная виноградная лоза, имеющая изогнутую форму' (с XVIII в., RJA VI, 185: Bjel., Jambr.; р-н Загреба), *lъcъjъ* 'ручка корзины' (Озаль), произв. *lъcъjъca* 'корзина с изогнутой ручкой' (Boguy 1984/85, 96).

6 Sławski F. Słowotwórstwo bułgarskie na tle prasłowiańskim // Z polskich studiów slawistycznych. W-wa, 1963, 88.

7 Sławski F. Czarnogórskie *glъdъn*, *teхъn*, *boгъtъn* // JФ XXX, 1–2, 190.

8 О географии слова *peđьпъ см. еще: Угешены С. Из опыта работы с пробным вопросником Общеславянского лингвистического атласа // Общеславянский лингвистический атлас. М., 1965, 101.

Отглагольного происхождения словен. *svěženj* (: *svézati*) 'вязанка' и соотносительное с ним с.-хорв. *svěžanj* (RJA XVII, 297: Stulli, Vuk, Ivek.; Vaillant IV, 615).

(-ь)ль(жь). В славянских языках неограничены продуктивные возможности суф. -ьль(жь), участвующего в образовании отглагольных и отыменных прилагательных.⁹ При общем, суммарном обследовании этой большой и достаточно сложной по составу лексической группы, формировавшейся в разные периоды развития праславянского, мы ограничимся рассмотрением здесь лишь отдельных образований, среди них словен. *mólnjen*, *múnjen* 'помешанный, одурманенный' и с.-хорв. чак. *mūnen* (RJA VII, 155), *mūnen* 'глупый, слабоумный, тронутый' (Нг.-Šim. 1133: Брач), *muñjen*, *muñjena* ж. р. 'слабоумный (-ая)' (Раб, Skok II, 481), шток. (Истрия) *muñjen* (Poročić 1957, 66–67). В объяснении Безлая, основывающемся на сближении названных слов с рус. *мыллить* 'обманывать', чеш. *mýliti* 'вводить в заблуждение' и далее лит. *pasimūldyti* 'ошибаться', *meluoti*, лтш. *meluot* 'лгать' (Bezlaĵ. Eseiĵi 126; Bezlaĵ II, 193), не учитываются все внутриславянские возможности, ближайшие родственные связи, указания на которые содержатся в Загребском словаре и словаре Плетершника. В этих словарях прилагательные *mūnen* и *mólnjen* соотносятся с глаголами *muūiti* и *molniti*. И в том и в другом случае имеем дело с отглагольным прилагательным на -ьль(жь) или прич. страд. на -ьль с первичным значением 'ударенный молнией', отсюда 'приведенный в замешательство' > 'глуповатый, сумасшедший'. Семантически сходно лат. *attōnitus* 'пораженный, лишившийся чувств, объятый ужасом' < *attōno*, *-āre* 'поражать громом'. При таком объяснении с.-хорв. *mūnen* и словен. *mólnjen* предстают как новообразования зап.-юслав. ареала.

Специфическую особенность зап.-юслав. словаря составляет прилаг. *льзьль(жь) с производным от него наречием *льзьло, обычно употребляемым в безличных конструкциях. Исходная основа *льз-*, свидетельствуемая словен. *lāz* (ср. *petam laza* 'нет времени'), восходит к падежной форме слав. *льга с *z* на месте *g* по III палатализации заднебных (ср. чеш. *lze*, др.-рус. *льзѣ* и т. д.). В лексикографических источниках находим следующие сведения о функционировании данного образования с суф. -ьль: словен. *lāzen* 'свободный, бездеятельный' (ср. *lāzna ura*), хорв.-кайк., чак. *lāzno*, *nitam lāzno* (XVI в., чак., Жумберак) = *nī mi lāzno* (Црес, Хорватия) = *lēzno* = *lozno* (Добринь, Крас) = *nalazno* (Zoranić) 'на досуге, неспеша, полегоньку', *lāzno* ср. р. 'otium' (Истрия), *lazni* мн. (XVI в., у двух авторов из Дубровника, см. Skok II, 263), *lāzno jimat*

9 О суф. -ьль как средстве образования нейтральных форм прилагательных, в частности, см.: *Brodowska-Honowska M. Podstawowe cechy derywacji przymiotników w języku staro-cerkiewno-słowiańskim // Z polskich studiów slawistycznych. W-wa, 1958, 65.*

‘иметь время’ (Koschat 226), *lazno imati* то же (Neweklowsky 328), *lāzno*, *imat lāzno* то же (Govor podunavskih Hrvata 115–116), *lāzno* ‘удобно, во-время’ (Rasgrave 1968, 29), *lazno* нареч. (Maž. I, 586: сев. и зап. хорватские диалекты) и т. д. (см. подробнее: Zajceva 77), шток. (Истрия) *lazno* то же (Porović 1957, 66–67).

Прилаг. *róren* и *róren* зафиксированы в словаре Плетершника и диалектных словарях словенского языка в следующих значениях: 1. ‘свободный, ничем не связанный’, ср. *gre poren domov* (to je z voli ali konji brez voza), 2. ‘открытое место’, ср. *porna dolina, pred hišo je porno* = brez dreves; 3. ‘свободное время’, ср. *poren biti* ‘быть свободным, иметь свободное время’, *porni čas, o pornih urah, dneva mi pornega malo ostaja*. Словен. *róren*, стоящее несколько обособленно в славянском словаре, пытаются понять как образование, родственное словен. *odpréti* ‘открыть’, прич. *odprt* ‘открытый’, ср. *odprto* можже.¹⁰ Но эта гипотеза вызывает сомнения в основном семантического характера: у продолжений праслав. *perti, *рьрѣ* (ст.-слав. *пѣрти*, *пѣрьѣ* ‘ссориться’, рус. *упереть*, *запереть* и т. д.) значение ‘открыть’/‘открывать’ развивается лишь в сочетании с приставкой *ot-*, противоположное значение ‘запереть’/‘запирать’ имеет этот глагол с приставкой *za-*, ср. рус. *запирать*, словен. *zapréti* ‘запереть’, чеш. *zaprítí* ‘загородить, подпереть’ и т. д. (Фасмер III, 240–241, 355). Представляется более вероятным другое направление поисков этимологических связей, основанное на сближении лексемы *poren* со словенским глаголом *izpórnti* ‘освободить’ (Plet. I, 332; Erjavec – LMS 1880, 175–176), соотносительным с глаголами *porníti* ‘освободить’, *poriti* = *parati* ‘пороть’. На почве словенского языка у глаголов на *-iti* и *-niti*, производных от основы настоящего времени глагола *prati*, *porjem* ‘пороть (по шву)’, появляется значение ‘освобождать’ (< ‘разрывать’ < ‘пороть’). Словен. *róren*, имея отглагольную природу, усваивает производную семантику глагола, на базе которой в разных контекстах развивается более подвижный и широкий круг значений. В силу семантической удаленности разрушаются связи словен. *róren* с родственными ему глаголами.

К лексике, связанной с обработкой земли, принадлежит словен. прилаг. *trzen* (: *trzati* ‘рвать, драть’) ‘невозделанный, лежащий под паром’ (ср. *trzna njiva* = *požeta njiva, ki počiva*) и производные от него имена: *třznica*, *trznina* ‘невозделанное поле’, *třznja* ‘дерн’. На территории Словении отмечены топ. *Trzen*, *Trzin*, названия урочищ *Trzèn*, *Třzen*, *Na Trznu*, *Trzenj*, *Trzne* и т. д. (Bezljaj. Slov. v. imena II, 277).¹¹ Эта же основа с *n* суффиксальным в функции земледельческого термина известна и сербохорватскому языку: *trzan* м. р.

10 Ševčan L. Nekoliko slovénskih besed, ki se bolj poredkama slišijo po Krajnskim // Novice IV, 1846, 164.

11 Bezljaj F. Krčevine // SR VIII, 1–2, 1955, 12; Idem. Stratigrafija Slovanov v luči onomastike // SR XI, 1–2, 44.

(Marulić) = *trzna* (Parčić, Dobrinj, Sinj) = *třzna* (Šibenik) = *trzma* (Истрия, Nemanić) 'небольшой луг, поляна, свободное, открытое место перед домом', *trznô* 'твердая земля, где уже растет трава' = *třzno* 'черный пар' = *třzna* мн. 'луг перед домом, где собирают скот перед тем, как пустить на пастбище или водопой', *trznâ* 'место, где собирается село для игр и разговоров' (о Задарского архипелага), *Trzani* мн., местное название в Хорватии (с XVI в., RJA XVIII, 832–833).¹² Простое бессуффиксальное имя в с.-хорв. диал. *trza* 'голое место, без растительности'.

Изолированное в ю.-слав. словаре словен. *ûren* 'гибкий, податливый; мягкий' (ср. *urpa šiba*, *urpa zemlja*), 'изворотливый, юркий, проворный' сближают с чеш. *urpý* 'сильный; больной', словац. *urpo* 'пылко, быстро, стремительно' (Bezljaj. Eseji 35; Machek² 670). В это гнездо слов (ср. еще болг. *юрвам* 'отрывать, срывать, отторгать' в словаре Герова) с неясной производящей основой включают польск. *jurpu* 'похотливый, распутный', укр. *юрный*, рус. *юркий* (Sławski I, 592).¹³

Специфическую семантику развивает отглагольное прилагательное с корнем *red-* (ср. рус. *ряд*) в словен. *poréden* (< *poredíti* 'приводить в порядок') 'порядочный; злобный, скверный (о намерениях); плохой (о хлебе)' и с.-хорв. *poredan* 'недостаточный, скудный' (Вук: и Grblu), 'посредственный' (Хорватское Приморье), 'злой, плохой, скверный' (Истрия) (RJA XI, 853), *poreden* 'плохой' (Neweklowsky 333), черногор. (бухта Котор) *poreden* 'маленький, хрупкий', из ю.-слав. языков заимствовано алб. *parënd* 'беспорядок', прилаг. 'беспорядочный, нерегулярный' (Popović 322).

12 *Mučajić S.* Leksikologijske i etimologijske bilješke uz »Planine« // Radovi Instituta Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zadar 1969, sv. 16–17, 654.

13 В работах Ф. Безлая этимологически разграничены *ûren* в значении 'гибкий, мягкий' и 'проворный, быстрый'. В первом значении *ûren* соотносится с *užikati* 'делать мягким, гибким' (с заменой *r > ž*) и далее включается в этимологическое гнездо слав. *žila* (~ лит. *gijà* 'нитка'), а во втором значении признается родственным слав. *žuriti (se)* 'торопиться'. См.: Bezljaj. Eseji 35; Bezljaj 1966/68, 78. Едва ли есть необходимость в разделении *uren* на омонимы. Представляется наиболее вероятным предположение, согласно которому словен. *ûren* во всех значениях родственно названным зап.-слав. лексемам с исходной основой *(j)ur-. Из всех опытов этимологического истолкования слав. *(j)ur- (обзор этимологий см.: Фасмер IV, 532; Sławski I, 592) наибольшие основания имеет версия, по которой слав. слова сближаются с лтш. *jūra* 'море', перен. 'бурный', лит. *jaura* 'болотистое место', *jūroti* 'волноваться, колыхаться'. Для семантики слав. слов определяющей была идея беспорядочно-множественного движения, волнение, откуда опосредствованная связь с водой, ее хаотическим движением, волнением. См.: Топоров. Прус. яз.: I–K, 94–96.

Словен. *koprněti* 'исходить, чахнуть; жаждать' и родственные ему чеш. *koprněti* 'цепенеть, застывать', диал. *koprnět* 'ждать с нетерпением' (Kott I, 747; Bartoš. Slov. 154), отыменные по своей структуре, дают основание для реконструкции производящей основы прилагательного с суф. *-ьль*, не засвидетельствованной в простой форме в славянских языках. Основа, исходная для этого прилагательного, находит отражение в болг. севлиев. *кóпр'ъ съ* 'готовиться, ожидать' (БД V, 24), родоп. *кóпрѣм* 'готовить, устраивать' (БД II, 190) и т. д. (ЭССЯ 11, 24).

-ме, *-мене*. Оформленное этим суффиксом словен. *pléme*, *-éna* = *plemen* (ср. *kita v štiri plemena*) 'отдельная нить, шнур' и т. п. (Толмин, Целье) имеет соответствием с.-хорв. диал. *плѣме* (*племѣна*) 'плетенка' (М. Томић — СДЗб XXXV, 103). Безлай считает, что равно вероятны три возможности истолкования словенского слова: 1) этимологическое тождество с образованиями, продолжающими и.-е. **pel-men* (ср. англос. *filmen*, др.-фриз. *filmene* 'кожа') < и.-е. **pel-* 'заполнять, закрывать; кожа, мех, одежда', 2) развитие из основы **pelt-men*, связанной чередованием со слав. **poltъ-no* (ср. рус. *полотно*), 3) контаминация словен. *prámen* 'пучок, моток, прядь' и **plesti* (Bezlej 1970, 159). В названных этимологических версиях не учитывается в полной мере семантика слова. Собственно, этим словом обозначается то, что сплетено (шнур, нить), т. е. результат действия, передаваемого глаголом *plesti*. С учетом этого семантического аспекта становится вполне реальным толкование словен. *plemen* как *plet-men*. В данном случае мы имеем дело с воспроизводством старой словообразовательной модели, словенским новообразованием, пополняющим перечень славянских образований с суффиксом *-ме*, *-мене* (Sławski. Zaręys 1, 126–127).

-ьмо. В число производных с этим суффиксом (ср. **pisъmo*: **pišъ*, *ръsati*, **arъmo* 'ярмо' и т. д.) входит и диал. **bѣльmo* (: **bѣliti*): словен. *bѣlmo*, *bѣlno* 'бельмо', с.-хорв. чак. *belmō* (Црес, Сусак, Кварнер, Хрв. Приморье и т. д.), шток. *беона*, *биона* (Zajceva 86), а также рус. *бельмо*, польск. *bielmo* (ЭССЯ 2, 86; Vaillant IV, 573; Sł. prasł. 1, 242).

-ьша/-ьша. В ограниченный ряд производных с этими суффиксами (ср. **kъгъша*, **vѣдъша*: *vѣdѣti* и т. д.) входит праслав. диал. **kukъша* (: **kuka*), для которого на индоевропейском уровне отмечено соответствие в гот. *hiuhma* 'пучок, вихор': словен. *kukma* 'чуб; семенная метелка (напр. у клевера); женская прическа', хорв.-кайк. (Вирье) *kūkma* 'чуб, хохол (у птиц)' (Nergaun 85), с.-хорв. диал. *kūkma* 'пучок перьев, хохолок, чуб на голове у птиц' (РСА X, 788), хорв.-серб. *kūkma* то же (Rječnik hrv.-srp. jezika II, 806). См. ЭССЯ 13, 95; Sławski. Zaręys 2, 16.

С этим словом чередованием корневых гласных связано диал. **кусьша*: словен. *kīšma* 'челка у лошади', с.-хорв. *kīšma* (Marulić) 'шевелюра; сережки у кукурузы' (Skok II, 79) и, видимо, зоол. *kīšma* (XVIII в., Вук, Славония, Лика, Суня) = *kīšma* (Жумберак) 'позвоночный столб; dorsum' (Mikl. 158; Vaillant IV, 512; Bezlej II, 30; ЭССЯ 13, 251).

-sno/-sna. Группа имен с этими суффиксами, очень небольшая по объему (ср. *dēsna: *dēsno* < *dēt-sna, *dēt-sno, *luna < и.-е. *louk-s-nā и т. д. — Sławski. *Zarys* 1, 117), пополнялась диалектными новообразованиями. И среди них словен. *plésmo* 'шина, подъем ноги', с.-хорв. *плѣсма* 'моток ниток, пасмо' (Толстой² 604), *plěsmo* 'планка, рейка, узкая дощечка' (RJA X, 53), этимологически не совсем ясные. Эти слова, хотя и привлекали внимание этимологов, все же не получили удовлетворительного объяснения. Мацэнауэр производил сербохорватское слово в значении 'планка, дощечка' от корня, который содержит лит. *plīsti* 'scindere, findere, dilacerare' (Fraenkel 619), но это сближение сталкивается с трудностями корневого вокализма и не объясняет в полном объеме семантику южнославянского слова, которое, кроме рейки, дощечки, планки, обозначает еще моток ниток, пасмо. Скок выделяет в составе с.-хорв. *plěsmo* суффикс -*mo* (ср. слав. **pīs̥mo*) и соотносит корневую часть со слав. *plēsati, для которого восстанавливается первоначальное значение 'бить; топтать ногами' (ср. *splesat me muke; da ovu prepuklu sirotinju ne poplešu Turci; silu njihovu desnice tvoje krepostju popleši*) и исходный корень **plet-* 'широкий' (ср. слав. *plesno < *plet-snā) с вторичным развитием назального элемента (Skok II, 682). Безлаи (Slov. v. imena II, 96–97) по существу принимает идею Скока, подчеркивая, что для указанных южнославянских слов более вероятно связь не со слав. *plesti, а с лит. *plāsnas* (< *pletsnā). Большой лексический материал, приведенный Безлаем, не расчленен в словообразовательном отношении, и в одну группу, этимологически трудную, как признает автор, объединяются словен. *plēsno*, *plésmo*, *plēst*, -*ī* ж. р. 'плетение, обшивка прессы',¹⁴ *plestrice* 'забор, сделанный из больших досок', а также многочисленные топонимы (ср. *Plesmo*, *Pliesme*, нем. *Pleßnitz* и т. п.) с реконструируемым для них первоначальным значением 'забор'. Однако южнославянский материал в формальном и семантическом отношении находится в явном несоответствии с предполагаемой для них исходной основой **plet-* 'широкий'. С.-хорв. *plěsmo*, обозначающее доску, планки и моток ниток, т. е. тот материал, из которого плетут полотно и делают изгороди, семантически четко отграничено от слав. *plesno 'подопшва ноги' и имеет совершенно особую внутреннюю форму, связанную прежде всего с техникой плетения. Более стертую картину находим в словенском языке, где мена *m/n* могла привести к смешению двух близких по форме слов *plésmo* и *plēsno* и растворению первичной семантики *plésmo* в многочисленных семантических производных *plēsno*. В общем семантическом содержании, которое характеризует словен. *plésmo/plēsno*, можно выделить два ряда значений: 1. 'подопшва (ноги); пятка', 2. 'шина; подъем ноги,

14 См. еще: *Vujičić D. Prilog poznavanju toponomastičke i druge leksike u durmitorskom kraju // Лексикографија и лексикологија. Београд – Нови Сад, 1982, 40.*

выступ; обшитая, оплетенная часть пресса'. Словен. *plésno/plésno* во втором значении точно соответствует основному значению гл. *plésti*, потому что шина — это не что иное, как обруч, который оплетает, обтягивает колесо, а подъем ноги — это место соединения, сплетения голени и стопы (ср. нем. *Spanne* 'подъем ноги' ~ *spannen* 'натягивать'). Попутно заметим, что словен. *plésno/plésno* именно во втором значении, по данным словаря Плетершника, идентично производным от инфинитива *plésti* — *plést*, *plésta*, *plestna*, *plestríce*. Можно думать, что имеются вполне реальные основания для выделения самостоятельной словенской лексемы *plésno*, идентичной с.-хорв. *plésno*.

Словен. и с.-хорв. *plesno* образуют узкую изолексу, для которой не прослеживается продолжения на остальной славянской территории. По всей видимости, это южнославянская инновация, а точнее инновация западной части южнославянских языков. Ю.-слав. **plesno* может быть понято как производное с суф. *-sno* — **plet-sno*. Тот же тип образований представляют лит. *bégsmas* 'бер': *bégti* 'бежать', *šauksmas* 'крик, шум': *šaukti* 'кричать' (Sławski. Zaręys 2, 13–14). Но возможно и другое объяснение: ю.-слав. **plesno* содержит фонетический вариант славянского суффикса *-sno*, который, в частности, в составе прус. *plasmena* ' подошва ноги' (: лит. *plėsna* < **plet-sna*) претерпел то же изменение (Sławski. Zaręys 1, 117).

Перечисленные выше образования с формантами *-m-* и *-n-* в ареальном плане распределяются следующим образом.

1. Наиболее определенно выражены связи с сев.-слав. языками: ср. **stęna* (словен. *stęna* с.-хорв. *stęna* 'дорога'), **stęno* (словен., с.-хорв. *stęno* 'бедро'), **lękno* (словен. *lękno*, с.-хорв. *lękno*), **bolęnъ* (словен., с.-хорв. *bolęn*), **pęstunъ* (словен. *pestun*), **uręnъ(jъ)* (словен. *uren*), **bęlmo* (словен. *bęlmo*), **rutina* (словен. *-rutina*). 2. Схождения с отдельными вост.-слав. языками характерны для словен., с.-хорв. *trun* (~ рус. диал. *трун*, *трунь*), *česmin(a)* (~ рус. диал. *чесмина*), *tekun* (~ рус. диал. *текун*), *pędenj*, *pedanj* (~ рус. диал. *пядень*), словен. *gręn* (~ укр. *грянъ*, *гранъ*), *gąnati* (~ рус. *ганать*). 3. Ограниченно представлены изоглоссы с зап.-слав. языками: словен. *lubąnja*, с.-хорв. *lubańa* ~ польск. диал. *lubania*; словен. *žima* ~ чеш. *žině*, словац. *žinka*. 4. К зап.-юслав. ареалу тяготеют словен., с.-хорв. *apno* = *vapno*, *plesno*, *poreden*, *kičma*, *kukma*, словен. *stęnj* и с.-хорв. *stęnej*, словен. *listąnjek* и с.-хорв. *listańak*, словен. *móląjen* и с.-хорв. *múnen*, словен. *lązen* и с.-хорв. *lązno*, словен. *trzen* и с.-хорв. *trzan* = *trzna*, словен. *locen* и с.-хорв. *lęcęnj*, словен. *čelina*, *ředčina*, *koprn(-ęti)*, *plęme*. 5. В славяно-германских лексических связях участвуют словен., с.-хорв. *kukma* и гот. *hiuhma* 'пучок, вихор'. 6. Единичны славяно-балтийские соответствия: ср. словен. *žima* ~ лит. *geinis* 'цепь', *geinys* 'веревка'. Разноформленные генетически тождественные основы в случае словен. *gęsen*, с.-хорв. *resan* и лит. *raiškus* 'истинный'.

Производные с формантом *-r-*

На эпоху диалектного развития праславянского языка приходится наибольшая активность словообразовательной модели, по которой образуются имена с суффиксальным *r*. Отдельные имена с этим формантом унаследованы из индоевропейского: слав. **stoborъ* 'ствол, столб' ~ лит. *stābaras* 'сухая ветка', слав. **čukorъ* ~ лит. *kaūkaras* 'возвышенность', слав. **sokorъ* ~ др.-в.-нем. *sahar* 'осока' (Sławski. *Zarys* 1, 24; Мартынов 1973, 39–40; Варбот 1984, 168–169).

-rъ, -rь. В ЭССЯ (4, 90–91) праслав. **česrati* рассматривается как экспрессивное образование, производное от именной основы **česr-*, точно соответствующей ирл. *cír* 'гребень' < **kēsra*. С этими именами, служившими названием орудия, словообразовательно сопоставимо, как полагает В. Н. Топоров, хеттское «стяженное» имя *sigkišri-* 'нечто из шерсти, род шерсти' (Прус. язык: I–K, 355–356). В ареал слав. **česrati*, для которого, впрочем, не исключается и возможность экспрессивного образования по типу **česl'ati*, **čexl'ati* (Sł. *prasl.* 2, 176–177), входит часть сев.-слав. территории (ср. ст.-чеш. *česrati* 'чесать', чеш. *čechrati* 'трепать, пушить, ерошить', польск. *czochrać* 'рвать', рус. диал. *чухрять* 'обрывать ветви; бежать', укр. *чухрати* 'обрубать ветки') и зап.-юслав. область: ср. словен. *česráti* 'чесать (шерсть, волокно)', *cesráti* 'рвать, срывать', *cusráti* = *cuzráti* 'трепать, драть', с.-хорв. диал. *česrati* 'carminare' (RJA I, 947; только Bjel., Jambr.), чак. (Црес) *cesrāt* то же (Tentor. *Leks. sl.* 72).

Существительное или субстантивированное прилагательное с суф. *-rъ* **vozgrъ*, связанное с глаголом **vozгати* (ср. рус. диал. *возгать* 'есть; бить; таскать с собой' и т. д.), охватывает почти всю славянскую территорию, за исключением небольшой части вост.-юслав. диалектов. К продолжениям этого имени на ю.-слав. территории относятся словен. *ožger* м. р. 'mucus, конская болезнь', *vōzger* 'сопли', *vozgri* 'внутренность тыквы', с.-хорв. *vozger* м. р. 'сопли, mucus' (RJA XXI, 338: Bjel., Jambr., Stulli), ст.-слав. *возгри* мн. (Фасмер I, 333; Bezlaj I, 264), а в сев.-слав. языках — рус. диал. *возгри* 'сопли', польск. диал. *wozgiar* то же (Warsz. VII, 701), в.-луж. *wózhor* то же (Pfuhl 882), чеш. *vozher*, *ozher* то же (Kott IV, 796).

-erъ/-erь/-era. В западной и восточной части ю.-слав. языков однокоренные названия болота, оформленные суф. *-erъ/-era* и их вариантами *-irъ, -arъ, -urъ*, различаются исходом производящей основы: в зап.-юслав. диалектах с основой **močva* соотносятся словен. *močvāra*, *močvār*, *močvīr*, *močver*, с.-хорв. *mōčvar* 'мокромата, влага' (RJA VI, 878: Bjel., Jambr.; govore gdješto i kajkavci), чак. *močvīr* 'мокрая земля', *močvāra* 'лужа, болото' (там же), *močvāga* 'болото' (Koschat 232), а в восточной части ю.-слав. языков и частично в сев.-слав. языках названия болота производны от **mok-rъ*, **močiti*: ср. болг. *мочар*, *мочур*, польск. *moczara*, словац. *močár* (Vaillant IV, 652; Sławski. *Zarys* 2, 24; Popović 312).

-егъ. В группу названий живых существ мужского рода, оформленных суф. *-егъ* (ср. **goseгъ* : *goszь*, **aščegъ* : *aščь* 'вид ящера' и т. д. — Sławski. *Zarys* 2, 23), входит слав. диал. *čepегъ* 'клещ', произведенное от глагола, который находит отражение в рус. диал. *чепать*, *чипать* 'зацеплять, цепляться за что-либо, задевать, трогать', укр. *чипати* 'трогать' и т. д. (Vaillant IV, 647; Bezlaj I, 78). Основной областью распространения имени **čepегъ* являются зап.-юслав. диалекты: ср. словен. *ceper*, *čeper* 'клоп *Ixodes redivius*, вид клопа', с.-хорв. чак. *čipêr*, *cipêr* (Tentor — AfsIPh XXX, 189), хорв.-кайк. *čêper* то же (HDŽ I, 155: Сусак).

-огъ. В этимологическом гнезде, объединяющем слав. **smaga*, **smažiti*, **smegnōti* (см. выше с. 73–74), находим и производное с суф. *-огъ* **smogorъ*, ограниченное словен. *smogōr* 'сучок; нарыв; желвак; сыпь; надутый человек', с.-хорв. *smogor* 'лучина (сосновая, еловая)' (RJA XV, 755: Лика), польск. диал. *smogorz* 'торф' и т. д.

В ряд локально ограниченных производных с суф. *-огъ* входят словен. диал. *bogor* м. р. 'tumor, чирей', соотносительное с макед. *bor* 'tumor', с.-хорв. *bōgav* 'отекающий, набухший' (Bezlaj I, 30), *sipor* 'крупный песок' (< *sip*, *sipa*), *gráhor* 'горох' (< *grah*) и болг. *грахор*, назв. раст. (БЕР I, 275), *sivor* 'седой человек' (< *siv*), *pihor* 'опухоль' (< *pihati* 'дуть'), *suhōr* 'худой человек' (< *sūh*), *sladōr* 'сахар' (< *slād*) и т. д. См. Sławski. *Zarys* 2, 25; Vaillant IV, 647–649.

1. Родственные связи на индоевропейском уровне характеризуют слав. **česrati* (словен. *česrāti/cesrāti*).
2. Сев.-слав. соответствия имеют словен. *cesrāti*, *ōzger*, *smogōr*.
3. К зап.-юслав. ареалу тяготеют словен. *močvāra/močvār* (~ с.-хорв. *mōčvar*), *čepêr* (~ с.-хорв. *čepêr*), *bogor*.

Производные с формантом *-s-*

Имя **pelesъ/*pelisa* с исходом на *-es* и *-is* наиболее характерно для словаря зап.-юслав. диалектов: ср. словен. *pelès* 'сорт винограда', *pelisa*, с экспрессивным видоизменением исхода *peléha*, *pelíha* 'пятно; красный волдырь; красное пятно на щеке', прилаг. *pelésast* 'пятнистый' (Mikl. VGr. II, 322; Bajec 98; Vaillant IV, 660) и хорв.-кайк. *peles* 'сорт винограда', *pelesika* 'яблоко полузеленое, полукрасное' (RJA IX, 765: только Шулек; Хорватия), возможно, топ. *Peļešac* = *Pelīšac* = *Pelīšac* (сред. Далмация; Skok II, 633). На остальной славянской территории к основе **peles-* восходят чеш. *pelestý* 'пестрый, разноцветный' (Machek³ 445) и др.-рус., рус.-цслав. *пелесъ* φαός, *pullus*, рус. *пелесый* 'пятнистый (о животных)'. Из сопоставления слав. **pelesъ/*pelisa* с лит. *pelėšiai* мн. 'плесень' и близкородственными ему лит. *pelėti* 'плесневеть', лтш. *pelēt* с тем же значением, лит. *pelė* 'мышь', лтш. *pele* то же, лат. *pallidus*,

palus 'темносерый' (Fraenkel 566) становится совершенно очевидным, что вся эта группа балто-славянских образований восходит к и.-е. **pel-* 'светлый' с расширением в форме *-isъ* и *-esъ*. В слав. *pelesъ, как и в формально близком ему *bēlesъ (: *bělъ), допустимо видеть старый компаратив на *-jes* < и.-е. *-jes*, ср. лит. *-es-nis* (ЭССЯ 2, 63–64). Компаративный оттенок присутствует в семантике прилаг. **bēlesъ(jь)* 'беловатый'. В случае слав. диал. **pelesъ(jь)* мы также, видимо, имеем дело с лексикализацией компаративной формы, с переходом от значения 'имеющий более светлые места, полосы' к значению 'пестрый, пятнистый'. В зап.-юслав. диалектах происходит субстантивация нового прилагательного на *-es* с последующим суффиксальным расширением.

В словенском многочисленны варианты названия растения *Potamogeton*, *Polygonum*: ср. *rdēsen*, *redēsen*, *rdēselj*, *redēselj*, *drēselj*, *drōselj*, *redrēsen*, *adrēselj* и т. д. (Bezljaj I, 113). Такое же разнообразие вариантов находим в сербохорватском: *rdes* (Жумберак), *rdesan* (один пример из Хорватии) (RJA XIII, 790), *dresen*, *dresan*, *adresej* (Skok III, 117). К этому ряду названий примыкают словац. стар. *rdesno*, чеш. *rdesen*, польск. *rdest*, *rdes*, рус. *рдест* и т. д. (Фасмер III, 452). Все это многообразие форм может быть сведено к основе **гъdest-*, состоящей из корня **гъd-* (~ *rud-*) и суф. *-est*. Растение, имеющее ярко выраженные красные побеги, получает название по признаку цвета. В данном случае суф. *-est* развился, видимо, из сочетания с формантом *t* показателя сравн. степени прилагательного (ср. рассмотренное выше *pelesъ). Субстантивированная форма прилагательного на *-est*, расширенная суф. *-elъ*, *-ьль*, подверглась фонетическим изменениям, обусловившим многообразие внешне сильно различающихся форм наименования.

Преимущественно с зап.-слав. ареалом связана устойчивая фиксация названия того же растения в форме чеш. *dr̥ist*, в.-луж. *dr̥ěst*, *dr̥óst*, н.-луж. *drest*, польск. *drest*, *drzest* (ЭССЯ 5, 110). Есть основания думать, что эта группа названий этимологически самостоятельна, для нее вполне правдоподобно объяснение из исходного *drestъ, именного производного от глагола *dristati. В истории отдельных славянских языков произошло сближение с последующим преобразованием формы двух названий, в основу которых положены разные признаки растения — красные побеги и использование в качестве желудочного средства. Во всяком случае трудно объяснить все многообразие форм, исходя из реконструкции **drestъ*¹ или *гъdestъ (Sl. prasł. 4, 232). Излишне сложно в фонетическом отношении и неубедительно выведение всех вариантов названия растения из формы *nerstьнь/*nerstьno, связываемой отношением производности с глаголом *nersti (Machek² 510; Bezljaj I, 113).

1 Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, 41–42.

Характерные для зап.-юслав. ареала архаичные образования с суффиксальным формантом *-s-* имеют широкие севернославянские связи, а для слав. **pelesъ* прослеживаются соответствия в балтийских языках.

Производные с формантом *-t-*

Формант *t* является опорным элементом суф. *-tъ, -tь, -to, -ta, -tra, -tva, -sto* и т. д. (Vaillant IV, гл. XXXV; Sławski. Zarys 1, 35–60; II, 19).

В отдельных образованиях формант *t* выполняет чисто структурную функцию расширителя основы. Именно в этом качестве выступает элемент *t* в составе словен. *obálten* 'вялый, неотесанный, неуклюжий; широкий (об одежде)', связанного отношением родства с чеш. лях. *vltat* 'волноваться, выплескиваться' (ср. voda balvany *vltá, vlce, je vltavá, voda se vyvl'tuje přes břehy na cestu*), гидр. *Vltava* (Machek² 695). Исходная основа **vyl-t-*¹ этимологически тождественная слав. **valъ, *valiti*, с экспрессивными наращенными *-ош, -ож, -оз* в рус. диал. *вóлтошйтсья, валтóшйтсья* (видимо, с вторичным *a* в корне) с общим значением 'суетиться, возиться', *волтóжитсья* 'шевелиться, ворочаться; суетиться, метаться; хлопотать, тревожиться, волноваться', *валтáжитсья, валтóжитсья* 'много и долго заниматься чем-либо, возиться с чем-либо; ухаживать за кем-либо', *волтóзитсья* 'бороться, драться, возиться' и т. п. (СРНГ 4, 30; 5, 75–76). Повсеместное распространение этих слов на русской территории является серьезным аргументом против предлагаемого Фасмером объяснения рус. диал. *валтажитсья* из франц. *avantages* 'благоприятствовать; увеличивать долю (в наследстве)' (Фасмер II, 270). Идея о заимствовании основывается на единичном примере из словаря Куликовского с неточно переданным значением, видоизмененным и сближенным со значением указанного французского слова.

-tъ, -to, -ta. Эти суффиксы, выступающие на правах родовых вариантов, вычлениются этимологическим путем. В общем, достаточно длинном списке имен с суф. *-tъ, -to, -ta* немало ареально ограниченных явлений. Назовем те из них, которые связаны с зап.-юслав. ареалом.

Словен. *glúta, glúta* 'шишка, желвак, опухоль; сук (дерева)', изолированное в славянском слове, восходит к и.-е. **glou-t-*, родственно греч. γλουτός, мн. (τὰ) γλουτά 'ягодица', англос. *clūd* 'каменная глыба, холм', англ. *cloud* 'облако' (ЭССЯ 6, 155; Bezlaj I,

1 В словаре Безлая восстанавливается исходная форма с корневым *a* — **valt-*, см. Bezlaj II, 232. Для словенского регулярным следует признать отражение сочетания *-yl(t)* в виде *-ol(t)*.

151). Известен тот же корень с расширителем *d* – *gluda: рус. диал. *глуба* ‘глыба, ком’, болг. *глубд*, *глубж* ‘сук, узел’ и т. д. (ЭССЯ 6, 144–145), болг. родоп. *оглутка* ‘огрызок’ (Стойчев – БД II, 233).

Славянский лексический архаизм *grotъ/*grotа, для которого восстанавливается вторая база индоевропейского корня **g^her-* ‘пожирать, поглощать’ в сочетании с причастным суф. *-to* (Vaillant IV, 682; ЭССЯ 7, 140–141), полнее всего представлен в зап.-юслав. диалектах: ср. словен. *grôt* м. р. ‘воронка; мельничный короб; отверстие на сеновале, через которое подается сено; обод винного пресса; пропасть, жерло’, *grôd*, *grôdi* мн. то же и ‘колодезный сруб’ (Прекмурье), ‘ручная тележка’ (Словенске Горице), *grôdek* ‘маленькая ручная тележка’ (Bezljaj I, 182) и с.-хорв. сев.-зап. *grôt* м. р. ‘catillus’ (с XVI в. RJA III, 463: сев.-зап. край, Bjel., Vuk с пометой: в Хорватии; Маž. I, 363), ‘мельничный короб, в который засыпается зерно’ (Вук, Хорватия, Пригорье, 1459) = *grôt* (Водице) ‘u gospodar-skim kolima prostor od dna do ruba lastavice’ = *grot* (Црес) ‘горло бутылки; болезнь горла’ (Skok I, 625), *grôta* ‘грот; стена’ (Moguš. Senj 124), *grôtac* м. р. ‘ведро, кадка’ (Hr.–Šim. 255), на сербской территории бытует производное на *-(и)ло*: *grôтло*, *grôтло* ‘пасть, жерло; ущелье, горловина’, *grôтило* ‘отверстие в середине верхнего жернова, в которое сыплется зерно’ (РСА III, 683–684). Соответствия в основном в чешско-словацкой языковой группе: чеш. диал. *hrot* ‘лохань’ (Bartoš. Slov. 108; Lamprecht 46), зап.-словац. *hrotek* ‘подойник; деревянная посуда’ (Ripka 157), ср. еще рус.-цслав. *grotъ* ‘чаша’ (ЭССЯ 7, 140–141). С учетом венг. *garat*, *garad*, заимствования из славянских языков, Скок причислял слав. *grotъ к словарному фонду паннонославянского языка (Skok I, 625).

Прасл. *koltъ/*kolta/*kolto, мотивируемые глаголом *kolti, *koljo*, характеризуют сев.-слав. языки (ср. чеш. *klát* ‘улей’, диал. *klát* ‘колода’, словац. *klát* то же, польск. диал. *klota* ‘колодка’, рус. диал. *кóлот* ‘род деревянной кувалды’ и т. д.), а на территории южных славян составляет особенность зап.-юслав. диалектов: ср. словен. *kláta* ‘кусочек дерева, который вешается на шею свинье, чтобы она не убежала’, хорв. *kláto* ‘деревянный треугольник, надеваемый на шею свинье, чтобы она не смогла пролезть в заборе’ (Вук), *kláto* ‘то, что висит и качается: язык колокола’ (Истрия), ‘кусочек дерева, которым стреножат свиней’ (Дубашница на о. Крк) (RJA V, 46; РСА IX, 558). В ближайшем родстве с ними лит. *káltas* ‘долото’, лтш. *kaļts* ‘долото, молот’, прус. *caltestis-klokis* ‘пасечный медведь’ (Sławski II, 270; Топоров. Прус. язык: I–K, 181–182; ЭССЯ 10, 158).

К древней части праславянского словаря принадлежит имя *čertъ/*čerta, мотивируемое глаголом *čersti, *čьrtq* < и.-е. *(*s*)ker- ‘резать’, с семантикой, производной от основного значения глагольной основы ‘резать’ > ‘то, что режет, колет’ > ‘название растения’ > ‘обозначение местности, болота по основному виду растений’. В

вост.-юслав. диалектах как будто бы не прослеживаются продолжения слав. **čertь/*čerta*, но в диалектах западной группы эта лексема достаточно хорошо засвидетельствована: ср. словен. *črēta* 'болотистое место, поросшее камышом', *črēt* м. р. 'болотистая местность', диал. *črēta* 'общинный выгон' (LjZv XI, 298), стар. *zhret* 'болотистый лес' (Jarnik XXII), а также *crēt* 'вид горного кустарника; горная сосна *Pinus rumilio*', ошибочно причисляемые Безлаем к изолированной части словенского словаря (Bezljaj I, 67); с.-хорв. диал. *crēt*, *črēt* 'болотистая местность в лесу' и топоним (RJA II, 78; Vjel. хорв.-кайк.), *čret* м. р. 'silva paludosa, болотистое место' (Maž. I, 176), 'болотистый лес, торф' (Schütz 50), топ. *terra Crete* (1211, 1395), *Začretje* (Хорватское Загорье). Ср. укр. *черѣт* = *очерет*, блр. *чарѣт* 'камыш' (ЭССЯ 4, 80; Sł. prasł. 2, 167; Skok I, 273).

Праслав. диал. **britь/*brita* (: **briti*) находят продолжение в словен. диал. *brit* м. р. 'острие, острота' (Šašelj I, 244) и болг. диал. (Видин) *брита* 'карманный нож', из сев.-слав. языков ср. чеш. книж. *břit* м. р. 'острие (холодного оружия или режущего орудия)', словац. *brit* 'острие, лезвие', рус. диал. *брит*, *бриток* 'огузок, комель снопа, нижний, срезанный конец' (ЭССЯ 3, 32; Sł. prasł. I, 382).

Локально ограничены соотносительные с глаголом **sluti, slovo* (ср. словен. *slúti, slóvem*) словен. *slūt* м. р. 'предчувствие, подозрение', с.-хорв. *sluta* 'ominator' (Вук). См. Sławski. Zarys 2, 36; Vaillant IV, 687.

Как производные с суф. *-ть* от незасвидетельствованного глагола, родственного лит. *gusėti* 'течь', могут быть истолкованы словен. диал. *rost-oha* 'узкая долина в оврагах', с.-хорв. микротоп. *Rust, Rusti, Rustina* (Лика, Босния) и рус. диал. *руст* 'сильное течение' (Фасмер III, 521; Bezljaj. Eseji, гл. III).²

Зап.-юслав. диалекты образуют ядро ареала архаичного регионализма **cēsta*: словен. *cēsta* 'дорога', топ. *Cesta, Ceste* (Bezljaj I, 62), с.-хорв. диал. зап. *cēsta* 'via' (с XIV в., RJA I, 774–775: Volt., Bella, Vuk, Daničić), *Cesti*, название земли на о. Крк в XIV в., чак. *cīsta* (Skok I, 259: р-н Загреба), хорв. и чак. *cesta* 'дорога' (Neweklowsky 319), *cēsta* то же (Strohal – Rad 124, 136), чеш. и словац. *cesta* то же, польск. диал. *cesta*, цслав. *цѣста* 'platea' (ЭССЯ 3, 188; Sł. prasł. 2, 83). Это образование, построенное по типу лат. *via trita, strata*, польск. *utarta droga*, трактуется как причастие на *-to* (т. е. **koid-to*: **cēstiti*, первично **cēsta dorga* 'раскорчеванная, расчищенная дорога'), этимологически связанное с лит. *káišti* 'скрести', для последнего допускается родство с прус. *coestue* 'щетка', *coysnis* 'гребень' (Топоров. Прус. яз.: K–L, 111; Sławski. Zarys 2, 41; Vaillant IV, 685).

2 См. еще: Bezljaj F. Onomastika v etimoloških slovarjih // Onomastica Jugoslavica 5, 1975, 5. Безлај рассматривает слав. слова в окружении лит. *rėsti, rantyti* 'делать зарубки' и на этом основании реконструирует исходную форму **rqtъ* с носовым гласным в корне.

Звукоподражание с удвоением *če-če* в корне, оформленное суф. *-tъ*, лежит в основе словен. *čecēt* 'название птицы *Fringilla linagia*' и родственных ему рус. диал. *чечёт*, укр. *чечит* с тем же значением. Сходную структуру имеют балтийские соответствия: лит. *kekūtis* 'коноплянка', лтш. *kikuts* 'дупель; болотный кулик; бекас большой' (ЭССЯ 4, 33).

-tъ/-tъ. Эти суффиксы, связанные отношением вариантности с названными выше суф. *-tъ/-to/-ta*, в основном служат средством образования отглагольных имен (Sławski. *Zarys* 2, 43–50).³

В перечне зап.-юслав. диалектизмов с суф. *-tъ* несомненным архаизмом является имя **gatъ*, восходящее к и.-е. **g^hā-* 'идти, проходить' с расширителем *t*, родственное др.-инд. *gātú-* 'проход, дорога' (Sławski. *Zarys* 2, 44). На территории южных славян эту основу, представленную практически во всех сев.-слав. языках (ЭССЯ 6, 109), отражают словен. *gāt* м. р. 'плотина, запруда', диал. 'отводный канал' (Juranič. *Panon.* 33) с родовым вариантом *gáta* 'запор; запруда, плотина', с.-хорв. *gāt* м. р. 'запруда, плотина' (с XVII в., RJA III, 111–112; Mičala, Stulli, Vuk; Maž. I, 315), *gata* то же (Bjel.), хорв.-кайк. (Вирье) *gāt* ж. р. 'насыпь через болото' (Herman 81).

Этот же суффикс участвует в образовании уже называвшегося выше словен. *sprosti* мн. (: **pręd-ti*), родственного лит. *spraštas*, *spranštas* 'рама для натягивания полотна'.

Суф. *-tъ*, продуктивный в системе раннепраславянского, оставался живым, активным средством словообразования и в диалектах праславянского языка. В зап.-юслав. диалектах продуктивные возможности данного словообразовательного типа реализуются в следующем лексическом материале.

Эпохой диалектного развития праславянского следует датировать праслав. диал. **grustъ* (: **gruditi*, ср. словен. *grúdit* 'грызть, разгрызать; мучить') с продолжениями в словен. *grúst* м. р. 'отвращение', *grfst* ж. р. (с редукцией корневого гласного) то же,⁴ с.-хорв. стар. *grst* ж. р. 'тошнота' (XV, XVI вв., RJA III, 471: только в двух примерах), *grusta*, чак. *grušća* 'скука', осложненном суф. *-ja* (XVI в., RJA III, 482, 484: Vrančić, Bjel., Jambr., Stulli), и рус. *грусть* 'чувство печали, тоска, уныние' (ЭССЯ 7, 155; Sławski. *Zarys* 2, 46; Mikl. VGr. II, 444).

3 О функционировании имен на *-tъ* в истории русского языка см.: Азарх Ю. С. О взаимодействии словообразовательных типов в пределах одного парадигматического класса // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1978, 15–34.

4 Едва ли правомерно видеть в словен. *grúst* и *grfst* отражение чередования полной ступени и ступени редукции. См. Bezljaj I, 183. Скорее всего в словен. *grfst*, семантически тождественном *grúst*, реализуется тенденция к редукции гласных.

В ареал праслав. диал. **ěstь* < **ěd-ть* (: **ěmь* < **ěd-mi*) входят словен. *ĵest* ж. р. 'пища'⁵ и в.-луж., н.-луж. *ĵěść* ж. р. 'еда, пища', др.-рус. *ѣсть* 'пища' (ЭССЯ 6, 55; Sławski. Zaręys 2, 45; Vaillant IV, 690).

Основа на *-ть *sutь* < **sup-ть* (: **suti*, *sъpo* 'сыпать') восстанавливается на основании словен. *o-sut-ine* 'оспа', *se-sut-ina* 'мусор', с.-хорв. *osut* ж. р. = *osutak* м. р. 'оспа' (RJA IX, 294), чак. *u-sŏt-ina* 'шелуха' (HDZ I, 181: Сусак). По наблюдениям В. Борыся, реликт старого деривата на *-ть* сохраняется в польск. диал. *suć* 'перелесок, сосновый бор' (первично 'опавшая хвоя, сухие ветки'), ст.-польск. *sucica* 'холм, курган' (XV в.), чеш. *sut*, *ssut* ж. р. 'груда мусора, щебня, осыпь, гравий', *sutina*, *ssutina* 'осыпь' (Jungmann), 'хвоя и листья вместе с землей, собранные в лесу', словац. *sut* и *sutina* 'осыпь'.⁶

На базе глагола **čuti* в двух территориально удаленных друг от друга областях складывается имя **čutь*: ср. словен. *čūt* ж. р. 'чувство' и рус. диал. *чуть* 'голос, гул, звук' (ЭССЯ 4, 131).

Зап.-юслав. диалекты являются основной областью распространения лексемы **po-šьstь* (: **xoditi/šьd-*): словен. *pošast* ж. р. 'привидение, призрак; чудовище; вредные насекомые', хорв.-кайк. *pošast* ж. р. 'эпидемия, чума' (RJA XI, 78: кайк., Врбник на о. Крк, р-н Загреб; Vitezović 159), 'spectrum, larva, дух, призрак, привидение' (Maž. II, 1045: в сев.-зап. краях). См. Mikl. VGr. II, 267; Bajec 59; Vaillant IV, 693.

Одно из немногих отыменных образований праслав. диал. **polьть* (: *polь* 'сторона, бок', ср. **soltь* 'болото': *solь*) находит отражение в словен. *plāt* ж. р. 'разрубленные половинки; полено во всю длину расколотого или распиленного бревна; одна из двух противоположных сторон', *plāt* м. р. = *plāt* ж. р. то же и 'сторона', цслав. *плать* м. р. 'latus' (Mikl. LP 570; Mikl. 255) и болг. ботевгр. *плат* 'покатый склон, обычно как название местности' (Илчев — БД I, 198)⁷ и, возможно, с.-хорв. *Plat*, название села в Далмации (RJA X, 14). Суффиксальный вариант той же основы **polьть* (по типу *пога* : *погьть*) в рус. *пóлоть*, *полть* 'половина свиной, бараньей туши', ст.-чеш. *polet*, чеш. *polť* 'бок свиной туши', словац. *pôlt*, польск. *połeć* 'сало, бок туши; кусок; пласт', в.-луж. *połć* (Machek² 470; Фасмер III, 316).

Из словенских диалектизмов узорегионального распространения назовем следующие: *bręst* (< **bred-ть* : **brestŭ*) 'брод' (ЭССЯ 3, 15; Sławski. Zaręys 2, 45; Bezlaj I, 42); *klāst* ж. р. (< **klad-ть* : *klastŭ*)

5 Rigler J. K članku o rezijanski besedi za polento // SR 29, 1981, 215–218.

6 Borýs W. Z polskiego ludowego słownictwa topograficznego: *suć* 'zagajnik, bor sosnowy' // Onomastica XXVIII, 1983, 73–75.

7 Займов Й. Из болгарской исторической лексикологии // ZfSl, Bd. 24, H. 1, 1979, 160.

'корм для животных' (Bezlej II, 37); *obręst* ж. р. (< *obręsti*) 'доход, прибыль, польза' и серб.-цслав. *обрѣстивъ* 'utilis, uti videtur' (Mikl. LP 476; Mikl. VGr. II, 166; Bezlej II, 237); *prilast* ж. р. (< *pri-lъz-tъ : *lъzati) 'хороший корм, который дают коровам в дойный период' (Mikl. 171); *pręst* ж. р. (< *pręd-tъ : *prędti) 'прядение'; *pît* м. р. (< *píti*) 'питье' (Sławski. Zarys 2, 46); *plęst* ж. р. (< *plęsti*) 'плетение', вариант *plęsta* ж. р. 'обшивка прессы, балка'; *posęst* ж. р. (< *posęsti*, *-sędem*) 'владение; впадина, яма' (Vaillant IV, 692); *zjât* ж. р. (: *zjâti*) 'яма' (Bezlej. Eseji 132; Bezlej II, 239; s.v. *obstręt*).

В словенском многочисленны вторичные производные от основ с суф. *t* причастного происхождения.

Словенское прилаг. *obrúten* 'неловкий, неуклюжий, неумелый', видимо, базируется на имени с причастным суф. *t*, соотносительным с рус. диал. *обрюта*, *обрюток* = *обреуток* 'жирный, толстый, неповоротливый человек' (Даль² II, 618; Иванова. Подмоск. 302; Деулин. словарь 357), *обрюток* 'толстый щенок' (Элиасов 255). Эта лексическая изоглосса, связывающая весьма удаленные друг от друга части славянского мира, позволяет понять внутреннюю форму словенского слова, занимающего изолированное положение в языке в силу утраты мотивирующих связей. Исходя из варианта *обреуток*, О. Н. Трубачев производит **об-реут-* от *ревѣти*, *рюти* с семантическим переходом 'реветь' > 'толстый, обрюзглый', подтверждаемым отношением 'брюзжать' > 'обрюзглый' (Фасмер III, 108: дополнение О. Н. Трубачева). И если русские слова, судя по формам *обрюта* и *обреуток*, обнаруживают колебания в выборе исходной основы инфинитива *рюти* или *ревѣти* (*rjuti, *rovq*, *revetъ* с последующим выравниванием основы в *revěti), то словен. *obrúten* базируется на ранней форме инфинитива *rjuti (словен. *rjúti*, *rjovem*, *rjújem* 'реветь') с более поздним отверждением *r'* > *r*.

С глаголом *snuti, *snovq* соотносятся производные с вторичной суффиксацией: словен. *snútek* 'основа' (текст.), с.-хорв. *snutak* то же (RJA XV, 863: Šulek), а также рус. диал. *снútка* 'брус, соединяющий в центре ярма чашу и подгорень' (Словарь донских говоров III, 131). См. Vaillant IV, 703.

В словенском этот способ производства отглагольных имен достаточно продуктивен особенно в системе приставочных образований. Причем для этих имен характерна вторичная суффиксация, расширение основы *-tъ* суффиксами *-ъкъ*, *-ъје*, *-ina*. Проиллюстрируем это положение некоторыми примерами:

словен. *jětje* (: *jetí, *jъmъ*) 'тюрьма, темница' (~ чеш. редк. *jetí* 'взятие', др.-рус. и рус.-цслав. *ѡтнѣ* 'поимка, захват, плен', ст.-укр. *ят* 'плен' — ЭССЯ 6, 73); словен. *žrtje* 'еда' и чак. *žrtje* (Hraste — Zb. Marulića 263); *nasútje* (: *nasúti* 'насыпать'); словен. *vrětje* 'кипение; сутолока; источник, ключ' (Plet.; Vadjura 234—235), топонимы с *Retje*, которые, как отмечает Безлей, относятся к «местам около болот или заливных участков» (Bezlej. Sl. v. imena II, 152—153; Bezlej — SR XI, 1—2, 47) и *vrětina* 'ключ, источник', мотивирован-

ные глаголом *vrěti*, *vrēm* 'кипеть, бурлить, бить ключом', ср. *voda vre iz zemlje*⁸ и т. д. Из приставочных образований с вторичной суффиксацией в качестве примера приведем следующие случаи: словен. *pomitki* (: *pomiti*) 'помои', *pogrětina* (: *pogrěti*) 'подогретое кушанье', *pregrětki* (: *pregrěti*) то же, *posnėtek* (: *posnėti*, *snėmem*) 'накипь, экстракт', *povretina* (: *povrěti*) 'die Salfe', *strtina* (: *strěti*, *trēm*, *tārem*) 'руины' и т. д.

-tja. К особенностям зап.-юслав. словаря могут быть отнесены некоторые отглагольные имена с суф. *-tja*, выполняющие функцию *nomina acta* (Sławski. Zaręys 2, 42);

*datja (: *dati): словен. *dāča* 'подать, налог; пошлина', с.-хорв. стар. *dāča* 'дань, налог, мыто' (XVI в., RJA II, 217–218; Vrančić, Bella, Stulli), *dāha*, *dāha* 'поминки' (PCA IV, 72; ВУК), а также словин. *dāučā* 'дар, подарок', др.-рус. *дача* 'дар' и т. д. (ЭССЯ 4, 191; Sł. prasł. 2, 358);

*dobytja (: *dobyti): словен. *dobiča* 'добыча', с.-хорв. стар. *dobiča* 'прибыль, выгода' (XVI в., RJA II, 501), чак. *dōbiča* то же (Juršić; Rasprave 1968, 188; Žirje; Hr.–Šim. 158: Vis), а также рус. *добыча*, укр. *добыча* (ЭССЯ 5, 48; Sł. prasł. 3, 328).

-tra. Праслав. диал. *vitra, производное при помощи суф. *-tra* от глагола *viti (Mikl. VGr. II, 174; Bajec 22; Vaillant IV, 642) имеет центром распространения зап.-юслав. диалекты, к которым примыкает чешский язык: ср. словен. *vītra* 'прутья для плетения; годовой прирост, годовое кольцо (о дереве)', с.-хорв. *vitra* 'слой, пласт, стружка' (Šulek), 'прутья для плетения решета; die Hefele' (Пригорье) с производными *Vitrina*, название ямы, впадины (Далмация) (RJA XXI, 46), *vītrice* мн. 'прутья для плетения корзин' (Skok III, 600: Жумберак), чеш. *vitra* 'жгут, прут' (Machek² 692–693; Bezlaј. Eseji 124).⁹ В балтийских языках точное соответствие образует лтш. *vītra* 'ein Schling-, Rankengewächs' (Mühl.–Endz. IV, 648).

-tva. По происхождению суф. *-tva*¹⁰ представляет собой расширение на *-a* первоначально супинной глагольной основы на *-tъ* (*-tu*). Все *nomina actionis* на *-tva* отглагольного происхождения; очень

8 Безлај, не проявляя должного внимания к внутрисловенским словообразовательным отношениям, пытается осмыслить словен. *vrětje* в связи с рус. *веретье* 'возвышенность' как одно из отражений слав. **ver-* 'совать, прятать'. Словен. *vrětje* относится Безлаем к числу архаичных словенско-восточнославянских соответствий. Сближение словен. *vrětje* и рус. *веретье* безоговорочно принимается в других опытах этимологического истолкования рус. *веретье*. См.: Толстой 133–134; Варбот Ж. Ж. Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас 1976. М., 1978, 266–274.

9 Лишено оснований предположение Скока о вставном характере *r* в хорв.-кайк. *vītrice* (Skok III, 600).

10 См. еще: Skok P. Supstantiviranje infinitiva u slovenačkom // Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino, VII. Ljubljana, 1928, 156–157.

ограничено число древних образований с этим суффиксом. К древнему слою лексики, датируемому балто-славянской эпохой, принадлежит праслав. диал. **vitva* (: *viti*) с продолжениями в словен. *vítva* 'прутья для плетения корзин', *vítvarica* 'верба, ветки которой идут на плетение корзин', с.-хорв. *vítva* 'ручей, поток' (RJA XXI, 47), польск. *witwa* 'Salix viminalis', *witwina* 'ива, из которой плетут корзины', н.-луж. *witwa* 'ива-лоза, корзиночник (Salix viminalis L.)', рус. диал. *вѣтвѣна* 'стебель, лист корнеплодных растений; прут, тонкая палочка; большая ветвь' (СРНГ 4, 299–300; Фасмер I, 321). В балтийских языках этим образованиям соответствуют прус. *witwan* 'ива', лит. *vytuvaĩ* мн. 'мотовило' (< 'ветка'). (Трубачев. Рем. терм. 111; Vaillant IV, 642.)

Основная часть имен с суф. *-tva* (ср. **britva*, **bitva*, **lovitva*, **kļēva*, **žētva*, **gonitva* и т. д.) относится к новообразованиям праславянской эпохи. В позднепраславянскую эпоху и эпоху самостоятельного развития славянских языков суф. *-tva* развивает наибольшую активность в зап.-юслав. диалектах и особенно в диалектах словенского языка, где этот суффикс выступает в форме *-tva* и *-tev* (Ramovš. Morfologija 67; Orzechowska 118 и след.).

К зап.-юслав. ареалу тяготеют следующие образования:

*dърstva (: **dърstati*) : словен. *dърstev* 'известняковый шпат; гравий; крупный песок; песок, которым чистят посуду', топ. *Dърstven* (Bezljaj I, 117) и с.-хорв. *дрѣсва* 'вид непрозрачного кварца' (РСА IV, 693). Из сев.-слав. языков ср. рус. *дресва́* 'мелкий щебень', польск. *dzierstwa* 'раст. Triumfetta' (Sł. prasł. 5, 53–54; ЭССЯ 5, 226);

*meltva (: **melti*): словен. *mlētva* 'помол' и с.-хорв. *mļetva* то же (RJA VI, 852: Хорватия; Orzechowska 125), в.-луж. *mlētva* то же (Pfuhl 373);

*peltva (: **pelti*): словен. *plētva* 'прополка' и с.-хорв. *plētva* то же (RJA X, 99; Mičala, Bella, Jambr., Вук: в Черногории) (Варбот 1984, 197; Orzechowska 124);

*ēstvo/*ēstva (: **ēsti*, **ēdmi*): словен. *jēstva* 'пища', с.-хорв. стар., редк. *jestvo* 'кушанье, пища' (XVI в., RJA IV, 627: Marulić), чак. *jistva* то же (Hraste – Zb. Marulića 263), а также ст.-чеш. *jestva* 'species (in apotheca)', др.-рус., рус.-цслав. *ѡства* 'пища; еда, едение', ст.-укр. *ѡство* 'пища' и т. д. Близкое образование в лтш. *ēstuve* 'место для еды' (ЭССЯ 6, 54–55).

Поздним воспроизведением старой словообразовательной модели можно считать многочисленные словенские имена на *-tva/-tev*: ср.: *plūtva* (: *plūti*), *pobītev/pobītva* (: *pobīti*), *počētev/počētva* (: *počēti*), *pokrītva* (: *pokrīti*), *pomlātva* (: *pomlātiti*), *poročītev* (: *poročīti*), *učītev* (: *učīti*) и т. д.

-(i)to. Не имеет точных индоевропейских соответствий праслав. **elīto/*olīto*, представляющее собой суффиксальное расширение на *-ito* старой именной основы с не совсем ясными этимологическими

связями (ЭССЯ 6, 21–22; Sławski П, 557; Vaillant IV, 699).¹¹ Это производное имеет продолжения в сев.-слав. языках (ср. чеш. *jelito* 'сорт кровяной колбасы', польск. *jelito* 'кишка; колбаса', рус. диал. *литоха* 'большое брюхо; обжора' и т. д.), а в языках южной группы – в словен. *jelita* и *jeluta* 'сорт колбасы', *olito* 'кишка', с.-хорв. диал. *jelito* 'колбаса' (RJA IV, 582; Mičala, Stulli; HDZ I, 161: Сусак), *jalito* 'большая колбасина из наиболее толстой части чрева' (RJA IV, 442: Лика), *olito* 'кишка, колбаса' (RJA VIII, 894: Хрв. Приморье), чак. *olito* (Бакар) = *olito* (Хрв. Приморье, Истрия, Бузет, Совиньско поле) = *olito* (Црес) 'кишка, кровяная колбаса' (Skok I, 751), *olita* мн. 'кишки, кишечник' (Tentor. Leks. sl., 80), *jelita* 'домашняя колбаса' (Rasprave 1968, 26: u Brinju), *olito* (Крк) 'живот' (Meyer – AfslPh XL, 246), *jelito* (Кварнер) 'intestinum' (Milčetić – Rad CXXI, 119), *jelite* 'кровяная колбаса' (Neweklowsky 325). По наблюдениям С. Зайцевой, *elito/*olito* в основном характеризует современные говоры Истрии, Хорватского Приморья и Кварнерских островов (Zajceva 76, там же более подробные сведения о географии с.-хорв. слов).

-*otъ*/-*utъ*. Имена с суф. -*otъ*/-*utъ* восходят к субстантивированным причастиям действ. наст. вр. Процесс субстантивации сопровождался лексико-семантическим обособлением имен от соответствующих глаголов и становлением суф. -*utъ* как самостоятельного средства словообразования.

Ярко выраженную причастную природу имеет словен. диал. *zijūt* м. р. 'яма, впадина', топ. *Zjut, Zjot* (: *zijati*). См. Mikl. VGr. II, 200; Vaillant IV, 702; Bezljaj. Eseji 132.

Субстантивированное причастие на -*ot*/-*et* от глагола *pyrēti (ср. словен. *perēti* 'жечь, гореть') представляет собой зап.-юслав. имя, оформленное суффиксом -*ьсь*: ср. словен. *perāčes* м. р. 'кожная болезнь у детей', *perēčes*, *perēči ogenj* 'Антониев огонь' и с.-хорв. *перуџац* м. р. 'оспа' (Вук), *peruč* м. р. (XVIII в., Босния) = *peručac* (Босния), *peručac* (Mičala) = *peručac* (Водице, Истрия) 'оспа, пятна на лице' (Skok II, 644; RJA IX, 797: Mičala, Bella, Stulli), чак. *peručac* м. р. 'болезнь кожи' (Hr.–Šim. 793). В этот же ряд образований входит и болг. диал. *перещецъ* (Геров), *перищецъ* 'заболевание кожи, при котором на коже лица, шеи, живота появляются мелкие прыщи, вызывающие зуд в теле'.¹²

11 Этимологические истоки этого слова остаются не совсем ясными. Наиболее популярно сближение со ст.-прусск. *laitian*. Славский признает наиболее вероятным объяснение Брюкнера, сблизившего слав. слово с лат. *ilia* мн. 'внутренности' (Sławski П, 557–558, там же обзор литературы). В ЭССЯ (6, 21–22) принимается во внимание типологическая связь значений 'тесма, бечевка' ~ 'кишка' и предлагается сближение слав. *el-ito с нем. *Aal* 'угорь' (< и.-е. **ēlo-*) в более древнем значении 'полоска' (напр. ткани) и др.-инд. *ālī-* 'полоса, линия'.

12 Захариев И. Кюстендилско крайще // СбНУ XXXII, 594.

Причастного происхождения и словен. *lazútelj* 'негодяй, подлец' < **lazqt-* с производным от него глаголом *lazútati* 'тащиться, с трудом взбираться' (Bezlej II, 128). К этому же причастию восходят ср.-рус. *лазут(ъ)никъ* 'лазутчик, шпион' (СлРЯ XI–XVII вв. 8, 163), рус. диал. *лазута* 'попрошайка', *лазутка* 'небольшой лаз или дыра для прохода в плетне или в заборе; о ловком, пронырливом человеке' (СРНГ 16, 146). См. Фасмер II, 450; Sławski V, 64; ЭССЯ 14, 71.

Слав. **perqt-* (: **pere-* 'летать', Vondrák. VGr. I, 484; Vaillant IV, 701) лежит в основе словен. *perût* м. р. 'крыло; крыло на шпудле самопрямки; бородака ключа; широкая часть весла' (вост. Штирия, Прекмурье), *peruta* 'крыло, перо', *perôt* = *perût* ж. р. также 'лезвие сверлильного устройства; склон горы; скат крыши', производное диал. *perotnica* (Tominec 159), с.-хорв. *pèrût* ж. р. 'крыло' (RJA IX, 800: Vuk, Vitezović, Bjel., Jambr.; u Hrv.), хорв.-кайк. *perut* то же, *peroti* мн. 'крылья' (Hrv. kajk. pisci I, 250; II, 126: Habdelić), *perut: peruti na brodu* (Vitezović 41), *perōut* 'крыло' (Jedvaj. Bednja 303), а также чеш. диал. *peručí* 'хвоя', морав. *perut* 'листья на стебле овса'¹³ и, возможно, словац. (Гемер) *šperutki* 'устройство для растягивания полотна' (Orlovský 337).

Суффиксом *-qtъ/-utъ* расширяется уже упоминавшееся выше диалектно ограниченное имя **krěl'a*, связанное чередованием с лит. *skriėti, skrejù* 'крутить(ся), летать' (ЭССЯ 12, 132): ср. словен. *krějut* ж. р. 'крыло', диал. *krěl'ýt* то же (Rigler 140), с.-хорв. *krělyt* ж. р. 'крыло', диал. 'чешуя', мн. 'жабры' (РСА X, 484; RJA V, 601–602: с XV в., почти исключительно у чакавцев), *krějut* 'крыло птицы; рыбий плавник' (Tentor. Leks. sl. 76: Црес, Риека, Врбник, Жумберак), *krěluti* мн. 'крылья' (HDZ I, 164: Сусак), хорв. *krějut* 'крыло' (Kriztjanovich 80; Hrv. kajk. pisci II, 122: Habdelić), хорв.-чак. *krějut* то же (Neweklowsky 327), *krjějut* то же (Koschat 222), *kriějut* 'крылья' (Brabec. Govori podunavskih Hrvata 115), *krié:jut* 'деталь плуга' (Czenar G. Bäuerliche Geräte und Techniken 42). См. Mikl. VGr. II, 201; Vaillant IV, 702. С утратой мотивирующих связей суффикс *-ut* < *-qt* становится самостоятельным средством образования имен не только от глагольных основ, но и от имен, как в данном случае.

С глаголом *tekti связано ареально ограниченное словен. *tekût* м. и ж. р. 'вошь у птиц', *tekûta* ж. р. (ю.-в. Штирия), *tékut* то же (Štrekelj. Slov., 47), с.-хорв. *těkut, tĕkût* м. р. 'гниды у кур (Црес, Вргада), зоол. 'Menorop pallidum' (Francić 214; Hrv.–Šim. 1236; RJA XVIII, 179: Хорватия, Славония, Истрия, о. Раб, Крк, Брач), чак. *tĕkut* 'pediculus volatilius' (Nemanić I, 30), хорв.-кайк. *tĕkot* то же (Fancev 388).

¹³ Чешские диалектизмы Махек выводит из *pa-prutie* < *pa-prqt-* (Machek² 445), что представляется маловероятным.

-etъ/-otъ.¹⁴ В славянских языках очень многочисленна категория имен на *-etъ/-otъ*, производных от интенсивных глаголов с суф. *-etati/-otati*. К данному словообразовательному типу принадлежит специфически зап.-юслав. лексема *treset*, являющаяся обозначением торфа, болота: ср. словен. *tresêt* 'торф' (< *tresetáti se* 'дрожать') и с.-хорв. *trēsêt* 'торф, болото' и как топоним (RJA XVIII, 610: Mičala, Bjeł., Ivek., Vuk; Skok III, 497; Popović 312).

С звукоподражательным глаголом **kokotati* соотносится характерное для зап.-юслав. диалектов название петуха **kokotъ* (ср. другие названия **pětuxъ*, **pětyль*, **krečety*): словен. *kokōt*, с.-хорв. *kokōt* м. р. 'gallus' (RJA V, 173; Mičala, Bella, Jambr., Volt., Stulli, Vuk: «po jugozapadnijem krajevima»), шток. *kōkōt* (Черногория и соседние области), чак. *kōkot* (Hr.-Šim. 427–428; HDZ 7, 503), *kokot* (Viganj; подробнее см.: Zajceva 87), хорв.-кайк. *kokot* (Суня), а также ст.-слав. *кокогъ* (Мар.), в сев.-слав. языках ср. ст.-чеш. и диал. *kokot*, словац. *kokot* 'петух; penis', в.-луж., н.-луж. *kokot*, ст.-польск. и диал. *kokot*, др.-рус. и рус.-цслав. *кокоть*, рус. диал. *коког* (ЭССЯ 10, 117; Sławski II, 340). О более широком распространении этого слова свидетельствует нов.-греч. *κόχοτος*, арумун. *kukotu*, топ. *Кохоті* (Фессалия), *кохотари* < *kokotarъ* (Пелопонес), рум. *Cocot* = венг. *Kakad* и гидр. *Kakat* (Vaillant IV, 253; Попович 55, 58).

Словен. *šklabōt* ж. р. 'старый плохой сундук', *šklabōti* мн. 'старые плохие вещи' с производным *sklabotina* 'намыв, осадок' отражают словообразовательную структуру глагола *šklabotáti* 'дрожать, трястись, болтаться', сложившегося на базе простого глагола *šklābati* 'шагать, шлепать в обуви не по ноге', родственного, видимо, с.-хорв. диал. *sklābušiti se* 'спутаться, смешаться, расстроиться' (RJA XV, 63: Лика; один пример). Эти образования, связанные чередованием корневых гласных с хорв.-кайк. (Вирье) *šklēbati* 'изнашивать, обтрепать, обшарпать' (RJA XVII, 658), принадлежат к гнезду **(s)kelb-/*(s)kolb-/*(s)kьlb-* < и.-е. **(s)kel-* + *b-* 'резать, колоть'.¹⁵ В свое время Бернекер и Фасмер, в первую очередь по соображениям семантического порядка, поставили под сомнение возможность сближения словен. *sklabotina* и рус. *колобок, колоб*, продолжающих основу с корневым *o* – **kolbъ* (Berneker I, 642–643; Фасмер II, 292). Но при более широком охвате лексического материала нетрудно заметить, что в рамках восстанавливаемого этимологического гнезда прослеживаются разные линии семантических

14 Об образованиях с этим суффиксом см.: Толстая С. М. Фонетические наблюдения над ономастическими образованиями с суффиксом *-ot* в верхнелужицком // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, 272–280; Азарх Ю. С. Слова типа *грохот, лепет* в русском языке // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. М., 1975, 260–277.

15 Варбог Ж. Ж. Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас 1975. М., 1977, 136–140.

отношений и одна из них — 'резать, рубить, колоть' (ср. чеш. *klabati* 'обрубать кору с дерева', хорв.-кайк. *okolbati, okoljbatī* 'выстричь, остричь' — Vitezović 39) > 'делать плохо, работать кое-как' (ср. рус. *колбать* 'шить кое-как, небрежно'), 'делать беспорядочные движения' (ср. словен. *šklābati*, с.-хорв. *sklabušiti*). Результат названных действий находит отражение в семантике словен. *sklabotina* 'намыв, осадок' и рус. *колоб* 'жмыхи; выжимки льняного или другого семени, остающиеся при выделении масла' (Даль³ II, 138).

-ota/-otъ. Этот суффикс наиболее активен в образовании имен с отвлеченным значением от основ существительных и прилагательных.

Еще в системе праславянского произошло расширение экспрессивной по своему характеру корневой морфемы **gom-* (ср. **gomola, *gomoniti*) суффиксом *-otъ*: ср. словен. *gomôt* м. р. 'кишение, возня; неразбериха', *hómot* 'чаша', укр. *gómot* 'шум, гул', чеш. диал. *homotní* 'сильный, крепкий' (ЭССЯ 7, 20; Bezlaĵ I 161).

В зап.-юслав. ареале от имени *brazda*, продолжающего общеслав. **borzda* (ср. болг. *бразда* 'борозда; рана' и т. д. — ЭССЯ 3, 220), с помощью суффиксов *-ot-ina* оформляется производное, в котором произошло фонетическое изменение *zd > zg* (Skok I, 203–204; Bezlaĵ I, 39): словен. *brazgotina* 'рубец, шрам', с.-хорв. чак. *brāzgôt, brāzgotina* то же (RJA I, 613: Vrančić, Stulli, Bjel.), *brazgôtina* (Hr.—Šim. 73: Хвар). Следует заметить, что для словенского и сербохорватского очень характерно расширение образований на *-ota* суффиксом *-ina*: ср. словен. *lepotina* : *lepóta, mokrotina* : *mokróta, krasotina* : *krasóta* и т. д. (Vaillant IV, 371).

В зап.-юслав. диалектах параллельно с именами на *-ota* существуют имена с суф. *-oča < -otja*: ср. словен. *mrzóta* и *mrzôča, mokróta* и *mokrôča, mehková* и *mehkôča, nagóta* и *nagôča, lepóta* и *lepôča* и т. д.

Суф. *-otja* может рассматриваться как праславянская инновация по отношению к балто-слав. *-ota* (~ балт. *-ata*) (Vaillant IV, 371; Мартынов 1973, 49–50). С расширением материальной базы исследования появились новые данные, позволяющие пересмотреть точку зрения Бошковица на суф. *-otja* как исключительно словенско-сербохорватское новообразование (Бошковић 126). Как показывают исследования последних лет, вариантность имен с суф. *-ota* и *-otja* наблюдается еще в одной группе языков — восточнославянской (Трубачев 1963¹, 188).

Из диалектно ограниченных образований с суф. *-otja* отметим следующие: **golotja*: словен. *golôča* 'нагота', с.-хорв. *golôča* 'nuditas' (с XVI в., RJA III, 255: Miĵaĵa, Bella, Stulli; PCA III, 446–447) и рус. диал. *голѣча* 'гололедица', укр. *голѣча* 'голь, бедняк' и т. д. (ЭССЯ 6, 214); **coldъnotja*: словен. книж. *hladnôča* 'холод' (SSKJ I, 808), с.-хорв. *хладнôĵа* то же (Вук) и укр. *холоднѣча* 'стужа, сильный холод' (ЭССЯ 8, 59); **mokrotja*: словен. *mokrôča* 'сырость,

влага', с.-хорв. диал. *tokroća* то же (RJA VI, 908: u Lici), *malotja: словен. *malōča* 'малость', с.-хорв. *maloća* то же (с XVII в., RJA VI, 420–421; Bjel., Jambr., Volt., Stulli), блр. *малеча*, укр. *малеча* (Мартынов 1973, 49) при ст.-слав. *малота* и т. д. (Проспект 59–60).

-*ъt*. Очень широкое распространение в славянских языках имеет производное на -*ъt* от праслав. *věxa (ср. болг. диал. *веха* 'метла из соломы', словен. *věha* 'ботва', чеш. *věch*, *vích* 'соломенный жгут' и т. д.) — *věxъtъ. В зап.-юслав. области это — словен. *věhet* м. р. 'пучок' (ср. *vehet sena*), 'пучок соломы', с.-хорв. *vehet* 'pugillus foeni' (RJA XX, 681: Habelić, Bjel., Jambr.), диал. 'солома, которая подкладывается в обувь, чтобы не жало', *vehat* (Vitezović) 'пучок, hapsus', ср. *vehat sena* 'hapsus foeni' (Borys — HDZ VI, 73), ср. также чеш. *věchet*, словац. *vechet*, польск. *wiecheć*, в.-луж. *wěhc*, рус. *вехотка* (Фасмер I, 308; Machek² 681).

На правах изолированного образования выступает словен. *lěhet* (< *lěha*) 'часть поля; террасообразно спускающееся поле' (Vaillant IV, 700).

-*sto*, -*stъ*. Глубокие индоевропейские истоки имеют два лексических архаизма с суф. -*stъ*, сосредоточенные на южнославянской территории преимущественно в западных диалектах. Это — праслав. диал. *bъrščъ, которое восходит к и.-е. **bhrsti-* 'нечто острое' (< **bher-* + *stī*) и имеет соответствием др.-инд. *bhrstī-h* ж. р. 'острие', др.-в.-нем. *burst*, нем. *Borste* 'щетина'. В южнославянских языках продолжает эту основу словен. *bъršč* м. р. 'раст. борщевик *Heracleum sphondylium*', диал. (Бохинь) 'раст. *Pastinaca silvestris*' (Bezljaj I, 48). Основной областью распространения праслав. *bъrščъ являются сев.-слав. языки: ср. польск. *barszcz* бот. '*Heracleum sphondylium*', в.-луж. *barsć* то же, чеш. *bršť* то же, рус. *борщ* и т. д. (ЭССЯ 3, 131–132; Sł. prasl. 1, 422).

Праслав. *ъsto, -*ese*, сближаемое с др.-исл. *eista* 'яичко', возводится к и.-е. **oid-* 'раздуваться, набухать' в сочетании с суффиксом -*sto* (ЭССЯ 8, 248; Bezljaj II, 233).¹⁶ В простом виде без приставки эта основа в ст.-слав. *исто*, *истесе* 'genes, утроба, внутренности' (Супр.), с.-хорв. чак. *ъsto* (Tentor — JФ V, 205), *isto* то же (Zajceva 76), полаб. *jaista* мн. 'почки'. Для зап.-юслав. диалектов характерно образование с приставкой *ob-* **ob-ъsto/ъstъ*: словен. *obist* ж. р. 'genes', мн. *obisti*, собир. *obistje* (Вост. Штирия), с.-хорв. *obisto* 'почка' (RJA VIII, 359), *obišće* = *obisto* (там же: Bjel., Stulli, Jambr.), кайк. *obistje*, чак. *obistje* (Bjel., Sławski 1963, 47), *obišće* (Tentor. Leks. sl. 70), цслав. ОБИСТИЕ 'genes' (Mikl. LP, 465).

16 Славский дает иную реконструкцию — *ois-to (ср. лит. *inkstas* 'почка'), но не исключает связи с и.-е. *oid-* 'набухать'. Ср. Sławski. *Zarys* 2, 39. В словаре Френкеля для лит. *inkstas*, *įščios* 'внутренности' восстанавливается и.-е. корень **oid-/eid-* (Fraenkel 185–186). Вайян выделяет суф. -*ti* (Vaillant IV, 695).

-astъ.¹⁷ Этот суффикс, достаточно продуктивный в словенском, служит средством образования отыменных прилагательных. Все образования на *-ast* позднего времени, ср. *próga* : *prógast*, *pláza* : *plázast*, *perúta* : *perútast*, *ráma* : *rámast*, *réga* : *régast*, *rébro* : *rěbrast*, *rúpa* : *rúpast*, *répa* : *rěpast* и т. д. Общим для зап.-юслав. диалектов является прилагательное на *-astъ* — **kъpastъ(jь)* (: *kъp-*, ср. польск. *kien* 'обрубок дерева'): словен. *knjast* 'убогий, калека', с.-хорв.; сев.-чак. *knast*, *kňast* 'изувеченный, искалеченный' (XVI в., RJA V, 117: Vrančić, Bjel., Jambr., Volt., Stulli; Skok II, 104), хорв.-чак. *kňasto* 'неподвижный' (Koschat 218), *kňasto* то же (Neweklowsky 326), *kňast* 'искалеченный, увечный' (Rasprave 1968, 28: u Brinju), *knjast* 'калека, хромой' (Hadrovics 461), хорв.-кайк. производное *knjastac* (Vitezović 30).

Словен. прилаг. *preslégast* 'имеющий пропуск, пробел' (ср. *njiva je preslegasta, če ima prazna, gola mesta mej vsejanim žitom; hišni zidovi iz robatega kamena bi bili preslegasti; glava je preslegasta, kadar je plešasta*) образовано при помощи суф. *-astъ* от старой основы, которая находит отражение в с.-хорв. чак. *prisliga* (Врагда), *prisliĝa* (Хвар) 'седловина' (Juršić; Hr.-Šim. 948–949), словин. *pr'ě-slāga* 'луг, заходящий клином в поле, или поле, вклинивающееся в другое поле; полуостров на озере; неглубокое место, где можно пройти вброд; море, глубоко вдающееся в сушу' (Sychta IV, 203). В словаре Фасмера словен. *preslégast* сопоставляется с рус. диал. *переслега*, *переслѣжина* 'брак в пряже, пережабина, тонина, т. е. узкое, тонкое или пережатое, сдавленное место; задоринка, изъян или порча(?)' (Даль² III, 83). Заметим, что в русских диалектах существует *переслежина*, образованное от *переслега*, и идентичное по форме производное на *-ина* с другой основой — *слѣж-/слѣд-*. К отражениям последнего должны быть отнесены диал. *переслѣдина* 'двойная черта в рисунке или чертеже от поправки, наводки' и *переслѣжина* 'двойная нитка основы поверху, в холсте, огрех', *переслежина* 'след от лошади и сохи, остающийся в поле после пахоты' (Даль² III, 83; Соликам. словарь 435).

Поиски этимологического решения для словен. *preslégast* во многом определялись ориентацией на семантический признак 'слабый, изношенный', в соответствии с которым и подбирались индоевропейские соответствия, среди них в первую очередь называются греч. *λῆγω* 'ослаблять (пружину), переставать', *λαγρός* 'слабый, вялый', лат. *languo* 'слабну, вяну' (Фасмер III, 239). Но приведенные славянские контексты вполне определенно показывают, что семантическое содержание славянских слов определяет другой признак, главным для него является обозначение свободной полосы,

17 Winkler-Leszczyńska I. Sufiksy przymiotnikowe *-ity*, *-isty*, *-aty*, *-asty* w języku polskim na tle ogólnosłowiańskim // Prace językoznawcze 40. Komitet językoznawstwa Polskiej Akademii Nauk. Wrocław etc., 1964, 53–55, 48–49.

разделяющей однородное пространство. В сходной функции выступает слав. *szlogъ: ср. словен. *slôg* 'межа' (*slog je večji od ogoпа, ima več ko šest brazd*), болг. *слог* 'граница между полями'. Оба семантически близких образования — *per-sz-legъ и *sz-logъ — сложились на базе глагола **sz-legt'i*: в одном случае корневой вокализм тождествен вокализму глагольной основы, а в другом случае имеет место чередование *e* : *o*, характерное для отношения глагола и производного от него имени.

Зап.-юслав. имена с суффиксальным формантом *-t-* имеют следующие ареальные характеристики:

1. Широкие связи со всеми севернославянскими языками характеризуют словен. *břšč, gât, jelita/olito, kláta, kokôt, věhet*. Общая изоглосса с отдельными западнославянскими и восточнославянскими языками объединяет словен. *dáča, dobíča, drstev, mlětva, jēst, jēstva, jētje, obálten, gomôt*. Частично эти изоглоссы захватывают старославянский язык и диалекты болгарского языка: словен. *брита* (~ болг. диал. *брита*), *obíst* (~ ст.-слав. *исто*, *цслав. обистнѣ*), *plât* (~ болг. диал. *плат*), *kokôt* (~ ст.-слав. *кокотъ*), *perěćec* (~ болг. *перещецъ*).

2. Соответствия в западнославянских языках прослеживаются для словен. *o-sut-ine, prê-sleg-ast*. Наиболее определенно выражены связи с диалектами чешско-словацкой группы у словен. *grôt, cęsta, vîtra, perût*.

3. Общую изоглоссу с восточнославянскими языками имеют словен. *obrûten* (~ рус. *обрюток*), *snûtek* (~ рус. *снутка*), *lazûtelj* (~ рус. *лазута*), *grûst/gřst* (~ рус. *грусть*), *golôča* (~ укр. *голеца*), *hladnôča* (~ укр. *холоднеча*), *malôča* (~ укр. *малеча*), *črêt* (~ укр. *черет*), *rost-oha* (~ рус. диал. *руст*), *čecêt* (~ рус. диал. *чечет*), *čût* (~ рус. диал. *чуть*).

4. Не выходят за пределы зап.-юслав. ареала соответствия для словен. *brêst, glûta, brazgotína, kréljut, klást, knjást, lēhet, posêst, pri-last, plětva, plât, prêst, plêst, pît, obrêst, sprostî, šklabôt, vrêtje, žrtje, slût, pošást, zijât, tresêt*.

5. Связи на индоевропейском уровне характеризуют словен. *břšč* (др.-инд. *bhr-ṣṭi-h*, нем. *Borste*), *glûta* (~ англ. *cloud*, греч. *γλουτά*), *gât* (~ др.-инд. *gātú-*). Соответствия в балтийских языках отмечены для словен. *kláta* (~ лит. *káltas*), *sprostî* (~ лит. *spraštas*), *vîtra* (~ лтш. *vîtra*), *vîva* (~ прус. *witwan*, лит. *vytuvaĩ*), *čecêt* (~ лит. *kekūtis*), *jēstva* (~ лтш. *ēstuve*).

Бессуффиксальные имена отглагольного происхождения

В словарном составе словенского языка значителен слой имен, образованных от глагольных основ бессуффиксальным способом. Практически почти каждому глаголу с приставкой или без приставки соответствует бессуффиксальное имя. Весьма разнообразны

функции, выполняемые названными именами: это — название действия по глагольной основе, имена с инструментальным, агентивным, предметным и т. п. значениями. Учитывая неограниченную продуктивность отглагольных бессуффиксальных имен, мы выбираем для специального рассмотрения образования, которые поддерживаются славянскими соответствиями. При этом особого внимания заслуживает момент лексико-семантической самостоятельности имени, возможной при утрате мотивирующих связей.

Назовем некоторые бессуффиксальные имена, составляющие особенность зап.-юслав. диалектов.

**br'uzga* (< **br'uzgati*, ср. словен. *brljūzgati* 'шлепать по воде; дать пощечину', рус. диал. *брюзгáть* 'учить урок'): словен. *brjūzga* 'тающий снег на дорогах', *brljūzga* 'тающий снег вперемежку с грязью', диал. 'болото' (Tomines 74), 'ребенок, облизывающий тарелку; пощечина', *brōzga* 'дорожная грязь; сброд', с.-хорв. диал. *bruzda* 'желобок, сток для чего-либо', *brūzag* (XVI в.), совр. диал. (Далмация) *brūzak*, *-zga* 'сильное течение, effusio' (RJA I, 687: у двух авторов XVI и XVII вв., в наше время в Далмации). Ср. словин. *brēzga* 'слякоть', рус. *брюзга* 'человек, который постоянно брюзжит' (ЭССЯ 3, 35, 53; Sł. prasł. 1, 413–414).

*drapa/*drapъ (< *drapati, ср. болг. *дрáпам* 'драть, царапать', словен. *drápati* 'царапать, чесать; ковыряться' и т. д. — ЭССЯ 5, 101): словен. *dráp* м. р. соб. 'обломки', *drápa* 'нечто разорванное; тряпки, лоскуты', *drape* мн. 'нечто разорванное; руины; медлительный человек', производ. *drápki* 'озноб, лихорадка' (Bezljaj I, 110), с.-хорв. диал. *drāpa* 'куриная лапа' (PCA IV, 659: Копривница, Хорватия), а также чеш. диал. *drap* 'бегство', польск. *drapa* 'то, что вызывает зуд; нечто разорванное', блр. диал. *драл* 'вид чесотки у собак' и т. д. Соответствующие образования отмечены в индоевропейских языках: норв. *traf* 'платок на голове', галлором. *drappus* 'платок', др.-инд. *drāpiḥ* м. р. 'плащ', лит. *drāpanas* мн. 'одежда' (Sł. prasł. 4, 208).

Как производное от слабо засвидетельствованного глагола **degt'i* (ср. слав. *obdegati ~ лит. *deñgti* 'покрывать', диал. *déngti* 'бежать, нестись') толкуется слав. имя *dēga/*dēgъ: словен. *dēga* 'ремень, стягивающий ярмо, супонь; ремень для переноски тяжести' (Bezljaj I, 96: с XVIII в., Pohlin, Gutschmann), а также словац. *d'ah* м. р. 'дорога, путь, направление', рус. диал. *дыга* 'кожаный пояс, ремень', др.-рус., рус.-цслав. *дыгъ* 'ремень', укр. диал. *д'аг* 'полоса лыка', блр. *дыга* 'ремень' (ЭССЯ 5, 24; Sł. prasł. 3, 96–97). В вост.-юслав. области обнаружено продолжение имени *dēga в ср.-болг. *дыгъ* (*дыга*) 'ремень'.¹

1 Rusek J. Ze studiów nad słownictwem najstarszych słowiańskich prologów // MJ XXXII–XXXIII, 1981/82, 636.

**gruxъ/gruša* (< *gruxati/*grušati, ср. болг. *грѹхам* 'толочь зерно', с.-хорв. *grūhati* 'бить, бухать, грохать', словен. *grúšati* 'крошить' и т. д. — ЭССЯ 7, 154–157): словен. *grūh* 'каменистая осыпь' (Крас), 'развалины, груды камней', *grúša* 'песок, щебень' (Bezljaj I, 183), с.-хорв. диал. *grūh* 'щебень, мелкий камень, которым посыпают дорогу' (RJA III, 470: Дубашница на о. Крк; Šulek), хорв.-кайк. *gruh* то же (Vitezović 26), чак. *grūh* то же (Tentor — AfsI Ph XXX, 191). В сев.-слав. языках слав. *gruša специализируется в качестве обозначения плодового дерева (ЭССЯ 7, 156).

*ъзгонъ (< *ъзгъnati/*ъзгонити, ср. ст.-слав. ИЗГОНИТИ 'выгонять, изгонять', макед. *изгони*, словен. *izgóniti* и т. д. — ЭССЯ 9, 29): словен. *izgón* м. р. 'изгнание; дорога, по которой гонят скот', с.-хорв. *izgon* м. р. 'изгнание' и 'край нивы, где поворачивают при вспашке' (RJA IV, 178: Bjel.; о. Брач; XVII в.; Maž. I, 443), а также польск. диал. *zgon* 'смерть, кончина', рус.-цслав. *изгонъ* ѓѣѣолѣ, рус. диал. *изгон* м. р. 'ворота на конце паренины, куда выгоняют скот, выгон' и т. д. (ЭССЯ 9, 29–30).

*ъзгребу (< *ъзgrebti): словен. *izgrebi* мн. 'пакля', диал. *zgrèbi* (Novak — Etnolog XVII, 62), с.-хорв. стар., редк. *izgrijebi* мн. то же (RJA IV, 185: только в словаре Стулли, с пометой: взято из брeвн-ара), цслав. *изгреби* 'пакля', исключительно в паримейниках, Погод. и Болон. псалтыри, словац. *zrebe* мн. 'пакля, очески льна, конопля', словин. *zgrìebjã* 'пакля, очески', рус. диал. *изгрéби* мн. 'очески льна, остающиеся после первого чесания' и т. д. (ЭССЯ 9, 30–31).²

Отношением производности с глаголом **legt'i*, *legati связаны словен. диал. *lèga* 'лежание; слега, балка', мн. 'брусья под бочки; брусья для перевозки ульев; зарубка, насечка (у плотников)' и ст.-чеш. *líha*, обычно мн. *líhu*, *lih* 'брусья, бревна, на которые ставят бочки в погребе и по которым их скатывают' (Gebauer II, 251), чеш. *líha* 'горизонтальный брус, по которому двигают тяжести', *l'íha* 'палка, рычаг для корчевания пней и выворачивания из земли камней', польск. диал. *léga* 'участок поля или луга, где хлеб или трава полегли из-за града или дождя' (Sychta. Słown. kociewskie II, 105), словин. *lèga* то же и 'слой снопов в сусеке' (Sychta II, 345–346).³

пазѣба (< *nazębti*): словен. *nazęba* 'холод; ревматизм', с.-хорв. *nãzëb* ж. р. (Вук: в Черногории), *nãzeba* 'простуда' (RJA VII, 771: Mikaļa, Bjel., Volt., Stulli, Vuk), диал. *назеба* 'болезнь; состояние переохлаждения'.⁴

2 Gutschmidt K. Bemerkungen zu südslawisch-nordslawischen lexikalischen Parallelen // ZfSl, Bd. 24, H. 1, 1979, 38.

3 В ЭССЯ (14, 179) восстанавливается форма с корневым гласным в ступени продления.

4 Шхарић М. Живот и обичаји «планинаца» под Фрушком гором // СЕЗБ LIV, II одељ. Живот и обичаји народни, 24. Београд, 1939, 260.

obava (< *obaviti : *bojati se, ср. польск. *obawiać się* — Vaillant IV, 199): словен. *obāva* 'страх', польск. *obawa* 'боязнь, опасность', чеш. *obava* 'опасение, боязнь', словац. *obava* 'страх, напряженное ожидание чего-то опасного, неприятного'. В сербохорватском след этого имени в глаголе *obavati se*, зафиксированном на территории Хорватии в одном примере: *Ča se već obava, ogañ se već liska*, т. е. *uzbojavati se* (RJA VIII, 313).

В словенском в соответствии с глаголами *krtati* = *škr̥tati* 'мелко резать, делать зарубки; глотать' и *odškr̥tati*, *oškr̥tati* 'глотать, грызть' существуют имена *škr̥t* 'царапина' и *obškr̥t* = *áškr̥t* с производным на *-ьсь odškr̥c*, *áškr̥c* 'кусок, отрезок (полотна, кожи)', фам. *Aškerc* (Bezljaj I, 6). Соответствующее имя зафиксировано Вуком на территории Черногории в форме *oшкр̥т* 'резец, молоток каменотеса' (RJA IX, 323), в болгарских диалектах отмечено *оскр̥тък* 'лоскут, обрезок' (БЕР II, 221). В чешском языке находим имена с приставкой *u-* от: ср. чеш. *ušket* 'кусок кожи, заплата', ст.-чеш. *ušket* (u Klareta), *úškr̥t(i)* то же (XV в.), *ouškr̥t* 'кожаное колечко, прикрепляемое к двери, чтобы не было скрипа' (< *us-kzrtь*).⁵ См. Machek² 671.

Глагол *prevoriti* 'пахать', представляющий собой сочетание глагола *orati/oriti* с приставкой *pre-* < *per-*, служит производящей базой для словен. *prévor*, *predr* 'поле под паром', топ. *Prevorje*, *Preborje*, *Prewor*, названий урочищ *Prevor*, *Preor*, *Na preori*, *Prevori* (Bezljaj — SR VIII, 1–2, 12).

Словен. *óрна* 'кожица, мембрана', уменьш. *ópnica* и с.-хорв. *òрна* 'тонкая кожица (напр. у яйца)', *òpnica* то же и 'сеть для различных предметов' (RJA IX, 74–75: Bella, Volt., Stulli, Mikala, Vuk) имеют корневой вокализм, тождественный вокализму основы настоящего времени глагола **o(b)pe̯ti*, *-рьпo* (ср. с.-хорв. *òpēti*, *òpnēm*). В старославянском представлено соответствующее имя с корневым *o* — *опона каталѣтасоца* (Супр.) (Skok II, 561; Bezljaj II, 252).

Праслав. диал. **o(b)-t̥ьka/*o(b)-tyka* (< **-t̥ьkati/-tykati*), являющееся названием части плуга, в словен. *ótka* 'плужный скребок, сошник' (Plet.; Jarnik 114) и *otika* с тем же значением, *uətka*, *utka* то же (Cossutta 395), с.-хорв. кайк. и чак. *òtka* 'rallum' (RJA IX, 378: Bjel., Volt., Jambr., Šulek: Хорватия), *òtik* = *otka* (RJA IX, 370; Вук с пометой: в Славонии, Лике, у придунайских хорватов; Rad 303, 191: Jurin). Такое же название находим в зап.-слав. языках: чеш. *otka* 'часть плуга' (PSJČ III, 1223), зап.-словац. *votka* то же (Palković 338; Slovenský narodopis № 3–4, 332–333), *otka* 'плужный скребок' (Ripka 207), в.-луж. *wótka* 'рогаль (часть сохи)' (Трофимович 373). Параллельно существует название, образованное от глаго-

5 Данные образования входят в этимологическое гнездо и.-е. *(s)ker- в сочетании с суф. *-t̥ь*.

ла *jъz-tykati : ст.-польск. *istyk*, сред.-словац. и вост.-словац. *styk* (Krajićević 211), рус. диал. *истик*, укр. *істик* (ЭССЯ 9, 85).

*рѣхъ (< *рѣхати): словен. *páh, pēh* 'толчок, засов; крысоловка; толкушка; ящик в ткацком станке; желоб, паз в доске', рус. *пех*, польск. древ. *za-pech*, название действия по глаголу (Vaillant IV, 205).

*планъ (< *planoti, ср. словен. *plániti*): словен. *plàn* м. р. 'взмах, порыв; нападение', словац. (Гемер) *plan* м. р. 'эпидемия' (Orlovský 237).

*поваль (< *povaliti): словен. *poval* 'пол', чеш. *poval*, название действия по глаголу, также 'потолок; потолочная балка' (Kott VII. Dod. 390), словац. *poval, povala* 'потолок, чердак' (SSJ III, 366), польск. *powala*, диал. *powal* 'стропила; накат; потолок' (Warsz. IV, 836), укр. *повала* 'потолок' (Гринченко III, 227).⁶ Семантически удалено с.-хорв. *poval*, название действия по глаголу *povaliti* (Bjel.), 'мука' (Vrančić; Раб, Крк), 'каша' (Славония), *povala*, название действия по глаголу и *povala* 'мука, которой посыпают тесто в кадке, чтобы не липло к рукам' (RJA XI, 246). В болгарских диалектах находим отглагольное производное с приставкой *под-* — *подвал* 'служащее указателем толстое дерево с зарубкой посередине' (Разложко. — СБНУ XLVIII, 503).

В качестве *nomen instrumenti* выступает в словенском имя *sêd* 'насест', образованное от глагола *sêsti, sedati*. В польском соответствующее имя *siad* 'сидение' выполняет функцию *nomen actionis*.

Собственно инновацией зап.-юслав. диалектов можно признать словен. *sklát* м. р. 'бродяга' (< *sklátiti* 'сбивать, напр. яблоки с дерева'), с.-хорв. *sklat* м. и ж. р., *sklát* (Раб) 'оборванец' (RJA XV, 241), *skláta* (Вук, Срем) 'дурак' (Skok II, 92; III, 260).

*тропь (< **tropati/trepati*, ср. словен. *tropáti* 'бить'): словен. *trôp* 'выжимки', *tropine* то же и с.-хорв. *trôp = trôp, tropine* 'остатки, выжимки, пахта, все то, что остается при изготовлении масла, вина и т. п.' (Skok III, 506; RJA XVIII, 742–743; Vitezović, Bjel., Volt., Ivek., Vuk).

При образовании имен от глаголов с показателем *-ni* в результате переразложения основы суффиксальный элемент *л* отходит к корню. Этот процесс находит отражение в следующих диалектных образованиях: словен. *kâp = kâp* 'капля' (< *kâniti* 'капнуть' — Vaillant IV, 269); словен. *pogrín* 'горсть' (< *pogrínjati/pogrniti* 'покрывать/покрыть'); словен. *trèn* 'мгновение' с производными *trének* и *trenûtek* (< *tréniti* < *treppoti 'моргнуть') и с.-хорв. *trên* 'мгновение, момент, миг' (RJA XVIII, 593–594; Bella, Vuk, Ivek.) (См. Варбот 1984, 146). К этому типу образований примыкает и словен. *ozîp* 'кошмар, удушье', в значительной степени утратившее мотивирующие связи с глаголом *ozíniti* 'разевать рот' (ср. *ozijáti*

6 Gutschmidt K. Op. cit. 38.

‘зевать, оглядеть’).⁷ Значение ‘удушье, кошмар’ предопределено производной семантикой глагольной основы: ‘открывать рот, зевать’ > ‘тяжело дышать’: ср. словен. *zévati*, чеш. *záti* ‘пыхтеть’, польск. стар. *ozinać, ozionać* ‘обдаться дыханием’.

В плане ареальных отношений названные зап.-юслав. диалектизмы распределяются следующим образом.

1. Зап.-юслав. диалектизмы участвуют в общей изоглоссе с севернославянскими языками: ср. словен. *drâp, déga, izgòn, izgrebî, léga, pâh* ‘засов’, *povâl, brjûzga, grûh*.

2. Преимущественные связи с западнославянскими языками характеризуют словен. *obâva, odškrt/âskrt, ôtkâ, plân*.

3. Зап.-юслав. область является центром распространения некоторых лексем: ср. словен. *nazêba, prêvor/preôr, ôpna, sklât, sêd, trôp, kân/kâp, pogrîn, trèn, ozîn*.

4. Для праслав. *drap* отмечены близкие образования в индоевропейских языках: ср. норв. *traf*, др.-инд. *drâpih*, лит. *drâpanas*.

Приставочные образования

Заметную часть зап.-юслав. словаря составляют образования с экспрессивными приставками *a-*, *ka-/ko-*, *sko-*, *če-*, *pa-*, *sq-*, *še-* и т. п. В диалектах словенского языка наблюдается некоторая активизация этих архаичных средств словообразования: здесь шире и свободнее, чем в других славянских языках, приставки *ka-/ko-*, *pa-* сочетаются с глагольными и именными основами, здесь сосуществуют формы с приставками *ko-*, *sko-* и без приставок: ср. *koredica – redica, komûza – mûza, kotakati – tákati, kodávno – dávno, škomrdati – mrdati, skomúcati – mûcati, homotáti – motáti* и т. д.¹ Данные приставки приносят в семантику элемент негативного отношения говорящего к явлениям действительности. К экспрессивным средствам выражения относятся еще некоторые приставки: *a-*, *ma-/mo-*, *la-*, *q-*, но они, как правило, характеризуют единичные образования.

⁷ В словаре Безлая для словен. *ozîn* ‘кошмар, удушье’, соотносимого с фам. *Ozin, Ozinc, Ozink* и *Ozim, Ozimek, Ozimic, Ozmes, Ozmic*, восстанавливается исходная форма *o-zinъ или **o-zinm-*. По мысли Безлая, ближайшие соответствия образуют лит. *župỹs* ‘колдун’, *župẽ* ‘колдунья’, *žumẽ* ‘знак, след’, лтш. *zime* то же, связанные с лит. *žinóti* ‘знать’ (~ слав. *znati*). Это объяснение представляется малоубедительным хотя бы потому, что оно не учитывает в полной мере данные словенского языка, искусственно обособляет словенское слово от близких ему образований.

¹ *Kopečný F.* Nochmals zu den affektiven Vorsilben im Slavischen // *WslJb* 29, 1983, 25–40.

Так, в круг выявленных образований с приставкой *a-*² со значением приближенности входит праслав. диал. **a-brędъkъ*, родственное лит. *bręsti*, *bręndau* 'набухать, набирать силу, созревать', *brandà* 'зрелость, спелость' и т. д. К основному ареалу данной лексемы, охватывающему область словенского языка и диалектов чешско-словацкой группы, примыкают польско-поморские диалекты: ср. словен. *ābranek* м. р. 'сережки на орешнике, ольхе, сосне; весенняя гроздь винограда', *jābranek* 'цвет орешника', *jāmbrek* 'цвет ольхи', ст.-чеш. *jabřadek*, *jabřadka* 'побег виноградной лозы', польск. *jabrzęd* 'вид тополя' (ЭССЯ 1, 49–51; Bezłaj – SR XI, 169–172; Bezłaj I, 1). В вост.-слав. области ср. блр. *ябрудзь* 'сережки на деревьях'.

Как сложение экспрессивной приставки *la-* с корнем глагола *lokatī* объясняется праслав. **laloka/*lalokъ*³, широко распространенное на всей славянской территории, за исключением болгаро-македонской области: ср. словен. *lāloka* 'челюсть; нижняя часть льномялки', *laloke* мн. 'рот, пасть', диал. 'ustnica' (Barle 19), *lālok* 'подгрудок', с.-хорв. сев.-зап. *lāloka* 'челюсть' (RJA V, 893: Bjel., Jambr., Stulli, Volt.), *lāloga* (XVI в., Vrančić), *Laloka*, фамилия (Maž. I, 582: с XV в.), цслав. *лаока* 'мягкое небо, рот; palatum' (SJS 16, 106: Bes.), также чеш., словац. *lalok* 'челюсть', польск. *łałok* 'подгрудок (у быка)', др.-рус. *лалокъ* и *лалока* 'небо, глотка' и т. д. (ЭССЯ 14, 23–24; Bezłaj II, 122: с обзором этимологий).

Отдельные образования допускают выделение приставки *ma-*: ср. словен. *maklën* 'вид клена (acer campestre); бересклет (evonymus)' < **ma-klepъ* и с.-хорв. *mākļen*, *mākļen* 'дерево типа явора или клена' (с XVIII в., RJA VI, 400: Mičala, Bjel., Stulli; Вук: в Черногории) при болг. *браклен*, *суклен* и т. п. (Vaillant IV, 621; Bezłaj II, 162); словен. *macēs*, *-esa* = *macēsen*, *māsen* = *macosen*, *macesen* 'лиственница' и хорв.-кайк. *mecesan* 'Pinus larix' (RJA VI, 548: Šulek; Bezłaj II, 158–159); словен. *makūžav* = *kūžav* 'слабый, остановившийся в развитии', *māseka* (ср. *sekira*) 'нож, которым разделывают свинину'.

Экспрессивный формант *mo-* в сочетании с начальным *s(ъ)-* входит в структуру словен. *smotlāka* (< **s(ъ)-mo-tolka* ~ **telkti*) 'нечто негодное, ненужное; сброд; насекомое; колдунья', родственного чеш. диал. *smotlaka* 'нечистое зерно', *smotlacha* 'плевел; путаник', *šmatlacha*, *šmotlacha* 'плохой, дурной человек' (Machek² 561), рус. диал. *смутолока* 'тот, кто мешает в чем.-л., беспокоит напрасно' (новг.), 'беспорядок' (новг., пск.), *смутолок* 'смута, бунт, мятеж, крамола' (с *у* под влиянием *смута*), укр. буков. *смотолока* 'насморк',

- 2 Трубачев О. Н. Из праславянского словообразования: именные сложения с приставкой *a-* // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1977, 267–272.
- 3 Nētes I. O slovanské expresivní předpone *la-* // Slavia XLVIII, 2–3, 1979, 121–122.

а также польск. *motłoch* 'чернь, сброд' > укр. диал. *мóтлох* 'хлам, тряпье, обломки, клочки' и т. д.⁴ По той же модели образовано словен. диал. *smódrgra* 'хлам' (~ *dr̥gati* 'рвать, драть' — Slovanski doneski 166).

При помощи приставки *q-*, которая входит в число архаичных средств словообразования, оформлены некоторые древние праславянские лексемы (ср. **qrodъ*, **qтъкъ*, **qdolъ*, польск. *wąwal* и т. д. — Vaillant IV, 763–764; Bogus 1975, 149 и след.).⁵ Среди них и прилаг. **qтъль*, объясняемое как сложение приставки *q-* и *тъlo* 'дно' (Фасмер IV, 175 с обзором этимологий) с развитием семантики в направлении 'без дна' > 'дырявый' > 'пустой' (Bogus 1975, 156). Эта лексема имеет ту особенность, что почти при повсеместном распространении в сев.-слав. языках (ср. рус. *утлый*, чеш. *útlý*, польск. *wąty* и т. д.) на территории южных славян наиболее полно засвидетельствована в диалектах западной группы, а в вост.-юслав. диалектах находит подтверждения в памятниках старославянской письменности: ср. словен. *qtel*, *q̆tla* 'савус', *vq̆tel* 'пустой; тщеславный', ороним *Otlīca* (Bezljaj II, 261), с.-хорв. *ūtao*, *utal* 'слабый' (RJA XX, 76: Taj pridjev je običan u čakavaca i kajkavaca (*vute*), ali ima potvrda i iz Slavonije), чак. *ūtāl*, *vūtāl*, *jutal* (Skok III, 551), ст.-слав. *жтълъ* *тетрѣмѣнос*, *ἀνεπίτῆδεος*, *παράλελυμένος* (Супр.).

Приставка *ko-* с чередующимся вариантом *če-* участвует в образовании следующих зап.-юслав. диалектизмов.⁶

Предполагается, что в основе словен. *čimžati*, *čimžati* 'разъедать; истощать, изнурять, чахнуть' лежит сложение экспрессивной приставки *če-* и глагольной основы — **nъziti/-nizati* (ЭССЯ 4, 54).⁷

Соотносительно с глаголом **pertī*, *ръq* сложение с приставкой *ko-* *koprīca* 'железное веретено вращающегося (верхнего) жернова'. Известны параллельные образования с приставками *po-* и *pa-*: ср. рус. *порпица*, укр. *пóрпиця*, хорв. *parpīca*, болг. *пърпица* и т. д. (ЭССЯ 11, 44).

А. Дебеляк⁸ выделяет приставку *ka-* в составе словен. *káv̆rna* 'ворс на бархате или сукне; шерсть, нитки в движущемся полотне',

4 Меркулова В. А. Украинские этимологии // Этимология 1974. М., 1976, 71–74.

5 См. еще: Bezljaj F. Dopolnilno gradivo k problemu slovanskih prefiksov EN in ON // JiS XVI, 6, 1970/71, 161–164. Автор расширяет состав образований с носовой приставкой за счет этимологически спорных случаев, к числу которых, в частности, принадлежит укр. *ядуха*, толкуемое как **le-je-ducha*.

6 Schütz J. Das präfigierte Element *ka-*, *ko-*, *k-* in der Wortbildung des Slavischen // WdS 10, 1968.

7 Очень широко и неопределенно толкуются этимологические связи словен. *čimžati* в словаре Безлая (Bezljaj I, 82). Это слово семантически сближается со словен. *čimiti* 'медленно работать', лит. *keĩšti*, *keĩžti*, *kemžyti* 'остановиться в развитии' и т. п.

8 Debeljak A. O mrtvih velarnih priponah // SR V–VII, 1954, 169–177.

которое является частью большого гнезда, объединяющего в словенском *kávrnica* 'ворсовая сторона тканого изделия', *kábrnek* 'молодые сережки на виноградной лозе, ольхе, орешнике', *kávrnek* = *kábrnek* (ср. *kavrunki* *visijo* na *leščevju*), *káber* 'шерстяная сторона шкуры, сукна'. Но в истолковании А. Дебеляка представляется этимологически неоправданным отождествление корневой морфемы названных слов со слав. *vьlna 'шерсть'. Столь же неубедительно предложенное Безлаем объяснение словенских образований на основе сближения со ст.-чеш. *jebrádky* 'побеги на ветке', польск. *jabrząd* 'вид тополя' и т. п., развившимися из **a-bręd-* (Bezlej II, 25; Bezlej. Eseji 148–149; Bezlej – SR XI, 3–4, 169–172). Ключ к пониманию словен. *kávrna* дает группа приставочных образований с вторичной меной *v > b* в корне. Это – словен. *savernki* мн. 'die Leinwandenden', *zábrnki* = *zábrniki* мн., *zábrnjak* 'кисть', *závrniki* мн. 'бахрома'; die Leinwandenden; планки, на которые наматывается пряжа', *zavřnki*, *závrnki* мн. = *zavrniki*, чак. *zabrnci* мн. 'обрезки': *zabrnci* su ono, što ostane prede pri tkańu ili što se pokvari (RJA XXI, 724: Milčetić u Dubašnici na Krku). Названные слова определенно связаны отношением производности с глаголами *zábřniti* = *zaořniti* = *ořniti* 'поворачивать, вращать' < *vьrtnoti. Именно на базе этого глагола, осложненного приставкой *ko-*, с характерным для образований на *-ni* переразложением основы, складывается название коротких ниток, которые выходят за пределы станины, легко скручиваются и потому не могут быть употреблены в дело. Примечательно, что в сфере текстильной терминологии функционирует однокоренное образование с приставкой *ko-*: в украинских диалектах – *коворóток* 'пряжа'.⁹

К названному ряду образований с приставкой *ko-* принадлежит семантически удаленное словен. *kovřče* 'ковыль, *Stipa pennata*', мотивируемое простым, бессуффиксальным именем *kovřca* 'завиток' < *kovřtja (ЭССЯ 12, 16–17).¹⁰

Допустимо видеть сложение приставки *ka-* с основой глагола *vьrgati в словен. *kvřga* 'сучок', с.-хорв. *kvřga* 'нарост' (RJA V, 856–857: Vuk, с XVIII в.), *řga* = шток. *kvřga* 'excrecens gibber' (Rožić – Rad 115, 127). Более широкое распространение имеет однокоренная лексема с приставкой *svř-*: ср. болг. *svěrga* 'нарост на дереве; опухоль на теле', словен. *svřg* = *svřžika* 'сучок; сухая ветка', *zvrřg* 'сучок', с.-хорв. *svřж* 'ветка с наростом'.

Как производные с приставкой *ko-* этимологизируются словен. *komizgati* 'пожимать плечами' и с.-хорв. диал. *komizgati se* 'двигать-

9 Курило О. Матеріали до української діалектології та фольклористики. Київ, 1928, 88.

10 Такое истолкование словен. *kovřče* предлагает Дебеляк. См. *Debeljak A.* Op. cit., 170. Много трудностей возникает при объяснении словенского слова, исходя из формы *kovurgь (Bezlej II, 75).

ся, беспокойно стоять' (RJA V, 243: Славония), вариант той же корневой морфемы *пузг-* в с.-хорв. диал. *комизати* 'дергаться, поворачиваться, вертеться', укр. *комизитися* 'капризничать, упрямиться', чеш. диал. *(vy)komizat'* 'выговаривать, упрекать' и в зап.-слав. образованиях с корневым гласным в ступени редукции: чеш. диал. *komzit'* 'драть', словац. диал. *komzit' sa* 'валяться в постели' (ЭССЯ 10, 180–181; Skok II, 133–134).¹¹

Зап.-юслав. диалектизмы, в оформлении которых участвует приставка *pa-* (Vaillant IV, 757–759; Borys 1975, 13 и след.):

*pa-tъščiti: словен. *páščiti se* 'стараться, трудиться, добиваться чего-либо; торопиться, спешить' и с.-хорв. *pāštiti se* (Добросело, Лика) = *pāščiti* (хорв.-кайк., Загреб, Жумберак XV в.) = *pāši se domōf* (Крашич) 'торопиться, спешить; стараться, трудиться', *pāštiti* 'проявлять внимание, беспокоиться' (RJA IX, 697: Jambr., Popović, Vuk; Skok II, 618; Maž. II, 900), хорв.-чак. *pāščit se* 'торопиться, спешить' (Koschat 243), *pāščit se* то же (Brabec. Govor podunavskih Hrvata 115), *paščiti se* то же (Neweklowsky 332), хорв.-кайк. *pāščiti* то же (Jardas. Kastavština 399), *pōščiti sa* то же (Jedvaj. Bednja 315), *paščiti* 'трудиться, стараться' (Hrv. kajk. pisci II, 126, 395). Отыменный глагол с корневой морфемой *tъšč-* (ср. рус. *тоска*, ст.-слав. *тѣштати* 'urgere') претерпел семантическую эволюцию в направлении 'тоска' > 'забота, рвение' > 'беспокоиться, стараться' > 'спешить, торопиться'. Ср. семантически близкие др.-рус. прилаг. *натъщъ* 'сильно желаемый, завидный' и *тъснутися* 'стремиться, спешить, стараться' (Срезневский II, 342; III, 1057).¹²

*pa-тъѣа (: словен. *mežati* 'смежить глаза', *vreme meži* 'становится пасмурно'): словен. *pāmž, pāmža* м. р. уничижительно о маленьком человеке (Rož) и семантически удаленные рус. диал. *пáмжа* 'дремота; невзгода, беда' (Даль³ III, 14), 'метель, вьюга, буря; хвороба, болезнь, нечистая сила' и т. д., блр. диал. *памжа* 'напасть' (Каспяровіч 227). См. Цейтлин 1954, 213.

*pa-къль (: *къль): словен. *pákelj* м. р. 'нечто изогнутое, крюк', *pačlji* 'кривые пальцы', а также *páklīca* 'расщепленное полено', *páklavi -a -o* 'неловкий' (Novak 68), хорв.-кайк. (Вирье) производное *pākljav* 'с неподвижными пальцами' (Herman 88). Корневая морфема, связанная чередованием со слав. *kolti в рус. *клык*, словен. *kēl* 'гиря у часов', *kela* 'грядиль' (Orel B. Ralo na Slovenskem, 17; Sławski II, 142) и т. п. Словенскому *pákelj* точно соответствует чеш.

11 Варбот (Варбот 1984, 36–37) относит данные образования к гнезду слав. *(š)čet-/(s)kom- (ср. рус. *шесть* и словен. *ščemēti* 'болеть', *skomēti* 'тосковать, грустить' и т. д.).

12 Несколько искусственный характер носит сближение слав. *pa-tъščiti* с лтш. *pūosīt* 'наряжать; торопить', *pūosītiēs* 'наряжаться, управиться, торопиться' и т. д. < и.-е. **rōk-* 'делать красивым, убирать'. См.: Bezlaž. *Etyma slovenica*, 164.

морав. *pakla*, народное слово для обозначения губ (Koníř A. Příspěvek 292), рус. диал. *пакля* с общим значением 'рука' (Даль³ III, 14; Сл. Сред. Урала III, 109; Новосиб. словарь 371 и др.).

Сочетание той же корневой морфемы **kyl-* с приставкой *raz-* в словен. *párkelj* м. р. 'коготь; раздвоенное копыто', *párklj*, *-le* (Tomines 157), *párklj*, *párkal'* (Rigler 140), с.-хорв. *parkaj* м. р. = *parkej* 'копыто' (Bjel., Stulli, Šulek), *parjak* то же (Истрия, Nemanic) (RJA IX, 652–653; Skok II, 609).

*praklenь (: *klenь): словен. *páklen* 'вид клена', с.-хорв. *paklen* 'Acer Monspessulanus' (RJA IX, 574; Pančić bot.), рус. *пáклен* 'дерево нектен, черноклен', *пáкленок* (Даль² III, 9). См. Цейтлин 1954, 212;

*раколь (: *коль): словен. *pákol* 'короткая сучковатая палка; стебель, корень' и рус. *пáколок* 'кол', укр. диал. *пáкiл*, *-кола* то же, блр. диал. *пáкылка* 'кий' (Цейтлин 1954, 212; Borys 1975, 42);

*рагубькь (: *губити): словен. *ragóbek* 'забитый в землю кол; ствол дерева', *ragúark* (Tomines 157), названия урочищ *v Parobkih*, *pri Parobku* (Bezljaj – SR VIII, 21), чеш. *ragub*, диал. *ragoubek* 'нечто обрубленное', ср. словац. диал. *ragub*, *raguba* 'поляна', укр. *паруб* 'поляна, на которой пасут скот' (Borys 1975, 30–31);

*рагожь (: *гожь): словен. *pàroj* 'первый рой, который дают молодые пчелы', с.-хорв. *ragoj*, *pàrojak* то же (RJA IX, 656; Popović, Vuk), чеш. *ragoj*, словац. *ragoj*, словин. *ragój*, рус. диал. *пáрой*, укр. *парій* (Цейтлин 1954, 215; Borys 1975, 22);

*патърць (: *търцати): словен. *patrč* 'кусок дерева, палка', *patřček* 'палка; карлик' (при параллельном *Potrč*, фам.), с.-хорв. *patrč* м. р. 'деревцо, которое торчит в земле и о которое легко споткнуться' (RJA IX, 703: только в одном примере);

**патул-* (* *tuliti*): словен. *patúljak* 'карлик', *patúlječek* 'стебелек без листьев', с.-хорв. *patulj* м. р. = *patúljak* 'карлик' (RJA IX, 706–707; Bella, Bjel., Volt., Šulek, Popović: u Stonu).

Часть реализаций этой модели может быть отнесена к собственно словенским новообразованиям: ср. *páklez* м. р. (~ *kléstiti*) 'обрубленная ветка, палка' (Vaillant IV, 759), *pámolje* мн. = *motoroge pri kolesu* (ср. словен. *moléti* 'возвышаться, выступать'), *páuterki* мн. (~ *potírki*) 'плохая пряжа', *pàtvôr* 'отросток'.

К древнейшей части словаря могут быть причислены некоторые зап.-юслав. диалектизмы с приставкой *sq-* (Vaillant IV, 761–763; Borys 1975, 80 и след.) как отыменного, так и отглагольного происхождения:

*sq-dьга, сохраняющее корневой вокализм основы наст. вр. глагола *derti, *dьrç*: словен. *sôdra* 'град' (Bajec IV, 113), *sûadra* то же (Tomines 204), с.-хорв. чак. *sûdra* то же (Skok III, 356; Истрия), рус. арх. *судра* 'метель, вьюга, буран' (Даль³ IV, 356). См.: Фасмер IV, 796; Borys 1975, 105; Bezljaj I, 108.

*sq-dьрга/*sq-dorga (: *dьrgati): словен. *sôdrga*, *sôdrga* 'град, хлам, мусор; сброд' и *sôdraga* 'град', *sôdražica* то же (Mikl. 42),

sūadargŭ, ругательство (Tominec 204) и болг. *судра̀жица* 'мелкий град' (Berneker I, 212; Sł. prasł. 4, 116; Bezlaj I, 108).¹³

*sq-dorga: словен. *sôdraga* 'ущелье' и рус. диал. *судоро̀жица* 'бездорожье, распутица (в дождливое время года)' (Фасмер III, 796; Sł. prasł. 4, 116).

Праслав. диал. *sqvora/*sqvorь (~ *szverti), вытесненное из употребления более новым образованием *szvoga (словен. *svôga* 'продольный брус в телеге' и т. п. — Фасмер III, 583), сохраняется в словен. *sovôga* = *sôvga*, *sôga* 'продольный брус в телеге'. Аппеллатив *svôga* и засвидетельствованный на территории Словении гидр. *Sovga* отражают корневой гласный в ступени редукции, т. е. имеют исходную форму *sq-vъga (Ramovš. HGGr. II, 142; Bezlaj. Slov. v. imena II, 209). В пользу древности этого сложения говорят точные соответствия в балтийских языках, а именно лит. *sávaga* 'крепление; перекладина, соединяющая две балки', диал. 'канал, соединяющий два озера' (~ *suverti* 'связывать, стягивать'), лтш. *suôvaga* 'поперечная балка у бороны' (Borys 1975, 92).¹⁴

Вокруг слав. *sqvojь (~ *viti) группируются словен. *sovôj* 'сук, нарост на дереве' (Plet.; Magdić — LjZv XII, 634), с.-хорв. *Sûvoj*, село в Хорватии (RJA XVII, 90; Borys 1975, 101), а также рус. *суво́й* 'свиток, сверток', вост. 'снежный сугроб, нанос' и т. д. (Даль³ IV, 613), укр. *сувій* 'свернутая штука холста' (Гринченко IV, 225), полесск. *суво́й* 'сверток полотна на навое ткацкого станка; веревка', *суво́йй*, *суво́ја* 'тук (ткани, бумаги)' (Лексика Полесья 70, 286), блр. *суво́й* 'навой' (Носович 621).

*sq-dol:- словен. *sôdolica*, *sôdolina* и *sôdolîna* 'небольшое углубление' (Plet.; Pintar I, 41), топ. *Sûdôdu* (Rigler 124), *zdole*, с.-хорв. *Sudole*, название в Хорватии (RJA XVI, 903), болг. топ. *Съдоля* (Девинско),¹⁵ чеш. *Soudol* (Borys 1975, 142);

*sq-vodьль (: *voda*); словен. *sovôden* ж. р. 'сток', топ. *Sovodenj*, *Sovodnje*, с.-хорв. топ. *Sûvodanj*, *Suvôdânje* (Сербия), ср. также др.-рус. *суводивый* 'соединенный с водой, разбавленный водой, водянистый', рус. диал. *су́воль* 'крутоверть, пучина', укр. гидр. *Сувід*, польск. топ. *Samwodzie* (Borys 1975, 125; Фасмер III, 79).

13 Трудно согласиться с трактовкой этих образований в словаре Скока. Предполагается, что эти образования явились результатом усечения формы *sodraga* или на основе метатезы развились из *sogradà*. Skok III, 356.

14 Рус. диал. *су́ворь* 'крепкое место на дереве, на суку', *суво́рина* 'рубец, знак от бывшей раны, болячки' (Даль³ IV, 353), относимые в работе Борыся к продолжению праслав. *sqvorь/*sqvora, представляют собой не что иное, как результат метатезы другой исходной формы *surovь.

15 *Дуриданов И.* Префиксально-именный тип в болгарски и неговото значение за топонимичната стратиграфия // *Onomastica VI*. Wrocław — Kraków, 1960, 145.

*sqpěsъkъ/*sqpěsъ: словен. *sopěsek* 'der Tegel' и рус. *сѹпесъ* 'почва с большой примесью песка, песчаная; хряц с песком и глиной' (Даль² IV, 361), укр. *сѹпесок* 'песчаная почва' (Гринченко IV, 229), блр. *сѹпесак* то же (Цейтлин 1957, 226; Вогуś 1975, 126).

Зафиксированные в некоторых словенских диалектах лексемы *šiprāka* со значением 'ветки, которые используются в качестве подпорок для гороха' (Градец), *šqpraka* 'хворост, сухие ветки' (Бела Краина; Plet.; Barle 33) могут быть истолкованы как сочетание редко встречающейся экспрессивной приставки *ši-/šo-* и основы *praka* < **par-k-*, производной от глагола *perti, *pyro* 'бить'. В простом виде без приставки основу **par-k-* отражают словен. *prāka* 'валек, колотушка (для стирки)', чеш. *prakas* 'большая суковатая палка' (Kott VII, Dodatky 412), польск. *proca*, стар. *prok* 'праца, рогатка' (Warsz. IV, 1004), рус. *порок* 'осадная машина для проламывания стен, таран'. Отглагольное имя *por-*, расширенное элементом *k*, с вокализмом регулярного типа служило обозначением боевого орудия, которое первоначально, видимо, имело форму палки, рогатки. Пейоративный оттенок привносит приставка *ši-/šo-*: *šiprāka* уже не боевое орудие, а ветки, втыкаемые, вбиваемые в землю. В других словенских диалектах в той же функции, что *šiprāka*, выступают имена, производные от глаголов *tykati, *tiskati, ср. *obtič*, *obtiče* (Горица), *patič* (v Senožeah), *ponatiščak* 'die Steckenfissole' (Barle 33).

Все прочие зап.-юслав. диалектные образования с другими приставками, как именные, так и глагольные, не образуют упорядоченных по какому-либо признаку однородных групп. Принимая во внимание лексико-семантическую самостоятельность этих образований, ослабленность мотивирующих связей, мы считаем возможным привести их списком, сгруппировав по признаку принадлежности к имени или к глаголу.

Всем слав. языкам, кроме вост.-юслав. диалектов, известен глагол *dokonati с приставкой *do-*: словен. *dokonāti* 'завершить, закончить', с.-хорв. *dokōnati* то же (с XVII в., RJA II, 597: чак. и сев.-шток.; Vrančić, Vuk: в Славонии), *dokōnati* (XVI в., RJA II, 598: чак. Bjel., Stulli, Habelić) в Лике со значением 'одолеть, уничтожить', хорв.-кайк. (Вирье) *dokonjāti* 'завершить' (Herman 79), *dokopjati* 'закончить, завершить, уничтожить' (Hrv. kajk. pisci I, 359; II, 176, 197), *dokōnati* 'закончить' (HDZ II, 114) и т. д. (ЭССЯ 5, 58–59; Sł. prasł. 4, 47–48).

Такое же распространение имеет слав. *zabyti, вытесненное в вост.-юслав. области глаголом *zaboraviti: словен. *zābiti* 'забыть', хорв.-кайк. и чак. (Вирье) *zābiti* то же (Herman 97), *zabiti se* (Hrv. kajk. pisci II: Habelić 131, 334 и т. д.), *zābit* (Koschat 291), *zabiti/zaboravjati* (Neweklowsky 343), *zābit* (Brabec. Govori podunavskih Hrvata 116), *zābyt* (HDZ I, 183: Susak), *zabilo* (Црес), шток. *zabiti* (Жумберак, Skok I, 160) и др.

Все признаки устойчивого лексико-семантического образования имеет зап.-юслав. диалектизм *pri-peṭiti se* (: *peṭi, рьпѣ): словен. *pripetīti se* (ср. *nesreča se mu je pripetila*), хорв.-кайк. *pripetīti se* (Жумберак), *pripetiti se* (Вирье) 'случиться' (Herma 90; Hrv. kajk. pisci I, 360; II, 244, 176, 395), *prpētīt se* 'accidere, evenire' (Strohal – Rad 162, 36), *pripetīt se* то же (Jardas. Kastavština 401), чак. *pripētit se* то же (Koschat, 254), *pripētīt se* то же (Hr.–Šim. 941). Тот же глагол известен в сочетании с другими приставками: ср. рус. *спятить*, хорв.-кайк. *napetiti se* 'напасть, наваливаться' (Hrv. kajk. pisci II, 124: Habdelić) и др.

Зап.-юслав. область является основным ареалом еще одного приставочного глагола с не совсем ясной корневой морфемой. Мы имеем в виду словен. *presenētiti* 'изумить, очаровать; вывести из терпения; поразить', хорв.-кайк. *presenētiti (se)* (Хорватия, Требарьево) = *pre-snetiti, prisnetiti* (Каванин) = *presnjetiti* (Черногория; Шулек), с другими приставками *osenētiti* 'поразить, удивить' (Maž. II, 1106; Skok III, 35; RJA XI, 699: Popović; Хорватия), *zasnītiti* 'оторопеть, изумиться', *zasnjetiti* 'ослепить' (Bandulović).¹⁶ Наиболее вероятно предположение Скока, согласно которому в основе названных образований лежит осложненный приставками глагол *gnētiti 'жечь'.

Архаичное имя с приставкой *сь-* *sъnoga ограничено в своем распространении словен. *snóga* 'личинка мухи или комара', с.-хорв. топ. *Snoge* мн. (RJA XV, 857: Босния), словац. *snoha* 'ветвь, идущая от ствола' (Ripka 57). Значение словенской лексики хорошо согласуется с общими семантическими возможностями слав. *noga и производного от него *nogъть. Последнее в отдельных своих значениях очень близко словен. *snóga*: ср. рус. диал. *ноготь* 'инфекционная болезнь скота' (Словарь Сред. Урала II, 210), словен. *nôhet* 'черный зародыш на бобовых растениях'. Сходное семантическое развитие наблюдается в балтийских языках: лит. *nāgas, nagūtis* 'копыто, когти', *nāgutė* 'червь под ногтем' (Fraenkel 478). Структурно близкое образование представляет лит. *snagà* 'копыто' (: *nāgas*), *po-snagà, po-snāgas* с тем же значением (Fraenkel 851, 478). Приставка *сь-* привносит значение 'соседствующий, рядом, относящийся' (ср. рус. диал. *сполье* 'стык, смежность полей', *спосуда* 'посуда' и т. д.).

Вышеприведенные зап.-юслав. приставочные образования имеют следующие ареальные характеристики:

1. В широких связях с сев.-слав. языками участвуют словен. *láloka, smotláka, ōtel/vōtel, parōbek, pàròj, sovōden, dokonāti, zābiti*.

С отдельными языками западной и восточной групп соотносится словен. *pákelj* (~ чеш. диал. *pakla* и рус. диал. *пáклѧ*).

2. Общая изоглосса с западнославянскими языками характеризует словен. *komízgati*. Словен. *snoga* (~ с.-хорв. *Snoge*) и словац.

16 Putanec V. Aneksni gječnici // Лексикографија и лексикологија, 338.

snoha образуют сепаратную изолексу. Одна из изоглосс, в которой участвует словен. *sôdolina* частично захватывает болгарские диалекты. Изоглосса словен. *âbranek* имеет продолжение на территории восточных славян.

3. Преимущественные связи с вост.-слав. языками составляют особенность словен. *kâvrnek* (~ укр. диал. *коворóток*), *pâmž* (~ рус. диал. *пáмжа*), *páklen* (~ рус. *паклен*), *pákol* (~ рус. *паколок*), *sôdra* (~ рус. диал. *судра*), *sôdraga* (~ рус. диал. *судорóжица*), *sovôj* (~ рус. *суво́й*), *sopések* (~ рус. *супе́сь*).

4. Слабо засвидетельствованы за пределами зап.-юслав. ареала соответствия для словен. *maklên*, *macésen*, *kopríca*, *kovřče*, *kvíga*, *páščiti*, *patřč*, *patûljak*, *sovôra*, *pripetíti se*, *presenétiti*, *párkelj*. Изолированное положение в славянском словаре занимают *máseka*, *makûžav*, *čimžati/čímžati*, *šipráka*, *pámolje*, *pâtvôr*, *páklež*.

5. Соответствия в вост.-юслав. диалектах засвидетельствованы для словен. *sôdražica* (~ болг. *судражица*), *ôtel* (~ ст.-слав. жтълъ), *sôdolina* (~ болг. *Съдоля*).

6. Близкие соответствия в балтийских языках имеют словен. *sovôra* (~ лит. *sâvara*, лтш. *suôvara*), *snôga* (~ лит. *snagâ*).

Как видно из приведенного материала, фрагмент словаря, отличительно характеризующий зап.-юслав. диалекты, включает разновременные образования. Одни из них восходят к балто-славянской эпохе или эпохе диалектного развития индоевропейского языка, другие соответствуют словообразовательным и апофоническим моделям праславянского времени. Значительное число диалектизмов связано с эпохой самостоятельного развития зап.-юслав. языковой группы. С точки зрения структуры существенны следующие характеристики: 1. строение корневой морфемы в зависимости от характера чередований и 2. словообразовательное оформление. Система суффиксально-префиксальных образований трудно поддается хронологической стратификации. Можно лишь констатировать, что в избранном фрагменте словаря большое место занимают отглагольные бессуффиксальные имена и производные с суф. *-tъ/-tь/-ta*, *-tva*, *-elъ/-ela/-ьль*. Эти способы словообразования получили особую активность в словенском языке.

Заключая данный раздел, мы хотим подчеркнуть, что нами рассмотрены далеко не все возможные производные зап.-юслав. ареала. Из-за ограниченного объема мы опускаем диалектизмы с формантом *v*. Попутно лишь заметим, что в зап.-юслав. диалектах очень продуктивны образования на *-ava* (ср. словен. *kukâva*, *mečâva*, *rokňâva*, *pûrava* и т. д.). По той же причине в работе не рассматриваются диалектно ограниченные словосочетания и словосложения. Из образований этого типа выделим как наиболее показательные для рассматриваемой диалектной группы союз *te/te + že*, выступающий в форме словен. *têr*, *tere*, с.-хорв. *têr(e)*, *tare*, чак. *têr* 'и,

ведь, также' (Zajceva, 72),¹ и название недели, образованное путем сложения местоимения *тъ-ѣ* + *дѣль*: ср. словен. *tēden*, *tjēden* 'неделя', с.-хорв. *tjēdan*, хорв.-кайк., чак. *tjedan*, *tēidan*, *tjāden* и т. д., а также чеш. *týden* 'неделя', словац. *tíd'en*, польск. *tydzień* (Popović 33; Machek² 663). На южнославянской территории именно в диалектах западного ареала и особенно в диалектах словенского языка получает особое развитие вариантность однокоренных имен с основообразующими элементами *-ī*, *-ō*, *-a*. Морфологические варианты выступают и как семантические дублиеты (ср. словен. *gāz* = *gāza* 'тропа', *glād* м. р. и *glād*, *-ī* ж. р. 'голод'), и как формы, семантически противопоставленные друг другу (ср. *mēl* м. р. 'помол' и *mēl*, *-ī* ж. р. 'зерно, песок', *lāz* м. р. 'безлесное место' и *lāz*, *-ī* ж. р. 'проход' и т. п.). За недостатком места мы вынуждены опустить и этот раздел. За пределами нашего внимания осталась большая группа глаголов звукоподражательного происхождения типа словен. *čabrāti* 'плескаться (в воде)', *blebetati* 'болтать', *brōkati* 'хрюкать' и т. п.

Особенности словенского в кругу южнославянских языков³ проявляются и в сфере семантики, но это — особая тема, требующая специального исследования.⁴ Один из аспектов этой темы — семантические архаизмы, слова с древней семантикой, помогающие восстановить мотивирующие связи в пределах того или иного этимологического гнезда (ср. для примера словен. *vēk* 'сила', словен. и хорв.-кайк., чак. *draga* в значении 'долина, овраг' при общем 'дорога'⁴). Другой, не менее важный аспект — семантические инновации, специфические для словенского языка преобразования исходной семантики в том или ином направлении (ср. словен., с.-хорв. *zona* 'боязнь, страх' при болг. *зона* 'сорняки в хлебе', рус. диал. *зона*, назв. растения⁵). Семантические отличия словенского языка, частично сложились в результате семантико-терминологической специализации некоторых общеславянских слов. Ср. термины земельного: словен. *lapet*, с.-хорв. *lapat* 'кусочек земли', чак., хорв.-кайк. 'поле' при общем значении 'вид обуви' (ЭССЯ 14, 32–33); название леса: словен. *gōzd* и с.-хорв. диал. *gvozd* 'лес' (ЭССЯ 7, 185), словен., с.-хорв. *loza* 'лес'; термины пчеловодства: словен. *púšiti*

1 Vaillant A. Serbo-croate *tē(r)* etc. // JФ XXX, 1–2, 1973, 73.

2 Мартынов В. В. Семантические архаизмы на южнославянской языковой периферии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977, 180–185.

3 Kalenič V. Pomenske razlike besed istega izvora v slovenščini in srbohrvaščini // XVI. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj. Ljubljana, 1980, 59–64.

4 Utešeny S. Draha – obciny – pasínky – lada // Onomastické práce. Praha, 1966, 105–111.

5 Шимански Т. За этимологията на бълг. диал. *зонá* // БЕ XXX, 3, 1980, 211–214.

'готовиться к роению' и блр. *лушыць* с тем же значением⁶ и т. д. В целом это направление исследований еще не обеспечено материалом.

Мы отдаем себе отчет в том, что рассмотренными в работе примерами не исчерпывается список лексических диалектизмов словенского языка. Этот список нельзя считать полным не только потому, что поиски диалектно ограниченных явлений в лексике велись с учетом не всех, а лишь некоторых формальных критериев. Остаются неполными и списки диалектизмов, отобранных по тому или иному принципу (словообразовательному, апофоническому). В словаре, насчитывающем не одну тысячу слов, очень непросто выявить случаи ареально ограниченных схождения. Остро ощущается отсутствие выверенного материала особенно в той части лексики, которая еще не получила этимологической обработки в издаваемых словарях. Лексические диалектизмы того или иного ареала — величина искомая. Состав диалектизмов зависит от многих моментов внешнего порядка, в том числе от состояния лексикографии, степени изученности лексического материала и т. д., и не последнее место в этом ряду занимает авторская позиция, проявляющаяся в выборе значимых явлений, понимании этимологических связей.

---

6 Супрун А. Е. Белорусская этимология и межславянские лексические соответствия // *ZfSl*, Bd. 24, N. 1, 1979, 139.

ГЛАВА IV

Основные изоглосные характеристики в их пространственно-временном распределении. Паннония как один из центров славянских миграций

Обобщая результаты вышеизложенного словообразовательно-этимологического анализа, мы позволим себе в предельно краткой форме без подробной характеристики значений и аргументации, о которой можно справиться в соответствующем разделе работы, свести воедино, сгруппировать зап.-юслав. диалектизмы по основным направлениям изоглоссных линий. Ввиду ограниченного объема мы вынуждены опустить конкретный материал, иллюстрирующий то или иное направление изоглоссных линий. Из всего ряда ареально ограниченных соответствий мы приводим только словенские лексемы. За более подробными сведениями о составе соответствий мы отсылаем к тексту работы и итоговой части разделов, посвященных словообразовательно-этимологическому анализу.

1. Численно преобладают изоглоссы, объединяющие зап.-юслав. диалектизмы со всеми сев.-слав. языками:

словен. *jěz* 'плотва, язь' (< *azь), *bāg* 'вид проса' (< *bъгъ), *bōlen* 'вид рыбы' (< *boleпъ), *bršć*, назв. растения (< *bъršćь), *čil* 'крепкий' (< *čilьь), *čmēlj* 'шмель' (< *čьmelь), *črēmha* (< *čьermъxa), *drāpa*, *drāp* 'обломки', *dokonati* 'закончить', *dr̄gati* 'дрожать' (< *drъgati), *dr̄stev* 'вид кварца' (< **dr̄stva*), *dūr* 'пугливый', *duda* 'свирель', *dērbati* 'щипать траву' (< *dъrbati), *dēža* 'кадушка' (< *dēža), *ilka*, назв. растения (< *elъkъь), *istėje* 'устье печи' (< *éstēja), *jěstva* 'пища' (< *ěstva), *jelita* 'сорт колбасы' (< *elito), *ganati* 'гадать; говорить', *gāt* 'плотина, запруда' (< *gать), *gomōlja* 'ком, груды' (< **gomol'a*), *gruditi* 'грызть, глотать', *gnēd* (< *gnédь), *gaјiti* 'выращивать' (~ *goјiti), *gnāt* 'tibia, crus' (< *gnatь), *gvazdati* 'болтать глупости', *gir*, *girja* 'узел' (< *гугъ), *gōlec* 'юноша, мальчик' (< *golьсь), *hlōd* 'палка, жердь' (< *xlōdь), *izgon* 'изгнание' (< *ъzgonь), *izgrebī* 'пакля' (< *ъzgreby), *jūrica* 'чижик', *klāta* 'кусок дерева' (< *kolta), *kokōt* 'петух', *krēsati* 'высекать огонь', *kvaka* 'кряк, засов' (~ *kyka), топ. *Kneja* (< *kъněja), *kalūža* 'лужа, грязь', *klēšč* (< *klěšćь), *komōl* 'безрогий', *kūzla* 'вид плуга' (~ *kovati, *kujō*), *lāloka* 'челюсть', *lōtka*, назв. растения (< *lōtъka), *lēdvije* 'renes' (< **lēdva/*lēdvo*), *luknō* 'сбор в пользу церкви' (< **lōk(ъ)no*), *meděl* 'слабый' (< *тъдль), *pat* 'ботва' (< *patь), *oskr̄d* = *oskr̄da* 'острый молоток' (< **o(b)skъrdь*), *otrōk* 'ребенок', *ōtel* 'cavus' (< *ōtль), *pāh*, *pēh* 'толчок, засов' (< *pъхь), *prōglo* 'силок' (< *prōglo), *peštūn* 'воспитатель' (< *pěstunь), *o-sut-ine* 'оспа' (< **-su(p)ть*), *osmlēda* 'выжженное место' (< *smelda), *stegnā* 'дорога' (< *stьgna), *stēgno* 'бедро' (< *stegno), *skrīl* 'шифер, плита' (< **skridль/*skridlo*), *vēka* 'крышка;

веко' (< *véko), *sovòj* 'сук' (< *svoje), *vítva*, *véhet* 'пучок' (< *véxъtъ), *qzger*, *vqzger* 'сопли' (< *vozgrъ), *zíbati* 'качать' (< *zybati), *zábiti* 'забыть' (< *zabyti) и т. д.

Не на всей сев.-слав. территории, а лишь в отдельных областях проходят изоглоссы словен. *ábranek* 'сережка на орешнике' (< *abre-dъkъ), *bělmo* 'бельмо' (< *bělmo), *brjūzga* 'тающий снег', *brít* 'острие', *brádelj* 'челюсть' (< *bordelj/*bordъljь), *bregūlja* 'вид ласточки' (< *bergul'a), *česrati* 'чесать, рвать' (~ *česati), *čípel* 'шуплый' (< *čírъljь), *děga* 'ремень' (< *dęga), *dúzati* 'толкать', *dręmsati* 'толкать, трясти' (< *drem-), *domlátki*, *dqmlatki* 'праздник конца молотбы' (< *domoltъkъ), *gopóba* 'порча, пагуба', *gomót* 'кишение, возня', *jétje* 'темница' (< *ętъje), *kuja*, *krqž* 'колесо' (< *krqžъ), *krqželj* 'нож для обрезания сучьев' (< *krqžъljь), *kúča* 'пучок', *ozditi* 'сушить', *obálten* 'вялый, неуклюжий' (< *ob-vъlt-), *parqbek* 'кол' (< *parqбъkъ), *pozòj* 'дракон', *plěh* 'племя' (< *plexъ), *pláti* 'черпать воду' (< *polti, poljo), *preslęgast* (< *per-sъ-lega), *pri-smegniti* 'высохнуть', *pelès* 'сорт винограда' (< *pelesъ), *rúžiti* 'лущить', *rūpeti*, *rotina*, *smogor* 'сучок, лучина', *svępati* 'качаться', *smotlákа* 'негодное, ненужное' (< *smo-tolka), *sovqden* 'сток' (< *sovodъnъ), *strou*, *stráva* 'здоровый' (< *sъdorvъ), *šćuljek* 'отпиленная часть дерева' (< *šćulъkъ), *ūren* 'гибкий'.

2. Изоглоссы, общие с вост.-слав. языками, имеют словен. *bólzen* 'трещина, щель', *črępaha*, *čūt* 'чувство', *čęčęt*, назв. птицы, *čręta* 'болотистое место', словен. *čękelj* 'клык', *česmina*, *česmin* 'барбарис', *dobíča*, *dúri* 'затычка', *dromiti* 'вызывать страх' (~ *drъmati), *dimlja-ti*, *dimlati* 'предполагать', *glomęti* 'быть жадным', *gq* (< *gvqъ) 'куча навоза', *grūst*, *golqča*, *gręn* 'горечь', *hladnqča* 'холод', *ir* 'омут' (< *jъrъ), *kávъna* 'ворс на бархате' (< *ka-vъrtna), *krápvica* 'жаба', *krabūlja* 'личинка; маска', *látki* 'голень' (< *lъd-), *lazútelj* 'негодяй', *malqča*, *malegi* 'крошки, малютки', *madež* 'пятно', *mlęden* 'худой', *obrūten* 'неловкий', *pęden* = *pędenj* 'пядь', *pámž* 'о маленьком человеке', *pákelj* 'нечто изогнутое', *páklen* 'вид клена', *pákol* 'короткая палка', *pęlek* 'плодовая косточка', *rębati* 'глодать (кость)' (< *ręb-), *rost-oha* 'узкая долина', *skába* 'блестки жира', *snúbok* 'сват', *snútek* 'основа (ткани)', *sqdraga* 'ущелье', *tekūn* 'бегун', *trun* 'кусочек, крошка', *trįpati* 'моргать глазами', *vilovína*, назв. болезни, *zlqga* 'склон', *zqrica* 'хлеб для свиней' и т. д.

3. Изоглоссы, диффузно распределяющиеся в западнославянском ареале:

словен. *andrqga*, *drqga*, назв. рыбы (< *rъdroga), *klqnja* (< *klo(p)n'a), *kūljhati* 'подрезать, стричь', *lęga* 'балка', (< *lega), *matoga* 'привидение', *náčke* 'лоток, корыто' (< *nъktjy, -ъve), *obáva* 'страх' (~ *bojati), *páž* 'стена', *róđiti* 'заботиться' (< *ruditi), *vrvrati* (< *vъr-vъr-) 'бурлить', *vřhql* 'вершина', *čúžiti* 'лущить', *globęl* = *globęla* 'лощина, овраг', *gręba* 'груда', *grūpež* 'песок', *grūpica* 'куча', *grūže* 'чесотка', *hlíd* 'холод', *krelje* 'ноги' (< *krěl'a), *koruš* 'мера сыпучих тел' (~ kora), *listánjek* 'икра ноги' (< *lyst-), *lubánja*

'череп', *maróga* 'пятно', *mlětva* 'помол' (< *meltva), *put*, *púta* 'зоб', *střž* 'земля, смешанная со щепой'.

4. Наиболее определенно выражены связи с диалектами чешско-словацкой группы у следующих лексем зап.-юслав. ареала:

словен. *brozdáti* 'ходить по воде', *césta* 'дорога' (< *cěsta), *draga* 'рыболовная сеть' (< *dorga), *drěk* 'корпус' (< *drěkъ), *dvôrec*, *dvôrek* 'рукоять сверлильного устройства' (< **dvor-* : *dur-*), *grôt* 'воронка', *hula* 'сгиб, дуга' и *huliti* 'гнуть', *hřček* 'свиное рыло; еловая шишка' (< *хъгцькъ), *kráti* 'капать, стекать' (< *къгати), *komízgati* 'пожимать плечами', *krđelo* 'стадо' (< *къrdelo), *koprněti* 'чахнуть; жаждавать' (< *копъгнєти), *ôblok* 'окно' (< *ôbvъlokъ), *ôtka* 'gallum' (< **o(b)-tъka*), *okrěgniti* 'окоченеть' (< *крєгнѣти), *perût* 'крыло' (~ *pero), *plân* 'взмах, порыв', *pretôsek* *pritôsek* 'короткий нож' (< **-tos/-tes-*), *plèh*, *na plèh orati*, *plúhek*, *pléhek* 'пустой, безвкусный', (< **pl'ugъкъ*), *rúgati se* 'рыгать', *soten*, *sonten* 'сильный', *snóga* 'личинка мухи', *stôgla*, *stogle* 'шнурок, ремень', *strbálja* 'плохой лес', *téden*, *trniti* 'метать искры' (< *тръгнѣти), *vitra* 'прутья для плетения', *žima* 'отдельные конские волосы' и т. п.

5. Изоглоссы, соединяющие зап.-юслав. периферию и отдельные болгаро-македонские диалекты:

словен. *glûta* 'шишка' ~ болг. диал. *оглутка* 'огрызок', словен. *mlámol* 'пропасть' ~ болг. топ. *Мламол*, словен. *plát* 'разрубленные половины', с.-хорв. топ. *Plat* ~ болг. диал. *плат* 'покатый склон', словен. *púkatí* 'драть', хорв.-кайк. *púkatí* то же (< *пыl-kati) ~ болг. родоп. *пóл'вам* 'расправить концы распоротого материала', словен. *peráces*, с.-хорв. *peručas*, назв. болезни ~ болг. диал. *перещець* то же, словен. *rúžiti* 'чистить' ~ болг. диал. *рйгам* 'распускать вязание путем выдергивания ниток' (< *rygati); словен. *sôdrga* 'град', с.-хорв. *sôdraga* то же (< *sq-dorga) ~ болг. *судражица* 'мелкий град', словен. *sot* ~ ср.-бол. *Сжтыць*, словен. *sprôj*, *sprôje* 'распорки в ткацком станке' ~ болг. родоп. *спрôжда* 'пряжка', словен. *sôdolica*, с.-хорв. *Sudole* (< **sq-dol-*) ~ болг. топ. *Съдоля*, словен. *vêg* 'кривой; изогнутый' ~ болг. родоп. *в'áгаф* 'кривой, косой' (< **vêg-*), словен. *spláhniti (se)* 'делаться плоским' ~ болг. диал. *преплахнувам* то же, словен. *gěsen* 'действительный' ~ ст.-слав. рѣснота. Через чешско-словацкую область проходят изоглоссы, связывающие словенские и болгарские диалекты: словен. *brít* 'острие' и болг. *брита*, словен. *brádelj* 'челюсть' и болг. диал. *брадѣл* 'борода', словен. *dôbric*, с.-хорв. *дôбрац* 'корь' и болг. *дôбрец* 'хороший человек' и т. п. Частично в этих связях участвуют севернославянские языки: словен. *déga* 'ремень' ~ ср.-болг. *дагъ* то же, словен. *kváka* ~ макед. *квака*, словен. *žúlj* (< *žьldъ) ~ болг. диал. *жѣлде* 'колет, ревет' (ср. рус. *желдь*), словен. *pestûn* ~ ст.-слав. пѣстоунъ, словен. *vêko* ~ ст.-слав. вѣко, словен. *ôtel* ~ ст.-слав. ѡтълъ, словен. *žvála* и болг. диал. *жвалó* и т. д.

7. Зап.-юслав. лексемы, занимающие изолированное положение в славянском словаре:

словен. *bogor* 'чирей' (< *bogorъ), *báža* (~ *bъgati) 'террасный виноградник', *brōja* 'грязь, смесь' (< *brođja), *brēst* 'брод' (< *bred-ть), *brazgotina* 'рубец, шрам', *čūlek* 'боров', *čepêr* 'клевц' (< *čepегъ), *črca* 'сенокос на раскорчеванном поле' (< *čьrtja), *dežela* 'область, земля' (< *dьržela), *děkla* 'девушка' (~ *dětę), *gnida*, *glāja* 'стропило' (< *goldja), *gruh* 'осыпь, щебень', *grúca* 'груда, глыба', *grič* 'холм', *ježiti* 'лущить' (< *ěžiti), *jégati* 'дать понять, сказать' (< *jegati), *hlisč* 'сильный ветер' (< *xljstatī), *kān* = *kār* 'капля', *korčica* 'железное веретено вращающегося жернова' (< *ko-ръgica), *kovrčje* 'ковыль' (< *ko-вьrtje), *klāst* 'корм для скота', *kāca* 'змея', *krāca* 'окорок' (< *korča), *klānec* 'ущелье', *klač* 'палка' (< *koltjъ), *knjāst* 'калека' (< **kъn-*), *kréljut* 'крыло', *kvrga* 'сучок' (< *ko-вьrga), *kujati se* 'дуться, сопротивляться', *křzma* (< *krъsno), *krmezelj* 'нагноение в глазу', *kvācelj* 'удочка' (< *kvacьль), *krpelj* (< **krъpелъ/*kъrъль*), *kršelj* 'хлоп' (< *krъšьль), *kičma* 'челка у лошади; шевелюра' (< *kučьma), *kūkma* 'чуб' (< *kukьma), *kadūlja*, *lāzen* 'свободный' (< *lъzьльль), *lōcen* = *lōcenj* 'дуга' (< *lōcьль), *lēhet* 'часть поля' (< *lěxa), *lotiti se* 'приняться, взяться', *latiti (se)* 'схватить, взять', *mōlnjen*, *munjep* (< *mъlnьль), *močvar* 'болото', *makūžav* 'слабый', *māseka* 'секира' (< *ma-sěka), *mlēden* 'худой' (< *melдьль), *macēs* = *macēsen* и *maklèn* 'вид клена', *motorōga* 'спица в мельничном колесе', *natāče* 'длинные носки' (~ *natъknōti), *ōrna* 'тонкая кожица' (< *ob-ръna), *ozin* 'кошмар' (< **-zinōti*), *ozobina* (< *ozobati* 'обглодать'), *obist* 'renes', *orānek* 'вид обуви', *penjāca* 'скоба, тиски', *pripetiti se* 'случиться', *presenētiti* 'поразить, изумить', *pirgast* (~ *pyгъ), *pirh* 'писанка', *paščiti se* 'стараться' (< *patъščiti), *parkelj* 'коготь', (< *raz-kъль), *povij*, *plētva* 'прополка' (< *peltva), *přnja* 'лоскут, тряпка' (< **ръ-хп'а*), *pelod* 'цветочная пыльца' (< *pelōdъ), *prēkla* 'балка, жердь', *porēden* (< *porēdьль), *plēsma* 'шина, планка' (< **ple(t)smo*), *poljina* 'ряд полей' (< *polje*), *prēn* 'свободный' (~ *prati*, *porjem* 'пороть'), *plēme* = *plēmen* 'отдельная нить, шнур' (< *pletmę), *prilast* 'корм' (< *pri-lъz-ть), *prēst* 'прядение' (< *prēd-ть), *plēst/plēsta* 'плетение', *posēst* 'владение', *pāmoļe*, *pāuterki* 'плохая пряжа', *pātvoř* 'отросток', *př* 'гниль, плесень', *prēvor*, *preōr* 'поле под паром', *ređcina* 'поляна в лесу' (~ *ređькь), *rašelj* 'рассоха' (~ *rašiti* 'рыхлить'), *rūliti* (~ *rjuti), *rocelj*, *rūcelj* 'рукоять' (< *roka), *rešek*, назв. растения, *repèc* 'о глазах взбешенного пса', *spitek* 'болезненный, слабый' (< **-pyt-*), *srāga* 'капля', *slūt* 'предчувствие', *sil*, назв. растения, *sel* 'зерно' (< *sěль), *smrděl* 'дерево; источник' (< *smьrdělъ), *snūditi se* 'сновать', *stēpki* (< *sъtepky), *sūček* 'пряжа; водоворот' (~ *sukati), *stēnj* 'фитиль', *sviž* 'наносный песок', *sūplje* 'вид пыж', *smetilj* 'опухоль' (~ *snēt* 'головня'), *skrōtina* 'скала', *smōdrga* 'хлам' (< *smo-dьrga), *sēd* 'насеет', *sprostī*, текст. термин (< **-prōd-ть*), *sūliti* 'сыпать' (~ **su(p)ti*), *šiprāka* 'ветки' (< *ši-porka), *ter(e)* 'и', *trzen* (~ *tryzati 'рвать, драть'), *trābje*, *trābje* 'рассоха', *tavljāti* 'тяжело ступать', *tršiti se* 'стараться, беспокоиться' (< *trъd-s), *tūj* (< **toudj-*), *tēsneč*, *tresēt* 'торф', *trèn* 'мгновение', *tekūt* 'вошь', *trtrāti* 'гнить' (< **try-try-*), *trūsnač* 'корпусный' и

strūsast 'с большой щетиной', *trīnek* 'миг, мгновение' (~ *tripnqti), *vība* 'спираль', *vrētje* 'кипение, источник' (~ *vrēti* 'кипеть'), *vāda* 'вид невода', *vęzniti* 'опрокинуть', *zēhek*, *žēhek* (< **zylkъкъ(ь)*), *zdēnec* 'источник', *zijāt* 'яма' и *zijūt* то же (~ *zijati), *znūbelj* 'огонь', *žēl* 'жатва' и т. д.

В этом фрагменте словаря присутствуют и древняя лексика с глубокими индоевропейскими истоками (ср. словен. *čūlek*, *2srága*, *rēšek*, *sěl*, *gnida*), и образования, построенные по апофоническим и словообразовательным моделям праславянского (ср. словен. *prōj*, *trtrāti*, *párkelj* и т. д.), и новообразования эпохи самостоятельного развития зап.-юслав. диалектов (ср. словен. *ozin*, *kān*, *knjast*, *moto-rōga* и т. д.). При отсутствии надежных внутриязыковых критериев в этой части словаря особенно трудно отграничить поздние новообразования от новообразований праславянского времени.

Внешние связи. Этимологические идентификации с и.-е. языками отражают лексику, восходящую к дославянской эпохе или эпохе раннепраславянского развития. Как правило, в изоглоссах с и.-е. языками участвует словенский язык не отдельно, а вместе с сев.-слав. языками:

словен. *bār* (< *bъръ) ~ лат. *far*, *farris*, др.-исл. *barr* 'ячмень, зерно', словен. *bršć*, назв. растения (< *bъršćь < *bher-sti) ~ др.-инд. *bhrṣṭi-h* 'острие', нем. *Borste* 'щетина', словен. *čmēlj*, *čmfļj* 'шмель' ~ др.-в.-нем. *humbol*, нем. *Hummel* то же, словен. *dęža* 'кадушка' ~ гот. *daigs*, др.-инд. *dehī* 'насыпь, вал' и т. д., словен. *dęrbati* 'щипать траву' ~ др.-инд. *dṛbhāti* 'связывает, скручивает', ср.-в.-нем. *zirben* 'вертеться', словен. *dvōrec* ~ др.-ирл., брет. *dorn* 'рука', кимр. *dwrn* то же, словен. *gnida* 'немного' ~ норв. диал. *gnitta* 'кусочек', словен. *grūpež* 'песок' ~ норв. диал. *grupa*, *graup* 'дробить', словен. *gāt* 'плотина' ~ др.-инд. *gātú-* 'проход, дорога', словен. *glūta*, *glūta* 'шишка, опухоль' ~ греч. γλοῦτός, мн. γλοῦτά 'ягодица', англ. *cloud* 'облако', словен. *krabúlja* 'маска, личинка' ~ лат. *Corbulo* имя (?), словен. *kūkma* 'чуб' ~ гот. *hiuhma* 'пучок, вихор', словен. *lędvije*, мн. 'genes' ~ лат. *lumbus*, нем. *Lende*, словен. *ozditi* 'сушить' ~ греч. ἄζω 'жечь, сушить', лат. *āreō* 'быть сухим', гот. *azgō*, словен. *smęd* 'смутлый' ~ гот. *bi-smeiten* 'пачкать', словен. *ščūljek*, *ščūlj* 'чурбан' ~ ср.-в.-нем. *schiel* (< **skeulo-*) 'осколок' и т. д.

Балто-зап.-юслав. изолексы. В широких разнонаправленных схождениях с индоевропейскими языками особое место занимают изоглоссы, объединяющие зап.-юслав. диалекты с балтийскими языками. На IV Международном съезде славистов В. М. Илличем-Свитычем впервые был поставлен вопрос о неодинаковом участии древних славянских диалектов и диалектных групп в изоглоссах с балтийскими языками. При установлении такого рода отношений особая роль отводится изолексам, поскольку диалектная дифференциация полнее всего проявляется именно в лексике. В. М. Иллич-Свитыч высказал предположение, что наиболее тесные связи с балтийскими языками поддерживали диалекты восточной части

южных славян, что соответствовало их переходному положению между балтами и остальными славянами. В подтверждение данной концепции, определившей поиски балто-славянских изолексов, известных преимущественно из словаря вост.-юслав. диалектов, накоплен некоторый фактический материал. В порядке иллюстрации приведем некоторые из наиболее часто цитируемых примеров: болг. *бърна* 'губа', с.-хорв. *бръница* 'намордник' ~ лит. *bugnà* 'рот', болг. *юда* 'дракон' ~ лит. *judėti* 'двигать', болг. *гръклян*, с.-хорв. *гркљан* 'горло' ~ лит. *gerklė* то же, *gurklỹs* 'зоб' и т. д. (Трубачев 1963¹, 190–191; Popowska-Taborska 1991, 130).

Дальнейшее изучение южнославянской лексики в лингвогеографическом плане позволило выделить еще один важный аспект проблемы балто-славянских, а точнее балто-южнославянских языковых отношений. Выявлено немало балто-славянских изоглоссов, в которых участвуют сербохорватские и словенские диалекты. Отмечена одна существенная особенность этих изолексов: многие из них находят продолжения в диалектах восточнославянских языков, прежде всего в украинских и белорусских: ср. с.-хорв. *брзд-йца* ~ блр. *бóрзды* ~ лит. *burzdūs*, словен. *ogórič* ~ блр. *угóрыч* ~ лит. *ungurýtis* и т. д. (Трубачев 1963¹, 192–193). При более широком охвате материала открываются и другие направления связей балто-славянских изолексов, выявленных в лексическом материале словенского языка и всей зап.-юслав. диалектной группы.

Становится все более очевидным, что балто-славянские изолексы требуют к себе дифференцированного подхода. Со структурно-генетической точки зрения важны совпадения в морфологическом строении соотносимых лексем, общность словообразовательных формантов, единство апофонии. Другое важное требование — более детальная ареальная характеристика балто-славянских изолексов, выявленных с позиции словенского языка. Наряду с сепаратными балто-словенскими изолексами существует значительное число изоглоссов, выходящих за пределы зап.-юслав. области и имеющих продолжения во всех севернославянских языках или в отдельных диалектных группах северного ареала. Сам факт участия или неучастия в названных изоглоссах тех или иных славянских языков или диалектных групп содержит в себе объективные моменты, которые облегчают и направляют поиски внутриславянских диалектных отношений.

Обобщая и систематизируя накопленный опыт в изучении данной проблемы на материале словенского языка (см. Bezlaj. Eseji, гл. IV), мы представим содержащиеся в настоящей работе балто-славянские изолексы в виде однородных групп, определяя особенности каждой из них по отношению к севернославянским языкам.

1. Балто-зап.-юслав. изолексы, охватывающие большую часть сев.-слав. языков:

словен. *jěz* 'плотва' (< *азь) ~ лит. *ožỹs* 'козел', словен. *bljũzgati* 'бродить по грязи' ~ лит. *bliauzgóti* 'болтать', лтш. *blaužgēt* то же,

словен. *dúr* 'пугливый' ~ прус. *dūrai* то же (?), словен. *drāp*, *drāpa* 'обломки' ~ лит. *drāpanas* 'одежда', словен. *nāt* 'ботва' ~ прус. *noatis*, лит. *nōterė* 'крапива' (?), словен. *dúda* 'волынка' ~ лит. *daudytė* 'свирель', словен. *dúzati* 'толкать' ~ лит. *daūžti* 'разбивать', словен. *dr̥gati* 'дрожать' ~ лит. *drugys*, лтш. *drudzis* 'лихорадка', словен. *grúđiti* 'грызть' ~ лит. *graudinti* 'печатать, увещевать', словен. *hlōd* 'палка' ~ лит. *sklandā* то же, словен. *jēstva* 'пицца' ~ лтш. *ēstuve* 'место для еды', словен. *klāta* 'кусочек дерева' ~ лит. *kāltas* 'долото', лтш. *kaļts* то же, прус. *caltestis-klokis* 'пасечный медведь', словен. *oskr̥d* = *oskr̥da* 'молоток' ~ прус. *scurdis* 'мотыга', словен. *vītva* 'прутья' ~ прус. *witwan* 'ива', словен. *vēko* ~ лит. *vōkas*, *vōka* 'крышка', лтш. *vāks* то же, словен. *voleki* 'почки' ~ лит. *vālas*, *valinys* 'край, кайма' (~ *vėlti* 'валять, катать') и т. д.

2. Балто-зап.-юслав. изолексы с соответствиями в диалектах зап.-слав. группы:

словен. *čūžiti* 'лущить' (ср. польск. *czużać się*) ~ лит. *čiaūžti* 'скользить', лтш. *čužas* 'сухие листья', словен. *dr̥ek* 'корпус' (словац. *driek*) ~ лит. *drāikas* 'высокий (о дереве)', словен. *rūgati se* 'рвать' (ср. чеш. *řihatí*) ~ лит. *riaugėti* 'киснуть', словен. *rōđiti* 'заботиться' (ст.-чеш. *ruditi* 'досадовать') ~ лит. *raudā* 'плач', *raudoti* 'стенать, плакать', словен. *put*, *púta* 'зоб' (ср. польск. диал. *putyna*) ~ лит. *paūtas* 'testiculus', словен. *snōga* 'личинка мухи' (словац. *snoha*) ~ лит. *snāgas* 'копыто', словен. *soten*, *sonten* 'сильный' (ср. ст.-чеш. *sotiti* 'пихнуть, толкнуть') ~ лтш. *sitū*, *sist* 'бить, толкать', словен. *vītra* 'прутья для плетения корзин' (ср. чеш. *vitra*) ~ лтш. *vītra* и т. д.

3. Балто-зап.-юслав. изолексы с продолжениями в вост.-слав. языках:

словен. *čecēt*, название птицы (ср. рус. диал. *чечет*) ~ лит. *kekūtis* 'коноплянка', лтш. *kikuts*, словен. *dromiti* 'вызывать страх, дрожь' (ср. рус. диал. *дромоза*, *дромозить*) ~ лит. *drāmyti* 'ругать, осуждать', словен. *ir* 'омут' (ср. рус. диал. *ирей* 'сильный ветер' и т. д.) ~ лит. *jūra* 'море', лтш. *jūra*, *jūra* то же, словен. *glomėti* 'быть жадным' (ср. блр. диал. *гламаг* 'есть, о свиньях') ~ лит. *glemžti* 'поспешно собирать, захватить силой', лтш. *glemzt* 'есть', словен. *rebēp* 'пустой', *rebat* 'глодать (кость)' (ср. рус. диал. *ребез* 'обрезок ткани') ~ лит. *rémbėti* 'покрываться рубцами', словен. *vilovina*, название болезни (ср. рус. диал. *выль* 'шишка') ~ лит. *aūlas* 'голень', лтш. *aūle* то же, прус. *aulis* 'голень; большая берцовая кость' и т. д.

4. Сепаратные балто-зап.-юслав. изолексы:

словен. *čūlek* 'боров' ~ лит. *kiaūlė* 'свинья', словен. *dēkla* ~ лтш. *Dēkla*, имя богини, словен. *glāja* 'стропило' ~ лтш. *galda* 'доска', лит. *puo-galda* 'перегородка', словен. *jēgati* 'дать понять, сказать' ~ лтш. *jēgt* 'понимать', словен. *jēžiti* 'лущить' ~ лит. *aižyti* то же, словен. *grūže* 'чесотка' ~ лит. *grāužas* 'гравий', лтш. *gruži* 'щебень', словен. *klānec* 'ущелье' ~ лит. *kālnas* 'гора', лтш. *kalns* то же,

словен. *molíti* 'протянуть руку' ~ лтш. *mala* 'край, берег', лит. *lyg-mala* 'возвышение', словен. *pelès* 'сорт винограда' ~ лит. *pelésiai* 'плесень', словен. *plésmo* 'шина' ~ прус. *plasmena* ' подошва ноги', словен. *rěsen*, чак. *rěska* ~ лит. *raiškùs* 'очевидный', словен. *rěšek* ~ лит. *erškėtis, erškėtys* 'колючка, шип', лтш. *ērškis* то же, словен. *sprostī* 'распорки в ткацком станке' ~ лит. *sprastas*, древ. *spranstas* 'рама для натягивания полотна', словен. *sěl* 'зерно' ~ лит. *paselýs*, словен. *sékla* 'семя', лтш. *sēkla* то же, словен. *snúditī se* 'шмыгать, сновать' ~ лит. *snauduliúoti, snáusti* 'дремать; медлить, колебаться', лтш. *snaūda* 'дремота; медлительность', словен. *sūl* 'дым' ~ лтш. *svals, svala* то же, словен. *smrděl* 'название растения' ~ лит. *smirdalas* 'вонь, смрад', лтш. *smėdelis*, словен. *sot* 'горная тропа' ~ лит. *siūsti, siunčiū* 'посылать', лтш. *sūtu, sūtiti* то же, словен. *sovōra* 'поперечный брус в телеге' ~ лит. *sávaras*, словен. *trabi, trābje* 'рассоха' ~ лит. *trōba* 'дом, постройка', лтш. *trāba* 'хижина' и т. д.

Выделенный фрагмент словаря предстает как сумма разнонаправленных внешних и внутренних изолексов. Лексические изоглоссы хорошо согласуются с показаниями других языковых уровней — фонетического, морфологического (см. I главу). Но характер внутридиалектных отношений определяется не только схождениями сопоставляемых ареалов, не менее существенно отсутствие изоглоссных связей, т. е. своеобразная отрицательная характеристика языка/диалекта. По тому, какие изоглоссы проходят через область словенского языка, а какие не захватывают этой территории, можно с большой определенностью судить о степени близости диалектов и порядке их расположения на географической карте праславянского. Следовательно, для воссоздания панорамы диалектных отношений в полном объеме необходимо всестороннее изучение в структурно-генетическом и ареальном плане того фрагмента ю.-слав. словаря, который может считаться специфическим для восточной, болгаро-македонской области. Но эта проблема нуждается в специальном исследовании, в пределах же отведенного нам объема, следуя требованию краткости, мы можем лишь отметить наиболее важные ареальные характеристики вост.-юслав. лексики, иллюстрируя их примерами в форме праславянских реконструкций. В плане отражения внутриславянских связей существенны следующие типы изолексов:¹ 1) изоглоссы, связывающие вост.-юслав. диалекты с сев.-слав. языками, иными словами, это — лексика, распространенная на всей славянской территории, кроме одного ареала — западноюжнославянского, ср. **atra*, **amo/*jamo* (ЭССЯ 1, 91, 70), **blizna* (ЭССЯ 2, 118), **činzь* (ЭССЯ 4, 115), **desiti/*dositi* (ЭССЯ 4, 217), **drolь* (ЭССЯ 5, 124), **driskati/*dristati* (ЭССЯ 5, 116), **kovylь* (ЭССЯ 12, 15), **kun'ati* (ЭССЯ 13, 106), **krěpь(jь)* (ЭССЯ 12, 134), **luspa* (ЭССЯ 15), **lelėjati* (ЭССЯ 14,

1 О некоторых аспектах этой проблемы см.: Куркина Л. В. Изоглоссные связи южнославянской лексики. II // Этимология 1976. М., 1978, 17–31.

100), **li'ati* (ЭССЯ 15, 108) и т. д.; 2) изоглоссы, общие с вост.-слав. языками, т. е. изоглоссы, в которых не участвуют словенский язык и западнославянские языки: ср. *debeti (ЭССЯ 4, 203), *galica (ЭССЯ 6, 92), *gatati, *gavьrati (ЭССЯ 6, 105, 112) и т. д.; 3) изоглоссы, не выходящие за пределы вост.-юслав. ареала: ср. **bru(k)tъ* (ЭССЯ 3, 63), *boraviti (ЭССЯ 2, 195), *dъvizьka (ЭССЯ 5, 189), *тъгошь (болг. *тром* 'медлительный, неуклюжий'), *прошъка (болг. *промка* 'щель'), *zaběľ (болг. топ. *Zabel*, с.-хорв. *zabio* 'лес') и т. д. Пока еще не выявлен материал, позволяющий судить о том, какое место в общей сумме изоглосс принадлежит связям с зап.-слав. языками в целом и отдельными диалектными группами — лехитской и чешско-словацкой: ср. *civriti (ЭССЯ 3, 196), *савъка (ЭССЯ 4, 31–32), *dolga (ЭССЯ 5, 61) и т. д. Как уже было сказано выше, особенно пристального внимания требует к себе проблема лексических связей болгаро-македонских диалектов с балтийскими языками. При выявлении диалектных истоков южнославянской языковой группы наиболее существенными, показательными следует признать изоглоссы, специфические как для западного, так и восточного ареалов.

Оставаясь в пределах только языковых данных, основываясь на распределении изоглоссных линий, можно в общих чертах наметить контуры системы, исходной для зап.-юслав. диалектов, и проследить основные этапы ее эволюции. По всей совокупности системных показателей устойчиво прослеживается общность зап.-юслав. диалектов, в пределах этой общности рано, видимо, еще до переселения на новую родину намечается противопоставление, по меньшей мере, двух диалектов: знаком одного из них является местоимение *kaj*, знаком другого можно считать местоимение *ѡа*. Пучки изолекс, по отдельности объединяющие зап.-юслав. и вост.-юслав. диалекты с сев.-слав. языками, — один из важнейших показателей раннего вычленения и длительного обособленного развития в рамках праславянского двух самостоятельных диалектов, участвовавших в послебалканскую эпоху в формировании структуры южнославянской языковой группы. Эти диалекты, устойчивое единство которых прослеживается с эпохи праславянского, стали основой, определили облик тех диалектных комплексов, которые на современной карте связываются с западным и восточным ареалом ю.-слав. территории. Пользуясь критерием изоглосс, можно наметить схему пространственно-временного распределения праславянских диалектов, взяв за ориентир восстанавливаемый зап.-юслав. диалектный комплекс. Компактные пучки балто-славянских изоглосс во многих случаях с сепаратными соответствиями в зап.-юслав. и вост.-юслав. диалектах служат основанием для локализации исходных диалектов в эпоху раннепраславянского в той области славянского языкового пространства, которая граничила с балтийскими языками и, следовательно, была переходной между славянскими и балтийскими языками. Применительно к эпохе, непосредственно предшествовавшей расселению славян, ориентиром должны стать

изоглоссы, общие с диалектами чешско-словацкой группы. Глубокие, интенсивные контакты диалектов западного и южного типа привели к сближению языковых структур, образованию территориально-языковой общности диалектов, которая по совокупности изоглосс — фонетических (*tort > trat*), морфологических (ср. форму тв. п. на -*o*) и лексических — оказалась противопоставленной всем другим диалектам, на которые к этому моменту распался праславянский язык. О взаимопроникновении этносов свидетельствует факт совпадения этнонимов — словаки и словенцы. На более раннем этапе эволюции праславянского, скорее всего до формирования названной диалектной общности, имели место контакты с диалектами лужицкой и лехитской групп, с одной стороны, и восточнославянскими диалектами, с другой. Отражением этих связей можно считать сепаратные изолексы, схождения, наблюдаемые и на других уровнях (ср. *tj > č*), а также совпадение этнонимов — словенцы — новгородские словене.² Немногочисленные, но весьма выразительные словенско-восточнославянские изолексы, видимо, унаследованы из эпохи до славянских миграций. Таким образом, по изоглоссам, проецируемым в разновременные плоскости, можно судить об исторической динамике диалектной карты, об изменениях в пространственном распределении диалектов праславянского. Предлагаемая нами пространственно-временная проекция праславянского ориентирована на словенский язык и шире — зап.-юслав. диалект, она отражает динамику и вост.-юслав. диалекта, но в самом общем виде, поскольку отдельные звенья эволюции не обеспечены материалом.

Изоглоссы, пересекающие южнославянскую территорию в направлении север—юг, север—юго-запад, север—юго-восток, проходят через область чешско-словацких диалектов. Исторически лексические изоглоссы, как и изоглоссы фонетические (см. I главу), сходятся в области древней Паннонии, заселявшейся славянами с середины V в. В этой северной римской провинции, занимавшей большую территорию Среднедунайской низменности (а точнее — западную часть современной Венгрии, восточную часть Австрии, область Воеводины в Югославии), в один узел стягивались важнейшие транспортные артерии, ведущие на юг, в Италию, Грецию, Средиземноморье, в Альпы. Для многих народов эта область была промежуточной остановкой, здесь формировались первые племенные союзы и государственные образования.

Славяне, покинувшие свою прародину, которую мы вслед за другими исследователями помещаем к северу от Карпат,³ двигались

2 *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект и проблема диалектного членения позднего праславянского языка // *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов.* М., 1988.

3 *Топоров В. Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского // *X Международный съезд славистов.* М., 1988. 275. О локализации прародины славян в Центральной Европе см.: *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.

в разных направлениях. Очень активно осваивались славянами долины и низменности к северу от Дуная. На рубеже VI–VII вв. славяне перешли Дунай и в напряженной борьбе с аварами и византийцами продвинулись вглубь Балканского полуострова. В процессе переселения и освоения славянами новой родины происходит глубокая перестройка этносоциальных отношений: смена прежних родовых связей территориальными, образование межплеменных союзов и новых этносоциальных общностей, ассимиляция неславянских народов. В определении этнической карты того времени историография опирается на весьма общие и неопределенные свидетельства, содержащиеся в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (X в.). В этом труде, весьма сложном, мозаичном по структуре, сообщаются некоторые сведения о двух этнических группах — сербах и хорватах. Праславянское этническое единство сербов/сорбов распалось очень рано, в трактате речь идет о балканских сербах. Как повествует Константин Багрянородный, сербы происходят от некрещеных (сербов), называемых также белыми и живущих по ту сторону Турции (т. е. Венгрии) в местности, именуемой ими Бойки, и граничат с франками и белохорватами. О хорватах сказано, что они ведут свое происхождение от некрещеных хорватов, называемых белыми и живущих по ту сторону Турции вблизи франков. В историографии нет согласия в определении местоположения Белой Хорватии и Белой Сербии. По одной из гипотез⁴ сербы и хорваты шли на юг не с северо-востока, как принято в литературе, а с северо-запада: для сербов исходный ареал локализуется в Полабье, для хорватов — в Малой Польше. Предполагается, что сербы и хорваты продвигались через Чехию, Моравские ворота к Дунаю и далее в бассейн рек Муры, Дравы, Савы. В документе *Conversio Bagoariorum et Carantanorum* (871 г.) различаются славяне каринтийские — *Sclavi qui dicuntur Quarantani* — и паннонские — *Sclavi, in partes Sclavogum*. По историческим данным уже с конца VI в. начинается колонизация славянами Восточных Альп.⁵ Славянские племена заселили Чешскую долину в VI — начале VII вв. Дошедшие до нас исторические источники не сообщают никаких сведений об этническом составе этого населения. Археологические материалы и данные языка (ср. распространение названия **dudlěbi*) позволяют связать это объединение славянских племен с этническими общностями, имевшими в качестве языковой основы диалекты чешско-словацкой группы. Славяне, размещавшиеся на левом берегу нижнего Дуная, представляли собой территориальный союз племен. Известны назва-

4 См. главы VIII, IX в кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982; *Новаковић Р.* Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво. Београд, 1978, 53–56.

5 *Grafenauer B.* Naselitev Slovanov v vzhodnih Alpah in vprašanje kontinuitete // *Arheološki vestnik XXI–XXII.* Ljubljana, 1970–1971, 17–32.

ния лишь двух племен этого союза — северы и семь родов⁶. С ориентацией на исследуемый нами зап.-юслав. диалектный комплекс мы лишь упомянули некоторые из этнических проблем древней Славии на рубеже VI–VII вв. Не вторгаясь в область историографии, основываясь на собственно лингвистических данных, мы все же должны в исторической перспективе посмотреть на вопросы, имеющие ключевое значение для формирования южнославянской языковой группы. Требуют и исторического, и лингвистического осмысления, во-первых, изоглоссы, объединяющие словенский язык и чешско-словацкие диалекты, во-вторых, сепаратные связи словенских и болгаро-македонских диалектов.

Разные моменты выдвигаются при объяснении особого характера отношений словенского с диалектами чешско-словацкой области. В близости этих диалектов видят результат длительных контактов эпохи славянских миграций в эпоху IV–V вв. (до борьбы с аварами) и особенно в VI–VII вв. Сопредельность территорий, длительное соседство в Паннонии способствовали интерференции языковых явлений. Наблюдаемая в северо-западной части словенского западнославянской инфильтрация, возможно, объясняется генетическим преобладанием западнославянского элемента, косвенным подтверждением этому служат выводы О. Кронштейнера об исключительно западнославянском типе личных имен у альпийских славян.⁷ И. Попович указывал на возможность взаимопроникновения этносов в эпоху славянских миграций, когда под давлением суперстрата южнославянскими становятся (словенские) диалекты, первоначально к ним не принадлежавшие, и, наоборот, какая-то часть южных славян (среднесловацкие диалекты) теряет исконные связи с южным ядром и втягивается в сферу западнославянского влияния (Popović I, § 13–14; Lamprecht 1983). Сходные идеи, но в более широком культурном контексте развивает хорватский этнограф М. Гавацци (Gavazzi 1960). На основании общих черт в лексике, обычаях, материальной культуре, данных топонимики он выделяет архаичную западнопаннонскую область, охватывающую северо-западную часть южных славян (словенцы, хорваты-кайкавцы) и южную часть западных славян (чехи, моравы, словаки). Предполагается, что миграционные процессы шли в двух направлениях: с севера из Паннонской котловины (область средней Словакии) на юг в область южнославянской языковой и этнографической ориентации и с юга на север с рассеиванием южнославянских черт в области словацкого языка. Вытекающий из этих теорий вывод об участии западнославянского элемента в формировании альпийских и шире — всех южных славян особенно активно развивается польскими лингвистами. Судя по названию *Dudlebi*, сохранившемуся в северной Карин-

6 Литаврин Г. Г. К проблеме становления болгарского государства // Сов. славяноведение 4, 1981, 29–48.

7 Kronsteiner O. Die alpenlawischen Personennamen. Wien, 1975.

тии и южной Чехии, племена западнославянского типа участвовали в освоении Восточных Альп (Штибер). П. Ивич определяет северо-западную часть словенских диалектов как зону переходную между языками западной и южной групп (Ивић 1958). Особенности словацкого диалекта также пытаются понять как отражение переходного положения, занимаемого этим диалектом на раннем этапе развития.

Общие черты, объединяющие словенский язык и чешско-словацкие диалекты, являются следствием целого ряда причин. Истоки этой общности коренятся в той языковой ситуации, которая сложилась в Паннонии в ходе расселения славян. Здесь в обстановке напряженной борьбы возникали и распадались племенные союзы, объединившие носителей диалектов западного и южного типа. Население сплачивалось в широкие этносоциальные объединения. Глубокие политические и этнические перемены не могли не повлиять на характер распределения диалектных связей. В период раннего средневековья значительным событием стало образование Великоморавского государства. Великая Моравия, просуществовавшая сравнительно недолго (от конца VIII в. до конца IX в.), возникла как племенной союз на территории, где чересполосицей располагались племена западного и южного типа. В условиях сосуществования близкородственных языковых структур складывается наддиалектная форма общения — культурный диалект, которым пользовались в произведениях народнопоэтического творчества, в административных делах, в распространении христианства.⁸ В Великой Моравии старославянский язык, основанный на болгаро-македонских диалектах окрестностей Солуни, пришел в соприкосновение с моравским культурным диалектом, располагавшим развитой христианской, философской терминологией. Многие слова этого диалекта вошли в язык первых письменных памятников. Традиционно к моравизмам относят слова, которые представлены в определенных памятниках (Бес. Гр. Вел., Киев. л.) и исторически связаны с диалектами чешко-словацкой группы. Но в исследованиях последних лет⁹ сделано одно интересное наблюдение: многие так называемые моравизмы, для которых не прослеживаются соответствия в чешско-словацких диалектах, находят подтверждение в

8 *Вечерка Р.* Великоморавские истоки церковнославянской письменности в Чешском княжестве // *Magna Moravia. Sborník k 1100-výročí příchodu Byzantské mise na Moravu.* Praha, 1965, 493–524; Согласно концепции И. Бобы Великоморавское княжество находилось собственно не на Мораве, а вблизи исторического Срема/Сирмиума. См.: *Boba I.* Novi pogled na povijest Moravije. Split, 1986. Об этой концепции см.: *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991, 240–244.

9 *Reinhart J.* Methodisches zu den lexikalischen Bohemismen im Tschechisch-kirchenslavischen am Beispiel der Homilien Gregors des Großen // *WslJb* 26, 1980, 46–102.

лексике словенского языка, хорватско-кайкавского и чакавского диалектов (ср. выше *rěsknъ). Следовательно, в диалектном отношении моравизм — более сложное понятие. Проецируемые на плоскость диалектных отношений эпохи VII–IX вв. моравизмы предстают как элементы еще не распавшейся паннонославянской языковой общности, объединявшей диалекты западного и восточного типа. Контакты этих диалектов осуществлялись в разных формах довольно длительное время и были прерваны в IX в. вторжением венгров на территорию Паннонии.

Е. Копитар отводил важное место в формировании славян Паннонии. По обе стороны Дуная, по мысли Е. Копитара, жили праславяне, в дальнейшем словаки отошли к морavam, чехам, полякам и т. д., а словенцы — к каринтийцам, хорватам, болгарам и т. д. В истолковании гетерогенной основы южнославянской языковой группы Е. Копитар, а вслед за ним и Ф. Миклошич исходили из положения о более раннем по времени мощном потоке переселенцев, состоявшем преимущественно из словенских и болгарских племен, захвативших Паннонию, Моравию и всю территорию от Краса до Черного моря. Позднее этот лингвистически однородный слой был раздвинут к западу и востоку вклинившейся колонией носителей сербохорватского языка. На этом основании сделал ошибочный вывод о панноноско-каринтийском происхождении старославянского языка. Е. Копитар полагал, что во времена Кирилла и Мефодия древний словенский пласт уже подвергся сильной модификации и лишь словенский язык, некогда занимавший огромную территорию, сохранил древний облик в чистом виде. Он определил словенский язык как *pulcherrima dialectus pulcherrimae linguae* (Копитар XXX). Несостоятельность такого понимания показана в работах В. Ягича и В. Облака. И хотя положение о генетическом тождестве словенского и старославянского языков имеет чисто историческое значение, сама проблема, выдвинутая Е. Копитаром, требует к себе внимания. Своим авторитетом В. Ягич надолго отвлек внимание и интерес от идеи Е. Копитара об особых генетических связях западной и восточной окраин на территории южных славян. Возрождение интереса к этой идее наблюдается в 30-е годы в работах хорватских этнографов М. Гавацци и Б. Братанича (Gavazzi, Bratanić). В 1936 г. в докладе на IV конгрессе славянских географов и этнографов М. Гавацци сформулировал положение о двух южнославянских зонах — центральной и латеральной. Обе зоны — латеральная (частично Словения, западная Хорватия, побережье Далмации, Черногория, южная Македония, южная и восточная Болгария) и центральная (остальная часть Хорватии, Боснии, Герцеговины, Сербии и западной Болгарии) — противопоставлены лингвистически и этнографически. М. Гавацци продемонстрировал это различие на примере пахотного орудия — рала. Из двух типов рала, наблюдаемых на территории южных славян, архаичный тип охватывает латеральную зону, а более новый тип представлен в центре. Разли-

чие касается не только устройства пахотного орудия, но и номенклатуры составляющих его частей. В работе Б. Братанича вслед за М. Гавацци, разрабатывавшего ту же проблему, это различие получило следующее наглядное выражение:

Центральный тип	Латеральный тип	Означаемое
<i>gredeļj</i>	<i>oje, ojište, voište</i> (болг.-серб.-макед.), <i>ojeć, oić</i> (хорв.)	грядиль
<i>raonik (ralnik)</i>	<i>lemeš (lemež, emeš – jemeš)</i>	лемех, сошник
<i>kozlac</i>	различные названия, из которых чаще всего повторяются <i>brce – brdica</i>	часть рала, соединяющая грядиль с полозом

и т. д.

При интерпретации этих явлений М. Гавацци, а вслед за ним и Б. Братанич опираются на теорию Е. Копитара и Ф. Миклошича о двух хронологически различных волнах славянских миграций. Первый широкий слой славянских племен, однородных в лингвистическом и этнографическом отношениях, был раздвинут вторгшимся с севера в VII в. потоком носителей нового типа рала. Новые славянские племена утвердились в центре южнославянской территории, оттеснив живших здесь ранее славян к западу и востоку. Этногенетические построения М. Гавацци и Б. Братанича, хотя и не лишены некоторых оснований, требуют к себе во многом осторожного отношения. Исходным для этой теории является историческое свидетельство Константина Багрянородного, согласно которому хорваты пришли на Балкан в период царствования императора Ираклия (приблизительно 630–640 гг.) с севера со своей древней родины, которая называлась Белая или Великая Хорватия. Окончательному утверждению хорватов первоначально в Далмации предшествовала борьба с аварами и победа над ними. Несколько позднее восточнее хорватов поселились сербы. Согласно традиции хорваты освоили обширную территорию, границами которой были Лабин (Альбона) в Истрии, река Сава, на юге река Цетина и на западе море с островами. Отдельные хорватские колонии проникали в Альпы, о чем свидетельствуют грамоты X и XII вв., где этот народ выступает под названием *Crauti pagus, Chrouuat, Croudi, Chrowata, Chrowath, Kraubat*. Поселения *Xъrvati* известны в Македонии, Греции и других местах. Продвижение хорватского войска на юг в середине VII в. можно считать вполне доказанным историческим фактом, но надо иметь в виду, что в течение нескольких веков уже происходила славянизация провинций Византийской империи. Хорваты, таким образом, столкнулись со славянами, этнический состав которых остается неизвестным. Что касается лингви-

стической стороны дела, то она, как отмечает и Б. Братанич, не дает никаких оснований для выводов хронологического порядка. В плане географии старых терминов **grędelъ* и **oje*, относящихся к праславянскому слою лексики, необходимо считаться с возможностью лексических утрат, семантического перераспределения, поздних миграций, изменяющих и нивелирующих более раннее состояние. Известно, что именно центральную часть южнославянской территории отличают инновации («штокавская инновация»), вызванные экспансией славян на запад и восток в эпоху турецкого ига. Идеи М. Гавацци и Б. Братанича, воспринятые как возрождение теории Е. Копитара, не встретили поддержки в науке (ср. Роровић, I, § 75), но в работах самого последнего времени вновь находим попытки приложения и дальнейшей разработки этой теории на новом лексическом материале (см. работы Н. И. Толстого,¹⁰ И. Гылыбова¹¹).

Наблюдаемые явления, лексические совпадения западной и восточной окраин заслуживают, несомненно, самого серьезного внимания и нуждаются в дальнейшем исследовании и расширении фактической базы. В плане противопоставления центра и окраины Н. И. Толстой интерпретирует географическое распределение некоторых славянских слов. Географическое распределение лексем *дажд* и *киша* показывает, что центральный ареал (сербохорватско-штокавский) занимает лексема *киша*, а лексема *дажд* характерна для всех словенских, болгарских и македонских говоров. Такое же отношение центра и окраины связывает **čadja* (центр) и **sadja*, **znojъ* (центр) и **potъ*, правда, в последнем случае **znojъ* в значении 'пот' небольшими островками отмечено в словенских и болгарских диалектах, ср. словен. *znoj* 'пот', болг. родоп. *зной* то же. Для основного массива южнославянской территории характерна дихотомия **desъpъ* — **lěvъ*, но окраинные словенско-чакавский, фракийско-родопский и отчасти южномакедонский островки представляют **pravъ* — **krivъ*. По наблюдениям И. Гылыбова, на ю.-слав. территории разграничены ареалы топонимов с основами *gabr-* (Словения, Македония), *grab-* (остальная часть быв. Югославии), *grabr-* (частично Словения, Хорватия). Эти наблюдения могут быть дополнены отмеченными выше изолексами, связывающими словенский и болгаро-македонские диалекты. Эти изолексы, не очень многочисленны, хорошо согласуются с показаниями акцентологии об особой близости

10 Толстой Н. И. Из географии славянских слов: 1. «Дождь». 2. «Саламандра» // ВСЯ 6, 1962; Он же. Из географии славянских слов: 3. *правый* — *левый*; 4. *хорохориться*; 5. *класть* // Общеславянский лингвистический атлас. М., 1965; Он же. Из географии славянских слов: 6. *сажа* — *чад*; 7. *пот* — *зной* // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.

11 Гылыбов И. Южнославянските местни имена образувани с *гabr-*, и проблемите, свързани с тях // Избрани трудове по езиковедение. С., 1986, 488–499.

словенского и зап.-юслав. диалектов с диалектами болгарского языка (Дыбо 1990, 156–157).

В интерпретации общих явлений в плане этногенетических отношений, как нам представляется, следует исходить не из временных различий (ранняя – более поздняя волна миграций), а из отношения центра и периферии в ходе освоения новой территории. Такой подход отнюдь не противоречит традиционной теории двух основных путей, по которым шло заселение Балкан и Восточных Альп, – через Паннонскую котловину и Нижнедунайскую низменность. Напротив, вполне определенно выраженная соотнесенность окраинных областей южнославянского ареала может быть понята в рамках этой теории как сохранение архаичных явлений на периферии по отношению к одному из центров славянских миграций, каким можно считать Паннонию. Общепринятая теория в основе своей подтверждается лингвистически, вместе с тем эта теория, обладающая достаточной доказательной силой, определяет лишь главные магистральные линии славянских миграций. Лингвистический же материал и в особенности факты лексики показывают более сложные и многообразные взаимоотношения южнославянских диалектных зон. Реально в распоряжении исследователя не всегда четкие, порой слабо выраженные контуры изолиний, стертые многократными и разнонаправленными историческими процессами. Следы изолиний, проступающие сквозь толщу истории, лишь в известной степени можно считать показателями древних отношений, при восстановлении которых необходимо учитывать весь доступный комплекс исторических и лингвистических условий. Инвентаризация лексических изоглосс, характерных для южнославянской группы, пока находится в стадии предварительных наблюдений, тем не менее уже сейчас совершенно очевидно, что выявляемые изоглоссы не укладываются в строгие схемы с жесткой раскладкой временных, локальных и этнических отношений первых переселенцев. Экспансия славян на юг не сводима к разовому массивному захвату новых территорий, напротив, освоение новой родины было достаточно длительным процессом, проходившим в несколько этапов с разнонаправленными миграциями и с сопутствующим им многократным перераспределением диалектных отношений (Трубачев 1974). Движение славян из Паннонии шло не только в направлении север–юг, север–юго-запад, но и север–юго-восток. Восточноюжнославянская область заселялась, по меньшей мере, тремя потоками.¹² Один из них шел из задунайской зоны, которая граничила с будущими польскими говорами, в Мизию, Фракию и далее в Родопы. Самый сильный поток славянских миграций направлялся из восточных районов задунайской земли через Добруджу и большую

12 Гълъбов И. Еровите застъпници и българското диалектно членение // Изв. на Института за български език. Кн. XI, 1964, 381.

часть северной Болгарии, через Стару Планину на юг, далее в Македонию и на юг Пелопонеса. Из Паннонии по рекам Тимок и Морава продвигался третий, северо-западный поток. В основе своей диалектные комплексы западного и восточного ареалов представляют собой симбиоз разнотнических и разнодиалектных образований. На новой родине, в новых культурно-исторических условиях в западной и восточной части южнославянского ареала происходит консолидация диалектов, образование новых диалектных общностей. Здесь, к югу от Дуная, как внутри славянского ареала, так и за его пределами в разное время возникают свои центры языковых инноваций.¹³ Охваченные общими инновациями, разнородные диалекты связываются в единое целое, образуют территориальные общности. Современный облик вост.-юслав. диалектов определяется принадлежностью к балканославянскому ареалу. В зап.-юслав. области контакты с неславянскими языками не привели к существенным изменениям в структуре северо-западной группы диалектов, генетическая общность которой была нарушена в историческое время. В силу разных причин внешнего порядка усиливается влияние штокавского диалекта, происходит штокавизация западных диалектов сербохорватского языка.

---

13 *Цыхун Г. А.* Паўднёваславянска-ўсходнеславянскія моўныя сувязі. Да праблемы славянскага укладу у балканскі моўны саюз. IX Міжнародны з'езд славістаў. Мінск, 1983.

РЕЗЮМЕ

Настоящая работа посвящена актуальной для современной славистики проблеме диалектного членения праславянского языка. На современном этапе развития славистики новые перспективы в разработке поставленной проблемы открывают исследования по реконструкции праславянского лексического фонда славянских языков. Эти исследования привели к пересмотру традиционных представлений о трехчленной структуре праславянского, способствовали формированию новой концепции праславянского языка. Логикой развития науки на передний план выдвигается задача реконструкции древнейших диалектных истоков для каждой из славянских языковых групп и воссоздания на этой основе пространственно-временного распределения диалектов на карте праславянского. К решению поставленной проблемы наука идет через исследование славянских языковых групп и составляющих их отдельных диалектных систем. Пониманием задач современной науки обусловлен выбор объекта настоящего исследования. Диалектная структура праславянского оценивается с позиции одного из южнославянских языков – словенского и родственных ему западных диалектов сербохорватского языка. Всестороннее обследование словаря одной группы диалектов ведется по комплексной методике, объединяющей морфонологический, словообразовательный, этимологический и лингвогеографический аспекты исследования. Предлагаемый в работе новый подход обеспечивает выявление диахронических характеристик, существенных для ретроспективного изучения словенского языка и реконструкции основных типов междиалектных связей на уровне праславянского. В плане междиалектных связей этот подход открывает новые аспекты в отношениях словенского языка с языками западных и восточных славян.

Опираясь на показания лексики при реконструкции междиалектных связей, мы должны отдавать себе отчет в том, что направление изоглоссы, сам факт наличия или отсутствия конкретной изолексы зависит от многих моментов внешнего и внутреннего характера. Неполнота фактической базы, предоставляемой лексикографическими источниками, отсутствие достаточно надежных критериев для хронологического расслоения материала, проницаемость лексического уровня, воздействие языковой интерференции, возможность утраты слова в одном ареале и, наоборот, сохранения в другом – все эти и многие другие моменты затрудняют понимание природы изолексы и в известной степени ограничивают возможности используемого метода. Но определенные основания для объективных выводов дает соотнесение результатов, полученных при изучении лексики методом изоглоссы, с данными других языковых уровней и интерпретация этих фактов в рамках системных отношений, реконструируемых для праславянского языка. Выбор словенского языка в качестве основного объекта исследования обусловлен тем, что в западноюжнославянском ареале этот язык сохраняет наибольшую устойчивость и непрерывность в развитии. В центре внимания будет та часть словаря, которая объединяет словенский язык с запад-

ными диалектами сербохорватского языка и вместе с тем отличает данный диалектный комплекс от диалектов болгаро-македонской области. При выявлении лексики, отличительно характеризующей западный ареал ю.-слав. территории, мы оставляем в стороне вопросы, связанные с распределением внутри этого ареала сепаратных словенско-хорватско-кайкавских, словенско-чакавских, словенско-западноштокавских изоглосс. Для решения поставленных лингвостнических задач важна не столько диалектная дифференциация внутри северо-западного ареала, сколько то общее, что объединяет диалекты этого ареала и что полнее всего проявляется в словаре. За основу сравнительно-сопоставительного изучения словарного фонда ю.-слав. языков берется лексика словенского языка, и с позиций именно словенского языка оцениваются общие явления в словаре зап.-юслав. диалектов.

Но избранный нами ареал не образует замкнутого пространства. При отсутствии четких границ между диалектами, а в ряде случаев по причине мозаичного расположения диалектов явления, специфические для западного ареала ю.-слав. языков, выходят за пределы этого ареала, частично захватывают область штокавского диалекта и нередко обнаруживают продолжения в отдельных диалектах болгаро-македонской области. Это обстоятельство предостерегает нас от выводов и формулировок в излишне категоричной форме и побуждает внести уточнения в само понятие лексический диалектизм зап.-юслав. ареала. Ю.-слав. языки и диалекты имеют различия в инвентаре, в самом наборе лексических единиц, но в ряде случаев различие идет по другой линии: западный ареал оказывается областью интенсивного распространения целого ряда лексем, тогда как в восточном ареале соответствия для этих лексем прослеживаются на очень ограниченной территории.

Из этого следует, что используемые в работе термины западноюжнославянский (далее – зап.-юслав.) диалектизм и восточноюжнославянский (далее – вост.-юслав.) диалектизм не являются достаточно точными и строго выдержанными с лингвогеографической точки зрения. Но осознавая сложность диалектных связей и многообразие их проявлений, мы тем не менее отдаем предпочтение названным терминам и видим их назначение в том, чтобы дать указание на основной ареал рассматриваемых диалектизмов.

Сам объект исследования – лексические диалектизмы зап.-юслав. ареала – не дан нам непосредственно в виде открытого списка слов. Выделению объекта и определению его основных характеристик предшествовала большая поисковая работа, основанная на сравнительно-сопоставительном изучении лексических единиц ю.-слав. языков. Словарь словенского языка насчитывает не одну тысячу слов. И обработка такого большого фактического материала – задача сложная и едва ли выполнимая в абсолютно полном объеме. В центре нашего внимания будут наиболее существенные, выразительные явления, составляющие своеобразие словенского языка. При широком охвате материала вполне естественны и понятны отдельные упущения, пропуски, но эти факты даже в случае их последующего обнаружения не смогут существенно повлиять или изменить основные структурные и ареальные характеристики зап.-юслав. диалектизмов. Все вновь обнаруженные факты дадут лишь новые подтверждения уже установленных словообразовательных и ареальных отношений, актуальных для избранной нами группы диалектов. Но как уже отмечалось выше, сам состав лексических диалектизмов зависит от многих причин, в том числе и от этимологического истолкования слова. В силу этих обстоятельств список регионально ограниченных явлений в словаре того или иного языка или диалектной группы всегда остается открытым.

Структурно-генетический подход, выдвигающий на первый план лексико-словообразовательный и пространственный аспекты исследования, определяет содержание и понимание задач настоящего исследования. В самом общем виде они сводятся к следующему: 1) составление инвентаря региональных элементов, объединяющих словенский язык с западными диалектами сербохорватского языка; 2) характеристика словообразовательной структуры зап.-юслав. диалектизмов, определение наиболее типичных для них словообразовательных моделей; 3) выявление генетических связей названных диалектизмов на основе морфонологических связей, этимологического анализа; 4) выяснение древних междиалектных связей внутри славянского ареала; выявление связей с индоевропейскими языками; 5) реконструкция территориально-диалектных отношений в праславянском языке добалканской эпохи с позиции зап.-юслав. диалектов; 6) определение по данным изолекс основных путей славянских миграций в южном направлении.

Поставленные задачи решаются чисто лингвистическими средствами. Материалы исторической науки, а именно исторические свидетельства древних авторов, данные археологии, этнографии и т. п., не используются в качестве основного аргумента исследования. Работа строится на материале апеллятивной лексики, по необходимости учитываются показания гидронимии, топонимии, но в очень ограниченном объеме, в основном с целью восполнения лакун в исследуемой части словаря.

В основу исследования положен «Словенско-немецкий словарь» М. Плетершника – словарь тезаурусного типа, вобравший в себя словарные материалы разного времени и из разных областей. Эта основная база исследования расширена и дополнена материалами доступных нам диалектных словарей. Как известно, словенский язык отличается большой диалектной дробностью, но диалектные различия в лексике не изучены, поэтому словарный состав словенского языка берется в целом как собрание слов, засвидетельствованных в разное время на территории Словении. В соответствии с поставленной задачей изучение словенской лексики проводится в двух направлениях: в плане сопоставления с соответствующей лексикой западных диалектов сербохорватского языка, с одной стороны, и лексикой вост.-юслав. диалектов, с другой. Лексика этих языков и языков сев.-слав. группы бралась в объеме исторических, диалектных словарей, словарей литературных языков.

Для решения поставленных в работе задач наиболее существенна древняя часть зап.-юслав. словаря, лексические диалектизмы, которые могут быть определены в терминах праславянской реконструкции. Материал, которым мы располагаем, неоднороден по своей структуре, с точки зрения генетических и ареальных связей. Но выводы ареального порядка вытекают из сравнительно-сопоставительного изучения лексики, находятся в прямой зависимости от понимания морфологической структуры слова, от оценки его этимологических связей. И это обстоятельство делает оправданным и целесообразным выдвижение на первый план этимологического, морфемно-словообразовательного аспектов исследования. При выявлении генетических отношений актуальным в современной славистике признается принцип целнолексемных соответствий и параллелей в славянских и неславянских языках. Цельнооформленная лексема станет основной единицей нашего исследования.

Со структурно-генетической точки зрения в пределах исследуемого фрагмента выделяются следующие группы.

I. Лексические диалектизмы, структура которых не мотивирована системными отношениями праславянского языка

Лексические единицы, образующие данный отрезок словаря, характеризуются следующими особенностями: 1. основы этих лексем не поддаются морфологическому членению, на почве праславянского они выступают как единое целое, не разложимое на составные элементы, 2. корневой вокализм не участвует в количественных и качественных чередованиях, 3. родственные образования прослеживаются в части индоевропейских диалектов. Определение слова как мотивированного или не мотивированного на уровне праславянского, направление родственных связей в значительной части случаев зависит от выбора этимологического решения. Лексемы, унаследованные из индоевропейской эпохи, входят в разные типы изоглосс, которые могут рассматриваться как отражение древних междиалектных связей индоевропейского. В составе диалектизмов этого типа словен. *bâr* 'вид проса' (< *bъrъ), *ozditi* 'сушить', *viš* 'камыш, осока', *smêd* 'смуглый', *drêk* и т. д.

II. Зап.-юслав. лексические диалектизмы с родственными связями на уровне чередований

Зап.-юслав. языковая периферия сохраняет архаичные явления, которые при соответствующем этимологическом осмыслении позволяют, во-первых, расширить состав потенциально родственных славянских образований, во-вторых, полнее определить морфонологическую структуру соотносимых слов на основе количественных и качественных чередований, в-третьих, восстановить недостающие звенья апофонического ряда. С выявлением глубинных этимологических связей появляется возможность объединить в одно гнездо рассеянные по славянским языкам основы, в которых разграничиваются зап.-юслав. диалектизмы 1) с фиксацией ступени *o* и *e* (ср. словен. *dêža* 'кадушка' ~ гот. *daigs*, словен. *hlôd* ~ лит. *sklandà* 'запор, кол в заборе', словен. *pozôj* : *zêjo, *zъjati*, словен. *pretôsek* 'короткий нож' : *tesati, словен. *opôka* : **-pekti* 'печь', словен. *mlêden* 'худой' : **molъ(jъ)* и т. д.), 2) с фиксацией корневого гласного в ступени редукции (ср. словен. *vrvrati* 'бурлить' : *vъrêti, словен. *tfsiti se* 'стараться' < **trъds-*, *slà* 'желание' < **sъld-* : **soldъ(jъ)*, *kfzma* < *krъsno : *krosno и т. д.), 3) с фиксацией долгой ступени в корне (ср. словен. *gnât* 'окорок' : *gnesti, *lâtiti* 'схватить, взять' : *lotiti/*letêti, *vâda* 'вид невода' : *vesti, *voditi), 4) с отражением билатеральных чередований (ср. словен. *dûri* 'затычка' и *dvôrek*, словен. *sûl* 'дым' и лит. *svelti* 'тлеть'). Восстанавливаются по данным зап.-юслав. диалектов этимологические гнезда с полным набором ступеней чередования (ср. гнездо *dumati, *pelti, *peljo* 'провеивать зерно' и др.).

III. Лексико-словообразовательные диалектизмы зап.-юслав. ареала

Исследуемый фрагмент словаря включает разные категории слов, в оформлении которых участвуют разнообразие суффиксально-префиксальные средства. При массовом обследовании материала целесообразно сосредоточить внимание на категории имени и в первую очередь на существительных, обладающих самой богатой и развитой системой суффиксации. Мы отдаем

себе отчет в том, что, следуя в выборе материала ареальному принципу, не можем в итоге получить полного представления о структурных и функциональных особенностях разных типов суффиксального словообразования, действовавших или действующих в интересующем нас ареале. Каждый из суффиксальных типов предстает не во всей полноте своих проявлений, а лишь в той небольшой части, которая отграничивает и выделяет на территории южных славян западную группу диалектов. Материал, полученный путем сопоставительного изучения, классифицируется по суффиксальным формантам *-b-*, *-d-*, *-g/-ž-*, *-x/-š-*, *-j-*, *-k/-c/-č-*, *-l-*, *-ш-*, *-п-*, *-r-*, *-s-*, *-t-*, *-v-*. Рассмотрению, естественно, подлежат не все суффиксы с тем или иным опорным элементом, а те из них, которые находят отражение в нашем материале. Таким образом, мы имеем дело не со специально подобранными лексико-словообразовательными рядами, а с более или менее свободным и неполным объединением разных по своему характеру образований в пределах одной группы с общим суффиксальным формантом. Группы, образуемые тем или иным формантом, не будут абсолютно полными хотя бы потому, что в огромном массиве славянской лексики практически невозможно даже с позиции одного языка, каким в нашем случае является словенский язык, проследить все случаи лексико-словообразовательных схождений и расхождений между славянскими языками. Для решения наших задач важны древние образования, случаи нерегулярного образования, изолированные факты языка, анализ которых невозможен без привлечения этимологии.

Материал, которым мы располагаем, не позволяет нам ограничиться рассмотрением лишь случаев суффиксального словообразования. В словаре присутствует большая группа отглагольных имен, образованных бессуффиксальным способом. Кроме того, представлены префиксальные образования, сложения, словосочетания. Каждому из названных типов словообразования посвящен специальный раздел.

Производные с формантом *-d-*. Формант *d* восстанавливается в структуре словен. *smjéd* 'желтый', *žlj*, назв. растения, *snúdi se* 'сновать', *hlíd* 'холод'. Как производное с суф. *-odъ* от гл. **pelti, pelvq* 'полоть' толкуется словен. *spelude* 'чесотка' и т. д.

Производные с формантом *-g-*, *-ž-*. Этимологически вычленяется суф. *-ga* в словен. *srága* 'капля', *krgati* 'капать'. Среди диалектизмов с формантом *g* присутствуют образования с суф. *-oga* (словен. *matoga*), *-oga* (словен. *maróga, motoróga*) и др.

Производные с формантом *-x-*, *-š-*. В составе зап.-юслав. диалектизмов с этим суф. формантом словен. *pét-eh* 'петух' (< **pētexъ/*pētuxъ*), *koruš* (: *kora*), *črēmha* (< **čerъша*) и др.

Производные с формантом *-j-*. К этой части словаря отнесены древние образования на *-ěja* (словен. *istěje, ostěje* 'устье печи', топ. *Kneja*), производные с суф. *-ja* типа *brója* 'смесь' (: *broditi*), *čřca* 'раскорчеванное место' (: **čersti*), *křqija* 'ловушка' (: **klopqiti*) и т. п.

Производные с формантом *-k-*, *-c-*, *-č-*. По модели отглагольных имен с суф. *-ъкъ* построены словен. *pèlek* 'хосточка' (: **pelti, pelvq* 'полоть'), *opànek* (: **-pèti, pьq*), *třček* 'хоряга, куст' (: **třčati*). К прил. на *-ъкъ(ь)* отнесены словен. *ilka, ilika*, назв. растения (< **elъкъь*), *plúhek* (: **pl'ugati*). В данном фрагменте словаря образования с суф. *-ьсь* (словен. *klánes* 'дорога'), *-okъ* (словен. *óblok*) и т. д.

Производные с формантом *-l-*. На правах расширителя выступает формант *l* в структуре словен. *ščúljek* (~ ср.-в.-нем. *schiel* 'осколок' < **skeu-l-*), *čúlek* (~ лит. *kiaulé* 'свинья' < **keu-l-a*), *sěl* 'зерно' (: **sėti, séj*), *sil*, назв. растения (: лит. *sijóti* 'просеивать') и т. п. В этой части словаря производные

с суф. *-lo/-la* (словен. *prógljo* < *prǫg-lo), *žvála* (< *žьvala), *-l'a* (словен. *krejje* 'ноге' < **krél'a*), *-ěľ, -ěla* (словен. *globěl*), *-zlo/-slo* (слов. *kůzla* 'вид плуга' : *kovati), *-ela* (словен. *dežela* < *držela), *-ьľ* (словен. *páželj* 'коготь' < **razь/*razь*) и т. д.

Производные с формантом *-п-, -m-*. К диалектно ограниченной части словаря отнесены образования с суф. *-na/-n'a* (словен. *stegnà, žíma* 'волосы' ~ лит. *geinis* 'цепь'), *-пъ/-пъ* (словен. *rěsen* < **rěskпъ, stěnj* : *tějati), *-ьпъ(ь)* (словен. *třzen* < **търъзпъ(ь)*, *lazen* 'свободный' < **льзьпъ(ь)*, *přpen* 'свободный' : *práti* 'пороть', *mólqjen* 'глупый' : *мылнити и т. д.

Производные с формантом *-t-*. Функции расширителя основы выполняет элемент *t* в составе *gluta* 'шишка' ~ англос. *clud*, словен. *sprosti* 'распорки в ткац. станке' ~ лит. *spranstas* и т. д. Среди диалектизмов образования с суф. *-tra* (словен. *vitra*), *-tva* (словен. *vítva*), *-(i)to* (словен. *elito*) и т. п.

Бессуффиксальные имена отглагольного происхождения. К именам этого типа с ограниченными диалектными связями отнесены словен. *brjůzga, obáva, škrt, řpna, káp = káp* и т. д.

Рассмотрены некоторые бессуффиксальные отглагольные имена и образования с архаичными префиксами *a-, če-, ka-/ko-, la-, ma-/mo-, q-, pa-/po-, sq-, sь-* (ср. словен. *ábranek, macés, smotláka, kávrnek, pákelj, sqdraga* и т. п.).

Фрагмент, отличительно характеризующий зап.-юслав. диалекты, включает разновременные образования. Одни восходят к балто-славянской эпохе или эпохе диалектного развития индоевропейского языка, другие соответствуют словообразовательным и апофоническим моделям праславянского времени. Основная часть диалектизмов связана с эпохой самостоятельного развития. Трудно поддается хронологической стратификации система суффиксально-префиксальных образований, большое место среди них занимают отглагольные бессуффиксальные имена и производные с суф. *-tь/-tь/-ta, -tva, -eľ/-ela/-ьľ*. Эти способы словообразования получили особую активность в словенском языке и шире — зап.-юслав. диалектах.

Естественно, что рассмотренными в настоящей работе примерами не исчерпывается список лексических диалектизмов словенского языка. Этот список нельзя считать полным не только потому, что поиски диалектно ограниченных явлений в лексике велись с учетом не всех, а лишь некоторых формальных критериев. Остаются неполными и списки диалектизмов, отобранных по тому или иному принципу (словообразовательному, апофоническому). Состав диалектизмов зависит от многих моментов внешнего порядка, в том числе от состояния лексикографии, степени изученности лексического материала и т. п., и не последнее место в этом ряду занимает авторская позиция, проявляющаяся в выборе значимых явлений, понимании этимологических связей.

В заключительном разделе обобщаются результаты словообразовательного-этимологического анализа, сведены воедино, сгруппированы зап.-юслав. диалектизмы по основным направлениям изоглоссных линий: 1. изоглоссы, объединяющие зап.-юслав. со всеми сев.-слав. языками или отдельными языками северного ареала, 2. изоглоссы, общие с вост.-слав. языками, 3. изоглоссы, диффузно распределяющиеся в зап.-слав. ареале, 4. прерывистые изоглоссы, связывающие зап.-юслав. область с лужицкими и лехитскими языками, 5. изоглоссы, общие с диалектами чешско-словацкой группы, 6. изоглоссы, соединяющие зап.-юслав. периферию и отдельные болгаро-македонские диалекты, 7. зап.-юслав. лексемы, занимающие изолированное положение в славянском словаре. В широких, разнонаправленных схождениях с индоевропейскими языками особое место занимают связи с балтий-

скими языками. Выделенный фрагмент словаря предстает как сумма разнонаправленных внешних и внутренних изолексов. Лексические изоглоссы хорошо согласуются с показаниями других языковых уровней – фонетического, морфологического.

Основные выводы работы сводятся к следующему:

1. По изоглоссам, проецируемым в разновременные плоскости, восстанавливается раннее вычленение и длительное самостоятельное развитие диалектов, которые в балканскую эпоху участвовали в формировании двух ю.-слав. диалектных комплексов – западного и восточного.

2. В истории развития праславянского особо выделяется паннонославянский период жизни славян, когда в результате глубокой перестройки лингвоэтнических процессов происходит образование паннонославянской языковой общности, объединяющей диалекты западного и южного типа.

3. По направлениям изоглоссных линий восстанавливаются пути, по которым шло заселение ю.-слав. территории. В работе доказывается, что паннонославяне участвовали в освоении не только западной, но и восточной части Балканского полуострова.

4. Определены состав и структура словенско-восточнославянских изолексов, обоснована их принадлежность к раннепраславянской эпохе. Результаты нашего исследования не подтверждают теории (Ф. Рамовш, Ф. Безлай), согласно которой в формировании ю.-слав. языковой группы принимали участие восточные славяне.

5. В свете языковой ситуации, реконструируемой применительно к паннонославянской эпохе, обосновывается новое понимание генетической природы так называемых моравизмов, представленных в памятниках старославянской общности.

POVZETEK

NAREČNA STRUKTURA PRASLOVANSKEGA JEZIKA V LUČI JUŽNOSLOVANSKE LEKSIKE

Knjiga obravnava vprašanje narečne razčlenjenosti praslovanščine, ki je zelo aktualno v današnjem slovanskem jezikoslovju. Na sodobni razvojni stopnji slavistike odpirajo nove perspektive v raziskovanju tega vprašanja zlasti prizadevanja za rekonstrukcijo praslovanškega leksikalnega fonda v posameznih slovanskih jezikih. Te raziskave so pokazale, da je treba na novo pregledati tradicionalne predstave o tričlenski sestavi praslovanščine in da se je po teh raziskavah izoblikovala tudi nova koncepcija praslovanščine. Slavistična znanost po logiki razvoja vidi prvenstveno nalogo v rekonstrukciji najstarejših narečnih izhodišč za vsako od slovanskih jezikovnih skupin, da bi na tej osnovi lahko izdelala prostorsko-časovno porazdelitev narečij na zemljevidu praslovanščine. Začetek reševanja tega problema vidi znanost v raziskovanju slovanskih jezikovnih skupin in posameznih narečnih sistemov, ki jih sestavljajo. S takšnim pojmovanjem nalog sodobne znanosti je določena tudi izbira predmeta te raziskave, ki ocenjuje narečno strukturo praslovanščine s pozicije enega od južnoslovanskih jezikov – slovenščine in njej sorodnih zahodnih narečij srbohrvaškega jezika. Besedišče ene skupine narečij se preučuje vsestransko po kompleksni metodi, ki združuje morfonološki, besedotvorni, etimološki in jezikovnozemljepisni vidik. Po tem novem pristopu, ki ga predlagamo, se bo dalo odkriti diahrono značilnosti, ki so bistvenega pomena za retrospektivno preučevanje slovenskega jezika in za rekonstrukcijo osnovnih tipov mednarečnih zvez na ravni praslovanščine. Glede zvez med narečji odpira ta pristop nove poglede na odnose slovenščine do jezikov zahodnih in vzhodnih Slovanov.

Opirajoč se na to, kar nam pri rekonstruiranju mednarečnih zvez daje leksika, moramo upoštevati, da sta smer izglose in sama navzočnost ali odsotnost konkretne izolekse odvisni od mnogih zunanjih in notranjih dejavnikov. Npopolnost gradivske osnove, ki jo nudijo leksikografski viri, pomanjkanje dovolj zanesljivih meril za časovno razplastitev gradiva, prepustnost leksikalne ravni, vpliv jezikovne interference, možnost, da beseda izgine v enem arealu, v drugem pa se ohrani – vse to in še marsikaj drugega otežuje razumevanje narave izoleks in delno tudi zožuje možnosti, ki jih sicer ponuja naša raziskovalna metoda. Osnove za to, da bodo ugotovitve, do katerih bomo prišli, objektivne, pa nam vendar daje primerjanje rezultatov, ki jih dobimo pri preučevanju besedišča po metodi izoglos, s podatki z drugih jezikovnih ravnin in njihova razlaga v okviru sistemskih odnosov, kot jih lahko rekonstruiramo za praslovanščino. Slovenščino smo izbrali za glavni predmet naših raziskav zato, ker je v zahodnojužnoslovanskem arealu njen razvoj najbolj stanovit in neprekinjen. V središču naše pozornosti bo tisti del besedišča, ki povezuje slovenščino z zahodnimi narečji srbohrvaškega jezika in ki hkrati ves ta narečni kompleks razločuje od narečij bolgarsko-makedonskega področja. Ko odkrivamo leksiko, ki razločevalno označuje zahodni areal južnoslovanskega ozemlja, puščamo vnemar vprašanja, ki so povezana z razvrstitvijo posebnih slovensko-hrvaškokajkavskih, slovensko-čakavskih in slovensko-zahodnoštokavskih izoglos znotraj tega areala. Za razrešitev zastavljenih lingvoetničnih nalog ni toliko pomembna narečna diferenciacija znotraj severoz-

hodnega areala kot tisto, kar ta narečja med seboj povezuje in kar se najbolj jasno kaže v besedišču. Kot osnova za primerjalno-protistavno preučevanje besednega fonda južnoslovanskih jezikov nam služi leksika slovenskega jezika, nato pa prav s stališča slovenščine ocenjujemo skupne pojave v besedišču zahodnojužnoslovanskih narečij.

Areal, ki smo ga izbrali, seveda ni zaprt prostor. Ker med narečji ni ostrih meja, v vrsti primerov pa zato, ker so narečja razvrščena mozaično, segajo pojava, ki so specifični za zahodni areal južnoslovanskih jezikov, preko njegovih meja, delno tudi na področje štokavskega narečja, pogosto pa se nadaljujejo še v posameznih narečjih bolgarsko-makedonskega področja. Ta okoliščina nas svari, naj ugotovitev raziskave ne formuliramo preveč kategorično, in nas obenem sili, da natančneje določimo sam pojem leksikalni dialektizem zahodnojužnoslovanskega areala. Južnoslovanski jeziki in narečja se med seboj razlikujejo po inventarju, po samem sestavu leksikalnih enot, v vrsti primerov pa teče razloček tudi po drugi črti: v zahodnem arealu je intenzivno razširjena cela vrsta leksemov, medtem ko v vzhodnem najdemo ustreznike istih leksemov na zelo omejenem področju.

Iz povedanega sledi, da termina zahodnojužnoslovanski (dalje: zah.jsl.) in vzhodnojužnoslovanski (dalje: vzh.jsl.) dialektizem, ki ju uporabljamo v razpravi, nista dovolj točna in z jezikovnozemeljepisnega stališča upravičena. Zavedamo se sicer vse zapletenosti narečnih zvez in različnih načinov, kako se le-te izražajo, vendar dajemo prednost navedenim terminom, ker vidimo njihov smisel v tem, da nam nakažejo osnovni areal obravnavanih dialektizmov.

Sam predmet raziskave – leksikalni dialektizmi zah.jsl. areala – se nam ne ponuja kot odprt seznam besed. Do jasne opredelitve predmeta raziskave in njegovih glavnih značilnosti nas je pripeljalo obsežno raziskovalno delo, ki je temeljilo na primerjalno-protistavnem preučevanju leksikalnih enot južnoslovanskih jezikov. Besedišče slovenskega jezika ne obsega samo nekaj sto ali tisoč besed, zato je obdelava tako obsežnega gradiva zelo zapletena naloga in si jo komajda moremo zamisliti, če naj bi zajela celotno gradivo. V središču naše pozornosti bodo zato le najbolj značilni in najbolj bistveni pojavi, ki določajo specifičnost slovenskega jezika. Pri tako obsežnem gradivu se seveda lahko zgodi, da se kakšno dejstvo prezre ali izpusti, vendar to, tudi če se kasneje odkrije, ne more bistveno spremeniti glavne strukturne in arealne karakteristike zah.jsl. dialektizmov. Vsa na novo odkrita dejstva le znova potrjujejo že ugotovljene besedotvorne in arealne odnose, aktualne za obravnavano skupino narečij. Kot je že bilo omenjeno, pa je sam sestav leksikalnih dialektizmov odvisen od številnih vzrokov, med drugim tudi od etimološke razlage besede. Zato je seznam prostorsko omejenih pojavov v besedišču tega ali onega jezika ali narečne skupine vedno odprt.

Strukturalno-genetični pristop, ki upošteva predvsem leksikalno-besedotvorni in prostorski vidik raziskave, določa tako vsebino kot pojmovanje naloge te raziskave. Najbolj splošno vzeto obsega naslednje točke: 1. inventariziranje regionalnih prvin, ki povezujejo slovenski jezik z zahodnimi narečji srbohrvaškega jezika; 2. karakteristiko besedotvorne zgradbe zah.jsl. dialektizmov in ugotovitev zanje najbolj tipičnih besedotvornih modelov; 3. ugotavljanje genetičnih zvez navedenih dialektizmov na osnovi morfonoloških odnosov in na osnovi etimološke analize; 4. pojasnitev starih mednarečnih zvez znotraj slovanskega areala; ugotovitev zvez z indoevropskimi jeziki; 5. rekonstrukcija ozemeljsko-narečnih odnosov v praslavonščini predbalkanskega obdobja s stališča zah.jsl. narečij; 6. določitev glavnih smeri slovanskih migracij na jug na osnovi izoleks.

Naloga, ki smo si jih zastavili, rešujemo s čisto jezikovnimi sredstvi. Zgodovinsko gradivo, zlasti pa pričevanje starih piscev, arheološki in etnografski podatki ipd. niso uporabljeni kot temeljni argument pri raziskavi. Razprava sloni na gradivu apelativne leksike, po potrebi so upoštevani podatki iz hidronimije in topo-

nimije, vendar v zelo omejenem obsegu, v glavnem za zapolnitev vrzeli v obravnavanem delu besedišča.

Osnova za raziskavo je Slovensko-nemški slovar M. Pleteršnika, slovar tezavrškega tipa, splošni slovar, v katerem je zajeto gradivo raznih časov in z različnih področij. Ta glavna podlaga raziskave je razširjena in dopolnjena z gradivom narečnih slovarjev, kolikor so nam bili dostopni. Kot je znano, je za slovenščino značilna velika narečna razdrobljenost, narečne razlike v leksiki pa še niso obdelane; zato obravnavamo kot besedišče slovenskega jezika v celoti besedje, ki je izpričano v raznih časih na ozemlju Slovenije. V skladu z zastavljeno nalogo poteka preučevanje slovenske leksike v dveh smereh: na eni strani primerjanje z ustrežno leksiko zahodnih narečij, na drugi strani pa z leksiko vzh.jsl. narečij. Leksika teh jezikov in jezikov severne slovanske skupine je bila obravnavana v obsegu zgodovinskih in narečnih slovarjev ter slovarjev knjižnega jezika.

Za rešitev v razpravi zastavljenih nalog je najvažnejši najstarejši del zah.jsl. besedišča, leksikalni dialektizmi, ki jih lahko določimo v krogu praslovanske rekonstrukcije. Razpoložljivo gradivo ni enotno po svoji strukturi in s stališča genetičnih in prostorskih povezav. Ugotovitve, ki zadevajo vprašanje prostora, slonijo na primerjalno-protistavnem preučevanju leksike in so neposredno odvisne od pojmovanja oblikoslovne zgradbe besede in od ocene njenih etimoloških zvez. Zaradi tega se zdi upravičeno in smotno, da v raziskavi dajemo prednost etimološkemu in morfemsko-besedotvornemu vidiku. Če odkrijemo genetične odnose, se nam v skladu s sodobnim slovanskim jezikoslovjem zdi aktualno načelo ciljno-leksemnih ustreznic in vzporednic v slovanskih in neslovanskih jezikih. Ciljno določen leksem bo temeljna enota naše raziskave.

S strukturalno-genetičnega stališča se v okviru obravnavanega fragmenta kažejo naslednje skupine.

I. Leksikalni dialektizmi, katerih zgradbe ne motivirajo sistemski odnosi praslovanščine

Za leksikalne enote, ki predstavljajo obravnavani del besedišča, so značilne naslednje lastnosti: 1. osnove teh leksemov se morfološko ne dajo členiti, v praslovanščini nastopajo kot enovita celota, ki je ni mogoče deliti na manjše sestavine, 2. korenski vokalizem ne sodeluje v kolikostnih in kakovostnih premenah, 3. sorodne tvorbe se dajo najti v nekaterih indoevropskih narečjih. Opredelitev besede za motivirano ali nemotivirano na ravni praslovanščine in smer sorodstvenih zvez sta v mnogih primerih odvisni od izbire etimološke rešitve. Leksemi, podedovani iz indoevropskega obdobja, se dajo vključiti v razne tipe izoglos, v katerih lahko vidimo odsev starih mednarečnih zvez indoevropsščine. Med dialektizme te vrste sodijo slovenske besede *bār* 'vrsta prosa' (< *bār̥), *ozditi* 'sušiti', *viš* 'trs, šaš', *smēd* 'rjav, zagorel', *drēk* itd.

II. Zah.jsl. leksikalni dialektizmi s sorodstvenimi zvezami na ravni premen

Zah.jsl. jezikovno obrobje ohranja arhaične pojave, ki nam pri ustreznem etimološkem pojmovanju dovoljujejo: prvič, da razširimo seznam potencialno sorodnih slovanskih tvorb; drugič, da natančneje opredelimo oblikoslovno zgradbo soodnosnih osnov glede na kolikostne in kakovostne premene; in da, tretjič, vzpostavimo manjkajoče člene prevojnega zaporedja. Z odkritjem globinskih etimoloških zvez

se nam ponudi možnost, da združimo v eno gnezdo po slovanskih jezikih razsejane osnove, v katerih so razmejeni zah.jsl. dialektizmi 1. s fiksiranjem stopnje *o* in *e* (prim. slov. *děža* 'čebriček, kadica' ~ got. *daigs*, slov. *hlód* ~ lit. *sklandà* 'zapah, kol v ogradi', slov. *pozòj* : *zějō, *zjati*, slov. *pretōsek* 'vejnik': *tesati, slov. *opōka* : **pek̑ti* 'peči', slov. *mlēden* 'suh' : **modz̑(j̑)* itd.), 2. s fiksacijo korenškega samoglasnika v reducirani stopnji (prim. slov. *vrvráti* 'vreti' : **v̑rēti*, slov. *třsiti se* 'truditi se' < **tȓds-*, *slà* 'želja' < **szld-* : **soldz̑(j̑)*, *křzma* < **kȓsno* : *krosno itd.), 3. s fiksacijo dolge stopnje v korenu (prim. slov. *gnāt* 'gnjat' : *gnesti, *lātiti* 'zgrabiti, vzeti' : *lotiti/*letēti, *vāda* 'vrsta ribiške mreže' : *vesti, *voditi), 4. z odrazom dvostranskih premen (prim. slov. *dūri* 'zamašek, čep' in *dvōrek*, slov. *sūl* 'dim' in lit. *svelti* 'tleti'). S podatki iz zah.jsl. dialektov se vzpostavljajo etimološka gnezda z vsemi premenskimi stopnjami (prim. gnezdo *dumati, *pelti, *peljō* 'vejati žito' idr.).

III. Leksikalno-besedotvorni dialektizmi zah.jsl. areala

Obravnavani del besedišča obsega razne kategorije besed, pri tvorbi katerih sodelujejo različna priponsko-predpomska sredstva. Pri obravnavi tako obsežnega gradiva se zdi smotrno, da glavno pozornost posvetimo kategoriji polnopomenskih besed, zlasti še samostalniki, ki ima najbolj bogat in najbolj razvit sistem sufiksacije. Računati moramo tudi z dejstvom, da zato, ker se pri izbiri gradiva ravnamo po arealnem načelu, na koncu ne moremo dobiti celovite predstave o strukturnih in funkcionalnih posebnostih raznih tipov priponske tvorbe besed, ki so delovali ali pa še delujejo v obravnavanem arealu. Vsak sufiksalni tip se ne kaže v vsej svoji pojavnosti, ampak samo v tistem majhnem delu, ki razmejuje in izloča na ozemlju južnih Slovanov zahodno skupino narečij. Gradivo, dobljeno s protistavnim preučevanjem, razvrščamo po priponskih formantih *-b-*, *-d-*, *-g/-ž-*, *-x/-š-*, *-j-*, *-k/-c/-č-*, *-l-*, *-m-*, *-n-*, *-r-*, *-s-*, *-t-*, *-v-*. Seveda ne preučujemo vseh pripon s tem ali onim opornim elementom, ampak samo tiste med njimi, ki se odražajo v našem gradivu. Tako nimamo opraviti s posebej izbranimi leksikalno-besedotvornimi vrstami, ampak z bolj ali manj svobodnim in nepopolnim združenjem po svojem značaju različnih tvorb znotraj skupine z istim sufiksalskim formantom. Skupine, ki jih tvori ta ali drugi formant, med drugim že zato ne bodo popolne, ker v velikanskem masivu slovanske leksike praktično ni mogoče niti s stališča enega jezika, kot je v našem primeru slovenščina, raziskati vse primere leksikalno-besedotvornih enakosti in različnosti med slovanskimi jeziki. Za našo nalogo so pomembne stare tvorbe, primeri neregularnega tvorjenja, izolirana jezikovna dejstva, katerih razčlemba brez pritegnitve etimologije ni mogoča.

Gradivo, ki ga imamo na voljo, nam ne dovoljuje, da bi se omejili zgolj na primere priponske tvorbe besed. V besedišču je veliko izglagolskih samostalnikov, ki so tvorjeni brez pripon. Poleg tega imamo še predpomske tvorbe, zloženske, besedne zveze. Vsakemu od naštetih tipov tvorbe besed je odmerjen poseben razdelek.

Izpeljanke s formantom *-d-*. Formant *d* je vzpostavljen v strukturi slov. *smlēd* 'rumen', *žūlj* ime rastline, *snūditi se* 'sem ter tja tekati', *hlid* 'hlad'. Kot izpeljanko s pripono *-odz̑* iz glagola *pelti, *peljō* 'plati' razlagajo slov. *spelude* 'garje' itd.

Izpeljanke s formantom *-g-*, *-ž-*. Z etimologijo se da dokazati pripona *-ga* v slov. *srāga* 'kaplja', *křgati* 'kapljati'. Med dialektizmi s formantom *g* so tvorbe s pripono *-oga* (slov. *matoga*), *-ōga* (slov. *marōga*, *motorōga*) idr.

Izpeljanke s formantom *-x-*, *-š-*. Med zah.jsl. dialektizmi s tem priponskim formantom je slov. *pēt-eh* 'petelin' (< **pētex̑*/**pētux̑*), *koruš* (: *kora*), *črēmha* (< **črēm̑ha*) idr.

Izpeljanke s formantom *-j-*. V ta del besedišča sodijo stare besedne tvorbe na *-ěja* (slov. *istěje, ostěje* 'ustje peči', top. *Kneja*), izpeljanke s pripono *-ja* tipa *brója* 'zmes' (: *broditi*), *čřča* 'iztrebljen prostor' (: **čersti*), *klōnja* 'past' (: **klopnō-ti*) ipd.

Izpeljanke s formantom *-k-, -c-, -č-*. Po modelu izglagolskih samostalnikov s pripono *-ъкъ* so narejene slov. *pělek* 'koščica' (: **pelti, pelvō* 'plati'), *opānek* (: **-pěti, pьnō*), *třček* 'grčav štor, grm' (: **třčati*). Med pridevnike na *-ъкъ(ъ)* gredo slov. *ilka, ilika* ime rastline (< **elъkъ(ъ)*), *plúhek* (: **pl'ugati*). V tem delu besedišča so tvorbe s pripono *-ьсѣ* (slov. *klānec* 'cesta'), *-okъ* (slov. *ōblok*) itd.

Izpeljanke s formantom *-l-*. Kot podaljšava nastopa formant *l* v zgradbi slov. *ščūljek* (~ srvnem. *schiel* 'iver' < **skeu-l-*), *čūlek* (~ lit. *kiaulė* 'svinja' < **keu-l-a*), *sěl* 'zrno' (: **sěti, sějō*), *sil* ime rastline (: lit. *sijōti* 'presejavati') itd. V tem delu besedišča so izpeljanke s pripono *-lo/-la* (slov. *próglo* < **prōg-lo*), *žvála* (< **žvāla*), *-l'a* (slov. *krelje* 'noge' < **krél'a*), *-ělъ, -ěla* (slov. *globěl*), *-zlo/-slo* (slov. *kūzla* 'vrsta pluga' : **kovati*), *-ela* (slov. *dežěla* < **dърžela*), *-ьль* slov. *páželj* 'krempelj' < **pazъ/*pazь*) itd.

Izpeljanke s formantom *-n-, -m-*. V narečno omejen del besedišča sodijo tvorbe s prip. *-na/-n'a* (slov. *stegnā, žima* 'žima' ~ lit. *geinis* 'veriga'), *-nъ/-nь* (slov. *rěsen* < **rěsknъ, stěnj* : **tějati*), *-ьнъ(ъ)* (slov. *třzen* < **tърzънъ(ъ)*), *lazen* 'svoboden' < **lъzънъ(ъ)*), *pōren* 'svoboden' : *prāti* 'parati', *móljnjen* 'neumen' : **mьlniti* itd.

Izpeljanke s formantom *-t-*. Osnovo podaljšuje element *t* v slov. *gluta* 'storž' ~ anglos. *clud*, slov. *sprostī* 'prečke v tkalskih statvah' ~ lit. *spranstas* itd. Med dialektizmi so tvorbe s prip. *-tra* (slov. *vītra*), *-tva* (slov. *vītva*), *-(i)to* (slov. *elīto*) ipd.

Brezpriponski samostalniki izglagolskega izvora. Med besede tega tipa z omejenimi narečnimi povezavami spadajo slov. *brjūzga, obāva, škřt, ōpna, kān = kāp* idr.

Pregledani so nekateri brezpriponski izglagolski samostalniki in tvorbe z arhaičnimi predponami *a-, čē-, ka-/ko-, la-, ma-/mo-, q-, pa-/po-, sq-, sz-* (prim. slov. *ābrānek, macēs, smotlāka, kāvrvnek, pákelj, sōdraga* ipd.).

V fragmentu, ki razločevalno označuje zah.jsl. narečja, so tvorbe iz raznih obdobj. Ene izvirajo iz baltoslovanskega obdobja ali obdobja, ko se je indoevropski jezik cepil na narečja, druge pa ustrezajo besedotvornim in prevojnim modelom praslovanske dobe. Glavni del dialektizmov je povezan z obdobjem samostojnega razvoja. Težko je razdeliti na časovne plasti sistem priponsko-predponskih tvorjenk; veliko je med njimi izglagolskih brezpriponskih in izpeljank s prip. *-tъ/-tь/-ta, -tva, -elъ/-ela/-ьль*. Ti načini tvorjenja besed so zelo živi v slov. in sploh v zah.jsl. narečjih.

Razume se, da s primeri, ki smo jih pregledali v tej razpravi, ni izčrpan seznam leksikalnih dialektizmov slovenskega jezika. Ta seznam ne more veljati za zaključenega ne samo zato, ker smo narečno omejene pojave v besedišču iskali ob upoštevanju samo nekaterih oblikovnih meril, ne pa vseh. Nezaključeni ostajajo tudi sezname dialektizmov, izbranih glede na to ali ono načelo (besedotvorno, prevojno). Spisek dialektizmov je odvisen od raznih zunanjih dejavnikov, med drugim od stanja leksikografije, od stopnje preučенosti leksikalnega gradiva ipd., ne nazadnje tudi od avtorjevega stališča, ki se kaže v odbiri pojavov, ki se mu zdijo pomembni, in od njegovega pojmovanja etimoloških zvez.

V sklepnem poglavju so povzete ugotovitve besedotvorno-etimološke analize in združení ter razvrščeni v skupine zah.jsl. dialektizmi po glavnih smereh izoglosnih črt: 1. izoglose, ki združujejo zah.jsl. dialektizme z vsemi sev.sl. jeziki ali s

posameznimi jeziki severnega areala, 2. izoglose, skupne z vzh.sl. jeziki, 3. izoglose, ki so razpršene v zah.sl. arealu, 4. pretrgane izoglose, ki povezujejo zah.jsl. področje z lužiškimi in lehitskimi jeziki, 5. izoglose, skupne z narečji češko-slovaške skupine, 6. izoglose, povezujoče zah.jsl. obrobje in posamična bolgarsko-makedonska narečja, 7. zah.jsl. leksemi, ki imajo izoliran položaj v slovanskem besedišču. Med širokimi, v raznih smereh potekajočimi podobnostmi z indoevropskimi jeziki, zavzemajo posebno mesto zveze z baltskimi jeziki. Izbrani fragment besedišča se nam pokaže kot vsota različno usmerjenih zunanjih in notranjih izoleks. Leksikalne izoglose se dobro ujemajo z izsledki drugih jezikovnih ravnin, kot sta glasoslovna in oblikoslovna.

Glavne sklepe razprave bi se dalo povzeti v naslednje:

1. Po izoglosah, ki so projicirane v raznočasovne ravnine, se da sta vzpostaviti zgodnja izločitev in dolgotrajen samostojni razvoj narečij, ki so v balkanskem obdobju sodelovala pri oblikovanju dveh južnoslovanskih narečnih kompleksov – zahodnega in vzhodnega.

2. V zgodovini razvoja praslavanščine se jasno kaže panonskoslovansko obdobje v življenju Slovanov, ko se je zaradi globoke presnove lingvoetničnih procesov izoblikovala panonskoslovanska jezikovna skupnost, povezujoča narečja zahodnega in južnega tipa.

3. Po smereh izoglosnih črt se dajo rekonstruirati poti, po katerih je potekalo poseljevanje južnoslovanskega ozemlja. Razprava dokazuje, da panonski Slovani niso sodelovali samo pri osvajanju zahodnega, ampak tudi vzhodnega dela Balkanskega polotoka.

4. Ugotovljena sta sestav in zgradba slovensko-vzhodnoslovanskih izoleks; dokazano je, da oboje sodi v zgodnjepraslavansko obdobje. Ugotovitve naše raziskave ne potrjujejo teorije (F. Ramovš, F. Bezlaj), po kateri naj bi pri oblikovanju južnoslovanske jezikovne skupine sodelovali vzhodni Slovani.

5. V luči jezikovne situacije, kot smo jo rekonstruirali za panonsko obdobje, je utemeljeno novo pojmovanje genetične narave tako imenovanih moravizmov, ki jih najdemo v spomenikih, izvirajočih iz starocerkvenoslovanske skupnosti.

Prevedel Jože Sever

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БД	Българска диалектология, кн. I–X. С., 1962–1981
БЕ	Български език. София
Белич	<i>Белич А.</i> По чакавским говорам. СПб., 1910
БЕР	Български етимологичен речник. Съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. I–III. С., 1971–1986
Бернштейн 1965	<i>Бернштейн С. Б.</i> К изучению польско-южнославянских языковых связей. – SFPS V, 1965
Бодуэн де Куртенэ	<i>Бодуэн де Куртенэ И. А.</i> Резьяне. Словарный материал. Архив АН СССР. ф. 102, оп. I, №№ 8–9
Бодуэн. Материалы	<i>Бодуэн де Куртенэ И. А.</i> Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. I. Резьянские тексты собран в 1872, 1873 и 1877 гг. СПб., 1895; II. Образцы языка на говорах терских славян в северо-восточной Италии. СПб., 1904
Бодуэн де Куртенэ. Терские славяне	<i>Бодуэн де Куртенэ И. А.</i> Терские славяне в северной Италии. 1873. Словарный материал. – Архив АН СССР. ф. 102, оп. I, № 11
Бошковић	<i>Бошковић Р.</i> Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници // ЈФ XV, 1936.
Варбот 1969	<i>Варбот Ж. Ж.</i> Древнерусское именное словообразование. М., 1969
Варбот 1984	<i>Варбот Ж. Ж.</i> Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984
Влајинац	<i>Влајинац М.</i> Речник наших старих мера у току века. Београд, 1961
ВСЯ	Вопросы славянского языкознания. Москва
Вук	<i>Карацић В.</i> Српски рјечник. 3 изд. Београд, 1898
ВЯ	Вопросы языкознания
Герасимов	<i>Герасимов М. К.</i> Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС, т. 87, кн. 3. СПб., 1910
Геров	<i>Геров Н.</i> Речник на българския език, ч. 1–6. С., 1975–1978. Репродукция издания: Пловдив, 1895–1904, 1908

- Г-ри Прибалтики *Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Под ред. Семеновской М. Ф. Рига, 1963
- Гринченко *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка, т. I–IV. Киев, 1907–1909
- Даль² *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. I–IV. М., РИС 1956
- Даль³ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене, I–IV. СПб. – М., 1903–1909
- Деулин. словарь *Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссоветакого. М., 1969*
- Добровольский *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914
- Дыбо 1990 *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990
- Елезовић *Елезовић Гл.* Речник косовско-метохиског дијалекта, т. I–II. Београд, 1932, 1935
- ЖСт *Живая Старина. СПб.*
- Запрудскі 1986 *Запрудскі С. М.* Да пытання аб паўднёваславянска-ўсходнеславянскіх лексічных сувязях (сербскахарвацка-беларускі аспект) // Беларуская лінгвістыка. Вып. 29. Мінск, 1986, 24–31
- Запрудскі 1989 *Запрудскі С. М.* З сербскахарвацка-беларускіх лексічных паралелей // Беларуская лінгвістыка. Вып. 36. Мінск 1989, 54–59
- Иванов 1982 *Иванов В. В.* Диалектное членение славянской языковой общности и единство древнего славянского языкового мира (в связи с проблемой этнического самосознания) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982
- Иванчев *Иванчев Св.* Български и праславянски // Славянска филология XVIII. Езикознание. С., 1983
- Ивић 1958 *Ивић П.* Значај лингвистичке географије за упоредно и историско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима // ЈФ XXII, 1–4, 1957/58
- Иркут. словарь *Иркутский областной словарь, вып. I–III. Иркутск, 1973–1979*
- ИИБЕз *Известия на Института за български език. С., 1952–*
- ЈФ *Јужнословенски филолог. Београд*
- Карпатская диалектология *Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972*

- Каспяровіч *Каспяровіч М.* Віцебскі краёвы слоўнік (матэрыялы). Пад рэд. М. Я. Байкова й праф. Эпімаха-Шыпілы. Віцебск, 1927
- Козлова 1982 *Козлова Р. М.* Беларуска-паўднёваславянскія ізолексы праславянскага паходжання // Беларуская лінгвістыка. Вып. 21. Мінск, 1982
- Коларска терм. *Вуковіћ Г., Бошьяковіћ Ж., Недељков ЈБ.* Војвођанска коларска терминологија. Нови Сад, 1984
- Куликовский *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898
- Лексика Полесья *Лексика Полесья.* Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968
- Львов *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966
- МЈ *Македонски јазик.* Скопје
- Мартынов 1973 *Мартынов В. В.* Праславянская и балтославянская суффиксальная деривация имен. VII Международный съезд славистов. Доклады. Минск, 1973
- Мартынов 1978 *Мартынов В. В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия. Минск, 1978
- Марусенко *Марусенко Г. А.* Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье. М., 1968
- Мейе *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951
- Мельниченко *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей. Ярославль, 1961
- Младенов *Младенов Ст.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. С., 1941
- МПр *Македонски преглед.* С., 1924–1943
- Народнае слова *Народнае слова.* Пад рэд. Баханькова А. Я. Мінск, 1976
- Новосиб. словарь *Словарь русских говоров Новосибирской области.* Новосибирск, 1979
- Носович *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870
- Опыт *Опыт областного великорусского словаря.* СПб., 1852
- Подвысоцкий *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885
- Попович *Попович И.* Южнославянские лексические этюды // Славянское языкознание. М., 1962
- Преображенский *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка, т. I–II. М., 1910–1914; вып. последний (*тело-яшур*) // Труды Ин-та русского языка, т. I. М.–Л., 1949
- Прспект *Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд).* Прспект. Пробные статьи. М., 1963

- РСА Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. I–XIII–. Београд, 1959–1988–
- СБНУ Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София
- СЕзб Српски етнографски зборник. Београд
- Словарь донских говоров I–III Словарь русских донских говоров. Т. I–III. Ростов-на-Дону, 1975–1976
- Сл(оварь) Сред. Урала Словарь русских говоров Среднего Урала, т. I–VIII–. Свердловск, 1964–1988–
- СлРЯ XI–XVII вв. Словарь русского языка XI–XVII вв. Гл. ред. С. Г. Бархударов (1–6), Ф. П. Филин (7–10), Д. Н. Шмелев (11). Т. 1–17–. М., 1975–1991–
- Соликам. словарь Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Составитель – Беляева О. П. Под ред. Голушковой Е. А. Пермь, 1973
- Срезневский *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I–III. М., 1958. Репродукция издания: СПб., 1893–1903
- СРНГ Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 1–20–. Л., 1965–1985–
- Суботић – Прилози 8 *Суботић Ј.* Називи за стоку, опрему и сточарске производе у говору Кривошија // Прилози проучавању језика, 8. Нови Сад, 1982
- Толстой *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. М. 1969
- Толстой 1974 *Толстой Н. И.* Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974
- Толстой 1977 *Толстой Н. И.* О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977
- Толстой² *Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 2-е. М., 1958
- Топоров. Прус. яз. *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь: А–D, Е–Н, J–K, K–L–. М., 1975–1984–
- Трубачев 1959 *Трубачев О. Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования // ВЯ № 1, 1959
- Трубачев 1963¹ *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963
- Трубачев 1963² *Трубачев О. Н.* О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963
- Трубачев 1974 *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграций славян // ВЯ № 6, 1974

- Трубачев 1982 *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // ВЯ № 4, 1982
- Трубачев.
Рем(есл.) терм. *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966
- Фасмер *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973
- Цейтлин *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. М., 1977
- Цейтлин 1954 *Цейтлин Р. М.* К вопросу о значениях приименной приставки *ла-* в славянских языках // Уч. записки Института славяноведения АН СССР, т. IX. М., 1954
- Цейтлин 1957 *Цейтлин Р. М.* Материалы для определения значений приименной приставки *со-* в славянских языках // Уч. записки Института славяноведения АН СССР, т. XVII. М., 1957
- Цонев *Цонев Б.* История на българския език. А. Обща част. Т. I. С., 1940
- Цыхун *Цыхун Г. А.* Беларуска-паўднёваславянскія лексічныя сувязі. Некаторыя праблемы і вынікі // Беларуская лінгвістыка № 5, 1974
- Шаталова *Шаталова Л. Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975
- Штибер *Штибер З.* О древних словенско-западнославянских языковых связях // Русское и славянское языкознание. М., 1972
- ЭСБМ *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, т. 1–6–. Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1978–1990–*
- ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–18–. М., 1974–1992–*
- Яшкін *Яшкін І.* Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971
- AfslPh *Archiv für slavische Philologie. Berlin – Leipzig*
- AJPh *The American Journal of Philology. Baltimore, 1880–*
- Badjura *Badjura R.* Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953
- Bajec *Bajec A.* Besedotvorje slovenskega jezika I. Izpeljava samostalnikov. Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Dela 1. Ljubljana, 1950
- Bajec IV *Bajec A.* Besedotvorje slovenskega jezika IV. Predlogi in predpone. Ljubljana, 1959
- Barle *Barle J.* Iz narodne zakladnice. Letopis Matice Slovenske. Ljubljana, 1893
- BB *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen (Bezenbergers Beiträge). Göttingen, 1877–1906*

- Bartoš. (Slov.) *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906 (Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6)
- Belić. *Belić A.* Čakavski dijalekt // Stanojević St. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka I. Zagreb, 1925
- Nar. enc. I
- Belić. *Belić A.* Kajkavski dijalekt // Stanojević St. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka II. Zagreb, 1927
- Nar. enc. II
- Berneker *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I–II/1: A–morz. Heidelberg, 1908–1913
- Bezljaj I, II *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga A–J. Ljubljana, 1976. Druga knjiga K–O. Ljubljana, 1982
- Bezljaj 1966/68 *Bezljaj F.* Einige slovenische und baltische lexische Parallelen // *Linguistica* VIII/1, Ljubljana, 1966–1968
- Bezljaj. Eseji *Bezljaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967
- Bezljaj. *Bezljaj F.* Etyma slovenica // Razprave – Dissertationes VII/4. Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Ljubljana, 1970
- Etyma slov(enica)
- Bezljaj. Slov. *Bezljaj F.* Slovenska vodna imena, I–II. Ljubljana, 1956–1961
- v. imena I, II
- Bezljaj – *Bezljaj F.* Krčevine // SR VIII, 1–2, 1955
- SR VIII
- Bezljaj – *Bezljaj F.* Stratigrafija Slovanov v luči onomastike // SR XI, 1–2, 1958
- SR XI
- Bezljaj – *Bezljaj F.* Etimološki doneski. I. Slov. *abranek* 'leskov cvet' in sorodno // SR XI, 3–4, 1958, 169–172
- SR XI, 3–4
- Bezljaj. Zajednička *Bezljaj F.* Zajednička problematika južnoslavenske leksike. XXIV Seminar za strane slaviste. Predavanja. Sarajevo, 1974
- problematika
- Birnbaum *Birnbaum H.* The Dialects of Common Slavic // Ancient Indo-European Dialects. Proceedings of the Conference on Indo-European Linguistics held at the University of California. Los Angeles. April 25–27, 1963. Berkeley and Los Angeles, 1966
- Borys 1969 *Borys W.* Budowa słowotwórcza rzeczowników w tekstach czakawskich XV i XVI w. Wrocław etc., 1969
- Borys 1975 *Borys W.* Prefiksacja imienna w językach słowiańskich. Polska Akademia Nauk, Komitet Słowianoznawstwa 32. Monografie slawistyczne. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1975
- Borys 1980 *Borys W.* Problematyka prasłowiańskich dialektizmów leksykalnych. Izoleksy południowosłowiańskie i zachodnio-południowosłowiańskie // Etnogeneza i topogeneza Słowian. Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej przez Komisję Slawistyczną przy Oddziale PAN w Poznaniu w dniach 8–9 XII 1978. Warszawa – Poznań, 1980
- Borys 1984/85 *Borys W.* Čakavski semantički arhaizam *lukno* 'iznemoglost, slabost' // 36. Матице српске за филологију и лингвистику, XXVII–XXVIII. Посвећено академицима М. Ивић и П. Ивићу поводом 60-годишњице живота. Нови Сад, 1984–1985

- Borys – HDZ VI *Borys W.* Prilozi proučavanju ostataka arhaičnog slavenskog (praslavenskog) leksika u kajkavštini // HDZ VI, 1982
- Borys – JP XLVI *Borys W.* Uwagi o kilku rzadszych wyrazach polskich. 3. *moždžen* // JP XLVI, 1966
- Borys – SFPS XII *Borys W.* Ze studiów nad czakawsko-słoweńskimi związkami leksykalnymi // SFPS XII, 1972
- Bratanić *Bratanić Br.* Uz problem doseljenja južnih Slavena. Nekoliko etnografsko-leksičkih činjenica // Sveučilište u Zagrebu. Filozofski fakultet. Zbornik radova. Zagreb, 1951
- Brozović *Brozović D.* About the characteristics of the dialectal isoglosses in the south-slavic language territory // *Studia linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata.* Ed. by H. Birnbaum, L'. Đurović, G. Jacobsson, N. Å. Nilsson, A. Sjöberg, D. S. Worth. Lisse, 1978
- Brückner *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927
- BSL Bulletin de la Société de linguistique. Paris
- Buffa. Dlhá Lúka *Buffa F.* Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953
- Cossutta *Cossutta R.* Slovenski dialektološki leksikalni atlas Tržaške pokrajine. Trst, 1987
- Czenar G. *Czenar G.* Bäuerliche Geräte und Techniken in der kroatischen Mundart von Nebersdorf/Suševo in Burgenland. Unter Mitwirkung von G. Neweklowsky (= Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft, slawistische Reihe 4). Klagenfurt, 1981
- Čakavian studies *Steinhauser H.* Čakavian studies. Mouton. The Hague – Paris, 1973 (Slavistic printings and reprintings edited by C. H. von Schooneveld. Indiana University)
- Erjavec – LMS 1875 *Erjavec Fr.* Iz potne torbe // LMS 1875
- Fancev *Fancev F.* Beiträge zur serbokroatischen Dialektologie. Der kaj-Dialekt von Virje, mit Berücksichtigung der Dialekte Podravina's (Koprivnica – Pitomača) // *AfslPh XXIX*, H. 1–4
- Finka–Katičić *Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik.* Ur. *Finka B., Katičić R.* Zagreb – Eisenstadt, 1991
- Fraenkel *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955–1965
- Frančić *Frančić V.* Budowa słowotwórcza serbskochorwackich kolektywów. Kraków, 1961
- Furdal *Furdal A.* Rozpad języka praskłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego. Wrocław, 1961
- Gavazzi *Gavazzi M.* Problem karakterističnoga razmeštaja nekih etnografskih elemenata na Balkanu. // *Comptes rendus du IVe Congrès des géographes et des ethnographes slaves.* Sofia, 1936
- Gavazzi 1960 *Gavazzi M.* Zapadno-panonski slavenski pojas u davnini (Prolegomena) // *Etnografia Polska III.* Wrocław, 1960

- Gebauer *Gebauer J.* Slovník staročeský, d. I–II. Druhé vyd. Praha, 1970
- Govor podunavskih Hrvata *Brabec J.* Govor podunavskih Hrvata u Austriji // HDZ II, 1966
- Gregor *Gregor A.* Slovník nářečí slavkovsko-bučovického // Spisy university v Brně. Filosofická fakulta. Číslo 59. Praha – Brno, 1959
- Gutsmann *Deutsch-windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschten windischen Stammwörter und einiger vorzüglichern abstammenden Wörter. Verfasset von O. Gutsmann, Weltpriester. Klagenfurt, 1789*
- Hadrovics *Hadrovics L.* Schrifttum und Sprache der Burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert. Budapest, 1974
- Hamm *Hamm J.* Zur Periodisierung der südslavischen Sprachen // WslJb IX, 1962
- HDZ *Hrvatski dijalektološki zbornik, knj. I–. Zagreb, 1956–*
- Herman *Herman J.* Prilog poznavanju leksičkoga blaga u govoru Virja (Podravina) // Filologija 7. Zagreb, 1963
- Hošek. Českomorav. *Hošek J.* Nářečí českomoravské. Praha. D. I – 1900, D. II – 1905 (= Rozpravy České Akademie pro vědy, slovesnost a umění, třída III, ročn. 8, číslo 1, ročn. 9, číslo 21, 22)
- Hr.–Šim. *Čakavisch-deutsches Lexikon. Von M. Hraste und P. Šimunović. Unter Mitarbeit und Redaktion R. Olesch. Bd. I. Köln – Wien, 1979*
- Hraste – Zb. Marulića *Hraste M.* Crtica o Marulićevoj čakavštini // Zbornik Marka Marulića. 1450–1950. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, knj. 4. Zagreb, 1956
- Hruška *Hruška J. F.* Dialektický slovník chodský. Praha, 1907 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 7)
- Hrv. kajk. pisci *Hrvatski kajkavski pisci. I: Druga polovina 16. stoljeća. II: 17. stoljeće. Zagreb, 1977*
- IF *Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft. Straßburg – Berlin*
- Ivek.–Broz *Iveković F., Broz J.* Rječnik hrvatskoga jezika, I–II. Zagreb, 1901
- Ivić *Ivić P.* Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung. 's-Gravenhage, 1958
- Jagić 1900 *Jagić V.* Einige Streitfragen // AfslPh XX, 1, 1898; XXII, 1,
- Jardas. Kastav(ština) *Jardas J.* Kastavština // Zb. za narodni život i običaje južnih Slavena, t. 39. Zagreb, 1957
- Jarnik *Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich. Nach verlässlichen Quellen bearbeitet von U. Jarnik. Klagenfurt, 1832*
- Jedvaj. Bednja *Jedvaj J.* Bednjanski govor // HDZ I, 1956

JiS	Jezik in slovstvo. Ljubljana, 1955-
JP	Język polski. Kraków
Jungmann	<i>Jungmann J.</i> Slovník česko-německý. D. I-V. Praha, 1835-1839
Jurančič. Panon.	<i>Jurančič J.</i> O leksiki v panonskih govorih // Panonski zbornik. Murska Sobota, 1966
Jurišić	<i>Jurišić B.</i> Rječnik govora otoka Vrgade. II dio. Rječnik. Zagreb, 1973
Kálal	<i>Kálal M.</i> Slovenský slovník z literatury aj nářečí. Banská Bystrica, 1924
Karničar	<i>Karničar L.</i> Der Obir-Dialekt in Kärnten. Die Mundart von Ebriach/Obirsko. Wien, 1990
Kelemina - Glasnik XIV	<i>Kelemina J.</i> Pravne starine slovenske v filološki luči // Glasnik muzejskega društva XIV, 1933
Kniezsa 1948	<i>Kniezsa J.</i> Zur Geschichte der Jugoslavismen im Mittelslowakischen // Études slaves et roumaines. Vol. I, f. 3, 1948
Koníř	<i>Koníř A.</i> Příspěvek k dialektickému slovníku moravskému // Мѣща. Sborník vydaný na paměť čtyřicítiletého učitelského působení prof. Josefa Zubatého na Universitě Karlově 1885-1925. Praha, 1926
Kopečný	<i>Kopečný F.</i> K otázce klasifikace slovanských jazyků // Slavia (Praha) XIX, 1949
Kopitar	<i>Kopitar B.</i> Glagolita Clozianus. Vindobonae, 1836
Koschat	<i>Koschat H.</i> Die čakavische Mundart von Baumgarten im Burgenland. Wien, 1978 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung XXIV/2)
Kosor - Filologija 9	<i>Kosor K.</i> Pogled u leksičko blago Grabovčeva »Cvita« // Filologija 9. Zagreb, 1979
Kott	<i>Kott F.</i> Česko-německý slovník. D. I-VII. Praha, 1878-1893
Kott. Dod. k Bart.	<i>Kott F.</i> Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému // Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 8. Praha, 1910
Krajčovič	<i>Krajčovič R.</i> Pôvod a vývin slovenského jazyka. Bratislava, 1981
Kranzmayer	<i>Kranzmayer E.</i> Ortsnamenbuch von Kärnten I-II. Klagenfurt, 1956-1958
Kristianovich	<i>Kristianovich J.</i> Grammatik der kroatischen Mundart. Agram, 1837
KRj	Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. Knjiga 1-2: a-mučitelica-. Zagreb, 1984-1991-
Kronsteiner - WslJb XXI	<i>Kronsteiner O.</i> Die Toponymie des Resia-Tales // WslJb XXI, 1975

- Kumer *Kumer Z.* Od Dolan do Šmohora. Iz življenja Ziljanov po pripovedovanju domačinov. Celje, 1981
- Lamprecht 1983 *Lamprecht A.* Praslovanská geneza slovenštiny // Československá slavistica 1983
- Lamprecht *Lamprecht A.* Slovník středoopavského nářečí. Ostrava, 1963 (= Publikace Slezského ústavu ČSAV v Opavě, sv. 48)
- Lehr-Spławiński 1946 *Lehr-Spławiński T.* Słowianie południowi (z cyklu: Początki Słowian). Kraków, 1946
- Leksika ribarstva *Mihajlović V., Vuković G.* Srpskohrvatska leksika ribarstva. Novi Sad, 1977
- LjZv Ljubljanski zvon
- LP Lingua Posnaniensis. Poznań
- LS Lud Słowiański I–IV. Kraków, 1929–1938
- Machek¹ *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957
- Machek² *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1971
- Magdić – LjZv XII *Magdić Fr.* Slovarski paberki // LjZv XII, 1892
- Maštrović *Maštrović Lj.* Rječničko blago ninskoga govora // Radovi Instituta Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Zadru. S. III. Zagreb, 1957
- Matejčík. Novohrad. *Matejčík J.* Lexika Novohradu. Vecný slovník. Banská Bystrica, 1975
- Matejčík. Východonovohrad. *Matejčík J.* Slovník východonovohradského nářečia. Banská Bystrica, 1972
- Matić – Rad 315 *Matić T.* Lexicalia iz starih hrvatskih pisaca // Rad JAZU, knj. 315. Zagreb, 1957
- Maž. I, II *Mažuranić V.* Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik, I–II. Zagreb, 1908–1922. Pretisak: Zagreb, 1975
- Meyer – AfslPh XL *Meyer K.* Beiträge zum čakavischen // AfslPh XL, 1926
- Mikl. *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886
- Mikl. LP *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865
- Miklosich. Über Steigerung *Miklosich F.* Über die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slavischen Sprachen. Wien, 1878
- Mikl. VGr. II *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. II. Stammbildungslehre. Heidelberg, 1926. Переподукция издания: Wien, 1875
- Milčetić – Rad CXXI *Milčetić J.* Čakavština Kvarnerskih otoka // Rad JAZU CXXI. Zagreb, 1895
- Milewski *Milewski T.* Archaizmy peryferyczne obszaru prasłowiańskiego // Sprawozdania z posiedzeń komisji PAN. Oddział w Krakowie. Styczeń–czerwiec 1965. Kraków, 1966

- Moguš. Senj *Moguš M.* Današnji senjski govor // Senjski zbornik. Godina II. Gradski muzej. Senj, 1966
- Moszyński *Moszyński L.* Najstarsze zróżnicowanie dialektyczne prasko-wiańszczyzny // *Slavia Orientalis*. Roczn. XXIX, 1-2, 1980, 195-200
- MSL *Mémoires de la Société de linguistique*. Paris
- Mühlen.-Endz. *Mühlenbach K.* Lettisch-deutsches Wörterbuch. Red. von *J. Endzelin*, H. I-XLII. Riga, 1923-1931
- Muka I, II *Muka E.* Słownik dolnosербске récy a jeje narěcow, I, Пєрєбѣпр, 1921; II, Praha, 1928
- Nalepa *Nalepa J.* Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Podstawy jedności i jej rozpad. Poznań, 1968
- Narodopisje Slovencev I *Narodopisje Slovencev*. Priredil dr. R. Ložar. I. del. Ljubljana, 1944
- Newekłowsky *Newekłowsky G.* Die kroatischen Dialekte des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiete. Wien, 1978 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Schriften der Balkankommission, Linguistische Abteilung XXV)
- Novak *Novak F.* Slovar beltinskega prekmurskega govora. Murska Sobota, 1985
- Novak – Etnolog XV *Novak V.* Ovčarstvo pod Stolom in v Planici // *Etnolog* XV, 1942
- Novak – Etnolog XVII *Novak V.* Pridelovanje lanu v slovenski Krajini // *Etnolog* XVII, 1944
- Orel B. Ralo na Slovenskem *Orel B.* Ralo na Slovenskem // *Slovenski etnograf* XIV, 1961
- Orlovský *Orlovský J.* Gemerský nářečový slovník. Martin, 1982
- Orzechowska *Orzechowska H.* Orzeczeniowe formacje odsłowne w językach południowosłowiańskich. Wrocław etc., 1966
- Palkovič *Palkovič K.* Z vecného slovníka Slovákov v Maďarsku // *Jazykovedné štúdie*. II. Dialektológia. Bratislava, 1957
- Petrov-Slodnjak *Petrov-Slodnjak M.* Zum Stellenwert der slowenisch-bulgarischen Sprachparallelen // *Die slawischen Sprachen*. Bd. 2. Salzburg, 1982, 101-120
- Pfuhl *Pfuhl K. B.* Lužiski serbski slovník. Budyšin, 1866
- Pintar I, II *Pintar L.* Slovanski in besedoslovni paberki // *Letopis Slovenske Matice*, Ljubljana, I – 1895, II – 1898
- Plet. *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar, I-II. Ljubljana, 1894-1895
- Pokorny *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949-1959
- Popović *Popović I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960
- Popović 1957 *Popović J.* Dalmatinski i istarski elementi u rečniku istarskih štokavskih govora // *Riječka revija* VI, 3, 1957

- Popović 1961 *Popović J.* Quel était le peuple pannonien qui parlait μέδος et *strava* // 36. радова Византолошког института, књ. 7. Београд, 1961
- Popović – WdS VII *Popović J.* Die Berührungen des Südslavischen und des Nordslavischen in Noricum, in Pannonien und in Dazien // WdS VII, 1–2, 1962
- Popowska-Taborska 1987 *Popowska-Taborska H.* Szkice z kaszubszczyzny. Dzieje. Zabytki. Słownictwo. 1987
- Popowska-Taborska 1991 *Popowska-Taborska H.* Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Wrocław etc., 1991
- PSJČ Příruční slovník jazyka českého. D. I–IX. Praha, 1935–1957
- Rad 103: Trpań *Milaš M.* Današnji trpański dijalekat // Rad JAZU, knj. 103. Zagreb, 1891
- Rad 303: Jurin *Kosor M.* Zaboravljeni trojezični rječnici Josipa Jurina // Rad JAZU, knj. 303. Zagreb, 1955
- Ramovš 1932 *Ramovš F.* Über die Stellung des Slovenischen im Kreise der slavischen Sprachen // Annales Academiae scientiarum fennicae. Seria B. T. XXVII. Helsinki, 1932
- Ramovš. HGr. *Ramovš F.* Historična gramatika slovenskega jezika, II: Konzonantizem. Ljubljana, 1924; VII: Dialekti. Ljubljana, 1935
- Ramovš. Morfologija *Ramovš F.* Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana, 1952
- Ramovš. Nar. enc. IV *Ramovš F.* Slovenački jezik // St. Stanojević. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka IV. Zagreb, 1929
- Rasprave 1968 *Rasprave Instituta za jezik JAZU.* Zagreb, 1968
- RES Revue des Études slaves. Paris
- Rigler *Rigler J.* Južnotranjski govori. Akcent in glasoslovje govorov med Snežnikom in Slavnikom. Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Dela 13. Ljubljana, 1963
- Ripka *Ripka J.* Vecný slovník dolnotrenčianskych nářečí. Bratislava, 1981
- RJA *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I–XXIII.* Zagreb, 1880–1976
- Rječnik hrv.-srp. jez. *Rječnik hrvatsko-srpskoga književnog jezika, I–II.* Zagreb – Novi Sad, 1967
- Rož. *Šašel J.* Rožanski narečni besednjak. Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Ljubljana. Ручопись № 1124205
- Rožić – Rad 115 *Rožić V.* Kajkavački dijalekat u Prigorju // Rad JAZU, knj. 115. Zagreb, 1893
- Rožić – Rad 145, 146 *Rožić V.* Kajkavački dijalekat u Prigorju // Rad JAZU, knj. 145. Zagreb, 1893; knj. 146. Zagreb, 1893
- RS *Rocznik slawistyczny.* Wrocław – Kraków – Warszawa

- Schuster-Šewc 1977 *Schuster-Šewc H.* Zur Bedeutung des Sorbischen und Slowenischen für die slawische historisch-vergleichende Sprachforschung // Nahtigalov zbornik. Ljubljana, 1977
- Schütz *Schütz J.* Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957
- Sekereš – HDZ II *Sekereš St.* Govor našičkog kraja // HDZ II, 1966
- SFPS *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej.* Warszawa
- SJS *Slovník jazyka staroslověnského, I–.* Československá akademie věd. Praha, 1959–
- Skok *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I–IV. Zagreb, 1971–1974
- Skok – AfslPh XXXIII *Skok P.* Mundartliches aus Žumberak (Sichelburg) // AfslPh XXXIII, 1912
- Skok – Rad 272 *Skok P.* Leksikologijske studije // Rad JAZU, knj. 272. Zagreb, 1948
- Sławski *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V–. Kraków, 1952–1982–
- Sławski 1963 *Sławski F.* Związki słownikowe czakawsko-słoweńskie // Sprawozdania z prac naukowych wydziału nauk społecznych V (27), 1963
- Sławski. Zarys 1, 2, 3 *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. 1, 2, 3. Wrocław etc., 1974, 1976, 1979
- Slovarski doneski *Slovarski doneski iz brežiškega okraja. Nabral na Sromljah D. A.* // Časopis za zgodovino in narodopisje XI. Maribor, 1914
- Slovar sloven. jezika *Slovar slovenskega knjižnega jezika, I–V.* Ljubljana, 1970–1991
- Slovenski etnograf XII *Jagodic-Makarović M.* Zibelka na Slovenskem // Slovenski etnograf XII, 1959
- Slovenský narodopis № 3–4 *Polák J.* Nomenklatura pluhu na území slovenského etnika // Slovenský narodopis, č. 3–4. Bratislava, 1957
- Slov. pravopis *Slovenski pravopis.* Ljubljana, 1962
- Sł. prasł. *Słownik prasłowiański. Pod redakcją F. Sławskiego.* T. 1–6–. Wrocław etc., 1974–1991–
- Smoczyński – SFPS XI *Smoczyński W.* Paralele leksykalne słoweńsko-zachodniosłowiańskie // SFPS XI. Warszawa, 1972
- SOc *Slavia Occidentalis.* Poznań
- SR *Slavistična revija.* Ljubljana, 1948–
- SSJ *Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej akademie vied. Vedecký redaktor dr. Št. Peciar. D. I–VI.* Bratislava, 1959–1968
- Stanislav 1956 *Stanislav J.* Über die Stellung des Slowakischen innerhalb der slawischen Sprachen // ZfSl, Bd. 1, H. 2, 1956

- Stanislav. Dejiny *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka I. Úvod a hlaskoslovie. Tretie, doplnené vydanie. Bratislava, 1967
- Strohal – Rad 124 *Strohal R.* Osobine današnjega riječkoga narječja // Rad JAZU, knj. 124. Zagreb, 1895
- Strohal – Rad 146 *Strohal R.* Jezične osobine u kotaru karlovačkom // Rad JAZU, knj. 146. Zagreb, 1901
- Strohal – Rad 152 *Strohal R.* Osobine današnjega lokvarškoga narječja // Rad JAZU, knj. 152. Zagreb, 1903
- Strohal – Rad 153 *Strohal R.* Osobine današnjega delničkoga narječja // Rad JAZU, knj. 153. Zagreb, 1903
- Strohal – Rad 162 *Strohal R.* Osobine današnjega ravnogorskoga narječja // Rad JAZU, knj. 162. Zagreb, 1905
- Strohal – Rad 196 *Strohal R.* Današnje narječje u Brodu na Kupi // Rad JAZU, knj. 196. Zagreb, 1913, 53–85
- Sychta *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I–VII. Wrocław etc., 1967–1976
- Šašel I, II *Šašel J.* Bisernice iz belokranjskega narodnega zaklada. Ljubljana. D. I, 1906, D. II, 1909
- Šašel–Ramovš *Šašel J., Ramovš F.* Narodno blago iz Roža // Arhiv za zgodovino in narodopisje II. Maribor, 1936–1937
- Štrekelj *Štrekelj K.* Iz besednega zaklada narodovega // Letopis Matice Slovenske. Ljubljana, 1892
- Štrekelj – LjZv IX *Štrekelj K.* Jezikoslovne mrvice // LjZv IX, 1889
- Štrekelj. Slov. *Štrekelj K.* Slovarski doneski iz živega jezika narodovega. Letopis Slovenske Matice. Ljubljana, 1894
- Tentor – AfsI Ph XXX *Tentor M.* Der čakavishe Dialekt der Stadt Cres (Cherso). (Ein Beitrag zur serbokroatischen Dialektologie) // AfsI Ph XXX, H. 1–4, 1909, 146–204
- Tentor – JФ V *Tentor M.* Prilog Bernekerovu rječniku // JФ V, 1925–1926
- Tentor. Leks. sl. *Tentor M.* Leksička slaganja cresskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika. Razprave – Dissertationes I. Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Ljubljana, 1950
- Tominec *Tominec I.* Črnovrški dialekt. Kratka monografija in slovar. Ljubljana, 1964
- Václavík *Václavík A.* Podunajska dedina v Československu. Bratislava, 1925
- Vaillant III, IV *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Vol. III: Le verbe. Première partie. Paris, 1966. Vol. IV: La formation des noms. Paris, 1974
- Valjavec – LjZv XIII *Valjavec M.* K drugemu sešitku slovensko-nemškega slovarja Wolfovega // LjZv XIII, 1893

- Vasilev 1973 *Vasilev Chr.* Slovenisch und Westslavisch // Slavistische Studien zum VII. Internationalen Slavistenkongreß in Warschau 1973. München, 1973
- Vasilev –
WslJb 1975 *Vasilev Chr.* Möglichkeiten und Grenzen in der Erforschung der urslavischen Wortgeographie am Beispiel lexikalischer Übereinstimmungen zwischen Serbokroatisch und Westslavisch // WslJb 1975
- Vážný *Vážný V.* Glossarium bohemoslavicum. Slovník k »Středověkým listům ze Slovenska« s jazykovým rozbořem. Bratislava, 1937 (= Knihovňa Slovenského archivu, sv. I)
- Vitezović *Matić T.* Vitezovićev »Lexicon latino-illyricum« // Rad JAZU. Zagreb, 1955, 5–49
- Vondrák.
VGr. I, II *Vondrák V.* Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I, II. Göttingen, 1906, 1908; 2. Auflage 1924, 1928
- Vrančičev rječnik
Warsz. *Vončina J.* Vrančičev rječnik // Filologija 9. Zagreb, 1979
- Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. I–VIII, 1900–1927. Wyd. fotooffsetowe. Warszawa, 1952
- WdS Die Welt der Slaven. Wiesbaden
- WslJb Wiener slavistisches Jahrbuch
- Zajceva *Zajceva S.* Specifična slovenska leksika u savremenim čakavskim govorima // Прилози проучавању језика, 3. Нови Сад, 1967
- Zb. otoka
Korčule 1, 2 Zbornik otoka Korčule, 1, 2. Zagreb, 1970, 1972
- ZfSl Zeitschrift für Slawistik. Berlin
- ZfslPh Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig – Heidelberg
- Zoch *Palkovič K.* Oravský idiotikon Ctibora Zocha // Slavica Slova-ca. Roč. 2, 1, 1961

Языки и диалекты

- авест. — авестийский
алб. — албанский
англ. — английский
англос. — англосаксонский
арм. — армянский
аромун. — аромунский
арх. — архангельский
блр. — белорусский
болг. — болгарский
брян. — брянский
буков. — буковинский
венг. — венгерский
венец. — венецианский
в.-луж. — верхнелужицкий
волог. — вологодский
вост.-слав. — восточнославянский
вост.-юслав. — восточноюжнославянский
вят. — вятский
галлороман. — галлороманский
герм. — германский
гот. — готский
греч. — греческий
дат. — датский
диал. — диалектный
др.-англ. — древнеанглийский
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-рус. — древнерусский
др.-фриз. — древнефризский
др.-чеш. — древнечешский
др.-швед. — древнешведский
зап.-слав. — западнославянский
зап.-юслав. — западноюжнославянский
зильск. — зильский
и.-е. — индоевропейский
иран. — иранский
ирк. — иркутский
кайк. — кайкавский
калуж. — калужский
карп. — карпатский
кашуб.-словин. — кашубско-словинский
кельт. — кельтский
кимр. — кимрский
костр. — костромский
курс. — курский
лат. — латинский
лит. — литовский
лтш. — латышский
макед. — македонский
морав. — моравский
неврокоп. — неврокопский
нем. — немецкий
н.-луж. — нижнелужицкий
нов.-в.-нем. — нововержненемецкий
новг. — новгородский
норв. — норвежский
олон. — олонекский
орл. — орловский
перм. — пермский
полаб. — полабский
полесск. — полесский
польск. — польский
праслав. — праславянский
прус. — прусский
родоп. — родопский
роман. — романский
рум. — румынский
рус. — русский
сев.-слав. — севернославянский
сиб. — сибирский
скиф. — скифский
слав. — славянский
словац. — словацкий
словен. — словенский
ср.-англ. — среднеанглийский
ср.-болг. — среднеболгарский
ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий
ст.-польск. — старопольский
ст.-сакс. — старосаксонский
с.-хорв. — сербохорватский
тобол. — тобольский
том. — томский
тох. Б — тохарский Б
тул. — тульский
укр. — украинский
урал. — уральский
франц. — французский
фриул. — фриульский
хет. — хеттский
хорв. — хорватский
хорв.-кайк. — хорватско-кайкавский
цслав. — церковнославянский
чак. — чакавский
швед. — шведский
щчак. — щчакавский
ю.-слав. — южнославянский
яроsl. — ярославский

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

Основная часть рассмотренных выше зап.-юслав. лексических диалектизмов нашла отражение в указателе праславянских и словенских слов. В указатели отдельных славянских языков включены: 1. некоторые слова, участвующие в важных изоглоссных связях, 2. слова, которые не имеют в тексте соответствующей праславянской реконструкции, 3. слова, для которых не очевидна предлагаемая в работе реконструкция исходной формы. Указатели отдельных славянских и неславянских языков даются в следующем порядке: 1. праславянский язык, 2. южнославянские языки (словенский, сербохорватский, болгарский, македонский, старославянский), 3. западнославянские языки (верхнелужицкий, нижнелужицкий, польский, словацкий, чешский), 4. восточнославянские языки (белорусский, русский, украинский), 5. балтийские и другие индоевропейские языки.

Праславянский язык (алфавитный порядок ЭССЯ)

*abređъкъ 187, 199
*amo/*jamo 205
*арьно/*варьно 75, 154
*atra 205
*азь 61, 198
*bagno 30, 34
*barati 32
*bergul'a 148, 199
*bělmo 161, 199
*blizna/*blъzno 92, 205
*bl'uzgati 123
*boleнь/*boleнь 155, 163, 198
*boraviti 31, 206
*bordель/*bordьль 143, 199
*bordь, -ъve 34
*borgъ 30
*borzda/*borzdna 155, 178
*bredьп'ь 201
*bred-ть 201
*britь/*brita 169, 200
*br'uzga 182
*brodja 201
*brojъ 32
*brozdati 116

*bru(k)ть 206
*bukati/*bučati 87
*bъčela 87
*bъкъ 87
*bъrna 33, 34
*bъršъ 179, 198, 202
*bъrtъ 30
*bъrъ 58, 198, 202, 219, 225
*bъšъ 31
*bydlo 30
*bykati/*byčati 87
*bъrakъ 34
*cěsta 169, 200
*civriti 206
*čavъka 206
*čepерь 201
*čepт'ьxa/*čepт'ьša 124, 198, 220, 226
*čeppaxa 123
*čepт'ь/*čepтa 168, 169
*česminъ/*česmina 155
*česnъ/*česno 31
*česrati 39, 164, 165, 199
*četa 31
*čilъ(jъ) 39, 149, 198
*čipъ(jъ) 149, 199
*čulъкъ 150
*čutъ 171
*čьmelъ/*čьmela 142, 198

- *čьrtja 125, 201
 *datja 173
 *deběti 206
 *degъь 30
 *desiti/*dositi 205
 *desnъ(ь) 31, 34, 213
 *dēža 67, 85, 198
 *dęga/*dęgъ 199
 *dęglъ, *dęgt'i 30
 *dobъьс 134
 *dobytja 173
 *dokonati 193
 *dolga 206
 *domoltъь/*domoltъьky 131, 199
 *dorga 71, 72, 85, 200
 *dorъ 67, 85
 *dramiti 102
 *drapъ/*drapa 182, 204
 *drěкъ 59, 200
 *driskati/*dristati 205
 *drolъ 205
 *dromiti 102
 *drъgati/*drъgъtati 92, 102, 198
 *drъmati 102, 199
 *duda 59
 *dumati 97, 98, 219, 226
 *durъ 56
 *dur-/*dvor- 95, 200
 *dъvъzъьka 206
 *dъzъь 34
 *dumat 97
 *dъrbati/*dъrbacati 86, 198
 *dъrstva 174, 198
 *dъržela 142, 201, 221, 227
 *elito/*olito 174, 175
 *elъькъ(ь) 132, 198, 220, 227
 *ěstēja 128, 198
 *ěstva/*ěstvo 174
 *ěstъ 171
 *ěžiti 201
 *ętъje 199
 *gadati 151
 *gajiti 94
 *galica 206
 *ganati 151, 198
 *gatati 151, 206
 *gatъ 170, 198
 *gavъrati 206
 *gazъ, *gaziti 31
 *glom(ěti) 69, 85
 *glqbělъ 141
 *gluda 168
 *gnatъ/*gnatъ 93, 198
 *gnědъ/*gnědъ 57, 198
 *gnida 60
 *gogolъ 30
 *goldja 60, 201
 *golotja 178
 *golъьс 134, 198
 *gomol'a/*gomolъ/*gomulъ 146, 150, 178, 198
 *gręba 80, 85
 *gričъ 135, 136
 *grotъ/*grota 168
 *grozъьba 113
 *grqbъ/*grubъ 60
 *grqda/*gruda 60
 *gruča 129
 *gruditi 60
 *gruxъ/*gruša 183
 *grustъ 60, 170
 *guja 46
 *gvazdati 95
 *gvorъ 96, 199
 *гуга/*гуръ 95, 198
 *xalupa 52
 *xlěbъ 43
 *xlędnqti 68
 *xlqđъ 68, 85, 198
 *xlyđъ 115
 *xolodъьnotja 178
 *xul-/*xyl- 80, 85
 *xъгъькъ 130, 200
 *jegati 201
 *jъгъ 199
 *jъsto, -ese 179
 *jъzgonъ 183, 198
 *jъzgreby 183, 198
 *jъzlogъ/*jъzloga 71, 85
 *jъztějati 152
 *kača 46, 56
 *kadul'a 148
 *kaluga/*kaluža 121, 123
 *kaviti 98, 99
 *kavъь 144
 *kladja 126
 *klad-tъ 171
 *klešъь 126, 198
 *klo(p)n'a 127, 199
 *kodъьga 30
 *kokotъ 177
 *kolnъьс 134
 *koltъь/*koltja 125, 201
 *koltъ/*kolta/*kolto 168, 198

- *komoľ 147
 *koryca 201
 *korbul'a 148, 150
 *korča 126, 201
 *kopravъ(жъ) 135
 *kostylъ 148
 *kovulъ 205
 *kovьrga 201
 *kovьrtja 201
 *krepelъ 32
 *kresati 58
 *krél'a 141, 176, 199, 221, 227
 *krěръ(жъ) 205
 *kregnoti 79, 85, 200
 *krosno 89, 90, 91
 *krqžъ 199
 *krqžьль 143
 *kruxъ 43
 *krъsmati 90
 *krъsno 89, 201, 219, 226
 *krytьba 113
 *ku(ja)ti 98, 99, 100
 *kukъma 161, 201
 *kup'ati 205
 *kvacьь 201
 *kvaka 96, 144
 *kveka 96
 *kьka 87
 *kьlka/*kьlkъ 43
 *kьnastъ(жъ) 180
 *kьněja 198
 *kьrcelъ 32, 33
 *kьrdelъ/*kьrdelo 144, 200
 *kьrgati 118, 123, 200
 *kьrrelъ 32, 33
 *kьrrelъ/*kьrрьль 143, 201
 *kьrшьль 201
 *kьsněti 42
 *kьvati 98, 99
 *kycьma 161, 201
 *kuvati 98, 100
 *laloka 187
 *latiti 94, 219, 226
 *lazqt- 176
 *lega 199
 *lelějati 205
 *leščetъ 30
 *leđva/*leđvo 61, 198
 *lil'ati 206
 *l'ulěti 46
 *l'uspa 205
 *lotiti 94, 219, 226
 *lqсьп'ъ 157, 201
 *lqk(ъ)no 154, 163, 198
 *lqtъka 198
 *luba, *lubъka 30
 *lydъka 92
 *lyстанъ/*lyst-na 155, 199
 *lъzьпъ(жъ) 158, 201, 221, 227
 *madežъ 119
 *maklenъ 187
 *malotja 179
 *marqga/*marqгъ 120
 *masěka 201
 *matoga 120, 123
 *meldьпъ(жъ) 81, 82, 83, 85, 201
 *meltva 174, 200
 *mokrotja 178
 *moldъ(жъ) 81, 219, 226
 *moliti 103
 *molъ/*molъ 68, 85
 *muditи/*mqđiti 42, 45
 *mьdьль 149, 198
 *mьлнпъ(жъ) 201
 *natъ 57, 198
 *nazeba 183
 *nьktju, -ъve 130, 199
 *obava 184
 *objьsto/*objьсть 179
 *o(b)рока 74, 76, 77, 85
 *o(b)рьна 201
 *o(b)рьпъкъ/*o(b)рьпъка 131
 *obskьrdъ 86, 93, 198
 *o(b)тъka/*o(b)tyka 184, 200
 *obvolьсь 69
 *(ob)vьlt- 199
 *ob(v)ьlokъ 130, 200
 *obъza 125
 *oldyga 30
 *olnita 43, 45
 *opuka/*opoka 75, 77
 *ot(ъ)rokъ 72, 85
 *otъль 188, 198
 *raklenъ 191
 *rakolъ 191
 *rakъль 190
 *ramъza 190
 *ragoъ 191
 *ragqбъкъ 191, 199
 *ratul- 191
 *ratъrcъ 191
 *ratъščiti 190, 201
 *raz-kъль 201
 *razъль 126, 221, 227

- *ražь 144
 *pelesь/*pelisa 165, 166, 167, 199
 *pelqđь 114, 201
 *pelti, peljq 104, 105, 106, 219, 226
 *pelti, pelvq 91, 92, 105, 114, 220, 226, 227
 *peltva 174, 201
 *perqt- 176
 *per-сь-legъ 181, 199
 *pěstunъ 157, 198
 *pětexъ 124, 220, 226
 *pětuxъ 124, 177, 220, 226
 *pětyъ 177
 *peđьn'ь 157
 *-peđiti 194
 *plañь 185
 *plexъ/*ploxa/*plaxa 107, 108, 199
 *plesmo/*plesno 201
 *pl'ugъkъ 200
 *ploхъ(jь) 108
 *polъ 171
 *polъtъ 171
 *poręđьnъ 201
 *požьstъ 171
 *potъ 34, 213
 *povaъ 185
 *pozojъ 71, 85
 *prětiti 44
 *pręd-ть 172
 *pri-лъz-ть 201
 *promъka 206
 *proglo 140, 198, 221, 227
 *put-/*pъt-/*pyt- 101, 201
 *pyъ 30
 *pyrga 118
 *pyrxa 118
 *pъxъ 185, 198
 *pъlkati 92, 106, 200
 *pъly 104, 106
 *pъr(x)n'a 127, 201
 *pъstroga/*pъstroгъ 120, 123
 *rěs(k)нъ 31, 153, 211, 221, 227
 *ręb- 80, 81, 85, 119
 *r'ugati 85
 *rqb-, *rqbiti 80
 *rqcelъ/*rqcъly 144
 *ruditi 78, 85, 199
 *rup-/*rъp-/*ryp- 100
 *rutina 156, 163
 *ružiti 78, 85
 *rъdroga 121, 123, 199
 *sěly 138, 150, 201
 *silъ 139
 *skoba/*skaba 93
 *skrěli 141
 *skridlo/*skridly 148, 150, 198
 *slutъ 31
 *smegnqti/*smęgnqti 73, 74, 165
 *smeldъ/*smelda 114, 198
 *smědъ 63
 *smogorъ 73, 74, 85, 165
 *s(ъ)mo-tolka 187, 199
 *smъrdělъ 139, 201
 *snědъ 57
 *snubokъ/*snqbokъ 129
 *sold-tja 89
 *sorga 117
 *sqdol- 192, 200
 *sqdorga 192, 200
 *sqdъra 191, 200
 *sqdъrga 191
 *sqlyd-yga 92
 *sqpěsъkъ/*sqpěsъ 193
 *sqvodъnъ 192, 199
 *sq-voжъ 192, 199
 *sqvora/*sqvorъ 192
 *sqvъra 192
 *stegno 163, 198
 *strъb- 150
 *stud-/*stъd- 88
 *stъgna 151, 163, 198
 *sulъ 96
 *sup-/*sver-/*svap- 96
 *sutъ 71
 *svirěpъ/*svъrěpъ 91
 *sъdorvъ 199
 *sъld- 88, 93, 219, 226
 *s(ъ)motolka 187, 199
 *sъnoga 194
 *sъpředja/*sъpředja 69
 *sъtepyky 131, 201
 *šćul- 150
 *tara 54
 *tekunъ 157
 *-tėjati 152
 *tin'ati 153
 *trapъ/*torpъ (?) 31
 *tropъ 185
 *trunъ/*truna 151
 *trъd(s)- 87, 201, 219, 226
 *trъs-/*trus- 83, 85
 *trъstъ 84
 *tudj- 85
 *tъ(jь)+dъnъ 196

*тыгтыг- 86, 201
 *угьпъ(жь) 163
 *вѣхътъ 179, 199
 *véko 64, 65, 199
 *vitra 173
 *vitva 174
 *vol- 69, 85
 *vogvor- 85
 *vozgъ 164, 199
 *vyl- 88
 *въѣба 113
 *въгхоъ 147
 *въг-въг- 199
 *въсь 43, 45
 *zabyti 46, 193, 199
 zerdmę/-zordъ 80
 *zѣхъ, *zѣxati 123
 *zѣlo/*zѣлъ 43, 45
 *змъѣ 46
 *znojъ 34
 *-zojъ 71
 *zybati 46, 57, 199
 *зылкъкъ(жь) 133
 *zъldъ 115, 116, 200
 *zъvala/*zъvalo 140, 141, 221, 227

Словенский язык

ābranek/jābranek 187, 195, 199, 221, 227
 adręselj 166
 andrōga 121, 199
 āpno/vapno 154, 163
 āškrc/āškrt 184, 186
 aževína 31
 bāk 87
 bār 58, 65, 198, 202, 219, 225
 bāš 31
 báža 125, 128, 201
 bēlmo/bēlno 161, 163, 199
 belúš 124
 blebetáti 197
 bliznìč 92
 bljūzgati 123, 203
 bogor 165, 201
 bōlen 155, 163, 198
 bōlzen 92, 93
 bóvec 69
 brádeļ 143, 150, 199, 200
 brádlja 34
 brákovica 34

brāmba 113
 brazdāti/brzdāti/brozdāti 116, 200
 brazgotína 178, 181, 201
 bregúlja 148, 150, 199
 bręst 171, 181, 201
 brin 52
 brit 169, 181, 199, 200
 brjūzga/brljūzga/brqzga 182, 186, 199, 221, 227
 brōja 125, 128, 201, 220, 227
 brōkati 196
 bršč 179, 181, 198, 202
 búkati 87
 césta 169, 181, 200
 čabráti 197
 čečēt 170, 181, 199, 204
 čékelj 139, 150, 199
 čemēla/čmēlj/čmfij/šmēlj 142, 150, 198, 202
 čepēr 165, 201
 česmīn/česmína 156, 163, 199
 česráti/cesráti 164, 165, 199
 čéta 32
 čil 149, 150, 198
 čimžati/čimžati 188, 195
 čipel 149, 150, 199
 čřča 125, 128, 201, 220, 227
 čřemha/čřemsa/čřenssa/sřemsa 124, 198, 220, 226
 čřepaha 123, 124, 199
 čřēt/čřéta 169, 181, 199
 čúdo 37
 čúlek 138, 150, 201, 202, 204, 220, 227
 čūt 171, 181, 199
 čúžiti, čúžje 59, 65, 199, 204
 dāča 173, 181
 dāmelj 98
 dēga 182, 186, 199, 204
 dēkla 145, 201, 204
 đērbati 86, 198, 202
 dēža 67, 198, 202, 219, 226
 dežéla/dežēl 142, 150, 201, 221, 227
 dimljati/dimlati 98, 110, 199
 dobíča 173, 181, 191
 dōbrc/dobrec 134, 200
 dokonáti 193, 194, 198
 domlātki, dómlatki 131, 136, 199
 Dor 67
 drága 71, 196, 200
 drámiti 102, 103
 drāp/drápa 182, 186, 198, 204

- drbácati 86
 drêmsati/drêmsati 102, 110, 199
 drêselj/drôselj 166
 drêk, drêčen 59, 65, 200, 204, 219, 225
 drgati 92, 93, 198, 204
 drhtáti 92, 102
 drmati 103
 drôga 121
 dromiti 102, 110, 199, 204
 drstev 174, 181, 198
 dúda 59, 65, 198, 204
 dúr 56, 65, 198, 204
 dúri 95, 97, 199, 219, 226
 dúzati 40, 60, 65, 199, 204
 dvôrec/dvôrek 95, 97, 200, 202, 219, 226
 gájiti 94, 198
 gánati 151, 163, 198
 gára/garjáča/grjáča 96, 97
 gât 170, 181, 198, 202
 gir/girja 95, 97, 198
 glája 60, 65, 201, 204
 globêl/globêla 141, 150, 199, 221, 227
 glométi 69, 85, 199, 204
 glúta/glúta 167, 181, 200, 202, 221, 227
 gnât/gnjât 93, 198, 219, 226
 gnêd 57, 65, 198
 gnída 60, 65, 198
 gôlec 37, 134, 136, 198
 golôča 39, 178, 181, 199
 gomóla/gomólja 146, 150, 198
 gomôt, hómot 178, 181, 199
 gonóba, gonobíti 113, 199
 gôr/gorjáča 39, 96, 97, 199
 gòzd 196
 gráhor 165
 gránoselj/gránoselj 53
 grêba 80, 199
 grên, grének 132, 154, 163, 199
 gríc 135, 201
 grôt/grôd 168, 181, 200
 grôzba 113
 grúča 129, 136, 201
 grúdi 60, 65, 170, 198, 204
 grûh/grúša 183, 186, 201
 grúpež, grúpica 60, 199, 202
 grúst/grfst 170, 181, 199
 grúže 125, 128, 199, 204
 gúra 95
 gvazdati 95, 198
 halúpa 53
 handróga 121
 hláča 53
 hladnôča 178, 181, 199
 hlíd 115, 116, 199, 220, 226
 hlíšč 125, 128, 201
 hlôd 68, 198, 204, 219, 226
 homotáti 186
 hřček 130, 136, 200
 húla, húliti 80, 200
 ilika/ilka 132, 136, 198, 220, 227
 ir, irín 61, 199, 204
 istéje/istje/ostéja 128, 198, 220, 227
 izgòn 183, 186, 198
 izgrebí 183, 186, 198
 izròk 72
 jatra 40
 jégati 60, 65, 201, 204
 jelita/olito 175, 181, 198, 221, 227
 jérek, zérek 132
 jêst 171, 181
 jêstva 174, 181, 198, 204
 jêtje 172, 181, 199
 jêz 62, 65, 198, 203
 jêžiti/ježiti 61, 201, 204
 júrica 135, 136, 198
 kábrnek/kávrnek/kávrna 188, 189, 195, 199, 221, 227
 káča 46, 56, 65, 201
 kadúlja 148, 150, 201
 kalúža 121, 198
 kân/kâp 185, 186, 201, 202, 221, 227
 kávelj 144, 150
 kêka 87
 kêl 190
 kíčma 161, 163, 201
 klač 125, 128
 klája 125, 128
 klánec 134, 136, 201, 204, 220, 227
 klâst 171, 181, 201
 kláta 168, 181, 198, 204
 klêšč 126, 128, 198
 klônja 127, 128, 199, 220, 227
 knjàst 128, 180, 181, 201, 202
 Kneja 128, 198, 220, 227
 kokôt 177, 181, 198
 kòlk, ku:k 43, 44
 komízgati 189, 194, 200
 komôl 147, 150, 198
 kopríca 188, 195, 201
 koprnéti 161, 163, 200
 korus 124, 199, 220, 226

- kostilja 148, 150
 kovrčeje 189, 195, 201
 krabúlja 148, 150, 199, 202
 kráča 126, 128, 201
 krápavica 135, 136, 199
 křčalo/krčel 33
 krdělo/krděl 144, 150, 200
 krelje 141, 150, 199, 221, 227
 kréljut 176, 181, 201
 krepél/krpèlj 32
 krésati 58, 65, 198
 křgati 118, 200, 220, 226
 krítba 113
 krmézelj 119, 123, 201
 krqž 126, 128, 199
 krózelj 143, 150, 199
 krpèlj 143, 150, 201
 krsěj 142, 150, 201
 krùh 43
 křzma 89, 91, 93, 201, 219, 226
 kúča 126, 128, 199
 kuja 100, 110, 199
 kújati se 98, 110, 210
 kúkma 161, 163, 201, 202
 kúljhati 123, 199
 kúzla/kúzlja/kuzlo 149, 150, 198, 221, 227
 kvácelj/kvákelj 96, 144, 150, 201
 kváka 96, 97, 198, 200
 kvěčiti 96
 kvěka 96, 97
 kvřga 189, 195, 201
 láloka 187, 194, 198
 lanita 43
 lapet 196
 látiti (se) 94, 201, 219, 226
 látki 92, 93, 199
 lázen, láz 158, 163, 201, 221, 227
 lazútelj, lazútati 176, 181, 199
 lédvije/lédovje/lédje 61, 65, 198, 202
 léga 183, 186, 199
 léhet 179, 181, 201
 listánjek 155, 163, 199
 lítka 92
 lobánja/lubánja 155, 163, 199
 lócen/lócenj 157, 163, 201
 lóknø/lukno 154, 163, 198
 lotíti se 94, 201
 lötka 130, 136, 198
 loza 196
 macès/macésen/masosen 187, 195, 201, 221, 227
 mádež 118, 119, 123, 199
 maklèn 187, 195, 201
 makúžav 187, 195, 201
 málegi 122, 123, 199
 malqča 179, 181, 199
 marqga 120, 123, 200, 220, 226
 máseka 187, 195, 202
 matoga 120, 199, 220, 226
 medèl/medl 81, 149, 150, 198
 mlámol/mlamqla 68, 85, 200
 mléden 81, 82, 83, 85, 199, 201, 219, 226
 mlětva 174, 181, 200
 močvára/močvár/močver 164, 165, 201
 mól 68
 moléti/molíti 103, 110, 191, 205
 mólnjen/múnjen 158, 163, 201, 221, 227
 motoròg/motorqga 121, 123, 201, 202, 220, 226
 náčke/nečkè/mečkè 130, 136, 199
 nāt 57, 198, 204
 natáče 136, 201
 nazēba 183, 186
 ničēmuren 54
 obáhten 167, 181, 199
 obáva 184, 186, 199, 221, 227
 obīst/obīstje 179, 181, 201
 òblok 130, 136, 200, 220, 227
 obrēst 172, 181
 obrūten 172, 181, 199
 odámelj 98
 odmeti (se) 31, 98
 odškřt/odškřc 184, 186
 odum 98
 okréginiti 79, 200
 opānek/opānka 131, 136, 201, 220, 227
 qpna 184, 186, 201, 221, 227
 opqka 74, 219, 226
 orožek/orūžek 78
 oskřd/oskřda 86, 93, 198, 204
 osmléda 114, 116, 198
 osutíne 171, 181, 198
 qtel/qtla/vqtel 188, 194, 195, 198, 200
 otínek 153
 qtka/otika 184, 186, 200
 otròk 72, 198
 ozdíti 62, 65, 199, 202, 219, 225
 qzger 164, 165, 199
 ozim 185, 186, 201, 202
 ozobína 156, 201

- padavína 156
 pàh/pèh 185, 186, 198
 pákelj 190, 194, 199, 221, 227
 páklez 191, 195
 páklen 191, 195, 199
 pákol 191, 195, 199
 pámolje 191, 195, 201
 pàmž/pámža 190, 195
 párkelj 191, 195, 201, 202
 parqbek 191, 194, 199
 pàròj 191, 194
 páščiti se 190, 195, 201
 patrč 191, 195
 patùljak 191, 195
 pàtvqr 191, 195, 201
 páuterki 191, 201
 pàž/pàža 126, 128, 199
 páželj 144, 150, 221, 227
 pečka, pička 101
 péden/pédenj 157, 163, 199
 pèlek/pelka/peljka 131, 136, 199, 220,
 227
 pelès/pelisa 165, 199, 205
 pelod 114, 116, 201
 penjáca 136, 201
 peráčec/perèčec 175, 181, 200
 perüt/perüta/peröt 176, 181, 200
 pestrúga/pestróga 120
 pestün 157, 163, 198, 200
 pétèh 124, 220, 226
 pétel 124
 pír 94, 201
 pírh/pírha/pírih 124, 201
 pírgast 118, 123, 201
 pít 172, 181
 pítan, putân 101
 píta 101
 plàn 185, 186, 200
 plát 171, 181, 200
 pláti póljem 104, 110, 199
 plèh, na pleh orati 108, 110, 200
 plèh/plóha 107, 110, 199
 pléhek 108, 133, 200
 pléka, plíka 131
 pléme/plémen 161, 163, 201
 plésmq/plésnoq 162, 163, 201, 205
 plèst/plèsta 162, 172, 181, 201
 plèti, plévem 131
 plètva 174, 181, 201
 plígek/plíhek/plúhek 133, 136, 200,
 220, 227
 pogrètina 173
 pogrín 185, 186
 pòl 106
 poljína 156, 201
 pomitki 173
 pomlád 54
 poréden 160, 163, 201
 pqrren 159, 201, 221, 227
 posèst 172, 181, 201
 posnètek 173
 pošást 171, 181
 povál 185, 186
 povqj/povij 126, 128, 201
 povretina 173
 pozòj 71, 199, 219, 226
 prèkla 141, 150, 201
 preòr/prèvor 184, 186, 201
 presenétiti 194, 195, 201
 preslègast 180, 181, 199
 prèst 172, 181, 201
 prètíti 44
 pretqsek/pritqsek 71, 200, 219, 226
 prilast 172, 181, 201
 pripetíti se 194, 195, 201
 prismegniti 73, 199
 pfnja 127, 128, 201
 prqglo/prqgel/prqgla 140, 150, 198,
 221, 227
 pròj 69, 202
 próstec/prostíca 135, 136
 púcati 91, 93, 200
 púšiti 196
 put/púta, pútiti se 101, 200, 204
 rašelj/rášlja 143, 150, 201
 raz-rutína 156
 rdésen/redésen/rdéselj 166
 rēbati, rebēn/rēbelj 80, 199, 204
 rédcina 156, 163, 201
 repèč/ripèč/rupèč 100, 110, 201
 résen, řes 31, 153, 163, 205, 221, 227
 řesek 62, 65, 201, 202, 205
 rípití, rípeti 100
 rqcelj/rúcelj 144, 150, 201
 ródití/rudítí 78, 199, 204
 rostoha 169, 181, 199
 rotína, rutina 156, 163, 195
 rúgati se 79, 200, 204
 rúlití 150, 201
 rūpeti 100, 199
 rúž, ružína 78
 rúžití 78, 199, 200
 sèd 185, 186, 201
 sèl 139, 150, 201, 202, 205, 220, 227

- sesutína 171
 sil, silje 139, 150, 201, 220, 227
 sípor 165
 skába 93, 199
 sklabotína/šklabôt 177, 178, 181
 sklát 185, 186
 skřček 130
 skrđi 86
 skríl/skríla/skrílo 148, 150, 198
 skrótina 156, 201
 skújati 98, 99
 slà 88, 93, 219, 226
 slít 31, 181, 201
 smêd, smêdav 63, 65, 202, 219, 225
 smetílĵ 148, 150, 201
 smlêd 114, 220, 226
 smódrġa 188, 201
 smogór, smogur 73, 165, 199
 smotláka 187, 194, 199, 221, 227
 smrdêl/smrdêla 139, 150, 201, 203
 snóbok/snúbok 129, 199
 snóga 194, 195, 200, 204
 snúđiti se 116, 201, 205, 220, 226
 snútek 172, 181, 199
 sódolica/sódolina 192, 195, 200
 sódra 191, 195
 sódraga 191, 192, 195, 199, 221, 227
 sódrġa 191, 200
 sopêsek 193, 195
 sôra/svôra/sovôra/sôvra 192, 195, 205
 sot 62, 65, 200, 205
 soten/sonten 62, 65, 200, 204
 sovôden 192, 194, 199
 sovôĵ 192, 195, 199
 spelude/špelúd 114, 220, 226
 spitek 101, 110, 201
 spláhniti/splahnéti 108, 200
 spomlád 54
 spròĵ/sprôĵe 69, 85, 200
 sprosti 69, 85, 170, 181, 201, 205, 221, 227
 srága 117, 123, 201, 202, 220, 226
 srp/srêp 91, 93
 stegnà/stegnè 151, 163, 198, 221, 227
 stégno 154, 163, 198
 stênj 152, 163, 201, 221, 227
 stêpka/stêpki 131, 136, 201
 stôgla/stôgelĵ 140, 150, 200
 strbálĵa 147, 150, 200
 strôu, stráva 40, 199
 strtína 173
 strúsast 83, 85, 202
 strž 126, 128, 200
 studénc 88
 sůček 131, 136, 201
 sůl 40, 96, 97, 205, 219, 226
 sůliti (se) 96, 150, 201
 sůplĵe 96, 201
 svédok 129
 svépati/švépati/šépati 39, 96, 97, 199
 svéženĵ 158
 svíz 126, 128, 201
 šćúlitĵ, šćúlitĵ 137
 šćúljek/šůlj/šůljek 137, 138, 150, 199, 202, 220, 227
 šipráka/šópraka 193, 195, 201
 škřt 184, 221, 227
 švapítĵ 96
 tára 54
 távati/tavljáti 63, 65, 201
 téden 196, 200
 tekún 157, 163, 199
 tekút/tekúta 176, 201
 tère, tere 195, 201
 tésnc 134, 136, 201
 tinĵati 153
 trabi/trábĵe/trêĵĵe 63, 65, 201, 205
 trček 130, 136, 220, 227
 trèn, trének 185, 186, 201
 tresèt 177, 181, 201
 trének 132, 136
 trípati 110, 132, 199
 tríniti 109, 200
 trôp, tropíne 185, 186
 trpoléti 109, 110
 trs 83, 84
 trsiti se 87, 93, 201, 219, 226
 trš, tršelj 83, 84
 trtráti 86, 93, 201, 202
 trun 151, 163, 199
 trúsnat 83, 85, 201
 trzen 159, 163, 201, 221, 227
 túĵ 80, 85, 201
 ulĵĵe, ulĵesa 70, 88
 ūren 160, 163, 199
 uzpitnih rotah 101
 vâda 93, 202, 219, 226
 vás 43
 vêĵ 64, 200
 vêhet 179, 181, 199
 vêk 196
 vêko/vêka 64, 65, 198, 200, 204
 vêzniti 64, 65, 202
 vêželĵ 143, 150

- víba 113, 202
 vígred 53
 vílaz 53
 vilovína 88, 93, 199, 204
 víš 64, 65, 219, 225
 vítra 173, 181, 200, 204, 221, 227
 vítva 174, 181, 199, 204, 221, 227
 voleki 69, 70, 204
 vózger/ózger 164, 165, 199
 vrétje, vrétina 172, 173, 181, 202
 vrhól 147, 150, 199
 vrvráti 85, 93, 199, 219, 226
 vzpomlad 54
 zábíti 46, 193, 194, 199
 zábrnki/závrnki 189
 zavôlek, zaôlek 69, 70
 zbrôja, zbrôda, zbrôdi 125
 zdê nec 88, 93, 202
 zêh 123, 124, 133
 zêhek/zêhek/zólhek/zolkek 132, 133, 136,
 202
 zêlô 43
 zgrèbi 183
 zíbati 46, 57, 65, 199
 ziják 129, 136
 ziját 172, 181, 202
 zijût 175, 202
 zlôga 71, 199
 zmiĵ 46
 znûbelj 146, 150, 202
 zóna 196
 zorica 80, 85, 199
 zûbelj/zûblja 145, 146, 150
 žêl 139, 150, 202
 žíma/žínja 151, 163, 200, 221, 227
 žrtjè 172, 181
 žúlĵ 115, 116, 200, 220, 226
 žvála 140, 150, 220, 221, 227
- Сербохорватский язык**
- adreseĵ 166
 androga 121
 bôgav 165
 brâzgot, brâzgotina 178
 brožđiti 116
 брѣн 52
 čaklja, čekljun 139
 čula 138
 čûžiti 59
 дѣкла 145
- dramusât 102
 dresen, dresan 166
 дър 95
 hliđjeti/hlidi 115
 gûra, gûrav 95
 iskaviti 99
 jûričica 135
 kâuka 144
 komizgati se 189
 komoliti 103
 крмежалъ 120
 křsmati/křzmati 89, 90, 91, 93
 křšel, křšjeĵ 142
 kuja 100
 kûzla 149
 kvaceĵ 144
 kvřga 189
 listaňak 155, 163
 lûbaňa 155, 163
 môčvar/močvâra/močvir 164, 165
 motoruga/matoroga 121, 122
 natikače 136
 ničemuran 54
 ôpna 184
 osenétiti 194
 osut, usôĵtina 171
 ôškřt 184
 ošpiten, ošpitno 101
 ôzđić 62
 ozobína 156
 pâkljav 190
 parkaĵ, parkeĵ 191
 pènača 136
 pèrût 176
 pôredan 160, 163
 pošast 171
 pôvĵje 126
 prekla/prĵklja 141
 presenetiti (se)/presnetiti/presnĵetiti
 194
 primaliće 53
 proleće 53
 prostac/proštac, prostica 135
 púkati 92, 200
 rašja 143
 разбой 54
 rdes, rdesan 165
 redina 156
 repečiti 100
 rêska 153, 205
 řga 189
 ruĵiti 150

Rust 169
 smlêd 114
 smúdati 116
 Snoge 194
 snutak 172
 stêñ/stîjenj 152, 163
 stînjati se 153
 svêžanj 158
 sviž 126
 šepav 97
 šcut 138
 tavûnit 63
 têkut, têtut 176
 têt(e)/tare 195
 tesnac 134
 til 150
 trâblje 63
 trčújak 131
 trèn 185
 trêset 177
 trs 84
 trsiti se 87, 93
 trša 84
 trzan 159, 163
 tud, tûj 80
 viba 113
 viš 64
 zâputalica 101
 zdên, zdénac 88, 93
 zublja 145

Болгарский язык

брадѣл 144, 200
 брита 169, 181, 200
 в'агаф 64, 200
 гатам 151
 глужд, глужь 168
 добрец 134, 200
 дагъ, ср.-болг. 182, 200
 драмѣшкам 102
 дрѣска 40
 жѣлдѣ ме 115, 200
 жвалó 141, 200
 замилавка, замилявок 104
 клопка 127
 кóпр'ъ съ, кóпрѣм 161
 креснак 90
 кълка 44
 лъхна 40
 марушка, мара 120

Мламом, мламолец 85, 143, 200
 мочар, мочур 164
 оглутка 168, 200
 опíнец/опинок/опинък 132
 перещецъ 175, 181, 200
 плат 171, 181, 200
 пол'вам 91, 93, 200
 прагли 140, 150
 преплахнувам 108, 109, 200
 пролет 53
 пьприца 188
 пьстърва 120
 разбой 46, 54
 ригам 78, 79, 200
 свърга 189
 спрѣжда/спрѣжда 69, 85, 200
 судражица 192, 195, 200
 Съдоля 192, 195, 200
 теснина 134
 юрвамъ 165

Македонский язык

бог 165
 квака 96, 200
 опинок 132
 трси, трсиште 84

Старославянский язык

*В указатель старославянских
 слов включены также
 церковнославянские образования*

азъно, цслав. 31
 вишь, цслав. 64
 вклати 70
 вѣко 64, 200
 измзлаци, цслав. 104
 кръсмати, цслав. 89
 кзвати, квати, цслав. 99
 кзкхна, кзкхнъ 87
 кыти, цслав. 99
 обистне, цслав. 179, 181
 оврѣстнѣх, цслав. 172
 одзмѣти, цслав. 98
 ослзхжти, цслав. 88
 гѣстоуна 157, 200
 рѣсьна, рѣсьнота, цслав. 31, 153, 200
 свепити сѧ, цслав. 97

сврѣлѣ, *цслав.* 91
спыти, испыти 101
трьса, тръсьне, *цслав.* 84, 85
жтълѣ 188, 195, 200

Верхнелужицкий язык

hrjaba 80
kuzło 149
mjecy 130
mlětva 174
mórg 120
paža 126
plóc 104
rudzić 78
sploh 107

Нижнелужицкий язык

grěba 80
jurica 135
njacki 130
wawriś 85
zruziś 78

Польский язык

czużać się 59, 204
drygać 92
dura, *ст.-польск.* 95
duda 60
głąbiel/głębiel 141, 150
grupa 60
gruz 125
grzęba 80
jabrząd 187, 189
jurny 160
jurzyczek 135
kłonia 127
koruszek 124
krąż 126
kulgać, kulhać 123
lega 183
lubania 155, 163
łyśnie 155
marąg 120
matoga 120
moczar 164
niecka, niecki 130

obawa 184
ozd 62
putyna, pytyna 101, 204
wierzchol 147, 150
więzel 143
wstęga 140
wzdreğa/wzdreka 121

Словацкий язык

cesta 169
dóren 95
dražiak 72
driek, dričny 59, 204
chrček 130
chúlit' sa 80
hrotek 168
kloňa 127
komzit' sa 190
krđel' 145, 150
kres 90
kúzlo 149
mátoha 120
nácek 130
obava 184
oblok 130
otka 184
paže 126
plan 185
pleh 108, 110
pluhák 133
prétos 72
snoha 194, 195, 204
sotit' 62
stuhel/stuhl'a 140, 150
styk 185
šperutki 176
štrbák 147
trčník, trčul'a 131
vrvat' 85
žinka 151, 163

Чешский язык

cesta 169
brozdati se 116
dremlit 102, 110
druka, *ст.-чеш.* 121
dřík 59
dudy 60

dužnit 60
 hrot 169
 jabřadek, jabřadka 187
 jřice, juřica 135
 karuřina 78
 komzit' 190
 koprněti 161
 kotře 131
 kouzlo 149
 krdel/krděl/křdel' 145, 150
 krhati, krhavý 118
 křehnouti 79
 kuřeba 100, 110
 kulhavý 123
 líha, l'íha 183
 mátoha 120
 návolavý 69
 necky 130
 obava 184
 otka 184
 ozdítí, *ст.-чеш.* 62
 paže 126, 144
 perut', peručí 176
 podražec 72
 ruditi, *ст.-чеш.* 78, 204
 řihati 79, 204
 sotiti, *ст.-чеш.* 62, 204
 spruhlo 140
 strboul, strbel 147, 150
 svízel 143
 tpočiti 110
 tyden 196
 ušket, úskrt(í) 184
 vitra 173, 204
 vltat', Vltava 167
 vrávor 85
 vrchol 147, 150
 žině 151, 163

Белорусский язык

азарод/азярод 80
 газ 31
 гламат' 69, 204
 гоноб 113
 драбы 63
 ёлкі 132
 зерема, *ст.-блр.* 80
 зубель 145, 150
 плёха 107, 110
 пушыць 197
 яврудзь 187

Русский язык

веретье 173
 волтóшиться/волтóжиться 167
 выль 70, 88, 93, 204
 вязель 143
 гворь, *др.-рус.* 96
 гонобить 113
 гремѣждь/громѣждь/грѣмѣждь,
др.-рус. и цслав. 119
 грусть 170, 181
 дромóза, дромозить 102, 204
 дрыгать 92
 дрябы 63
 дуда 60
 дузить 60
 дгыи, *др.-рус.* 95
 дымъ, *др.-рус. и цслав.* 98, 110
 излогъ, *др.-рус.* 71
 йрей 61, 204
 истык 185
 кру́ча 156
 кúзлó 149
 куява 100, 110
 лазута 176, 181
 меледá 82, 83
 нерока 72
 обрюта, обрюток, обреуток 172, 181
 пела, пельки 131
 раха, рахать 143
 ребез, ребезок 81, 204
 ружа 78
 руст 169, 181
 сноубокъ, *др.-рус.* 129
 снúтка 172, 181
 судорóжица 195
 текун 157, 163
 трипéлый 110
 грун 151, 163
 чеклúха 139, 150
 чéчét 170, 181, 204
 чужой 80
 чуть 171, 181
 юркий 160

Украинский язык

вирий, йрий 61
 воло 70
 гвор 96
 грань, грянь 154, 163

дремѣнути 102, 110
 коворѣток 189, 195
 комизитися 190
 коропѣвица 135
 куѣ 100
 маляг'а 122
 озница 62
 присотѣтися 63
 скаба 93
 скрут 156
 смовдь 114
 сулдыга 92, 93
 сутка 62
 чѣкал 139, 150
 ѣриж 135
 ѣрныѣ 160

Латышский язык

aīle 88, 204
 blaužģēt 123, 203
 čužas 59, 204
 dauzt 60
 Dēkla 145, 204
 drudzis 92, 204
 dūre, dūris 95
 dzeinis 151
 ērškis, ērkšis, ērkšķis 62, 205
 ēstuve 181, 204
 gaīda 60, 204
 glemzt 69, 204
 grīva 135
 grūži 125, 204
 gūrāt, gūrāties 96
 jēgt 61, 204
 jūra, jūre 61, 160, 204
 kalns 134, 204
 kaīts 168, 204
 kamuōls 147, 150
 kikuts 170, 204
 klans 134, 204
 mala 104, 205
 pelēt 165
 putns 101
 raūdāt 78
 rudināt 78
 rūgt 79
 sēkla 139, 205
 sklānda 68
 smeřdelis 140, 205
 snaūda 116, 205

strupulis 147, 150
 suōvara 192, 195
 sūtu, sūtiti 62, 205
 svāls, svāla 40, 96, 205
 šķāute 138
 šķērst 87
 taījāt 63
 trāba 64, 205
 traūds 87, 93
 truši 85
 vads 94
 vāks 64, 204
 valnis 70
 vāzt 64
 vītra 173, 181, 204
 žaunas 141

Литовский язык

aižyti 61, 204
 apvalūs 70
 aūlas 88, 204
 bliauzgōti 123, 203
 burnà 33, 203
 čiaūžti 59, 204
 daudytė 59, 204
 daūžti 40, 204
 dėšinas 31
 drāmyti 102, 110, 204
 draīkas 59, 204
 drāpanas 182, 186, 204
 drugys 92, 204
 drūska 40
 erškėtis, erškėtys 62, 205
 gāmalas, gāmulas, gamulys 146, 150
 geīnis, geinys, genys 151, 163, 221,
 227
 gleñžti 69, 85, 204
 graudinti, grūdžiu, grūsti 60, 204
 grāužas 125, 128, 204
 gūras 96
 gūrinti 96
 jāura 160
 jūra 61, 204
 kalnas 134, 136, 204
 káltas 168, 181, 204
 kamuolys 147, 150
 kekūtis 170, 181, 204
 kermušė 124
 kerplė 33
 kiaulė 138, 150, 204, 220, 227

l̥yg-mala 104, 205
 nōterē 57, 204
 nuō-daras 67
 nuogalda 60, 204
 ožys 61
 pa-selys 139, 150, 205
 paūtas 101, 204
 pelésiai 165, 205
 plāsnas 162
 plesnà 163
 raiškūs 153, 163, 205
 raudóti 78, 85, 204
 rémbėti 80, 204
 riaugėti 79, 204
 rusėti 169
 sávara, sávaras 192, 195, 205
 sékla, séklà 139, 205
 sitù, sist 63, 204
 siūsti, siunciu 62, 205
 skiáute 138
 sklandà 68, 85, 204, 219, 226
 skriėti, skrejù 141, 176
 skrylis 148, 150
 smirdalas, smirdėlius 139, 140
 smógos 74
 snagà 194, 195, 204
 snaudà, snauduliúoti, snáusti 116, 205
 sprastas, spranastas 69, 85, 170, 181,
 205, 221, 227
 strupulis 147, 150
 tařpas 64
 taujóti 63
 trepinėti 110
 trapinėti 110
 triūsas 87, 93
 trobà 64, 205
 trušis, triušis 84, 85
 vādas 94
 vālas, valinys 70, 85, 204
 vikšvā, viksvā 64
 vóka, vókas 64, 204
 vóžti 64
 vytuvaĩ 174, 181
 žiáunas 141

Прусский язык

aulis 88, 204
 caltestis-klokis 168, 204

coestue, coysnis 169
 dūrai 56, 204
 grēiwa 135
 iūrin 61
 laitian 175
 noatis 57, 204
 plasmena 163, 205
 queke 57, 96, 97
 scurdis 87, 93, 204
 wissene 64
 witwan 174, 181, 204

Германские языки

Aal, нем. 175
 azgō, гот. 62, 202
 barr, др.-исл. 58
 bi-smeiten, гот. 63, 202
 Borste, нем. 179, 181, 202
 cloud, англ. 167, 181, 202
 daigs, гот. 67, 202, 219, 226
 gnitta, норв. диал. 60, 202
 graup, група, норв. 60, 202
 hiuhma, гот. 161, 163, 202
 humbal, др.-в.-нем. 142, 202
 Lende, нем. 61, 202
 schiel, ср.-в.-нем. 138, 150, 202, 220,
 227
 sind, др.-в.-нем. 62
 smīzan, др.-в.-нем. 63
 smolder, ср.-англ. 115, 116
 Sülze, нем. 89, 93
 Teig, нем. 67
 zirben, ср.-в.-нем. 86, 202

Древнеиндийский язык

āsa-h 62
 bhṛṣṭih 179, 181, 202
 dehī-, deha 67, 202
 dara- 67
 dramati 103
 drāpih 182, 186
 dṛbhāti 86, 202
 gātú- 170, 181, 202
 mrdús 81
 putras 101
 skāuti, skunāti 138

Латинский язык

āreō 62, 202
collis 134
Corbulo, -onis 148, 150, 202
ārūgō 79
far, farris 58, 202
fūnis 151
lumbus 61, 202
mollis 81
pellō pulī 105
rūga 78
trab(ēs) 64

Obdelava in natis s programom STEVE Primoža Jakopina
Peter Weiss

Računalniški vnos
Jože Sever, Silvo Torkar in Peter Weiss

Korekture
Franc Jakopin, Jože Sever,
Silvo Torkar, Peter Weiss in Janez Zor

Tisk
Tiskarna Pleško, Ljubljana

Izdajo je omogočilo
Ministrstvo za znanost in tehnologijo Republike Slovenije

Po mnenju Ministrstva za kulturo Republike Slovenije št. 415-279/92
z dne 24. 3. 1992 je publikacija uvrščena med proizvode,
za katere se plačuje 5-odstotni davek od prometa

ISBN 86-7131-067-1